ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ДАВЛЕТБАЕВА ВАРВАРА БОРИСОВНА

СЛУЖЕБНАЯ БИОГРАФИЯ С.Т. АКСАКОВА (1808–1839 гг.): ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Е.Б. Емченко

Москва – 2021

Оглавление

Введение……..…4

Глава 1. Историографический очерк……...15

Глава 2. Биографические сведения о С.Т. Аксакове в период его государственной службы……44

Глава 3. Типологический анализ и классификация источников служебной деятельности С.Т. Аксакова (1808–1839 гг.) ……54

3.1. Делопроизводственная документация…….56

3.2. Мемуары как источник служебной биографии С.Т. Аксакова……..….71

3.3. Частная переписка……...78

3.4. Источниковедческие аспекты работы

С.Т. Аксакова-цензора……..…86

Глава 4. Служебная карьера С.Т. Аксакова по новым источникам (1808–1839 гг.)…… ……115

4.1. Мотивы поступления на государственную службу……..…….…….…..116

4.2. Служба в Комиссии составления законов (2 июля 1808–30 сентября 1810 гг.) и Экспедиции о государственных доходах (1 октября 1810–16 октября 1819 гг.) ……...125

4.3. Служба в Московском цензурном комитете

(22 июля 1827–28 октября 1827 гг.) …….……133

4.4. Исправляющий должность председателя

Московского цензурного комитета (28 октября 1827–8 декабря 1828 гг.). 142

4.5. Чиновник для особых поручений при Департаменте Министерства народного просвещения (25 января 1829–31 мая 1830 гг.)…….…….… 154

4.6. Сторонний цензор Московского цензурного комитета

(31 мая 1830–23 февраля 1832 гг.) ……..158

4.7. Инспектор Константиновского землемерного училища

(19 октября 1833–27 мая 1835 гг.). …… 184

4.8. Роль С.Т. Аксакова в преобразовании

Константиновского землемерного училища в Константиновский межевой институт……194

4.9. Директор Константиновского межевого института (28 мая 1835–24 января 1839 гг.) ……202

4.10. Педагогические принципы ……237

Заключение……247

Список сокращений……..……252

Источники и литература…….…….254

Приложения……267

Приложение 1. Письма С.Т. Аксакова к невесте О.С. Заплатиной. 1816 г..…… …..……..……...267

Приложение 2. Письмо С.В. Капниста С.Т. Аксакову. 15 мая 1816 г. ……268

Приложение 3. Письма С.Т. Аксакова к жене О.С. Аксаковой. 1836 г...… 270

Приложение 4. Письма князя П.Д. Козловского С.Т. Аксакову……295

Приложение 5. Отчет/отношение ревизующего сенатора Межевого департамента Правительствующего Сената И.У. Пейкера министру юстиции Д.В. Дашкову от 24 октября 1833 г. …….299

Приложение 6. Аттестат о службе С.Т. Аксакова в Комиссии составления законов с автографом М.М. Сперанского……301

Приложение 7. Преподавательский состав Константиновского землемерного училища (1833 – 1835 гг.) ……302

Приложение 8. Преподавательский состав Константиновского межевого института (1835 – 1839 гг.) ……308

Приложение 9. Список воспитанников Константиновского межевого института с показанием прибыли оных в течение 1837 г. и с означением их лет, происхождения и нравственных качеств……..……....314

Приложение 10. Список воспитанников Константиновского межевого института в 1838 г. с указанием года поступления, происхождения и нравственных качеств…….341

Введение

Актуальность темы исследования определяется, прежде всего, возросшим в последние годы общественным и научным интересом к семье Аксаковых.

Сергей Тимофеевич Аксаков известен как писатель и отец известных сыновей-славянофилов. Вместе с тем более двадцати лет он посвятил государственной службе. Источники изучения его служебной биографии отличаются разнообразием по своему происхождению, типологии, степени информативности и т.д. Только их комплексное изучение дает возможность реконструировать эту малоизвестную страницу жизни Сергея Тимофеевича, подробно остановиться на изучении его человеческих качеств, которые проявились на государственной службе, а также оценить его вклад как чиновника в развитие ведомств, в которых он служил. Тем самым исследуемая тема дает материал для развития таких направлений исторической науки, как социальная история, история повседневности и историческая антропология.

Объектом исследования стали неопубликованные и впервые введенные в научный оборот исторические источники, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ), Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА), Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ), Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА), Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (далее – РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН), Центральном государственном архиве города Москвы (далее – ЦГА Москвы), Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (далее – КФУ НБЛ ОРРК), а также опубликованные источники и литературно-публицистические произведения С.Т. Аксакова, мемуары и переписка современников.

Предмет исследования – комплексное изучение всех выявленных источников, результатом которого является реконструкция служебной биографии С.Т. Аксакова с 1808 по 1839 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1808 по 1839 гг**.** Нижняя хронологическая граница связана с годом поступления на службу в Комиссию составления законов. Верхняя хронологическая граница связана с годом увольнения из Межевого ведомства.

Большая часть рассматриваемых источников была создана в период служебной деятельности с 1808 по 1839 гг. Вместе с тем привлечены к исследованию источники более позднего периода: его собственные мемуары – «Семейная хроника» и «Воспоминания» (1856)[1], «Детские годы Багрова-внука» (1858)[2] и мемуары современников; семейные альбомы Аксаковых, хранящиеся в Государственном историко-художественном и литературном музее-заповеднике «Абрамцево» и РГАЛИ, содержат записи Сергея Тимофеевича о цензурной деятельности и относятся к 1848 и 1857 гг.; делопроизводственные документы. К самым ранним относятся делопроизводственные документы Комиссии составления законов. К самым поздним – грамота о присвоении С.Т. Аксакову знака отличия за двадцатилетнюю беспорочную службу (1841) и делопроизводственные документы по упразднению Строительного комитета Константиновского межевого института в связи с окончанием перестройки зданий (1843).

Целью диссертационного исследования является анализ всего комплекса исторических источников с тем, чтобы восстановить служебную биографию С.Т. Аксакова.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

---

[1] Аксаков С.Т. Семейная хроника и Воспоминания. М., 1856.
[2] Аксаков С.Т. Детские годы Багрова–внука, служащие продолжением Семейной хроники С. Аксакова. М., 1858.

1. Выявление и характеристика исторических источников по служебной деятельности в Комиссии составления законов (1808–1810 гг.), Экспедиции о государственных расходах (1810–1819 гг.), в Московском цензурном комитете (1827–1832 гг.) и в Межевом ведомстве (1833–1839 гг.);

2. Анализ основных сведений, полученных в результате комплексного изучения выявленных источников: мотивация поступления на службу; причины смены служебной деятельности; определение лиц, оказавших содействие в служебной деятельности; отношение к служебным обязанностям; личностная характеристика Сергея Тимофеевича;

3. Характеристика его общественной и литературной деятельности в период государственной службы;

4. Изучение вклада в развитие Московского цензурного комитета и литературы на должности цензора, а также в процесс реформирования Константиновского межевого института.

Степень разработанности темы. Исследовательская литература, относящаяся к проблематике темы, систематизирована в хронологическом порядке: анализируются дореволюционные работы, историография советского периода и современные исследования.

Несмотря на существующую обширную историографию служебной деятельности С.Т. Аксакова, представленную в первой главе диссертации «Историографический очерк», отдельные аспекты этой темы остались незатронутыми исследователями до настоящего времени. Исследовательская литература не включала комплексный анализ архивных и опубликованных источников.

Источниковая база исследования. Источники по служебной биографии С.Т. Аксакова (1808–1839 гг.) многочисленны и разнообразны. Значительная их часть выявлена в процессе работы над диссертацией. Наряду с опубликованными источниками в ней использованы материалы 194 архивных дел из 21 фондов и девяти архивохранилищ (РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, НИОР РГБ, ОПИ ГИМ, РГАЛИ, РГИА, РГАДА, ГАРФ, ЦГА Москвы, КФУ НБЛ ОРРК).

При рассмотрении служебной деятельности в Комиссии составления законов и Экспедиции о государственных доходах привлекались материалы из РГИА: делопроизводственная документация из фондов «Комиссия составления законов при Государственном Совете» (Ф. 1260) и «Экспедиция о государственных расходах Сената» (Ф. 557).

Свидетельства о пребывании С.Т. Аксакова в 1811 и 1813 гг. не в Санкт-Петербурге, по месту службы, а в Оренбургской губернии были обнаружены в его переписке с секретарем Общества любителей отечественной словесности при Императорском Казанском университете П.С. Кондыревым, которая хранится в КФУ НБЛ ОРРК.

При анализе государственной службы в Московском цензурном комитете была использована делопроизводственная документация фонда «Московский комитет по делам печати г. Москва» (Ф. 31) ЦГА Москвы и фонды: «Главное управление цензуры Министерства народного просвещения» (Ф. 772) и «Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД» (Ф. 777) РГИА, а также печатные материалы и делопроизводственные документы из фондов: «Материалы о Москве и Петербурге XVII – начало XX вв. из коллекции П.И. Щукина» (Ф. 132) и «Коллекция документов по истории культуры, науки и общественного движения в России XVIII - XIX вв.» (Ф. 281) ОПИ ГИМ.

Неопубликованная документация по деятельности в Межевом ведомстве сосредоточена в РГАДА: «Межевая канцелярия. Указы, журналы и протоколы» (Ф. 1294) и «Канцелярия Главного директора межевого корпуса и управление межевой частью Министерства юстиции (1832–1918)» (Ф. 1295), а также в ЦГА Москвы «Дела Межевой канцелярии» (Ф. 1905).

Положение дел в Константиновском землемерном училище на октябрь 1833 г., к моменту поступления на службу С.Т. Аксакова инспектором учебного заведения, удалось узнать из отчета/отношения ревизующего сенатора Межевого департамента Правительствующего Сената И.У. Пейкера министру юстиции Д.В. Дашкову, сохранившееся в фонде «Документы из уничтоженных дел Сената

и Министерства юстиции» (Ф. 1400) РГИА и представлено в Приложении 5 диссертационного исследования.

На всех этапах изучения служебной карьеры С.Т. Аксакова были использованы источники из личного фонда Аксаковых в РГАЛИ: «Аксаковы: Сергей Тимофеевич (1791–1859) – писатель; его сыновья: Константин Сергеевич (1817–1860) – поэт, публицист; Григорий Сергеевич (1820–1891) – сибирский губернатор; Иван Сергеевич (1823–1886) – поэт, публицист» (Ф. 10); личного фонда Аксаковых в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: «Аксаковы: Сергей Тимофеевич (1791–1859), писатель; его сыновья – Константин Сергеевич (1817–1860), публицист, критик, поэт, лингвист, историк; Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, поэт, общественный деятель, журналист-издатель» (Ф. 3); личного фонда Аксаковых в НИОР РГБ (Ф. 3).

Анализируя деятельность С.Т. Аксакова в Константиновском межевом институте, возникла необходимость более подробно остановиться на неопубликованных источниках, касающихся службы в этом учебном заведении начинающего литературного критика В.Г. Белинского, из фонда «Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848)» (Ф. 21) НИОР РГБ.

К исследованию были привлечены письма, разрозненно хранящиеся в фондах РГАЛИ: «Глинка: Федор Николаевич (1786–1880) – поэт, публицист; Авдотья Павловна (урожд. Голенищева-Кутузова; 1795–1863) – писательница» (Ф. 141); «Вяземские: Петр Андреевич (1792–1878) – поэт, критик, друг А.С. Пушкина; его сын Павел Петрович (1820–1888) – основатель Общества любителей древней письменности, цензор; его отец Андрей Иванович (1750–1807) - сенатор, наместник Нижегородский и Пензенский (Б. Остафьевский архив)» (Ф. 195) и «Попов Петр Александрович (1894–1943) – литературовед» (Ф. 2591).

Одно из личных благодарственных писем С.Т. Аксакова к известному государственному деятелю, курировавшему военно-учебные заведения, Я.И. Ростовцеву сохранилось в личном фонде «Ростовцевы. Графы. Ростовцев Яков Иванович, генерал-адъютант, начальник Штаба военно-учебных заведений, председатель Редакционных комиссий для составления «Положения о крестьянах,

выходцах из крепостной зависимости», член Государственного совета. 1803–1860. Ростовцев Николай Яковлевич, сын Я.И. Ростовцева, генерал-лейтенант, главный распорядитель при великом князе Николае Константиновиче, начальник штаба 8-го армейского корпуса, генерал-губернатор Самаркандской области. 1831–1897» (Ф. 1155) ГАРФ.

Переписка министра народного просвещения А.С. Шишкова и С.Т. Аксакова сохранилась в личном фонде «Шишков Александр Семенович (1754–1841), министр народного просвещения, президент Академии наук, писатель» (Ф. 1673) РГИА.

Для характеристики С.Т. Аксакова-цензора к исследованию привлекались процензурованные им рукописи. Анализируя его замечания в тексте данных рукописей, удалось понять принципы, которыми он руководствовался в цензурной деятельности. К сожалению, сочинений с его цензурной правкой сохранилось крайне мало: «Марфа, Посадница Новгородская» М.П. Погодина, статья «Девятнадцатый век» И.В. Киреевского в РГАЛИ и отдельные листы третьего номера журнала «Европеец» в ОПИ ГИМ.

К опубликованным источникам относятся мемуарные сочинения С.Т. Аксакова, содержащие сведения о служебной деятельности с 1808 по 1832 гг.

Необходимо обратить внимание, что иногда его собственные литературные публикации шли вразрез с требованиями цензуры. Так, например, публикация «Рекомендация министра» в «Московском вестнике» чуть не помешала ему в устройстве на должность стороннего цензора в 1830 г.

Педагогические принципы, применявшиеся С.Т. Аксаковым на службе в учебном заведении, были отражены в его статьях в газете «Молва» в 1832 г. и в переписке с сыном Григорием.

В работе были использованы биографические сведения и письма из собраний сочинений В.Г. Белинского и А.С. Пушкина, дневники и записки современников первой половины XIX столетия: дневник А.В. Никитенко, записки К.А. Полевого, С.Н. Глинки и А.С. Шишкова, воспоминания А.Х. Бенкендорфа. Надо отметить, что «Записки С.Н. Глинки» были опубликованы только частично,

значительная часть его черновиков о его пребывании в Московском цензурном комитете и собственноручно написанная им автобиография находятся в РГАЛИ.

Важные сведения о служебной биографии удалось почерпнуть из опубликованных писем князя П.А. Вяземского, князя А.А. Шаховского, П.В. Киреевского.

Было проведено текстологическое исследование сохранившихся в архивах послужных списков С.Т. Аксакова и проведено сравнение с «Месяцесловом с росписью чиновных особ или общем штате Российской империи» 1810–1819 гг.

Широко были использованы в работе цензурные уставы 1804, 1826, 1828 гг., уставы Константиновского землемерного училища и Константиновского межевого института, устав Императорского Казанского университета. Из опубликованных источников официального характера в работе используются законодательные акты Российской империи, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи.

Научная новизна исследования. Комплекс выявленных архивных источников – делопроизводственная документация и значительная часть частной переписки ранее не являлись предметом специального изучения историков. Многие из архивных материалов впервые были введены в научный оборот, систематизированы и обобщены для воссоздания всех этапов государственной службы С.Т. Аксакова, а также характеристики его личности, как чиновника.

Практическая значимость работы заключается, во–первых, в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы в изучении жизни С.Т. Аксакова и его семьи. Кроме того, предложенные выводы диссертационного исследования могут быть полезны при разработке проблем, связанных с общественно-политической жизнью Российской империи и деятельностью отдельных государственных учреждений первой половины XIX столетия.

Во–вторых, некоторые из введенных в научный оборот источников могут быть опубликованы в полном объеме.

В–третьих, исследовательская работа позволила открыть для широкого круга общественности и студентов МИИГАиК Культурно-исторический центр «Музей С.Т. Аксакова», выставочная экспозиция которого посвящена периоду службы в Константиновском межевом институте. Деятельность Культурно-исторического центра, вошедшего в 2016 г. в Союз музеев России и Ассоциацию литературных музеев Союза музеев России, направлена на популяризацию служебной биографии, общественной и литературной роли С.Т. Аксакова и его сыновей в истории общественной жизни Российской империи XIX столетия.

Методология. Методологическую основу исследования составил принцип историзма и научной объективности в сочетании с системным подходом. В основе диссертации лежит объективный анализ исторических источников, который позволяет раскрыть ряд исследовательских проблем, связанных со служебной биографией С.Т. Аксакова, пересмотреть при этом некоторые устоявшиеся положения в историографии.

Основными методами, использованными в работе, стали методы источниковедческого анализа и синтеза. Применение хронологического метода позволило соблюсти определенную последовательность при изложении и анализе различных событий служебной карьеры С.Т. Аксакова. Метод источниковедческой эвристики использовался при сопоставлении информации, изложенной в разных видах источников. Применялся текстологический метод при анализе трагедии М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» и статьи И.В. Киреевского «Девятнадцатый век», семи формулярных списков, разрозненно хранящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В работе над диссертацией применялся историко-антропологический подход, в основе которого лежит идея личностного восприятия событий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Источники, привлеченные к исследованию служебной биографии С.Т. Аксакова, отличаются разнообразием и различной степенью информативности, поэтому только комплексный их анализ дает возможность

выявить новые факты служебной биографии С.Т. Аксакова, детализировать ее, а также пересмотреть отдельные устоявшиеся в историографии взгляды.

2. Комплексный анализ источников позволил раскрыть ранее неисследованные темы, связанные с личностной характеристикой С.Т. Аксакова как чиновника, его мотивацией устройства на службу и переходе с одного места службы на другое, а также со взаимоотношениями внутри бюрократической корпорации, в которой большую роль играли родственные и дружеские связи.

3. В результате проведенного сравнительного анализа опубликованных и неопубликованных источников удалось установить, что с 1810 по 1819 гг. С.Т. Аксаков, благодаря личным связям, номинально проходил службу в Экспедиции о государственных доходах, без ежедневного посещения присутствия.

4. Источниковедческий анализ трех рукописей (трагедии М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская», неполного текста статьи «Девятнадцатый век» и третьего номера журнала «Европеец») позволил выяснить принципы работы С.Т. Аксакова-цензора, которые основывались на добросовестности и требовательности к качеству текста, помощи московским литераторам и издателям в публикации произведений, но при стремлении не вступать в разногласия с властью.

5. Документы Московского цензурного комитета свидетельствуют о том, что С.Т. Аксаков был инициативным цензором, стремившимся усовершенствовать работу и взаимодействие цензоров, литераторов и издателей.

6. Благодаря анализу частной переписки С.Т. Аксакова стало известно, что с 1831 г. он занялся приисканием новой должности, связанной с его желанием заняться педагогической деятельностью. Устройство С.Т. Аксакова в Межевое ведомство состоялось при активном участии его родственника и друга А.А. Кавелина.

7. Проведенный источниковедческий анализ делопроизводственных документов Константиновского землемерного училища и Константиновского межевого института, частной переписки показал масштаб его деятельности,

который охватывал не только учебные, но и финансовые, организационные, хозяйственные вопросы учебного заведения. Преобразование и становление Константиновского межевого института происходило благодаря стараниям, усердию, профессионализму С.Т. Аксакова. Значительная служебная нагрузка в этот период исключала его литературные занятия.

8. Вводимые в научный оборот неопубликованные документы Константиновского межевого института позволили сделать вывод, что С.Т. Аксаков был просвещенным чиновником, который заботился о развитии учебного заведения, создании комфортной среды для воспитанников и их интеллектуальном развитии, нравственности, используя гуманные принципы в воспитательной деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования, новые архивные факты были изложены в докладах на Международных конференциях «Математика. Компьютер. Образование» (г. Дубна, 29 января – 3 февраля 2018 г. и 28 января – 2 февраля 2019 г.), Всероссийской научной конференции «Литературные музеи в контексте истории и культуры» (Москва, 2–3 июня 2018 г.), Всероссийской научной конференции молодых ученых «Ключевские чтения» (Москва, 16–17 ноября 2018 г.), Всероссийской научной конференции памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина (Москва, 11–12 декабря 2018 г.), научной конференции «Книжное дело в России во второй половине XIX— начале XX века. XXI Павленковские чтения» (Санкт-Петербург, 15—17 октября 2019 г.), научной конференции «Мурановские чтения – 2019» (Московская область, 4–6 декабря 2019 г.), Международной научной конференции молодых ученых «Ключевские чтения» (Москва, 6–7 ноября 2020 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Наследие семьи Аксаковых в литературно-эстетическом контексте цифровой эпохи» (Самара, 12 ноября 2020 г.). Результаты исследования зафиксированы в 20 научных работах (из них 3 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ – объемом 2,3 п.л.), общим объемом 22,32 п.л.

Структура исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, десяти приложений.

Глава 1. Историографический очерк

В отечественной историографии было создано большое количество работ, посвященных жизни С.Т. Аксакова, в которых упоминались отдельные эпизоды его служебной биографии. Большинство из них основано на «Воспоминаниях» самого Сергея Тимофеевича, где он подробно рассказывал о своем обучении в Казанской гимназии, затем новообразованном Казанском университете, служебных, литературных и театральных знакомствах. К исследованию привлекались труды его современников, которые затрагивали деятельность государственных учреждений, где С.Т. Аксаков проходил службу. В исследовании М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» уделялось внимание деятельности и обязанностям С.Т. Аксакова как письмоводителя и его непосредственных руководителей: предложения Г.А. Розенкампфа[3] переводились с французского, потом правились М.М. Сперанским[4] и переписывались письмоводителями с учетом внесенных исправлений. Будучи директором Комиссии составления законов М.М. Сперанский составлял «журналы совета» и докладывал об итогах работы императору[5]. По словам М.М. Сперанского, которые приведены в исследовании М.А. Корфа, в Комиссии составления законов в течение двух лет были составлены и изданы две «труднейшие» части гражданского уложения[6]. Таким образом, учитывая сведения из исследования М.А. Корфа, можно сделать предположение, что обязанности С.Т. Аксакова как письмоводителя Комиссии заключались в переписывании законов после внесенных правок директором М.М. Сперанским.

---

[3] Розенкампф Густав Андреевич (1764–1832) – правовед, главный секретарь и первый референдарий Комиссии составления законов, с 1808 г. – начальник гражданского отделения гражданских законов Комиссии.

[4] Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – с 8 августа 1808 г. «присутствующий» Комиссии составления законов, с 1809 – товарищ министра юстиции, к 1830 г. был составлен под его руководством Полное собрание законов Российской империи в 45 т.

[5] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т.1. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. С. 158, 159.

[6] Там же. С. 166.

Одна из первых дореволюционных работ, которая затронула деятельность Московского цензурного комитета в период службы в нем С.Т. Аксакова – это исследование П.К. Щебальского[7]. Автор подробно рассмотрел цензурный устав 1828 г., которым руководствовался Сергей Тимофеевич накануне своей отставки с должности исправляющего обязанности председателя Московского цензурного комитета. По мнению П.К. Щебальского, с одной стороны, благодаря этому уставу в литературе произошли «существенные облегчения», например, было разрешено журналам печатать «тяжебные дела» и театральные рецензии, в период управления министерством князя Ливена[8] разрешались к печати новые журналы и альманахи, с другой стороны, участились случаи заключения цензоров на гауптвахту за пропуск «непозволительных» статей и сборников, некоторые журналы были лишены права продолжать свое издание[9].

В 1879 г. к столетию Константиновского межевого института директор А.Л. Апухтин[10] подготовил масштабное научное исследование, посвященное истории учебного заведения с 1779 по 1879 гг.[11]. В монографии А.Л. Апухтин проанализировал вклад С.Т. Аксакова-директора в деятельность и развитие Константиновского межевого института, привлекая к исследованию неопубликованные архивные материалы. Надо отметить, что его деятельность с 1833 по 1835 гг. как инспектора Константиновского землемерного училища А.Л. Апухтиным не освещалась, анализировалась делопроизводственная документация учебного заведения, начиная с 1835 г. По свидетельству А.Л. Апухтина, вопрос преобразования Константиновского землемерного училища в институт назрел еще в 1820–х гг., за несколько лет до поступления

---

[7] *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.

[8] Ливен Карл Андреевич (1767–1844) – с 1828 по 1833 гг. был министром народного просвещения.

[9] *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. С. 40, 41.

[10] Апухтин Александр Львович (1822–1903) – государственный деятель, тайный советник, генерал-майор, с 1864 по 1879 гг. был директором Константиновского межевого института; автор первого исследования, посвященного истории этого учебного заведения.

[11] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. СПб., 1879.

С.Т. Аксакова на службу инспектором[12]. К моменту прихода Сергея Тимофеевича в учебное заведение, по словам А.Л. Апухтина, оно пребывало в «совершенном расстройстве». Ситуацию помогло исправить «примерное управление» Сергея Тимофеевича учебным заведением[13]. Написание главного документа учебного заведения – Устава Константиновского межевого института А.Л. Апухтин признавал важной заслугой С.Т. Аксакова[14] и попечителя И.У. Пейкера. Анализируя сохранившиеся официальные документы института 1835–1839 гг., А.Л. Апухтин очень подробно изложил содержание архивных дел Константиновского межевого института – кадровые перемещения, количество воспитанников, доходы и расходы учебного заведения; опубликовал списки выпускников института, начиная с 1837 г. А.Л. Апухтин отметил, что с 1835 по 1839 гг. – это время «устройства института»[15], где значительный вклад в его совершенствование внес первый директор С.Т. Аксаков. Его управление А.Л. Апухтин называл «мягким» и «чрезвычайно заботливым»[16], рассматривал и анализировал его педагогические принципы. Источниковой базой исследования А.Л. Апухтина стали официальные отчеты Константиновского межевого института, которые до наших дней сохранились не полностью.

О цензорской деятельности С.Т. Аксакова писал историк Н.П. Барсуков в научном исследовании «Жизнь и труды М.П. Погодина»[17]. Н.П. Барсуков рассказывал о слаженной работе по цензуре «Московского вестника», которую удалось наладить М.П. Погодину, благодаря Сергею Тимофеевичу; о шагах, которые предпринял С.Т. Аксаков и московские литераторы для сохранения за ним должности в Московском цензурном комитете после реформы 1828 г.[18]. Н.П. Барсуков приводил в своем исследовании текст писем М.П. Погодина и

---

[12] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 47.
[13] Там же. С. 48.
[14] Там же. С. 50.
[15] Там же. С. 47.
[16] Там же. С. 67.
[17] Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, издатель, профессор Московского университета (1826–1844), друг С.Т. Аксакова и участник Аксаковских суббот.
[18] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 2, 3, 4. М., 1889–1891.

современников, которые свидетельствовали об уважительном отношении к С.Т. Аксакову-цензору[19].

В 1891 г. вышел в свет критико-биографический очерк В.П. Острогорского «С.Т. Аксаков», в котором он охарактеризовал обязанности С.Т. Аксакова-цензора, как «щекотливые и трудные». Цензор в этот период, по словам В.П. Острогорского, должен был иметь служебную ловкость, тонкий такт и широкое образование, эти качества не были присущи «добродушнейшему Сергею Тимофеевичу»[20] По мнению В.П. Острогорского, С.Т. Аксакову приходилось маневрировать «между своей совестью» и риском потерять место службы[21], – писал В.П. Острогорский. При написании очерка В.П. Острогорский основывался на мемуарах Сергея Тимофеевича, замечаниях его биографов, воспоминаниях И.С. Аксакова, биографическом исследовании Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина».

В исследовании А.М. Скабичевского были только краткие упоминания об Аксакове-цензоре или о цензурной политики первой половины XIX века. «Заклятым врагом» издателя «Московского телеграфа» Н.А. Полевого[22], «друга театральной партии Писарева» характеризовал С.Т. Аксакова А.М. Скабичевский В его исследовании приведены основные конфликты в цензорской политики начала 1830-х гг.: запрещение журнала И.В. Киреевского[23] «Европеец» за статью «Девятнадцатый век», который цензуровал Сергей Тимофеевич; конфискация альманаха М.А. Максимовича «Денница» и наказание цензора С.Н. Глинки[24] – заключение на гауптвахте; столкновения с цензурою В.Г. Белинского[25]. По словам исследователя, конфликты, так или иначе, были связаны с июльскими событиями

---

[19] Там же. С. 220.
[20] *Острогорский В. П.* Сергей Тимофеевич Аксаков. СПб., 1891. С. 86.
[21] Там же.
[22] Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – писатель, издатель, драматург, критик.
[23] Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – философ, публицист и идеолог славянофильства.
[24] Глинка Сергей Николаевич (1776–1847) – участник войны 1812 г., писатель и с 1827 по 1830 г. цензор Московского цензурного комитета.
[25] *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 226.
Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик, преподавал в 1838 г. русский язык в Константиновском межевом институте.

в Париже[26]. Остановился Скабичевский А.М. на цензуровании С.Т. Аксаковым «Марфы Посадницы» М.П. Погодина, приводя текст письма А.Х. Бенкендорфа[27]. В этом письме от 10 марта 1831 г. А.Х. Бенкендорф рекомендовал цензору не торопиться с «обнародованием» сочинения М.П. Погодина, пока не переменятся «нынешние смутные обстоятельства» и фактически запретил продажу уже отпечатанной в типографии трагедии в связи с польским восстанием 1830 г[28]. Автор показал всю сложность издательской деятельности и работы цензоров, когда любые периодические издания и газеты могли выходить только с «Высочайшего соизволения»[29].

В 1898 г. в «Русском архиве» было опубликовано исследование Н.М. Павлова «Сергей Тимофеевича Аксаков как цензор»[30]. Н.М. Павлов, характеризуя личность будущего писателя, подчеркнул его высокие профессиональные и нравственные качества как цензора при анализе произведений, касающихся событий польского восстания 1830 г. С.Т. Аксаков, по приведенному Н.М. Павлову документу, считал неправильным пропускать в печать тексты, «оскорбительные народу Польскому». Весь очерк Н.М. Павлова насыщен неопубликованными письмами С.Т. Аксакова, из которых мы узнаем о сложностях должности цензора в 1830–е гг.: «положение цензора сделалось весьма затруднительным. Устав позволяет – цензор запрещает; Устав напечатан – предписание министра – тайна». Обращаясь к начальнику Московского округа Корпуса жандармов А.А. Волкову[31], Сергей Тимофеевич просил московского обер-полицмейстера «ограждения» от толкований в дурную сторону проверяемых им изданий, приводя весомый довод, что даже в Евангелии можно найти

[26] Речь идет о революции во Франции в 1830 г., которая привела к свержению Карла X (1757–1836) и возведению на престол Луи-Филиппа, герцога Орлеанского (1773–1850), произошел переход власти Бурбонов к его младшей ветви – Орлеанскому дому.
[27] Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844) – государственный деятель, с 1826 по 1844 гг. начальник Третьего Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии.
[28] *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). С. 228.
[29] Там же. С. 231.
[30] *Павлов Н. М.* Аксаков как цензор // Историко-литературный журнал Русский архив. 1898. № 5. С. 81–96.
[31] Волков Александр Александрович (1779–1833) – начальник второго Московского округа Корпуса жандармов (1826–1826).

выражения, которые, можно истолковать по-разному. По словам С.Т. Аксакова, для цензора необходима была доверенность и защита правительства, иначе нельзя исполнять должность с «надлежащей твердостью» и уверенностью в завтрашнем дне[32]. Такого же «ограждения» он просил у А.Х. Бенкендорфа. По поводу незаслуженного увольнения С.Т. Аксакова с должности цензора Н.М. Павлов в этом же исследовании справедливо замечал, что цензор не может быть ответчиком «за неизящность» литературы, которую он разрешает к печати, руководствуясь уставом[33].

О деятельности Комиссии составления законов, в которой начинал службу в 1808 г. С.Т. Аксаков, в 1898 г. писал Г.Ф. Шершеневич в работе «История кодификации гражданского права в России»[34]. Автор исследования достаточно критично подошел к деятельности комиссии в период управления ею Г.А. Розенкампфом и писал, что только благодаря М.М. Сперанскому, который был одарен «необыкновенной творческой способностью» стали заметны результаты деятельности комиссии[35]. Г.Ф. Шершеневич показал деятельность М.М. Сперанского в контексте времени: изучение М.М. Сперанским французского законодательства, как образцового, а затем изменение внешних обстоятельств, связанных с начинающейся войной с Францией, и возникшая общественная ненависть «ко всему французскому», ставшая причиной «падения Сперанского»[36].

Два тома энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, изданных в 1898 г., помогли выявить подробности по персоналиям из окружения С.Т. Аксакова[37].

В биографическом исследовании В.Н. Лясковского «Братья Киреевские. Жизнь и труды их» кратко затрагивается последние годы службы Сергея Тимофеевича в Московском цензурном комитете, а именно, вынесение ему

---

[32] Цит по: *Павлов Н. М.* Аксаков как цензор. С. 88–90.
[33] Там же. С. 91.
[34] *Шершеневич Г. Ф.* История кодификации гражданского права в России. Казань, 1898.
[35] Там же. С. 77.
[36] Там же. С. 79, 80.
[37] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. XVA (30). Т. XXIVA (48). СПб., 1898.

строгого выговора за пропуск статьи И.В. Киреевского в журнале «Европеец»[38]. По словам В.Н. Лясковского, при таком «подборе имен», публикуемых в журнале «Европеец», как Е.А. Боратынский, Н.М. Языков, А.С. Хомяков, А.И. Тургенев, В.А. Жуковский «успех, казалось, был обеспечен». Но «успех Киреевского, - отмечал В.Н. Лясковский, – значил – успех нового направления повременной печати и гибель старого». По его словам, Булгарин не мог допустить появление нового журнала, но и «открытый бой» был бы ему «не под силу», поэтому пошла в ход клевета и донос[39]. Таким образом, по предположению автора, закрытие журнала «Европеец», последовавший строгий выговор цензору С.Т. Аксакову – был результатом доноса литературных противников И.В. Киреевского.

Устройство С.Т. Аксакова на службу в Межевое ведомство состоялось благодаря его родственнику – генерал-адъютанту и воспитателю наследника престола А.А. Кавелину. В 1902 г. П.А. Кавелин опубликовал биографический очерк о своем отце, благодаря которому удалось уточнить некоторые даты службы при дворе А.А. Кавелина, его взаимоотношения с императором и наследником престола[40].

Основываясь на воспоминаниях С.Т. Аксакова, П.Н. Милюков в 1903 г. в сборнике статей «Из истории русской интеллигенции» привел известные биографические сведения о нем, обозначив важный для нас факт, что в 1811 г. С.Т. Аксаков покинул Петербург и уехал в деревню[41]. Данный факт послужил причиной проведения источниковедческого анализа делопроизводственной документации, официальных сборников с росписью штата Экспедиции о государственных доходах, что позволило сделать предположение о формальном, исключительно «на бумаге», прохождении им службы с 1810–1819 гг.

---

[38] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 36–37.
[39] Там же.
[40] *Кавелин П. А.* А.А. Кавелин, как воспитатель императора Александра II // Русская старина. № 3. М., 1902.
[41] *Милюков П. Н.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903. С. 63.

В.И. Шенрок в очерке «С.Т. Аксаков и его семья»[42], ориентируясь на воспоминания писателя, как первоисточник, связывал начальный период его служебной деятельности только с литературно-театральными знакомствами: с актером Я.Е. Шушериным и писателем, главой литературного общества «Беседы любителей русского слова» А.С. Шишковым[43]. Последующая служба С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете была рассмотрена автором более подробно[44]. В.И. Шенрок уделил внимание особенностям взаимоотношений его, как цензора, и издателей, говоря о том, что только с Н.А. Полевым у него были сложные взаимоотношения, по отношению к остальным он был добрым и обязательным, чиновником, стремящимся избежать «бездушного формализма»[45]. В.И. Шенрок отмечал, что были претенденты, когда С.Т. Аксакова обвиняли в «личных пристрастиях». Он имел ввиду не только инциденты, связанные с Н.А. Полевым, но и письмо московского цензора И.М. Снегирева петербургскому цензору В.Г. Анастасевичу[46] с жалобой на С.Т. Аксакова-цензора, который разрешил к печати «клеветническую брань» на речь, которая была одобрена университетом[47]. В период цензорской деятельности Аксакова большое значение сыграла начавшаяся дружба, а затем литературное сотрудничество с М.П. Погодиным, по мнению В.И. Шенрока, сходились они больше всего на «почве патриотической»[48].

«Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903)» Н.А. Энгельгардта позволили выявить особенности цензурной политики конца

---

[42] *Шенрок В. И.* С.Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904. № 10–12.

[43] *Шенрок В. И.* С.Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства Народного Просвещения. № 10. С. 379.

Шишков Александр Семенович (1754–1841) – государственный деятель и адмирал, председатель, а затем президент Императорской Российской Академии (1813–1841), министр народного просвещения (1824–1828).

[44] Там же. С. 355–418.

[45] Там же. С. 391–392.

[46] Анастасевич Василий Григорьевич (1775–1845) – издатель, переводчик, цензор Главного цензурного комитета с 1826 по 1828.

[47] Цит. по: *Шенрок В. И.* С.Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904. № 10. С. 397.

[48] Там же. С. 394.

1820–х гг., когда устав 1826 г. в 1828 г. «совершенно был переделан», но система циркуляров продолжала действовать, создавая «удушающую атмосферу» для писателей[49].

Деятельность Комиссии составления законов в первой четверти XIX столетия, когда в ней начал проходить службу С.Т. Аксаков, анализировалась П.М. Майковым[50]. Задача, которая стояла перед Комиссией и ее руководителем Г.А. Розенкампфом, заключалась в сборе и составлении свода действовавших тогда законов. Точка зрения П.М. Майкова на деятельность Г.А. Розенкампфа в Комиссии составления законов отличается от мнений М.А. Корфа и Г.Ф. Шершеневича: он писал, что Г.А. Розенкампф, как главный, единственный «двигатель комиссии» руководствовался благими намерениями – из огромного количества изданных законов извлечь необходимые, действующие и утвердить их[51]. Про Г.А. Розенкампфа неоднократно упоминал С.Т. Аксаков в своих «Воспоминаниях», поэтому характеристика деятельности первого референдария Комиссии составления законов дает более глубокое представление о месте службы Сергея Тимофеевича и его руководителе.

Любопытный вывод о вмешательстве А.Х. Бенкендорфа в цензуру сделал М.К. Лемке в издании «Николаевские жандармы. Литература 1826–1855 гг.: за Бенкендорфом цензорская роль не была закреплена ни одним законодательным актом, но он с этой ролью вполне освоился к концу 1827 г.[52]. Замечание исследователя подтвердилось найденным в архивах документом с мнением С.Т Аксакова по поводу устава 1828 г. о том, что в цензурное дело вмешивались многие, в том числе и А.Х. Бенкендорф[53].

Н.В. Дризен в исследовании «Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881» оценил николаевское царствование, как «счастливое в литературном отношении».

---

[49] *Энгельгардт Н. А.* Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904. С. 84–85.

[50] *Майков П. М.* Комиссия составления законов при императорах Павле I и Александре I // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 7, № 9.

[51] *Майков П. М.* Комиссия составления законов при императорах Павле I и Александре I // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 9. С. 245.

[52] *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. С. 41.

[53] *Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор. С. 95; РГАЛИ. Ф. 10. Оп.1. Д. 11. Л. 1, 1 об.

По мнению автора, несмотря на «неблагоприятные политические условия и суровый режим» русская словесность обогатилась произведениями А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, которые не только вровень встали «с корифеями» западной литературы, но и переросли их[54]. В этом исследовании он упомянул об инциденте с трагедией «Атилла», которую цензуровал Л.А. Цветаев, а С.Т. Аксаков выразил «особое мнение», не согласившись с большинством голосов представителей Московского цензурного комитета. Он заступился за четвертый акт трагедии Вернера Захария, где воспроизводилась церковная процессия римского епископа Льва, не только потому, что, по его мнению, подобные описания «никогда не воспрещались»[55], но, видимо, еще и потому, что переводчиком этой трагедии и представителем был его хороший знакомый, родственник адмирала А.С. Шишкова – Александр Ардалионович Шишков. В итоге пьеса, по словам Н.В. Дризена, пьеса была разрешена к печати[56].

В советской историографии деятельность С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете была проанализирована в 1928 г. в исследовании В.В. Данилова[57]. Автор статьи подробно остановился на том, как с введением цензурного устава 1828 г., Сергей Тимофеевич должен был быть уволен за штат. По свидетельству В.В. Данилова, С.Т. Аксаков 9 сентября 1828 г. сам подал прошение в Главное управление цензуры с просьбой оставить его «особым цензором при имеющим учредиться новом цензурном комитете в Москве». Из цитируемого источника мы узнаем о том, что в течение 11 месяцев из общего количества 500 «одобренных к напечатанию» сочинений, Сергеем Тимофеевичем было рассмотрено 248 рукописей[58]. Анализируя документацию цензурного комитета за ноябрь 1828 г., В.В. Данилов доказал, что он в комитете проделывал

[54] *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох 1825-1881. СПб., 1917. С. 120.
[55] Там же. С. 101, 102.
[56] Там же. С. 102.
[57] Цит. по: *Данилов В. В.* С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском Цензурном Комитете // Известия по русскому языку и словесности Академии наук. Т.1. Кн.2. Ленинград, 1928. С. 507–524.
[58] Там же. С. 509.

достаточно большой объем работ: «Аксаковым за месяц было «рассмотрено 52 произведения к печати, С.Н. Глинкою – 22 и В.В. Измайловым – 6. <…> Генерал-майор Писарев составил представление на всех трех бывших цензоров». Но Главное управление цензуры отдало предпочтение преимуществам цензоров С.Н. Глинки и В.В. Измайлова[59], связанных с их «недостаточностью состояния и многочисленностью семейств». С.Т. Аксаков же был исключен из комитета, обосновано это решение было тем, что он вполне может «свои способности и дарования <…> употребить в другом месте, требующем от занимающего оное лица более деятельности». По словам исследователя, Сергей Тимофеевич был уволен с должности председателя Московского цензурного комитета 8 декабря 1828 г., а спустя месяц – был причислен к Департаменту народного просвещения[60]. При возвращении в Московский цензурный комитет сторонним цензором в 1830 г. вместо умершего цензора В.В. Измайлова, благодаря В.В. Данилову, мы узнаем, что на должность претендовали также – секретарь Московского цензурного комитета И.А. Шедритский[61], титулярный советник второго Департамента Московской палаты гражданского суда А.А. Волков[62] и издатель В.С. Кряжев[63]. Однако, по представлению К.А. Ливена назначен был сторонним цензором С.Т. Аксаков 2 мая 1830 г.[64]. По официальным документам и сведениям из историографии, видно, что дата назначения С.Т. Аксакова на должность стороннего цензора рознится, и, по словам С.И. Машинского, именно

---

[59] Измайлов Владимир Васильевич (1773–1830) – писатель и с 1827 по 1830 гг. цензор Московского цензурного комитета.

[60] Там же. С. 510.

[61] Щедритский Измаил Алексеевич (1792–1869) – адъюнкт Московского университета, преподаватель словесности, русской истории, географии, статистики, в 1834 г. – экстраординарный профессор.

[62] Волков Александр Абрамович (1788–1845) – автор «Сокращенного словаря древностей» и поэмы «Освобожденная Москва» // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 211. Л. 7.

[63] Кряжев Василий Степанович (1771 –1832) – преподаватель русского, французского и немецкого языков (1806 – 1808), директор Московского коммерческого училища (1808–1814) // *Данилов В. В.* С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском Цензурном Комитете… С. 511; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 211. Л. 11.

[64] *Данилов В. В.* С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском Цензурном Комитете. С. 511.

2 мая состоялось высочайшее повеление[65]. Однако, как выяснилось, в официальной документации Главного управления цензуры, указано, что «высочайшее утверждение Аксакова по представлению Ливена состоялось 22 мая 1830 г., а указ Его Императорского Величества вышел 31 мая 1830 г.[66]. По нашему мнению, правильнее ориентироваться, конечно, на 31 мая 1830 г. – на указ Его Императорского Величества, и тогда можно заключить, что в аттестате С.Т. Аксакова была указана дата с погрешностью в 21 день – 10 мая 1830 г.[67].

Небольшая статья Василия Викторовича Зенкевича, хранителя Аксаковской комнаты в Самаре в 1928 г., помогла выяснить историю поступления эпистолярного наследия С.Т. Аксакова в РО Пушкинского Дома АН СССР. Сохраненная благодаря В.В. Зенкевичу частная переписка Сергея Тимофеевича из сформировавшегося фонда «Аксаковы…» (Ф. 3) РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН стала важным источником настоящего исследования[68].

В очерке В.В. Баранова «Судьба литературного наследства А.И. Полежаева» разобраны некоторые правки стороннего цензора С.Т. Аксакова к стихотворениям А.И. Полежаева[69] 1832 г. Автор отметил, что цензор «отнесся сурово» к сочинениям «разжалованного солдата-студента». По проведенному автором анализу ненапечатанных отрывков из стихотворения «Цепи», можно сделать вывод, что сторонний цензор С.Т. Аксаков, руководствуясь цензурными циркулярами и уставом, не пропустил словосочетания, имеющие антикрепостнические настроения: «и угнетен ярмом бесславным <…> мои оковы раздробить»[70].

---

[65] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.; *Машинский С. И.* Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова. Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XVIII. Вып. 3. М., 1959. С. 243.

[66] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 211. Л. 14, 17.

[67] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.

[68] *Зенкевич В. В.* Аксаковская комната // Материалы по изучению Самарского края. Вып. 5. Издание Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания в Самаре. Самара, 1928.

[69] Полежаев Александр Иванович (1804–1838) – поэт, отправленный в 1826 г. унтер-офицером в армию за поэму «Сашка» (1825).

[70] *Баранов В. В.* Судьба литературного наследства А.И. Полежаева // Литературное наследство. Т. 15. М., 1934. С. 223, 224.

Н.С. Ашукин в очерке «Библиотека Некрасова», опубликованном в «Литературном наследстве» в 1949 г., как и дореволюционный исследователь В.Н. Лясковский, отметил, что увольнение С.Т. Аксакова с должности цензора в 1832 г. произошло по доносу Ф.В. Булгарина[71], как своеобразная месть с его стороны за то, что в пропущенном С.Т. Аксаковым-цензором произведении «Двенадцать спящих будочников» упомянут один из его романов, и герой баллады «носит его имя». Когда С.Т. Аксаков был уволен со службы за пропуск в печать баллады, а «запрещенную книжечка, по словам Н.С. Ашукина, исчезла из продажи[72].

М.Я. Поляков в исследовании о студенческих годах В.Г. Белинского[73] уточнил, что Московским цензурным комитетом драма «Дмитрий Калинин» рассматривалась 30 января 1831 г., на заседании присутствовал сторонний цензор С.Т. Аксаков. В связи с тем, что драма имела в содержании отрывки, которые были «противны религии», а также нравственности и законам, печать рукописи была запрещена, и «сочинение «Дмитрий Калинин» была «удержана» в «делах комитета»[74]. Указанный М.Я. Поляковым факт послужил причиной поиска данного документа в делах Московского цензурного комитета ЦГА Москвы (Ф. 31). К сожалению, материалы по участию Сергея Тимофеевича в цензуровании сочинения В.Г. Белинского пока обнаружить не удалось.

«Выдающимся русским революционным» поэтом называл А.И. Полежаева В.И. Безъязычный. В 1955 г. он писал о том, что С.Т. Аксаков-цензор «вымарал» из поэм А.И. Полежаева «опасные мысли[75]. Автор статьи отметил, что взаимоотношения с Московским цензурным комитетом имел не сам А.И. Полежаев, который в то время принимал участие в военных операциях на

---

[71] Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – писатель, издатель, литературный критик
[72] *Ашукин Н. С.* Библиотека Некрасова // Литературное наследство. Т. 53 – 54. М., 1949. С. 407.
[73] *Поляков М. Я.* Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. Т. 56. М., 1950. С. 370–372.
[74] Там же. С. 370, 371.
[75] *Безъязычный В. И.* А.И. Полежаев и царская цензура. Московский заочный полиграфический институт. Научные труды. Вып. 3. М., 1955. С. 61.

Кавказе, а его друг – А.П. Лозовский[76]. По мнению автора, С.Т. Аксаков значительно корректировал рукопись, пропуская ее к напечатанию в типографии, а последующие цензоры М.Т. Каченовский[77] и В.П. Флеров[78] налагали запреты на выход в свет сборников произведений А.И. Полежаева[79].

Фундаментальному исследованию С.И. Машинского «С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество» предшествовала его статья «Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова», вошедшая впоследствии в полном объеме в состав монографии. Опираясь на официальную документацию цензурного комитета, С.И. Машинский выяснил дату первого заседания Московского цензурного комитета и его состав: «22 сентября в присутствии попечителя Московского учебного округа генерала А.А. Писарева произошло первое задание комитета[80]. Весь комитет состоял пока из трех человек: председателя Мещерского, Аксакова и секретаря Новикова. Вскоре к ним присоединились С.Н. Глинка и В.В. Измайлов <…> Весь состав комитета был приведен генералом Писаревым к присяге[81]. С.И. Машинский уделил внимание инциденту, произошедшему в мае 1828 г. с С.Т. Аксаковым, когда Сергей Тимофеевич отказался выполнить указание московского обер-полицмейстера о запрете печатания одной книги, аргументируя отказ тем, что цензурный комитет мог подчиняться «только своему начальству»[82]. В этой же статье С.И. Машинский привел письмо министра просвещения К.А. Ливена к С.Т. Аксакову, в котором министр заверил Сергея Тимофеевича, что общественность его деятельностью как цензора осталась довольна и, скорее всего, «будет сетовать» на тех, кто его в этой должности не оставил[83]. Исследователь задался вопросом, почему был уволен В.П. Мещерский с должности председателя

---

[76] Лозовский Александр Петрович (1809–?) –друг А.И. Полежаева.
[77] Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) –цензор Московского цензурного комитета (1833–1842).
[78] Флеров Василий Павлович (1797–1874) –сторонний цензор Московского цензурного комитета (1837–1858).
[79] *Безъязычный В. И.* А.И. Полежаев и царская цензура. С. 63.
[80] Писарев Александр Александрович (1780–1848) – генерал-лейтенант и участник Отечественной войны 1812 г., попечитель Московского учебного округа (1824–1830).
[81] *Машинский С. И.* Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова. С. 241.
[82] Там же. С. 241, 242.
[83] Там же. С. 243.

комитета, и на основе архивных источников сделал вывод, что он принимал участие в каких-то «денежных злоупотреблениях» по предыдущему месту службы[84]. С.И. Машинский доказал, что для С.Т. Аксакова при просмотре рукописей был важен высокий уровень профессионально-литературных способностей автора произведения, если он претендовал на издание своего сочинения[85].

Подробно рассмотрел С.И. Машинский проблему взаимоотношений Н.А. Полевого и С.Т. Аксакова, на которые, по мнению исследователя, оказали влияние круг друзей и знакомых Сергея Тимофеевича. Аксаков-чиновник ни перед кем не заискивал, а всегда умел держать себя с достоинством и независимостью – так охарактеризовал С.И. Машинский личность Аксакова-цензора[86]. Только осенью 1828 г., после утверждения нового цензурного устава 1828 г., реорганизации Московского цензурного комитета над С.Т. Аксаковым «нависла угроза остаться за бортом», потому что членами комитета могли отныне быть только профессора университетов[87]. Невзирая на то, что за Сергея Тимофеевича хлопотали известные московские литераторы, попечитель Писарев, в штате он не был оставлен, а причислен к Департаменту Министерства народного просвещения как чиновник особых поручений. По мнению исследователя, эта службы носила «фиктивный характер», как моральная и материальная компенсация за увольнение из Московского цензурного комитета[88]. Во втором периоде службы С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете цензором «Московского телеграфа» стал профессор Московского университета Л.А. Цветаев[89]. Кроме того, Сергею Тимофеевичу были поручены журналы «Атеней», «Галатея», «Русский зритель» и «Телескоп»[90].

---

[84] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1973. С. 130.
[85] Там же. С. 133.
[86] Там же. С. 136.
[87] Там же. 137–138.
[88] *Машинский С. И.* Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова. С. 243.
[89] Цветаев Лев Алексеевич (1777–1835) – профессор Московского университета // Машинский С. И. Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова. С. 248.
[90] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 270. Л. 6.

В своем дальнейшем исследовании жизни и творчества С.Т. Аксакова[91], С.И. Машинский уделил значительное внимание его отставке. Он обратил внимание на то, что в одном из семейных альбомов Аксаковых содержится запись главы семейства, что отставка для него была «торжеством», а общественное мнение осталось на его стороне. В этом же альбоме С.Т. Аксаков написал, что отправленное им в Зимний дворец стихотворение «Стансы» А.А. Кавелину было распечатано, и стихи списаны сотрудниками III отделения, но последствий «не оказалось»[92]. С.И. Машинский, указывая в исследовании, что А.А. Кавелин на тот момент уже был воспитателем наследника престола, допустил небольшую неточность: в это время А.А. Кавелин был генерал-адъютантом Его Императорского Величества, а воспитателем цесаревича Александра стал только в 1834 г.[93]. Стихи же С.Т. Аксаковым были написаны в 1832 г.[94]. «Непрерывной цепью огорчений и неприятностей» назвал С.И. Машинский период цензорской службы Сергея Тимофеевича, в течение которого он зарекомендовал себя как «прямой, честный, принципиальный человек», стремившийся отстоять свое мнение по поводу той или иной рукописи[95].

В монографии о жизни и творчестве С.Т. Аксакова С.И. Машинский писал о службе в Экспедиции о государственных доходах, что для С.Т. Аксакова это была «скучная канцелярская работа», которая его «раздражала и огорчала»[96]. Рассказывая о ранней службе Сергея Тимофеевича, автор монографии основывался на его мемуарах, лишь один раз привлекая архивный источник, а именно формулярный список С.Т. Аксакова из фонда «Канцелярия попечителя Московского учебного округа» (Ф. 459) ЦГА Москвы[97]. Надо отметить, что на следующих страницах своей монографии С.И. Машинский приводит свидетельства, что в 1811 г. С.Т. Аксаков «оставил» свою службу и переехал жить

[91] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество.
[92] Цит. по: *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 174.
[93] *Кавелин П. А.* А.А. Кавелин, как воспитатель императора Александра II. С. 557.
[94] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 3. Л. 9 об.
[95] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 165, 168.
[96] Там же.
[97] Там же. С. 28.

из Петербурга в Москву, а в 1816 г. после женитьбы решил на несколько лет поселиться «в деревне»[98]. Сергей Тимофеевич действительно часто посещал Москву, и Оренбургское имение, вновь, возвращаясь в Петербург. И только по формулярному списку официальная служба его в Петербурге продолжалась вплоть до 1819 г.[99]. При анализе возникших «несостыковок» с местом пребывания С.Т. Аксакова в 1810-е, благодаря углубленному анализу сохранившихся источников, удалось сделать предположение о фиктивном характере его службы в Экспедиции о государственных доходах с 1810 по 1819 гг.

Руководствуясь фактами из «Очерка…» А.Л. Апухтина, сведениями из официальных документов и личной переписки С.Т. Аксакова с сыновьями, автор монографии отметил вклад его в преобразование учебного заведения, важность его заслуг как директора и педагога.

Таким образом, С.И. Машинский внес огромный вклад в изучение личности С.Т. Аксакова, его деятельности как государственного чиновника, особенно как цензора Московского цензурного комитета. Но автор исследования, возможно, не ставил перед собой задачи всестороннего изучения эпистолярного наследия семьи, документов по служебной деятельности в Комиссии составления законов, Экспедиции о государственных доходах, Константиновском землемерном училище и Константиновском межевом институте.

Углубиться в нюансы литературной жизни начала 1830–х гг. помогло исследование С.В. Березкиной «Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг.»[100]. Одобрив к печати сатирический роман А.А. Орлова «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу», С.Т. Аксаков, как цензор, способствовал «антибулгаринской борьбе», заключавшейся в обличении литераторов, у которых на первое место ставились материальные, а не литературные интересы.

---

[98] Там же. С. 36, 37.
[99] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
[100] *Березкина С. В.* А.А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л., 1987. С. 181–185.

В 1987 г. была издана книга М.П. Лобанова «Сергей Тимофеевич Аксаков»[101]. Учитывая, что в книге из популярной серии отсутствуют ссылки на источники и историографию, можно предположить, что М.П. Лобанов при написании биографии использовал не только работы В.И. Шенрока, В.П. Острогорского, но и научные статьи С.И. Машинского, содержащие богатый архивный материал.

Справочное издание «Русские писатели. 1800–1917» позволило выяснить некоторые биографические сведения о В.Г. Белинском, который в 1838 г. служил в Константиновском межевом институте[102].

В 1992 г. Ю.В. Манн опубликовал историко-литературный очерк «Семья Аксаковых», где приведены общеизвестные факты о служебной деятельности С.Т. Аксакова[103]. Привлекались к исследованию Ю.В. Манном материалы конференции, проводимой в 1983 г. в музее-заповеднике «Абрамцево»[104]. Задача, которая стояла перед автором и издательством «Детская литература», заключалась не в научном изложении материала, с использованием архивных источников, а в популяризации имени С.Т. Аксакова и его сыновей, их литературного наследия среди широкой читательской аудитории. В более поздней монографии Ю.В. Манн отразил перипетии литературной жизни Москвы и роль семьи Аксаковых культуре XIX столетия[105]. Подробно останавливаясь на цензорской деятельности С.Т. Аксакова, Ю.В. Манн отмечал, что в то время все его интересы были сосредоточены в семье, дружеском кругу, театральных увлечениях и литературной жизни. Служба, по мнению Ю.В. Манна, давала в первую очередь заработок для содержания семьи С.Т. Аксакова, была «средством, а не целью»[106].

---

[101] *Лобанов М. П.* Сергей Тимофеевич Аксаков. М., 1987.
[102] Русские писатели. 1800. Т. 1. М., 1989. С. 207.
[103] *Манн Ю. В.* Семья Аксаковых. М., 1992.
[104] Там же. С. 398.
[105] *Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры (кружок и семья). М., 2016.
[106] Там же. С. 373.

История комплектования архива Аксаковых в Самаре изложена М.Н. Тихомировым «Самара в моей жизни»[107]. С 1921 по 1923 гг. М.Н. Тихомиров, проживая в Самаре, был не только хранителем Аксаковского наследия, но и экскурсоводом по «Аксаковской комнате». Многие письма из этого архива, используемые в качестве источника в данном исследовании, хранятся сегодня в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Общеизвестные факты служебной биографии С.Т. Аксакова приведены Е.И. Анненковой в монографии «Аксаковы»[108]. Буквально абзац автор исследования посвятила истории его служебной деятельности, сделав основной акцент в монографии на «погружении» его жизнь русской культуры: театра и литературы[109].

Монография В.А. Любартовича[110] об истории здания, которое было приобретено благодаря участию Сергея Тимофеевича для учебного заведения, рассказывает о службе С.Т. Аксакова в Межевом ведомстве, основываясь на монографии С.И. Машинского, «Очерке…» А.Л. Апухтина.

Исследования Н.А. Гринченко и Н.Г. Патрушевой посвящены структуре и деятельности цензурных учреждений Российской империи, а в аннотированном списке «Цензоры Москвы: 1804–1917» кратко приведена информация о цензоре С.Т. Аксакове, его коллегах-цензорах[111].

---

[107] *Тихомиров М. Н.* Самара в моей жизни. Самара: Самарский университет, 1994. С. 70–84.
[108] *Анненкова Е. И.* Аксаковы. СПб., 1998.
[109] Там же. С. 25.
[110] *Любартович В. А.* Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство. М., 1999.
[111] *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Москвы, 1804—1917. № 44. М., 2000. С. 409–433; *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX— начале XX в. СПб., 2013; *Патрушева Н. Г.* Исследования по истории дореволюционной цензуры в России, опубликованные в 1999—2009 гг. : библиографический обзор // Цензура в России: история и современность : сборник научных трудов. Вып. 5. СПб., 2011. С. 358—376; *Патрушева Н. Г.* Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX— начало XX века). СПб., 2011; *Патрушева Н. Г., Фут И. П.* Циркуляры Цензурного ведомства Российской империи. Сборник документов. СПб., 2016; *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Центральные учреждения цензурного ведомства (1804 – 1917) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сборник научных трудов. Вып.14. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008.

В современном исследовании Г.В. Жиркова «История цензуры в России XIX-XX вв.», автор разобрал особенности цензурной политики 1820–30–х гг., роль в ней императора Николая I – «цензора цензоров»[112]. Из исследования Г.В. Жиркова мы узнаем, что еще в июне 1820 г. был создан комитет для написания нового цензурного устава, который состоял из членов Главного правления училищ: князя В.П. Мещерского, М.Л. Магницкого[113], а также членов Ученого совета: Д.П. Рунича[114], И.С. Лаваля[115] и Н.И. Фусса[116]. Свою версию цензурного устава представил А.С. Стурдза[117]. Пройдет несколько лет, князь В.П. Мещерский станет председателем Московского цензурного комитета, М.Л. Магницкий – попечителем Казанского учебного округа, Д.П. Рунич – попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, и все они получат отставку по обвинению в растрате денежных средств[118].

Свидетелем романтического периода биографии С.Т. Аксакова во время его службы «на бумаге» в Экспедиции о государственных доходах стал «Зеленый альбом» посланий своей невесте О.С. Заплатиной, который хранился изначально в семье, потом у книгопродавца А. Карцева с правом на его издание, а затем попал к коллекционеру А. Миронову, продавшему альбом Музею-заповеднику «Абрамцево»[119]. Подробное описание и анализ содержимого этого

---

[112] *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX-XX вв. С. 69;

[113] Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1844) – государственный деятель, в 1819 г. – член Главного правления училищ Министерства народного просвещения, с 1820 по 1823 гг. входил в Комитет по составлению цензурного устава, в 1826 г. обвинен в растрате казенных денежных средств и отправлен в отставку // РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 75. Л. 6 об.

[114] Рунич Дмитрий Павлович (1778–1860) – государственный деятель, в 1819 г. – член Главного правления училищ Министерства народного просвещения, с 1821 по 1826 гг. был попечителем Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургского учебного округа, в 1826 г. обвинен был в растрате казенных денежных средств и уволен.

[115] Лаваль Иван Степанович (1761–1846) – в 1820–е член Главного правления училищ Министерства народного просвещения

[116] Фусс Николай Иванович (1755–1825) – академик Санкт-Петербургской академии наук, областью научных исследования была математика; Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв. С. 53.

[117] Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) – член Ученого комитета при министре народного просвещения князе А.Н. Голицыне, цензор учебных изданий, преимущественно по древним языкам.

[118] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 130.

[119] *Кузнецова А. Г.* Зеленый альбом // Журнал Отчина. 2002. № 1. С. 8, 9.

альбома сделала научный сотрудник музея-заповедника «Абрамцево» и многолетний хранитель коллекции Аксаковых А.Г. Кузнецова. Никаких новых сведений к истории служебной деятельности С.Т. Аксакова в этой статье не содержится, но содержимое альбома лишний раз становится подтверждением того факта, что служебные вопросы в 1816 г. занимали для Сергея Тимофеевича второстепенное место, на первом месте была женитьба, семья.

О специфике заполнения формулярных списков служащих в первой половине XIX в. писал В.А. Иванов[120]. Его исследование помогло при анализе послужных списков С.Т. Аксакова.

На анализе методики работы цензоров С.Т. Аксакова, С.Н. Глинки, В.В. Измайлова остановилась исследователь О.О. Ботова[121]. «Совещательной» цензурой» назвала исследователь негласный союз трех цензоров, где для них главной целью стал поиск ресурсов поддержки московской литературы. По мнению автора, тремя цензорами «была апробирована система не столько контроля, сколько защиты литературы». Благодаря этой «атмосфере благоприятствования», за короткий период начали издаваться шесть новых журналов, среди которых «Атеней» М.Г. Павлова[122], «Русский зритель» П.Д. Ознобишина и «Московский вестник» М.П. Погодина. «Москва, – по мнению О.О. Ботовой, – заняла лидирующие позиции в отечественной периодической литературе[123]. Оценивая деятельность С.Т. Аксакова как цензора, автор диссертации опиралась в основном на мемуары Сергея Тимофеевича и официальную документацию Московского цензурного комитета, не привлекая эпистолярное наследие семьи Аксаковых. Важным достоинством

---

[120] *Иванов В. А.* Из истории документирования персональных данных государственных служащих в имперской России // Журнал Власть. 2002. № 1. С. 153.

[121] *Ботова О. О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: (формирование, состав, деятельность): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. М., 2003.

[122] Павлов Михаил Григорьевич (1792–1840) – профессор Императорского Московского университета, издавал журналы «Атеней (1828–1830) и «Русский земледелец» (1838–1839), некоторое время был директором Московской земледельческой школы.

[123] *Ботова О. О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: (формирование, состав, деятельность). С. 19, 20.

исследовательской работы стал подробный анализ и составления схем по взаимоотношению Московского цензурного комитета с вышестоящими инстанциями[124]. Анализируя процесс отстранения С.Т. Аксакова от должности председателя Московского цензурного комитета, исследователь О.О. Ботова, ошибочно указала, что А.С. Шишков на тот момент входил в состав Главного управления цензуры, поэтому и заступился за Сергея Тимофеевича Аксакова[125]. Благодаря современным исследованиям группе историков из Российской национальной библиотеки доказано, что в Главное управление цензуры входили четыре человека: С.С. Уваров[126], А.Я. Дашков[127], В.И. Филатьев[128] и А.Н. Оленин[129]. Председателем Главного управления цензуры на тот момент был министр народного просвещения К.А. Ливен[130]. Именно К.А. Ливен на заседании Главного управления цензуры заступился за кандидатуру С.Т. Аксакова, предварительно получив письмо-рекомендацию от А.С. Шишкова.

В 2004 г. С.В. Березкина продолжила тему литературной борьбы начала 1830–х гг., опубликовав статью «Вокруг запрещения журнала «Европеец»[131]. Собрав доказательную базу, С.В. Березкина придерживалась того мнения, что статьей «Девятнадцатый век» «лишь прикрывались перед государем», а «гром грянул вовсе не из-за «Девятнадцатого века», а из-за статьи «Горе от ума», которая содержала «острейший сатирический выпад» против представителей немецкой партии на русской службе, к которой, в том числе, принадлежали

---

[124] Там же. С. 299–301.
[125] Там же. С. 82, 83.
[126] Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – действительный член Императорской Российской академии, министр народного просвещения (1833–1849).
[127] Дашков Андрей Яковлевич (1775–1831) – дипломат, принимавший участие в установлении дипломатических отношений между Российской империей и Соединенными штатами Америки.
[128] Филатьев Владимир Иванович (1778–1842) – государственный деятель, который в 1830 г. стал попечителем Харьковского учебного округа.
[129] Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) – государственный деятель, художник и историк, с 1811 г. стал директором Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге; *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Центральные учреждения цензурного ведомства (1804–1917). С. 189.
[130] *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Российской империи (конец XVIII – начало XX века). С. 233.
[131] *Березкина С. В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец». С. 227—248.

«Бенкендорфы, Ливены, Ниссельроды, Канкрины» и т.д[132]. Таким образом, благодаря этим деталям литературной борьбы начала 1830–х гг., озвученным С.В. Березкиной, стали более понятны события и настроения в обществе, в которые был вовлечен С.Т. Аксаков как цензор Московского цензурного комитета.

Монография В.С. Кусова об истории создания, развития Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК) рассматривает период управления учебным заведением С.Т. Аксаковым. В основу исследования легла неопубликованная документация Константиновского межевого института из фондов ЦГА Москвы и РГАДА[133].

Разобраться с чинопроизводством Сергея Тимофеевича помогла работа Л.Е. Шепелёва «Титулы, мундиры и ордена Российской империи»[134]. Переименование чина С.Т. Аксакова в титулярные советники в 1828 г. произошло по Указу императора Александра I, данному Сенату от 6 августа 1809 г. Л.Е. Шепелёв объяснил детали данного документа, которые позволили сделать вывод, что неоконченный курс наук в Казанском университете для него вызвал трудности при воспроизведении в чин коллежского советника[135].

В 1838 г. на преподавательскую деятельность в Константиновском межевом институте С.Т. Аксаков пригласил В.Г. Белинского. Благодаря монографии Е.Ю. Тихоновой «Человек без маски. В.Г. Белинский: грани творчества» стало известно о близкородственных и товарищеских взаимоотношениях В.Г. Белинского и Дмитрия Петровича Иванова[136].

Исторический очерк Т.Г. Ивановой «Рукописный отдел Пушкинского Дома» позволил восстановить историю поступления аксаковской коллекции в

---

[132] Там же. С. 231, 232.

[133] *Кусов В. С.* Московский государственный университет геодезии и картографии. История создания и развития: 1779–2004. М., 2004.

[134] *Шепелёв Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2005.

[135] Там же. С. 158–162

[136] Иванов Дмитрий Петрович (1812–1881) – двоюродный племянник В.Г. Белинского, учился вместе с ним в Чембарском уездном училище, в Пензенской гимназии и Московском университете; *Тихонова Е. Ю.* Человек без маски. В.Г. Белинский: грани творчества. М., 2006.

Пушкинский Дом Академии наук СССР в 1929 г. и некоторую информацию о хранителе «Аксаковской комнаты» в Самаре – В.В. Зенкевиче[137].

В 1827 г. С.Т. Аксаков был цензором поэмы Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим», переведенной на русский язык поэтом С.Е. Раичем[138]. Деятельность этого московского литератора, его авторитет как секретаря «Общества любителей российской словесности» изложен в статье А.Э. Полонского «С.Е. Раич – Дон-Кихот из Рай-Высокого»[139].

Увольнению С.Т. Аксакова-цензора1832 г. предшествовала отставка из Московского цензурного комитета С.Н. Глинки. Разобраться с деталями фельетона Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина», который стал причиной увольнения в 1830 г. С.Н. Глинки, помогла статья К.Г. Боленко «К вопросу о литературных источниках фельетона Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина»[140].

В 2012 г. Н.А. Размановой было опубликовано два исследования, которые касались личности Д.М. Княжевича[141] и его службы в Министерстве финансов. Монография Н.А. Размановой «Казначеи России и становление государственной казначейской службы» и статья «…Способен и достоин»: Д.М. Княжевич в

---

[137] *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. СПб., 2006.

[138] Раич Семен Егорович (1792–1855) – поэт, учитель Ф.И. Тютчева и М.Ю. Лермонтова. Авторитет С.Е. Раича был очень велик, он был выбран секретарем «Общества любителей российской словесности». // *Полонский А. Э.* С.Е. Раич – Дон – Кихот из Рай-Высокого [Электронный ресурс] // Интернет-журнал RELGA. № 8. [М.], 2008. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2189&level1=main&level2=articles (Дата обращения: 02.03.2020).

[139] *Полонский А. Э.* С.Е. Раич – Дон – Кихот из Рай-Высокого.

[140] *Боленко К. Г.* К вопросу о литературных источниках фельетона Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина». Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Выпуск VII. Tartu, 2009. С. 96–110.

[141] Княжевич Дмитрий Максимович (1788–1844) – брат А.М. Княжевича, литератор, журналист, издатель литературных прибавлений к журналу «Сын отечества», в 1804 г., защищая брата, А.М. Княжевича, исключен из Казанской гимназии по делу о беспорядках, с 1827 г. вице-директор департамента государственных имуществ, с 1831 г. директор департамента государственного казначейства, в последние годы жизни попечитель Одесского учебного округа, друг С.Т. Аксакова.

Министерстве финансов (1805 – 1837 гг.)» позволили понять должность и роль Д.М. Княжевича в Экспедиции о государственных доходах[142].

Всестороннее изучение деятельности Комиссии составления законов и задач, которые были поставлены перед ее сотрудниками, подробно проанализированы не только в дореволюционном исследовании П.М. Майкова, но и в современных исследованиях Л.Ф. Писарьковой. В монографии «Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение» автор на основе опубликованных источников проанализировала деятельность Комиссии под управлением Г.А. Розенкампфа и затем под руководством М.М. Сперанского[143]. Мотивация молодых дворян, «вступающих в практическую жизнь», для прохождения службы в столице, процесс подготовки российских законодательных проектов были разобраны Л.Ф. Писарьковой в монографии «Государственное управление в России в первой трети XIX в. Становление министерской системы»[144].

Размер пенсионного оклада С.Т. Аксакова, как результат его «двадцатилетней беспорочной службы» в государственных учреждениях, стал известен благодаря статье Н.В. Тютюнова[145]. С самого начала поступления С.Т. Аксакова на государственную службу, он уже задумывался о том, чтобы накапливалась выслуга лет, которая в итоге суммировалась и стала основанием для получения годового пенсионного содержания.

В делопроизводственных документах Московского цензурного комитета, где исправляющим должность председателя был С.Т. Аксаков в 1828 г., сохранились свидетельства о внесенной цензурной правки в произведения А.С. Пушкина. О роли А.Х. Бенкендорфа в судьбе сочинений А.С. Пушкина

---

[142] *Разманова Н. А.* Казначеи России и становление государственной казначейской службы. М., 2012. С. 119; *Разманова Н. А.* «…Способен и достоин»: Д.М. Княжевич в Министерстве финансов (1805–1837 гг.).

[143] *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление в первой четверти XIX в. Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 156.

[144] *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление в России в первой трети XIX в. Становление министерской системы. М., 2019. С. 14, 197.

[145] *Тютюнов Н. В.* История формирования отечественной системы пенсионного обеспечения военнослужащих. С. 92 // Журнал Социально-политические науки. № 2. М., 2012.

рассказано во вступительной статье М.В. Сидоровой к публикации «Воспоминаний. 1802–1837 гг.» А.Х. Бенкендорфа[146].

В монографии Л.М. Ляшенко «Николай I. Случайный император» отражена специфика цензурной политики конца 1820-х – начала 1830–х гг., особенности цензурных уставов[147]. Эти данные в совокупности с анализом неопубликованных источников помогли определить условия и задачи, которые стояли перед С.Т. Аксаковым в период его службы в Московском цензурном комитете в конце 1820-х годов.

В 2014 г. отмечался 235–летний юбилей наследников Константиновского межевого института – Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК) и Государственного университета по землеустройству (ГУЗ). Профессорско-преподавательский коллектив МИИГАиК отметил эту дату изданием книги «Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт»[148]. На основе опубликованных ранее изданий в книге отражена роль С.Т. Аксакова в преобразовании Константиновского межевого института, в приложении к книге опубликованы уставы учебного заведения. Третья глава издания посвящена месту Константиновского межевого института в системе образования при императоре Николае I. Автор исследования Е.Б. Емченко, разбирая по параграфам устав Константиновского межевого института, сделала выводы о заслугах Сергея Тимофеевича в подготовке и воспитании молодых специалистов.

Коллектив авторов ГУЗа в своем юбилейном издании на основе ранее опубликованных источников и дореволюционной историографии отразил историю учебного заведения с 1779 по 2014 гг.[149]. Книга содержит общеизвестные факты о деятельности С.Т. Аксакова в Константиновском межевом институте, об устройстве в учебное заведение В.Г. Белинского, об инспекторе П.Д. Козловском,

---

[146] *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания 1802–1837. М., 2012. С. 15.
[147] *Ляшенко Л. М.* Николай I. Случайный император. М., 2013.
[148] *Соломатин В. А., Комарова Н. Ф., Емченко Е. Б., Иванова Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт.
[149] *Волков С. Н., Широкорад И. И., Вершинин В. В., Косинский В. В. и др.* Государственный университет по землеустройству. История и современность. 1779–2014. М., 2014.

реконструкции усадьбы А.Б. Куракина[150] под институт и учебном процессе 1830–х гг.

Запрещение журнала «Европеец», к которому прямое отношение имел цензор С.Т. Аксаков, стало поводом переписки Е.А. Боратынского и И.В. Киреевского в марте 1832 г. Письма отразили пессимистичный настрой в литературных кругах, выдержки из них приведены в исследовании В.Ф. Михайлова «Боратынский»[151].

В исследованиях Р.П. Поддубной включена информация об истории «Аксаковской комнаты» в Дворянском доме г. Самары, в которой хранилась часть рукописей из архива семьи Аксаковых, и дальнейшей судьбе эпистолярного наследия С.Т. Аксакова[152].

В историко-генеалогическом издании «Аксаковы: семейная энциклопедия» по служебной биографии Сергея Тимофеевича включены общеизвестные сведения из его формулярного списка, который находится в РГАЛИ, и монографии С.И. Машинского[153].

Одно из последних изданий ГУЗа – «Первый директор Межевого института». Книга была издана в 2016 г., к 225–летней годовщине со дня рождения С.Т. Аксакова. Были частично опубликованы документы строительного комитета при учебном заведении. Введены в научный оборот данные из формулярных списков и отчетов Константиновского межевого института[154].

Роли Н.И. Седовой-Троцкой в сохранении памятников искусства и старины, в том числе в сохранении архива Аксаковых, посвящена работа Н.А. Личак[155].

---

[150] Куракин Александр Борисович (1752–1818)–вице-канцлер (1796), член Государственного совета, сенатор.

[151] *Михайлов В. Ф.* Боратынский. М., 2015.

[152] *Поддубная Р. П.* Самарская хроника Аксаковых. Самара, 2015. С. 101; *Поддубная Р. П.* Ольга Григорьевна Аксакова. Самара, 2018. С. 134–138.

[153] Аксаковы: Семейная энциклопедия. М., 2015. С. 63–65, 242, 243.

[154] *Волков С. Н., Широкорад И. И., Рыжкова Е. В.* Первый директор Межевого института.

[155] *Личак Н. А.* Н.И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2016. № 1. С. 287–291.

В исследовании А.А. Чуркина «Служба как фигура умолчания в творчестве С.Т. Аксакова» на основе опубликованных источников и исследований достаточно кратко рассмотрена служебная деятельность С.Т. Аксакова в контексте его автобиографических произведений[156]. Анализируя своеобразие стилистики Сергея Тимофеевича в «Литературных и театральных воспоминаниях», А.А. Чуркин обратил внимание читателя на его конфликт с председателем Московского цензурного комитета князем В.П. Мещерским. Историю их взаимоотношений исследователь назвал «противостоянием» из-за возникшего конфликта с непониманием параграфами устава и цензорской деятельностью [157]. Основным источником, используемым автором при написании исследования, стали мемуары писателя.

Повседневная жизнь Константиновского межевого института в период управления им С.Т. Аксаковым описана и проанализирована в публикации Е.Б Емченко «Роскошное помещение…»: культурно-бытовое пространство Константиновского межевого института»[158]. Задача, которая стояла перед Е.Б. Емченко, заключалась в том, чтобы на основе неопубликованных документов РГАДА собрать воедино информацию о том, как жили и учились воспитанники Константиновского межевого института, проанализировать их повседневный быт и вклад С.Т. Аксакова как директора в создание как можно более комфортного их пребывания в период обучения.

Таким образом, несмотря на обширную историографию служебной деятельности С.Т. Аксакова, отдельные аспекты этой темы остались незатронутыми исследователями до настоящего времени. Начальный период его государственной службы, пребывание его в Экспедиции о государственных доходах из-за крайне малого количества сохранившихся источников не освещены в историографии. Значительная часть исследований посвящена деятельности

---

[156] *Чуркин А. А.* Служба как фигура умолчания в творчестве С.Т. Аксакова // Чины и музы. Сборник статей. СПб. – Тверь, 2017. С. 373–387.

[157] Там же. С. 381–382.

[158] *Емченко Е. Б.* «Роскошное помещение…»: культурно-бытовое пространство Константиновского межевого института // *Давлетбаева В. Б., Емченко Е. Б.* Мой Институт… К 240–летию Московского государственного университета геодезии и картографии. С. 183–265.

С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете и Межевом ведомстве. Но, авторы исследований основывались в первую очередь на сведениях из его биографии, и привлечены были далеко не все неопубликованные архивные источники. Фрагментарность существующих исследований и их избирательность в используемых источниках не дает возможность в полной мере оценить С.Т. Аксакова как чиновника.

Сложность для исследователей представляет тот факт, что все неопубликованные архивные материалы рассредоточены в нескольких архивах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, поэтому одной из основных исследовательских задач является собрание воедино всех источников по теме служебной биографии С.Т. Аксакова. Только комплексное исследование всех источников позволит максимально подробно описать и проанализировать каждый из этапов его служебной деятельности, охарактеризовать его как государственного чиновника, понять его мотивы и раскрыть человеческие качества, проявившиеся на службе.

Глава 2. Биографические сведения о С.Т. Аксакове в период его государственной службы

Рассматривать служебную биографию С.Т. Аксакова необходимо в контексте его жизни, общественной деятельности сначала в Петербурге, а затем в Москве. Это теме посвящено обширное количество исследований.

Под влиянием отца и дядьки Евсеича в детстве закладывалось поразительное знание и любовь к русской природе[159]. Надо отметить, что тогда же, благодаря своей тетушке Татьяне Степановне, у него проявились интерес и любовь к народным традициям и забавам. Отец Т.С. Аксаков[160], уважая «труды крестьян», брал С.Т. Аксакова с собой на сельскохозяйственные работы и, таким образом, у его сына закладывалась сострадание к нелегкому крестьянскому труду[161]. Одновременно в С.Т. Аксакове в детские годы семьей воспитывалось глубокое чувство православия и уважение к вере. Для М.Н. Аксаковой[162], матери С.Т. Аксакова, было близко чувство сострадания к ближнему, крестьянам, которым она стремилась оказать помощь в лечении их болезней[163]. Ее желание – дать сыну воспитание, которое было бы основано на любви к литературе и культуре. С.Т. Аксаков вспоминал о том, что для него самым любимым делом в детстве было чтение вслух и получение от М.Н. Аксаковой различных объяснений на не понимаемые им слова и выражения[164].

Любимой книгой детства для С.Т. Аксакова был журнал Н.И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума». Главная задача журнала заключалась в воспитании патриотов и добрых граждан своего Отечества, которые бы с уважением и любовью относились к русскому языку. Главные качества, которые стремились воспитать издатели у юношества – гуманность, уважение к

---

[159] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука // Собр.соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 491.
[160] Аксаков Тимофей Степанович (1759–1837) – отец С.Т. Аксакова, прокурор Уфимского земского суда.
[161] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука // Собр.соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 454.
[162] Аксакова Мария Николаевна, урожденная Зубова (1769–1833) – мать С.Т. Аксакова.
[163] *Аксаков С. Т.* Детские годы Багрова-внука // Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 325.
[164] Там же. С. 400.

человеческому достоинству, честность, любовь к родине и родному языку, в дальнейшем стали неотъемлемыми в мировоззрении С.Т. Аксакова.

«Старинными друзьями моего отца и матери» называл С.Т. Аксаков в «Воспоминаниях» родителей братьев Д.М. и А.М. Княжевичей[165]. Именно М.Д. Княжевич, служивший с Т.С. Аксаковым прокурором Верхнего земского суда в Уфе, уговорил родителей С.Т. Аксакова отвезти сына учиться в Казанскую гимназию[166]. Братьев Д.М. и А.М. Княжевичи на протяжении всей жизни с Сергеем Тимофеевичем связывала крепкая дружба и общие воспоминания об учебе в Казанской гимназии, а затем в Казанском университете. Спустя несколько лет Д.М. Княжевич, а затем А.М. Княжевич, сыграют немаловажную роль в служебной карьере Сергея Тимофеевича.

Обучаясь в Казанской гимназии, а затем в Казанском университете, любовь к родному языку, русской словесности, русской литературе у С.Т. Аксакова укреплялась благодаря учителям Н.М. Ибрагимову[167] и Г.И. Карташевскому[168]. В университете у С.Т. Аксакова развилась любовь не только к литературе, но и к театру. Он стал организатором любительского театра в Казанском университете, где у него проявилось незаурядное актерское дарование.

Обучение С.Т. Аксакова в университете прервалось в 1807 г. Это было время войны с Наполеоном в Европе, когда многие студенты, подчиняясь

---

[165] Княжевич Александр Максимович (1792–1872) – друг С.Т. Аксакова, в 1830–е гг. вице-директор департамента государственного казначейства, директор канцелярии министра финансов, с 1844 г. директор департамента государственного казначейства и с 1858–1862 министр финансов, друг С.Т. Аксакова со времен обучения с ним в Казанской гимназии и затем в Казанском университете.

[166] *Аксаков С. Т.* Гимназия. Период первый // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 9.

[167] Ибрагимов Николай Михайлович (1778–1818) – педагог Казанской гимназии, учитель С.Т. Аксакова.

[168] *Аксаков С. Т.* Гимназия. Период второй // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 93. Карташевский Григорий Иванович (1777–1840) — возглавлял класс геометрии, тригонометрии и высшей математики в Казанской гимназии, в то время воспитатель и наставник С.Т. Аксакова, в 1817 г. стал его родственником, женившись на сестре С.Т. Аксакова — Надежде Тимофеевне. В том числе был учителем будущего академика и известного математика Перевощикова Д.М (1788–1880). Служил с 1824 г. директором департамента в главном управлении духовных дел иностранных исповеданий. С 1829 г. – попечитель Белорусского учебного округа. В 1835 г. уволен со службы по расстроенному здоровью с производством в чин тайного советника. В 1839 г. назначен сенатором.

патриотическому подъему, охватившему общественность, покидали стены учебного заведения и вступали в ряды действующей армии. С.Т. Аксаков оставил университет не с целью поступления на военную службу, а с целью определения «к статским делам». В этом решении Сергея Тимофеевича сыграл немаловажную роль Г.И. Карташевский, который, уезжая служить в столицу, убедил родителей С.Т. Аксакова отпустить юношу в Петербург на государственную службу. Впоследствии Сергей Тимофеевич «краснея, признавался» в своих взглядах того времени, что у него не было тогда мыслей «лететь с мечом на поле брани»[169].

Поступив на государственную службу в Петербурге, круг интеллектуальных знакомств С.Т. Аксакова значительно расширился. Среда, в которой он рос и воспитывался, интересы близких ему людей, общение с литературными и театральными знаменитостями того времени оказали влияние на формирование его мировоззрения.

Мемуары С.Т. Аксакова раскрывают его общественные воззрения и увлечения в период его государственной службы в Петербурге, которые передают детали насыщенной литературной и общественной жизни С.Т. Аксакова вне служебного времени. Она продолжалась вплоть до 1833 г. В период его службы в Межевом ведомстве не удалось обнаружить ни одной его публикации или заметки. Возможно, это было связано с тем, что административно-педагогическая работа в Константиновском землемерном училище, а потом в Константиновском межевом институте требовала от него колоссальных усилий и профессиональных навыков, полной служебной занятости. Кроме того, в 1830-е гг. С.Т. Аксаков был занят организацией поступления своих сыновей в престижные учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга. Литературной деятельностью Сергей Тимофеевич вновь стал заниматься после увольнения из Константиновского межевого института, в 1840-е гг.

Из «Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове» мы узнаем о частых встречах с ним С.Т. Аксакова. По словам Сергея Тимофеевича, в то время уже употреблялось понятие славянофильства, главой которого был А.С. Шишков.

[169] Там же. С. 161.

Под славянофильством, по словам С.Т. Аксакова, понималось, так называемое, «русское направление», которое было основано на любви к славянам и участию в их «несчастном положении». Кроме того, сторонники «русского направления» выступали против подражания «французским обычаям», против использования в речи иностранных слов и оборотов[170].

В то время, 18-летний Аксаков, продолжал «безусловно, благоговеть перед Шишковым»[171]. Однако, после первого многочасового общения с А.С. Шишковым, чувство поклонения сменилось недоумением и смущением. Причиной тому стало несовпадение словесных заявлений Шишкова и его реального образа жизни. Оказалось, что у «православного Шишкова – жена лютеранка»[172], что воспитывал его племянников француз-гувернер, и в доме «вождя русского направления» практически всегда говорили по-французски. С.Т. Аксакова поражало такое несходство слова с делом в семье А.С. Шишкова[173]. Ему привелось побывать на первых заседаниях «Беседы любителей русского слова» в 1811 г., одним из основателей которой тоже был А.С. Шишков. И снова в душе Аксакова возникло разочарование, что заседания на самом деле оказались очень посредственными, где говорились пошлые комплименты и критические замечания[174]. Эти факты еще раз подтверждают, что в формирующемся мировоззрении Аксакова приверженность к идее «русского направления» проходит через призму его собственной оценки и анализа. Страстное увлечение идеями А.С. Шишкова сменяется уважением к человеческому достоинству, к его заслугам как общественного деятеля, как литератора, государственного человека и «двигателя своей эпохи»[175].

Необыкновенное чувство декламации, как раньше называли чтение вслух, сблизило С.Т. Аксакова в столице с выдающимися людьми – поэтом

---

[170] *Аксаков С. Т.* Воспоминание об Александре Семенович Шишкове // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 270.
[171] Там же. С. 271.
[172] Там же. С. 279.
[173] Там же.
[174] Там же. С. 302.
[175] Там же. С. 313.

Г.Р. Державиным, актером Я.Е. Шушериным, благодаря которому он смог завести в театральном мире Петербурга обширный круг друзей. Вечера, проведенные с Я.Е. Шушериным, не только раскрыли перед Сергеем Тимофеевичем многие тайны актерского мастерства и искусства декламации, но и возвели на главное место в оценке театральной игры актеров, в целом жизненных взглядов обыкновенные живые человеческие чувства – простоту, естественность и благородство[176]. Казалось бы, преклонение молодого С.Т. Аксакова перед выдающимся актером Шушериным безгранично, но и здесь он не очаровывается его личностью до самозабвения, а оценивает поступки Я.Е. Шушерина с точки зрения порядочности, благородства и уважения к человеческому достоинству.

В 1810 г., служа в Комиссии составления законов, С.Т. Аксаков занялся переводом с французского языка комедии «Школа мужей» Мольера. 23 июля 1810 г. он писал своей сестре Н.Т. Аксаковой[177], что хотел бы «сделаться русским Мольером». Как правильно заметил Ю.В. Манн, в выражении «русский Мольер» акцент был сделан С.Т. Аксаковым на слове «русский», стремление его заключалось в приближении комедии к «российской жизни».[178]. Поставили «Школу мужей» в 1819 г. на сцене Большого театра в Петербурге. Затем последовал перевод трагедии «Филоктет», постановке которой на сцене помешала Отечественная война 1812 г. Пьеса была издана в 1816 г. без указания автора, но с его примечанием, в котором сообщается, что «Филоктет» был переведен для последнего бенефиса г. Шушерина. Однако война и смерть г. Шушерина помешали поставить пьесы, и она была издана С.Т. Аксаковым в память об актере, вырученные деньги им были отправлены «в пользу бедных»[179].

Литературно-публицистическая деятельность Сергея Тимофеевича в период с 1808 по 1819 гг. включает несколько переводов и шесть сочинений, среди

---

[176] *Аксаков С. Т.* Яков Емельянович Шушерин и современные ему театральные знаменитости // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 358.

[177] Аксакова Надежда Тимофеевна, в замужестве Карташевская (1793–1887) – сестра С.Т. Аксакова и супруга Г.И. Карташевского.

[178] *Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры (кружок и семья). С. 322, 323.

[179] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Яков Емельянович Шушерин // Собр. соч.: в 4 т. Т.2. М., 1956. С. 496, 497.

которых – пять стихотворений и одна басня. Как писал С.И. Машинский, С.Т. Аксаков, понимая, что его литературные сочинения не отличались незаурядной художественной культурой, не придавал им особого значения[180]. С 1824 г. Сергей Тимофеевич начал публиковать литературные и театральные рецензии, а также заметки и статьи, которые сделали его имя известным, в первую очередь, как театрального знатока и критика.

С.Т. Аксаков предложил издателю «Московского вестника» М.П. Погодину включить в журнал статьи о театре, обзоры театральных постановок. Инициатива С.Т. Аксакова была поддержана издателем[181]. Сергей Тимофеевич публиковал свои статьи не только в журнале М.П. Погодина, но и в газете «Молва», издателем которой был Н.И. Надеждин. Публикации С.Т. Аксакова о театре проникнуты искренней любовью ко всему отечественному. Он призывал актеров театра стремиться к натуральной, истинной и простой игре. По его мнению, актер должен представлять образы людей «не на ходулях», а в «настоящем виде»[182]. Приветствуя отечественные произведения на русской сцене, С.Т. Аксаков давал высокую оценку театральному таланту М.С. Щепкина. Он восхищался его сценическими способностями, которые были значимыми жизненными качествами и для него самого – он писал, что это, в первую очередь, «любовь к свободе», «любовь к добродетели и человечеству»[183].

В 1830 г. С.Т. Аксаков на страницах «Московского вестника» опубликовал заметку «О значении поэзии Пушкина». Он отметил достоинства поэта А.С. Пушкина – его «силу» и необыкновенную «точность в изображениях», его «мгновенные движения души»[184]. Как писал С.И. Машинский, нужно было иметь не только независимость, смелость в суждениях, но и понимать искусство, чтобы пойти наперекор критике, направленной против поэта, и писать в 1830-е годы

---

[180] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 43.
[181] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1956. С. 128.
[182] *Аксаков С. Т.* Пан Твардовский // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С.425.
[183] *Аксаков С. Т.* Нечто об игре г-на Щепкина // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С.414.
[184] *Аксаков С. Т.* Письмо к издателю «Московского вестника». О значении поэзии Пушкина // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 518.

такие о нем строки[185]. С.Т. Аксаков вспоминал, что однажды услышал от А.С. Пушкина мнение на его статью, напечатанную в «Московском вестнике»: Пушкин признавался своему собеседнику, что никто так точно не говорил еще о его литературном «даровании», как «неизвестный барин» в последнем номере журнала.

В публикации о «Юрии Милославском» С.Т. Аксаков похвалил национальный русский характер этого сочинения М.Н. Загоскина: яркость и выразительность русского языка, его высокую нравственность и добродетель[186]. В пьесах князя А.А. Шаховского[187] он доказывал и поддерживал приверженность драматурга ко всему отечественному, народному[188].

Статья «Рекомендация министра», опубликованная в издании М.П. Погодина, чуть не лишила Сергея Тимофеевича ожидаемой должности в Московском цензурном комитете. История с фельетоном подробно разбирается в главе о служебной деятельности в Московском цензурном комитете. Инцидент, связанный с публикацией фельетона «Рекомендации министра», послужил прологом к основным испытаниям и конфликтным событиям С.Т. Аксакова, произошедшим в период его службы в Министерстве народного просвещения. С этим эпизодом служебной деятельности С.Т. Аксакова-цензора было связано стихотворение «Стансы», написанное в 1832 г. Стихотворение было адресовано А.А. Кавелину, служившему воспитателем наследника престола, в Зимний дворец. «Ярким и выразительным документом» назвал Ю.В. Манн название стихотворения: «Стансы к Александру Александровичу Кавелину…»[189]. Любопытен тот факт, что это стихотворение, которое характеризует С.Т.

---

[185] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 145.

[186] *Аксаков С. Т.* Юрий Милославский, или русские в 1612 году // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М, 1956. С. 496, 499.

[187] Шаховской Александр Александрович (1777–1846), князь – «первым драматическим писателем» называл его С.Т. Аксаков. Театральный деятель, которому он посвятил несколько своих рецензий и статей. С 1802 по 1826 гг. А.А. Шаховской служил в Петербургской дирекции Императорских театров.

[188] *Аксаков С. Т.* О заслугах князя Шаховского в драматической словесности // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 524.

[189] *Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры (кружок и семья). С. 374.

Аксакова как смелого, честного, действующего по совести чиновника, было включено им в семейные альбомы, подаренные С.А. Шишковой[190], будущей супруге Г.С. Аксакова, и Е.А. Томашевскому[191], будущему мужу М.С. Аксаковой. Два сохранившихся рукописных семейных альбома Аксаковых знакомят новых родственников с ценностями, которыми жила семья. Альбомы предназначались в качестве подарка, сделанного накануне свадебных торжеств. Альбом, подаренный С.А. Шишковой, датирован 1848 г., а альбом, подаренный Е.А. Томашевскому – 1857 г. Стихотворение «Стансы» включено в подарочные альбомы как свидетельство для вступающего в новую жизнь молодого поколения важного момента биографии С.Т. Аксакова, когда он сумел сохранить достоинство при вынужденной отставке из Московского цензурного комитета.

Как справедливо отмечали практически все исследователи, бесспорным фактором, повлиявшим на убеждения С.Т. Аксакова, стало сближение дома Аксаковых, благодаря Константину, с ведущими идеологами славянофильства: А.С. Хомяковым[192], Ю.Ф. Самариным[193], братьями И.В. и П.В. Киреевскими[194]. Начиная с 1840 г. круг этих людей, как постоянных посетителей «аксаковских суббот», импонировал Сергею Тимофеевичу, в первую очередь, приверженностью славянофилов национальным традициям, их любви к русскому народу, языку, природе, но теоретические их взгляды он не считал для себя обязательными. Это была определенная общность интересов, которая просто углубила уже имевшее место «русского направления» в мировоззрении С.Т. Аксакова.

---

[190] Шишкова Софья Александровна, в замужестве Аксакова (1830–1883) – супруга Г.С. Аксакова, организовала сбор благотворительных средств на строительство театра в Уфе, инициировало преобразование женского училище в Мариинскую женскую гимназию, помогала содержанию детских приютов.

[191] Томашевский Егор Антонович (?-?) – сын Антона Францевича Томашевского, друга семьи Аксаковых и муж М.С. Аксаковой. Состоял в переписке с директором Чертковской библиотеки П.И. Бартеневым.

[192] Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, публицист, один из идеологов славянофильства.

[193] Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – публицист и философ, идеолог славянофильства.

[194] Киреевский Петр Васильевич (1808–1856) – писатель и фольклорист, приходился младшим братом И.В. Киреевскому.

В 1830 г. С.Т. Аксаков определял себя как человека, который не принадлежал «ни к одной из партий»[195]. Это идеологическое направление было характерно для общественно-политической позиции Сергея Тимофеевича. На его убеждения оказали влияние славянофильские взгляды и дружеское окружение его сыновей Константина и Ивана Аксаковых. Во многом С.Т. Аксаков поддерживал идеи своих сыновей-славянофилов, но при этом он стремился подойти к их убеждениям умеренно и с объективностью, а иногда и критически.

Ограничиваясь временным промежутком служебной деятельности 1808–1839 гг., необходимо кратко сказать о более поздних событиях, в которых отразились общественно-политические взгляды С.Т. Аксакова. События во Франции 1848 г. у Аксакова вызвали неприятие революции[196].

В связи с публикацией рескрипта Александра II 20 ноября 1857 г., по которому в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях были учреждены комитеты для организации местных проектов будущих крестьянских реформ, С.Т. Аксаков письменно уведомил оренбургского предводителя дворянства о своем желании освободить от крепостной зависимости собственных крестьян[197]. Поглощенный мыслями о предстоящей реформе, через месяц, в конце декабря 1857 г. он писал И.С. Тургеневу о том, что необходимо именно сейчас вернуться в Россию, потому что Отечество «переживает великое время». И.С. Тургенев, как помещик и как член общества, по мнению С.Т. Аксакова, должен быть «на своем месте», ему нельзя жить заграницей, когда «решается судьба» России, его родины[198].

Формирование и выражение взглядов С.Т. Аксакова происходило на протяжении всего его жизненного пути, под влиянием различных факторов. Семейное воспитание, родительское влияние, обстановка, в которой рос Сергей Тимофеевич, способствовали воспитанию в нем: любви к русской природе,

---

[195] *Аксаков С. Т.* Письмо к издателю «Московского вестника». О значении поэзии Пушкина // Собр. соч.: в 4 т. Т.3. М., 1956. С. 517.
[196] Там же.
[197] *Лобанов М. П.* Сергей Тимофеевич Аксаков. С. 282.
[198] *Пахомов Н. П.* История одной дружбы. И.С. Тургенев и семья Аксаковых // Охотничьи просторы. М., 1979. № 28. С. 192–203.

русскому народу, традициям, русской литературе; патриотизма, сострадания к тяжелому крестьянскому труду; уважению к человеческому достоинству. Истинно русское чувство, пристрастие ко всему родному, стремление к истинности, простоте укреплялось в мировоззрении Аксакова в гимназические и студенческие годы, затем под влиянием новых знакомств в Петербурге – с окружением А. С. Шишкова; актерами Я.Е. Шушериным и И.А. Дмитревским.

Служебная деятельность С.Т. Аксакова тесно связана с его общественной деятельностью. В период с 1808 по 1819 гг. происходило знакомство Сергея Тимофеевича с известными людьми эпохи конца XVIII – начала XIX столетий, которые в значительной степени повлияли на его литературно-художественные и театральные вкусы, на становление его общественных взглядов. Начиная с 1820-х гг., он активно участвует в литературной и театральной жизни Москвы. Общее количество статей, заметок, стихотворений, написанных С.Т. Аксаковым в этот период, насчитывает более 70 публикаций. Для него было важно сохранение в русской литературе и на театральной сцене национального характера произведений, которые становились «народным достоянием», если их отличало высокое «искусство составления стихов», любовь «к добродетели» и «любовь к Отечеству»[199]. С.Т. Аксаков предстает перед читателем как поэт, как блестящий театральный и литературный критик, радеющий за развитие русской литературы и театра, как начинающий писатель-реалист.

[199] *Аксаков С. Т.* Письмо к издателю «Московского вестника». О значении поэзии Пушкина; Юрий Милославский или Русские в 1612 году // Собр.соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 496–499, 518.

Глава 3. Типологический анализ и классификация источников служебной деятельности С.Т. Аксакова (1808–1839 гг.)

С тем, чтобы «реконструировать» служебную деятельность С.Т. Аксакова с 1808 по 1839 гг., его вклад в развитие Московского цензурного комитета, Константиновского межевого института; а также понять, как проявились человеческие качества Аксакова-чиновника, понять административные, педагогические принципы, мотивы, которыми он руководствовался на службе – необходимо выявить и провести комплексный анализ всех существующих источников. Новые сведения и новые исторические факты о служебной деятельности С.Т. Аксакова, полученные из источников, по большей части архивных, дополненные уже известной биографической информацией, помогли приблизиться к его реальной жизни.

Источниковая база включает законодательные акты и делопроизводственные документы, мемуарные и эпистолярные источники. Значительная часть этих источников опубликована в многотомных изданиях, такие как собрания сочинений С.Т. Аксакова, В.Г. Белинского, И.В. Киреевского и А.С. Пушкина; Полное собрание законов Российской империи (1–е и 2–е собрания)[200]. Периодические издания «Русская старина», «Молва», «Московский вестник», «Исторический вестник», «Русский архив» с публикациями С.Т. Аксакова, его современников, биографов стали важными источниками при написании работы.

Важной составляющей работы стали письма и записки известных литераторов и государственных деятелей С.Н. Глинки, И.В. Лопухина, К.А. Полевого[201], А.В. Никитенко[202], П.А. Вяземского[203], А.А. Шаховского, П.В. Киреевского, А.С. Шишкова.

---

[200] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (ПСЗ–I). СПб., 1830; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (ПСЗ–II). СПб., 1830–1884.

[201] Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801–1867) – литературный критик и журналист, брат Н.А. Полевого.

Масштабный комплекс источников выявлен в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Надо отметить, что архивные источники дошли до нас в неполном объеме. Например, делопроизводственные документы о службе С.Т. Аксакова с 1808–1810 гг. собраны только в трех делах фонда «Комиссия составления законов при Государственном совете» (Ф. 1260) РГИА. В то же время делопроизводственные документы о его службе в Межевом ведомстве охватывают около 100 единиц хранения из фондов РГАДА «Канцелярия главного директора Межевого корпуса и Управление межевой частью Министерства юстиции» (Ф. 1295) и «Межевая канцелярия. Указы, журналы и протоколы» (Ф. 1294).

В процессе комплексного анализа источников и «реконструкции» службы С.Т. Аксакова, возникли пробелы по некоторым временным периодам. Это объясняется с тем, что не все источники сохранились и дошли до нашего времени, особенно по служебной деятельности Сергея Тимофеевича в Комиссии составления законов и Экспедиции о государственных доходах. Например, в РГИА в фонде «Экспедиция о государственных расходах Сената» (Ф. 557) сохранилось прошение сенатского регистратора С.Т. Аксакова на имя императора о вступлении в Экспедицию о государственных доходах. В «Месяцесловах с росписью чиновных особ или общем штате Российской империи» 1810–1819 гг. информация о службе Сергея Тимофеевича в данном учреждении отсутствует.

При анализе служебной деятельности С.Т. Аксакова в Межевом ведомстве, мы сталкиваемся с тем, что многие документы присутствуют в единичном экземпляре, но некоторые документы дублируются. Так, например, в фонде «Канцелярия главного директора Межевого корпуса и Управление межевой частью Министерства юстиции» (Ф. 1295) РГАДА хранится дело «О дерзком поступке воспитанника КМИ Воронова против директора сего заведения»[204] и в

---

[202] Никитенко Александр Васильевич (1805–1877) – цензор и профессор Санкт-Петербургского университета

[203] Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – поэт, литературный критик, близкий друг А.С. Пушкина.

[204] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 1202.

фонде «Константиновский межевой институт (1831–1930)» (Ф. 1905) ЦГА Москвы хранится дело «О воспитаннике 17 лет Василии Воронове, поступившем в институт в 1838 г.», которого директор учебного заведения В.И. Ланге, назначенный после увольнения С.Т. Аксакова, решил прилюдно наказать розгами «за грубость с надзирателем»[205].

Итак, значительная часть источников представлена делопроизводственной документацией государственных учреждений, где проходил службу С.Т. Аксаков, нарративными опубликованными источниками – дневниками, записками, мемуарами, многие из которых давно введены в научный оборот, а также неопубликованной частной перепиской Сергея Тимофеевича, его родственников и современников.

3.1 Делопроизводственная документация

Основой источниковой базы настоящего исследования стала делопроизводственная документация, которую можно распределить на три группы: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) документы, содержащие просьбы и выступающие образующими, инициативными при формировании архивного дела[206].

Нижестоящие государственные учреждения отправляли вышестоящему руководству донесения. Ярким примером таких донесений стали документы Московского цензурного комитета, адресованные попечителю Московского учебного округа; донесения-рапорты директора Константиновского межевого института главному директору Межевого корпуса – попечителю Константиновского межевого института и попечителя Константиновского межевого института – министру юстиции.

---

[205] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп. 1. Д. 27.
[206] Источниковедение: учеб. пособие. / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. М., 2015.С. 281.

Важное значение имела внутренняя документация, «обслуживающая документопоток внутри учреждения»[207]. К ней относятся журналы входящих бумаг Комиссии составления законов; переписка о приеме и увольнении служащих Экспедиции о государственных доходах; книги входящих и исходящих бумаг Московского цензурного комитета, различные прошения цензоров в комитет; протоколы и журналы его заседаний и заседаний Главного управления цензуры, а также Временного строительного комитета о постройке зданий Константиновского межевого института; описи входящих и исходящих документов этого учебного заведения. Журналы заседаний выступали «как форма фиксации обсуждения», своего рода протоколы, где ход заседания фиксировался следующим образом: проговаривался вопрос к обсуждению, фиксировались мнения всех участников, а также особые мнения, и озвучивалось принятое решение[208].

Особыми разновидностями донесения были отчеты, посылаемые нижестоящим учреждением вышестоящему. К ним относятся «годичные» отчеты председателя Московского цензурного комитета, направленные попечителю Московского учебного округа[209]; отчеты директора Константиновского межевого института, адресованные попечителю учебного заведения; отчет/отношение ревизующего сенатора Межевого департамента Правительствующего Сената министру юстиции[210]. Отчетная документация, составленная директором Константиновского межевого института С.Т. Аксаковым, раскрывает его личность как чиновника, имеющего не только деловые качества, но и заботящегося о воспитанниках учебного заведения, их успеваемости и нравственных качествах.

К третьей группе делопроизводственной документации относятся дела, возникшие с поступлением в учреждения прошения. Например, в основе «Дела об

[207] Там же. С. 282.
[208] Там же. С. 283.
[209] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6091. Л. 164.
[210] РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. Л. 64–65 об.; Приложение 5. С. 299, 300.

определении в штат отставного прапорщика князя Козловского[211] надзирателем и учителем российского языка» лежит прошение директора Константиновского межевого института С.Т. Аксакова на имя попечителя И.У. Пейкера[212]. Или причиной возникновения «Дела об увольнении директора Константиновского межевого института надворного советника Аксакова и определении на место его подполковника Ланге»[213] стало письмо директора Первого Московского кадетского корпуса генерал-лейтенанта Н.П. Анненкова[214] и прошение Ф.И. Васькова[215] на имя попечителя Константиновского межевого института И.У. Пейкера о назначении на должность директора вместо «подавшего в отставку Аксакова» служащего Московского кадетского корпуса подполковника В.И. Ланге[216]. Прошения, написанные С.Т. Аксаковым-директором Константиновского межевого института, характеризуют его как инициативного руководителя, который стремился уменьшить затраты учебного заведения, усовершенствовать учебный процесс. Примером может служить прошение, поданное в сентябре 1836 г. на имя попечителя института И.У. Пейкера о введении в учебный курс французского языка, гимнастики, «танцевания» и пения[217]. Эти дополнительные дисциплины, по словам С.Т. Аксакова в прошении, смогли бы обеспечить воспитанникам учебного заведения вход в лучшее общество, увеличить доходы Константиновского межевого института за счет роста числа пансионеров [обучающихся на собственном содержании воспитанников. – *В.Д.*].

---

[211] Козловский Павел Дмитриевич (1802–1856) – надзиратель и преподаватель в Константиновском межевом институте с 1836 г., инспектор с 1837 по 1838 гг.

[212] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

[213] Ланге Василий Иванович – подполковник, младший штаб офицер Первого Московского кадетского корпуса до 1838 г. и директор Константиновского межевого института с 1839 по 1840 гг.

[214] Анненков Николай Петрович (1790–1865) – генерал-лейтенант, директор Первого Московского кадетского корпуса с 1837 по 1843 гг.

[215] Васьков Федор Иванович (1791–1855) – товарищ главного директора Межевого корпуса с 1836 г., был также другом Сергея Тимофеевича и даже после увольнения Аксакова находился с ним в тесной переписке.

[216] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 311. Л. 1–6.

[217] Там же. Д. 280. Л.1–2 об.

К делопроизводственной документации относятся справочные издания, которые содержат информацию о личном составе и структуре государственного аппарата[218]. «Месяцесловы с росписью чиновных особ или общие штаты Российской империи» с 1810 по 1819 гг.[219] помогли определить состав служащих Экспедиции о государственных доходов. Несмотря на записи в послужных списках С.Т. Аксакова, в составе служащих Экспедиции он в этот период не значился. Как источник «Месяцесловы…» в нашем случае являются носителем более достоверной информации, нежели формулярные или послужные списки Сергея Тимофеевича[220]. Дело в том, что послужные списки оформлялись и велись в канцеляриях тех учреждений, где чиновники служили[221]. Следовательно, формулярный список С.Т. Аксакова, скорее всего, заполнял секретарь Экспедиции Д.М. Княжевич. Учитывая их дружеские взаимоотношения, сложную обстановку, связанную с периодом Отечественной войны 1812 и послевоенных лет, данный «учетный документ, составлявшийся с целью контролировать чинопроизводство», стал носителем недостоверных фактов о службе Сергея Тимофеевича в Экспедиции о государственных доходах и его чинопроизводстве с сенатского регистратора до коллежского асессора[222]. Разногласия сведений из формулярных списков и «Месяцесловов…» наблюдаются также в службе Д.М. Княжевича. По данным Н.А. Размановой, которая опиралась на формулярный список Д.М. Княжевича, он числился в Экспедиции о государственных доходах с 1802 г., а в 1812 г. стал столоначальником[223]. По сведениям «Месяцеслова с росписью чиновных особ или общего штата Российской империи. 1813 г.» столоначальником Д.М. Княжевич начал числиться

---

[218] Источниковедение: учеб. пособие. С. 285.

[219] Месяцесловы с росписью чиновных особ или общие штаты Российской империи. СПб., 1810–1819.

[220] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–6 об.

[221] *Иванов В. А.* Из истории документирования персональных данных государственных служащих в имперской России // Журнал Власть. 2002. № 1. С. 153.

[222] Источниковедение: учеб. пособие. С. 304.

[223] *Размановa Н. А.* «…Способен и достоин»: Д.М. Княжевич в Министерстве финансов (1805 – 1837 гг.). С. 99.

в 1813 г., до этого момента служа на должности секретаря Экспедиции[224]. По сведениям «Месяцеслова с росписью чиновных особ или общего штата Российской империи. 1813 г.» на должность помощника столоначальника поступил А.М. Княжевич[225], а в 1814 г. был повышен до столоначальника Экспедиции о государственных доходах[226].

Сохранившихся архивных источников по служебной деятельности С.Т. Аксакова в Комиссии составления законов и Экспедиции о государственных доходах крайне мало, находятся они в РГИА. Большинство архивных документов по службе Сергея Тимофеевича с 1808 по 1810 гг. представлены в описи 1 «Общие материалы о деятельности Комиссии составления законов: журналы заседаний, отчеты о деятельности; труды комиссии по кодификации существующих законов и составлению нового кодекса законов; материалы об училище правоведения; о личном составе; регистрационно-справочный аппарат с 1804 по 1826 года» фонда «Комиссия составления законов при Государственном Совете» (Ф. 1260) РГИА. В этой описи перечислено пять документов, связанных со служебной деятельностью С.Т. Аксакова, в том числе копия прошения его об устройстве на службу в Комиссию составления законов[227]. Запись об этом прошении, как о входящем документе Комиссии, хранится в этом же фонде в журнале входящих бумаг за период с 1804 по 1809 гг.[228]. В журнале входящих документов за период с 1810 по 1816 гг. отмечена запись прошения сенатского регистратора Аксакова об увольнении его из Комиссии, датированная 30 сентября 1810 г.[229]. В этом же фонде хранятся прошения об устройстве в Комиссию составления законов, аттестаты и списки служащих, их формулярные списки, где

[224] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб.,1813 г. С. 546.
[225] Там же. С. 547.
[226] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб., 1814 г. С. 568.
[227] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 863. Л. 76, 76 об.
[228] Там же. Д. 913. Л. 76 об.
[229] Там же. Д. 914. Л. 17.

важная информация содержится о наставнике и учителе С.Т. Аксакова, который помог определиться ему на место службы, Г.И. Карташевском[230].

Один архивный документ, касающийся службы С.Т. Аксакова в Экспедиции о государственных доходах (1810–1819), содержится в описи 2 «Об отпуске денежных сумм на военные нужды, на строительство и ремонт зданий, на выплату жалованья, столовых денег и денег взамен пожалованных земель разным лицам. Журналы заседаний экспедиции; генеральные табели о государственных доходах, расходах и остатках с 1751 по 1820 года» фонда «Экспедиция о государственных доходах Сената» (Ф. 557): его прошение на имя императора Александра Павловича об определении в Экспедицию, аттестат о службе[231]. Сведения о повышении его в гражданских чинах в 1811, 1814, 1817 и 1819 гг., имеются в служебном аттестате С.Т. Аксакова 1828 г., который находится в фонде «Аксаковы…» (Ф. 10) РГАЛИ[232].

Подтверждением прохождения С.Т. Аксаковым службы «на бумаге» в 1810–е гг. стали свидетельства, представленные в его переписке П.С. Кондыревым, с секретарем Общества любителей отечественной словесности при Императорском Казанском университете[233]. Письма относятся к делопроизводственной документации Общества любителей отечественной словесности, участником которого был С.Т. Аксаков. Одно из писем адресовано Сергею Тимофеевичу в Бугульму, другое – в Бугуруслан, а ответ П.С. Кондыреву он направил из «Целительных Сергиевских источников». Тем самым подтверждается эпистолярными источниками место пребывания С.Т. Аксакова в период его службы в Экспедиции о государственных доходах. Письма хранятся в Рукописном фонде Русского сектора Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

---

[230] Там же. Д. 903. Л. 73; Там же. Д. 900. Л. 254–255; Там же. Д. 863. Л. 64.
[231] РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 556. Л. 68–70; Приложение 6. С. 301.
[232] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
[233] Кондырев Петр Сергеевич (1789 – после 1823) – профессор Казанского университета, секретарь Общества любителей отечественной словесности.

Основной массив архивных источников по деятельности С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете представлен документами фонда «Московский комитет по делам печати г. Москва» (Ф. 31) Центрального хранения дел до 1917 г. ЦГА Москвы. История формирования фонда началась в 1922 г., но основной массив документов поступил в 1940 г. из ГАФКЭ (ныне, РГАДА) в количестве 270 дел и в 1941 г. из ЦГАОР (ныне – ГАРФ) 4 433 дела[234].

Фонд 31 «Московский комитет по делам печати г. Москва» описи 5 «Московский цензурный комитет» включает журналы исходящих бумаг, донесения цензоров, прошения авторов и издателей, протоколы заседаний Московского цензурного комитета, предписания министра народного просвещения, попечителя Московского учебного округа, журналы для записывания поступающих рукописей, книги входящих бумаг, формулярные списки служащих комитета, регистры и расписания на выдачу жалованья служащим комитета. Благодаря анализу указанных документов, мы получаем новые сведения о рукописях, которые цензуровал С.Т. Аксаков, об особенностях внутренней политики конца 1820-х – начала 1830–х гг. и содержания циркуляров, поступающих в Московский цензурный комитет. Многие московские издатели и авторы, с которыми С.Т. Аксаков познакомился, пребывая на должности цензора, постепенно становится литературным кругом общения семьи Аксаковых. Предложения цензоров и издателей за конкретный год собраны в отдельных книгах «Прошения издательств и авторов, а также сообщения учреждений о разрешении или запрещении издавать сочинения и донесения цензоров»[235]. Благодаря перечисленным источникам можно проанализировать деятельность С.Т. Аксакова-цензора, оценить объем и специфику его работы. Но в материалах фонда 31 отсутствуют рукописи с правками цензоров, что усложняет понимание принципов, которыми они руководствовались. Это объясняется тем, что рукописи возвращались авторам под роспись с формулировкой: «получил обратно» или

[234] Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Указатель: История фонда 31.
[235] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 59–62.

«получил обратно для исправления»[236]. Неслучайно сторонний цензор С.Т. Аксаков 5 сентября 1830 г подал прошение, в котором озвучивал проблему о необходимости возвращения рукописей с правками цензора и предлагал для этих целей создать особый архив в комитете или в типографиях[237].

До наших дней сохранилась рукопись трагедии М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» (1830)[238] в фонде 10 «Аксаковы…», неполная рукопись статьи «Девятнадцатый век» И.В. Киреевского в фонде 236 «Киреевские…» РГАЛИ с правками цензора С.Т. Аксакова, и отдельные листы третьего номера журнала «Европеец» (1832), которые хранятся в ОПИ ГИМ[239]. В этом же отделе письменных источников, только в фонде 132 «Материалы о Москве и Петербурге XVII – начала XX вв. из коллекции П.И. Щукина» хранятся выписки из журналов Московского цензурного комитета с 1819 по 1848 гг., где содержится не только статистическая информация о просмотренных статьях, но и предписание московского военного генерал-губернатора о наказании С.Н. Глинки и С.Т. Аксакова.

В исследовании использовались документы описи 1 «Отчеты Главного цензурного и Петербургского комитетов; дела о рассмотрении книг и рукописей, разрешении и запрещении разных сочинений к печати и распространении книг, запрещении переиздания их, исключении и изменении части текста из рукописей; об издании в Петербурге газет и журнал» фонда 777 «Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД» РГИА. В этих делах сохранились отношения министра народного просвещения А.С. Шишкова Московскому цензурному комитету о его открытии и назначении С.Т. Аксакова сначала на должность цензора в 1827 г., а затем на должность председателя комитета в 1828 г.[240]. В этом же архиве в описи 1 «Журналы заседаний; отчеты и отчетные ведомости Главного управления цензуры и местных цензурных

[236] Там же. Д. 79. Л. 2 об.
[237] Там же. Д. 67. Л. 2–3.
[238] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 1–54.
[239] Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 281. Оп. 3. Д. 185. Л. 85–88.
[240] РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 739. Л. 5. Там же. Д. 742. Л. 5.

комитетов; дела о разрешении и запрещении книг, рукописей, периодических изданий; о рассмотрении книг, рукописей, периодических изданий и отдельных статей для них» фонда 772 «Главное управление цензуры Министерства народного просвещения», хранится официальная переписка министра К.А. Ливена и начальника Третьего отделения графа А.Х. Бенкендорфа о деятельности цензоров Московского цензурного комитета[241]. В этом же фонде и описи источниками служат официальные письма в Московский цензурный комитет К.А. Ливена о назначении С.Т. Аксакова сторонним цензором в 1830 г.[242].

В процессе изучения малоизвестной страницы жизни С.Т. Аксакова – его службы инспектором и директором учебного заведения, были введены в научный оборот неизвестные ранее архивные материалы. Большая часть неопубликованной делопроизводственной документации Межевого ведомства, в том числе данного учебного заведения, хранится в Архиве Межевой канцелярии РГАДА. К источниковедческому анализу были привлечены материалы фонда 1294 «Межевая канцелярия. Указы, журналы и протоколы» опись 6 «Дела Временного строительного комитета для постройки здания Константиновского межевого института (1836–1843 гг.) и Временного строительного комитета по возведению пристроек к зданиям Межевого ведомства (1885–1888 гг.)» и фонда 1295 «Канцелярия Главного директора межевого корпуса и управление межевой частью Министерства юстиции (1832–1918)» опись 1 «Канцелярия Главного директора Межевого корпуса и Управление межевой частью Министерства юстиции, г. Петербург».

8 июня 1836 г. состоялось первое заседание Временного строительного комитета, созданного для перестройки купленного дворца А.Б. Куракина под учебное заведение, в который вошли как председатель первый член Межевой канцелярии Ф.И. Васьков, директор Константиновского межевого института С.Т. Аксаков, директор Писцового архива Межевой канцелярии Дмитрий

[241] Там же. Д. 408. Л.1–2
[242] Там же. Д. 211. Л. 4.

Иванович Кроткий[243] и эконом института Петр Петрович Андреев[244]. Документы по вкладу С.Т. Аксакова в перестройку купленного здания, приспособление его под учебное заведение, его предложения по переустройству и круг обязанностей являются важной составляющей фонда 1294 описи 6 «Дополнительная. 1700–1918 гг.».

Опись 1 фонда 1295 включает прошения, рапорты, годовые отчеты директора Константиновского межевого института С.Т. Аксакова, в которых собраны сведения о воспитанниках учебного заведения, их успеваемости, нравственных характеристиках, программах преподаваемых предметов и информация об учебной загрузке преподавательского состава. 10 мая 1835 г. был подписан указ о преобразовании училища в Константиновский межевой институт[245] и, большая часть делопроизводственной документации стала подшиваться и сохраняться в Архиве Межевой канцелярии. Этого мы не можем сказать про 1833 и 1834 гг., где сохранилось ограниченное количество документов по деятельности Константиновского землемерного училища. Например, о назначении С.Т. Аксакова на пост инспектора этого учебного заведения сохранилось только отношение директора Межевой канцелярии И.У. Пейкера[246] к министру юстиции Д.В. Дашкову[247] и ответное письмо Д.В. Дашкова о состоявшемся указе Правительствующего Сената, прошение С.Т. Аксакова занять эту должность утрачено[248]. После преобразования училища в

---

[243] *Волков С. Н., Широкорад И. И., Рыжкова Е. В.* Первый директор Межевого института. С. 139.

[244] Андреев Петр Петрович – эконом Межевого института и друг семьи Аксаковых, он пришел на эту должность из Московского университета в 1836 г. // РГАДА. Ф. 1295. Оп.1. Д. 162. Л.1–2 об.; РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 1363. Л. 1.

[245] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.50.

[246] Пейкер Иван Устинович (1784–1844) – из дворян Санкт-Петербургской губернии, участник военных кампаний 1805 и 1807 гг., с 1819 по 1825 гг. костромской и вяземский вице-губернатор, тайный советник, сенатор, главный директор Межевого корпуса с 1836 по 1842 гг. и попечитель Константиновского межевого института. Пейкер И.У. был назначен директором Департамента Государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 15. Д. 111. Л. 1.

[247] Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) – действительный тайный советник, министр юстиции с 1832 по 1839 годы.

[248] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 14. Л.1–2.

институт в 1835 г., для приема каждого преподавателя или служащего Константиновского межевого института, заводилось отдельное дело, в котором обязательно присутствовало ходатайство С.Т. Аксакова как директора перед попечителем института И.У. Пейкером, разрешение И.У. Пейкера о занятии соответствующей должности и иногда личное прошение кандидата. Например, при приеме губернского секретаря Егора Афанасьевича Ярцова для преподавания российской словесности в институте, в дело было включено ходатайство С.Т. Аксакова перед И.У. Пейкером и «соглашение на определение» Е.А. Ярцова от сенатора, тайного советника И.У. Пейкера[249]. К делу, зачастую, прилагался формулярный список кандидата, и, если должность была ключевая для учебного заведения, например, инспектор или директор, то в цепочку официальной документации включалось отношение к министру юстиции Д.В. Дашкову и его разрешение, информирование о состоявшемся указе Правительствующего Сената на занятие указанной должности. За 1833 и 1834 гг. в фонде 1295 описи 1 «1832–1834 гг.» Архива Межевой канцелярии не сохранилось полной отчетности по деятельности училища, не сохранился проект устава новообразованного Константиновского межевого института. Скорее всего, это связано с тем, что И.У. Пейкер, на которого в декабре 1832 г. была возложена ревизия «Межевой канцелярии и контор» для «лучшего устройства Межевой части» [250], некоторое время вникал в деятельность учебного заведения и навел порядок с делопроизводственной документацией только к 1835 г.

При сдаче дел С.Т. Аксаковым была составлена и подписана опись предметов Константиновского межевого института, которая также хранится в фонде 1295 и свидетельствует, что библиотека учебного заведения в период его управления учебным заведением выросла с 30 до 130 изданий[251]. Анализируя опись предметов Константиновского межевого института, стало известно, что для библиотеки были приобретены учебники по геометрии и алгебре Беллавеня,

[249] Там же. Д. 105. Л. 1–2.
[250] РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 282. Л. 11 об.
[251] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 1311. Л. 29–37 об.

переведённые на русский язык П.Н. Погорельским[252]. Учебники П.Н. Погорельского отличались полнотой содержания, ясностью и краткостью изложения[253]. Обучение истории в Константиновском межевом институте велось по «Древней русской истории до монгольского ига», «Истории в лицах о Дмитрии Самозванце», «Русскому историческому альбому на 1837–й год» друга С.Т. Аксакова, историка М.П. Погодина; по «Истории государства российского» Н.М. Карамзина[254]; по заслужившей высокую оценку А.С. Пушкина в 1837 г. «Истории России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой[255]. При Сергее Тимофеевиче библиотека Константиновского межевого института пополнилась художественными сочинениями и стихотворениями А.С. Пушкина, А.В. Кольцова, В.А. Жуковского, баснями И.А. Крылова[256]. Искусствоведческая литература входила в список библиотечных книг Константиновского межевого института: «Об искусстве и художниках, издание Л. Тикка»; филологические труды «Российская грамматика, сочинение Императорской Российской академией наук», «Опыт словаря русских синонимов» П.Ф. Калайдовича[257], «Основания русской грамматики» В.Г. Белинского. География в институте преподавалась по новейшим для того времени научным изданиям, как: «География Российской империи» Е.Ф. Зябловского[258], «Физической географии» А.И. Стойковича[259], «Физической географии» К. Мальт-Брюна[260], изданной в 1831 году. Содержание описи библиотечных изданий Константиновского межевого института

---

[252] Погорельский Платон Николаевич (1800–1852) – педагог-математик, преподававший в том числе в Императорском Московском университете. Его учебники по алгебре, арифметике, геометрии были рекомендованы Министерством народного просвещения.

[253] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

[254] Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – историк и создатель «Истории государства Российского» (1803–1826).

[255] Ишимова Александра Осиповна (1804–1881) – писательница, издатель и автор «Истории России в рассказах для детей» (1834); РГАДА. Оп. 1. Д. 1311. Л. 29–50.

[256] Там же.

[257] Калайдович Петр Федорович (1791–1839) – преподаватель словесности, издавший «Опыт словаря русских синонимов (1812).

[258] Зябловский Евдоким Филиппович (1746–1846) – географ, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета.

[259] Стойкович Афанасий Иванович (1775–1832) – профессор и ректор Императорского Харьковского университета (180 –1808).

[260] Мальт-Брюн Конрад (1775–1826) – известный европейский географ и журналист.

подтверждает стремление С.Т. Аксакова – директора учебного заведения научить воспитанников мыслить, рассуждать, стать широкообразованными специалистами.

Важным источником служебной деятельности С.Т. Аксакова стал фонд 1905 «Дела Межевой канцелярии» ЦГА Москвы. Поступление документов в этот фонд началось в 1940 г. из ГАФКЭ (ныне, РГАДА). Комплектование продолжилось в 1977 г.: поступило 7 008 дел и 13 коробок неописанных документов из Архива Межевой канцелярии ЦГАДА и 31 октября 1989 г еще 3 дела из Архива Межевой канцелярии ЦГАДА дополнили фонд 1905 ЦИАМ [ныне – ЦГА Москвы. – *В.Д.*]. В этот фонд вошли документы по Константиновскому межевому институту, некоторые копии которых хранятся в Архиве Межевой канцелярии РГАДА[261].

Сведения о личности непосредственного руководителя С.Т. Аксакова тайного советника, сенатора и директора Межевого корпуса Ивана Устиновича Пейкера и его участии в жизни Константиновского межевого института удалось узнать из формулярного списка, его официальных донесений Министру юстиции фондов 1405 «Министерство юстиции» и 1400 «Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции» РГИА города Санкт-Петербурга.

В фонде 1405 «Министерство юстиции» описи 528 «Формулярные списки сенаторов 1840–1917» хранится формулярный список И.У. Пейкера, который дает представление не только о государственных заслугах будущего попечителя Константиновского межевого института, но и незаурядности его личности. Из формулярного списка выяснилось, что И.У. Пейкера направляли на самые непростые должности, когда необходимо было упорядочить деятельность того или иного ведомства. В 37 лет за исполнение обязанностей Костромского вице-губернатора и «за приведение в устройство частей от тамошней Казенной палаты зависящих» в 1821 году, он стал кавалером ордена Святой Анны второй степени[262]. В 1823 г. при ревизии Спасского уезда Рязанской губернии И.У. Пейкер «лично открыл 383 прописных» душ, которые не досчитались в

[261] ЦГА Москвы. Указатель: История фонда 1905.
[262] РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 282. Л. 2 об.

предыдущие ревизии. В формулярном списке значится, что «действие таковое послужило руководством к дальнейшим открытиям, по коим казна приобрела весьма значительно приращение в доходах». До 1824 г. он был председателем Рязанского Губернского правления, и в том же году «в воздаяние ревностной и отлично-усердной службы» И.У. Пейкер был «пожалован» орденом Святого князя Владимира третьей степени»[263]. В 1826 г. И.У. Пейкер уже обер-прокурор Правительствующего Сената в Межевом департаменте и кавалер «ордена Св[ятой] Анны 1 степени», в 1829 г. – директор Департамента государственного хозяйства и публичных зданий[264]. Во время русско-польского конфликта, в марте 1831 г. И.У. Пейкера направили в «Царство Польское» с целью принятия мер для «скорейшего» подвоза продовольствия, необходимого для армии[265]. В апреле он – в Пруссии следил за процессом заготовки военно-продовольственных запасов для армии и организации сооружения переправы ее на «левый берег Вислы»[266]. В том же 1831 г. за усердную службу пожалован в чин тайного советника[267]. «Искренняя признательность» за его «отличное усердие к службе» в 1832 г. была выражена ему со стороны генерал-фельдмаршала, князя Варшавского, графа Паскевича[268]. От короля Прусского И.У. Пейкеру был пожалован орден Красного орла второй степени «со звездою»[269]. И, наконец, в декабре 1832 г., И.У. Пейкеру поручили провести «подробное обозрение Межевой канцелярии» и ее контор для лучшей ее организации[270]. В 1834 г. Иван Устинович был командирован в Москву как ревизующий сенатор Межевого департамента[271]. По Высочайшему указу в 1834 г. пожалован «Польским знаком отличия за военное достоинство» второй степени». В 1836 г. по указу императора он стал главным директором Межевого корпуса[272]

[263] Там же. Л. 4–5.
[264] Там же. Л. 5, 6 об.
[265] Там же. Л. 7 об., 8.
[266] Там же. Л. 8 об., 9.
[267] Там же. Л. 9 об., 10.
[268] Там же. Л. 9 об., 10 об.
[269] Там же. Л. 11 об.
[270] Там же. Л. 11 об.
[271] Там же. Л. 12 об.
[272] Там же. Л. 12 об.

и попечителем Константиновского межевого института. Анализируя формулярный список И.У. Пейкера, можно сделать вывод о его высоких профессиональных качествах как руководителя, о его способностях хорошо ориентироваться и глубоко вникать в порядок деятельности вверенных ему структур, о его умении организовать правильное функционирование учреждений.

В описи 2 «Документы об административном управлении, судопроизводстве, уголовных преступлениях и гражданских исках; землепользовании и землевладении (помещичьем, крестьянском, государственном, церковном и городском); о промышленности; положении рабочих и их выступлениях; о путях сообщения» фонда 1400 «Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции» РГИА сохранились два письма Д.В. Дашкову с подробным отчетом о наведении порядка в деятельности Константиновского землемерного училища, где он доказывает необходимость преобразования училища в институт. В другом документе И.У. Пейкер информирует Д.В. Дашкова о назначении денежного вознаграждения двум преподавателям «за отличные труды» и «усердие в преподавании»[273]. Содержания данных документов проанализированы в данном исследовании и один отчет/отношение от 24 октября 1833 г. включен в раздел «Приложения».

В фонде 3 «Аксаковы…» НИОР РГБ сохранилась в официальных документах семьи Аксаковых грамота о присвоении Сергею Тимофеевичу знака отличия за двадцатилетнюю беспорочную службу с правом ношения на Владимирской ленте[274], которую тоже следует отнести к делопроизводственным материалам.

Таким образом, делопроизводственная документация стала основополагающей источниковой базой данного исследования. Комплексный анализ делопроизводственных документов Комиссии составления законов помог установить начало служебной деятельности С.Т. Аксакова. Отсутствие делопроизводственной документации с 1811 по 1819 гг. по его службе в

[273] РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. л. 64–68 об.; Приложение 5. С. 300.
[274] НИОР РГБ. Ф. 3 Оп. 15. Д. 13. Л. 13.

Экспедиции о государственных доходах и анализ «Месяцесловов …» позволили сделать предположения о фиктивном характере его служебной деятельности в данный период. Массив документов по деятельности Московского цензурного комитета, Константиновского землемерного училища, Константиновского межевого института раскрыл личность С.Т. Аксакова как чиновника-цензора, инспектора и первого директора одного из ведущих в Москве учебных заведений Межевого ведомства.

3.2 Мемуары как источник служебной биографии С.Т. Аксакова

Много важных сведений содержится в мемуарах. Различают мемуары-автобиографии и мемуары – «современные истории». К мемуарам-автобиографии относится трилогия С.Т. Аксакова: «Детские годы Багрова-внука», «Семейная хроника», «Воспоминания». Значительную часть сведений о начале своей службы в Комиссии составления законов, о деятельности в Московском цензурном комитете, Сергей Тимофеевич передал в своих «Воспоминаниях». Сразу в нескольких автобиографических очерках он упоминал некоторые факты из своей служебной деятельности в Комиссии составления законов, круг людей, с которыми он познакомился в Петербурге. «Встреча с мартинистами» – очерк не только о знакомстве С.Т. Аксакова с мартинистами, А.Ф. Лабзиным[275] – главой мартинистов[276], но и о своем сослуживце по Комиссии составления законов – Иване Федоровиче Вольфе. С.Т. Аксаков в очерке оставил упоминания о своем «точном исполнении служебных обязанностей»[277] в Комиссии составления законов, о ее директоре Г.А. Розенкампфе, который, по словам С.Т. Аксакова,

[275] Лабзин Александр Федорович (1766–1825) – деятель русского масонства и основатель, руководитель масонской ложи «Умирающий сфинкс».
[276] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Встреча с мартинистами // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1956. С. 230.
[277] Там же. С. 244, 245.

«очень дорожил» личными документами, оставшимися после смерти И.Ф. Вольфа»[278].

Наиболее полные сведения о своем устройстве в Комиссию, благодаря протекции Г.И. Карташевского, о директоре Г.А. Розенкампфе и последующей службе под руководством М.М. Сперанского, о «чиновнике письмоводства» и племяннике А.С. Шишкова – А.И. Казначееве, С.Т. Аксаков рассказал в «Воспоминании об Александре Семеновиче Шишкове». Автор мемуаров не ставит перед собой задачи проанализировать деятельность и вклад этих людей, а излагает свою субъективную оценку, считая, что Комиссия составления законов под руководством Г.А. Розенкампфа не отличалась эффективной деятельностью, и ситуация изменилась к лучшему при управлении ею М.М. Сперанским. В этом биографическом очерке С.Т. Аксаков рассказал о роли министра народного просвещения А.С. Шишкова в устройстве его на службу в Московский цензурный комитет. В описании некоторых событий, связанных с его служебной деятельностью и участием в ней А.С. Шишкова, Сергей Тимофеевич в мемуарах указывал неточные даты и цифры. Так, он вспоминал, что представил А.С. Шишкову Ю.И. Венелина[279], сочинение которого «Древние и нынешние болгаре» А.С. Шишков высоко ценил. Результатом этого знакомства стала организация президентом Российской академии путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию. Он назначил Ю.И. Венелину 3000 рублей ассигнациями «на путевые издержки»[280]. Однако, если сравнить приведенные сведения в мемуарах со сведениями из письма П.А. Ширинского-Шихматова[281], то датировка данных событий относилась к 1829 – началу 1830 гг., и на путешествие Ю.И. Венелина было выделено Академией не 3000 рублей, а 6000 рублей[282]. Путешествие

---

[278] Там же. С. 261.

[279] Венелин Юрий Иванович (1802–1839) – настоящее имя Георгий Гуца, историк, публицист.

[280] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1956. С. 310.

[281] Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) – государственный деятель, с 1828 г. действительный член Императорской Российской Академии, ставший в 1841 г. академиком Императорской академии наук, с 1850 по 1853 гг. – министр народного просвещения.

[282] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

Ю.И. Венелина состоялось в 1830–1831 гг. Таким образом, архивные документы позволили уточнить сведения, приведенные в мемуарах С.Т. Аксакова и уяснить детали командировки Ю.И. Венелина.

Биографический очерк С.Т. Аксакова «Знакомство с Державиным[283]» описывает события 1815–1816 гг., когда он, по формулярному списку, служил в Экспедиции о государственных доходах. Анализируя приведенные в очерке сведения трудно совместить происходящие отъезды / приезды автора из Петербурга в Москву и обратно, а затем, на десять лет в Оренбургскую губернию с исполнением ежедневных служебных обязанностей[284].

Сведения о Г.И. Карташевском содержатся в очерке «Яков Емельянович Шушерин и его современные ему театральные знаменитости». В нем С.Т. Аксаков называл Г.И. Карташевского «другом семейства», своим «бескорыстным воспитателем»[285]. Впоследствии, в 1817 г., Г.И. Карташевский стал родственником Сергея Тимофеевича, женившись на родной его сестре – Н.Т. Аксаковой. Сведения о начале служебной деятельности С.Т. Аксакова в Петербурге, приведенные им в очерке, пересекаются с информацией, изложенной в остальных его биографических рассказах. Вновь он рассказывает читателю, что его определили переводчиком в Комиссию составления законов, где в то время служил Г.И. Карташевский. Но в очерке о Я.Е. Шушерине этот период своей жизни Сергей Тимофеевич назвал «тихим и однообразным», когда он до обеда находился на службе в Комиссии, а сразу после обеда встречался с Шушериным[286]. Эти нюансы, указанные С.Т. Аксаковым, передали читателю увлеченность автора не службой в Комиссии составления законов и служебными обязанностями переводчика, а кругом известных людей, с которыми он смог познакомиться благодаря пребыванию в Петербурге.

---

[283] Державин Гавриил Романович (1743–1816) – поэт, сенатор, министр юстиции (1802–1803).
[284] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Знакомство с Державиным // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1956. С. 334, 335.
[285] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Знакомство с Державиным // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1956, с. 345.
[286] Там же. С. 347.

К мемуарам-автобиографии относятся «Записки…» И.В. Лопухина[287]. В рукописном варианте «Записки…» не пропустил к публикации С.Т. Аксаков-цензор в январе 1828 г. Официальной причиной отказа стало противоречие просьбы В.Н. Каразина[288] о публикации рукописи И.В. Лопухина[289] параграфу 52 Устава о цензуре 1826 г., по которому, если издатель не сам сочинил рукопись, он обязательно должен предоставить «письменное удостоверение» о праве собственности на нее[290]. Рукопись была опубликована спустя 30 лет за рубежом. П.И. Бартенев правильно заметил в примечаниях к более поздней публикации «Записок…» в журнале «Русский архив», что это сочинение имеет не столько значение автобиографии И.В. Лопухина, а сколько «самозащиты» одного из главных деятелей масонства[291]. Важной темой, которую И.В. Лопухин обсуждал в своем сочинении, было понимание свободы человека и личности. Пропуск подобного сочинения в печать мог обернуться для С.Т. Аксакова-цензора служебными неприятностями.

«Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова»[292] следует отнести к мемуарам – «современным историям», потому что цель, которую преследовал автор, заключается в фиксации событий, имевших общественно-значимую роль. В мемуарах А.С. Шишков уделил внимание особенностям устава о цензуре 1826 г., инициатором которого он выступал. «Записки…» дают новые сведения о необходимости создания цензурных комитетов, разработки порядка и правил их деятельности.

---

[287] *Лопухин И. В.* Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим. Лондон, 1860.

[288] Каразин Василий Назарович (1773–1842) – государственный деятель, инициатор создания при Александре I Министерства народного просвещения, благодаря его участию был открыт в 1805 г. Харьковский университет.

[289] Лопухин Иван Владимирович (1756–1816) – сенатор, философ, публицист, известный деятель масонства в России.

[290] ПСЗ – II. Т. 1. № 403, 10 июня 1826 г.

[291] *Лопухин И. В.* Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим // Русский архив. 1884. № 1. С. 1.

[292] *Шишков А. С.* Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1869.

Важным источником для понимания деятельности Московского цензурного комитета в 1820–е гг. стал «Дневник» А.В. Никитенко, в котором деятельность С.Т. Аксакова как цензора не разбирается, но характеризуется общественно-политическая и литературная жизнь России того периода[293]. А.В. Никитенко, написавший примечания к цензурному уставу 1828 г., в своем «Дневнике» дал оценку происходящей реальности и этому новому документу, которым руководствовались цензурные комитеты. По его мнению, руководствуясь новым уставом, предписано «не преследовать писателей», использовать это «благое правило» надо и в теории деятельности цензуры, и на практике[294]. А.В. Никитенко был частым гостем у П.А. Плетнева[295], где встречался с А.С. Пушкиным, и смог сохранить воспоминания об общественном резонансе, вызванном запрещением журнала И.В. Киреевского «Европеец»[296].

К мемуарам-автобиографии следует отнести воспоминания С.Н. Глинки. Они представлены в двух вариантах: в опубликованном – «Записки» напечатаны в журнале «Русская старина»[297] и в неопубликованном – в рукописи, которая хранится в РГАЛИ в фонде 2591 «Попов Петр Александрович (1894–1943) – литературовед» и называется «Воспоминания о работе цензурного комитета»[298]. В опубликованной версии своих «Записок» С.Н. Глинка подробно рассказал о том, как устроил его в Московский цензурный комитет А.С. Шишков, какими принципами С.Н. Глинка как цензор руководствовался при анализе поступивших рукописей. Неопубликованные «Воспоминания о работе цензурного комитета» позволили восстановить детали и дополнить цепь инцидентов, которые произошли с С.Н. Глинкой в период его цензорства. «Воспоминания…» раскрывают взаимоотношения С.Н. Глинки с редактором «Московского телеграфа», детали заключения на гауптвахту и увольнения из Московского

[293] *Никитенко А. В.* Дневник: в 3-х томах. М., 1955. Т.1. 1826–1857.
[294] Там же. С. 89.
[295] Плетнев Петр Александрович (1792–1866) – профессор и ректор Санкт-Петербургского университета (1840–1861), поэт и друг А.С. Пушкина.
[296] *Никитенко А. В.* Моя повесть о себе самом и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник 1804–1877. СПб., 1905. С. 219.
[297] *Глинка С. Н.* Записки. СПб, 1895.
[298] РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 300.

цензурного комитета. Повседневная жизнь Московского цензурного комитета, описанная С.Н. Глинкой, позволила понять условия, в которых служил С.Т. Аксаков, специфику его работы и провести сравнительную характеристику инцидентов, возникших при увольнении из комитета С.Н. Глинки, затем С.Т. Аксакова.

Дополнительные сведения о личности и служебной карьере С.Н. Глинки содержатся в написанной им собственноручно «Автобиографической записке», датированной 18 сентября 1830 г. В этом документе, который хранится в фонде 141 «Глинки: Федор Николаевич (1786–1880) – поэт, публицист; Авдотья Павловна (урожд. Голенищева-Кутузова; 1795–1863) – писательница» РГАЛИ, С.Н. Глинка приводит свою служебную автобиографию, начиная с 1795 г.[299].

О сложностях цензурования «Московского телеграфа» Н.А. Полевого рассказано не только в «Записках» С.Н. Глинки, который после С.Т. Аксакова был цензором этого издания, в 1828 г. Когда Сергей Тимофеевич занял пост исправляющего должность председателя цензурного комитета, конфликты с Н.А. Полевым по поводу цензурования представленных им произведений продолжались. Об этом повествуют «Записки» К.А. Полевого – журналиста и критика, брата Н.А. Полевого подробно пересказан конфликт, связанный с пропуском в печать перевода «Жизни Наполеона Бонапарте» Вальтера Скотта[300]. По словам К.А. Полевого, первый том перевода был одобрен в цензурном комитете Петербурга, цензором В.Г. Анастасевичем и, якобы, с разрешения А.С. Шишкова, несмотря даже на тот факт, что книга была в списке запрещенной литературы. Автор «Записок» передавал слова С.Т. Аксакова-цензора о том, что ему, как цензору московского комитета, действия столичного цензурного комитета «не указ», и о разрешении министра ему ничего не известно, цензор распорядился отобрать рукопись перевода, конфисковать напечатанные листы первого тома и выяснить: откуда и через кого переводчик получил запрещенную книгу? «Приказания» С.Т. Аксакова, по словам К.А. Полевого, были исполнены

[299] РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Д. 35. Л. 1–3 об.
[300] Скотт, Вальтер (1771–1832) – шотландский поэт и историк.

«буквально», поэтому издатель понес «немалые убытки»[301]. Сергей Тимофеевич запретил не только перевод и печать «Жизни Наполеона Бонапарте», но и выпуск критических статей, касающихся этого произведения. Объяснить это можно тем, что произведение В. Скотта включало комментарии о революции во Франции, поэтому вошло в список запрещенной литературы. В письме П.А. Вяземского к А.И. Тургеневу от 1 января 1828 г., опубликованном в Остафьевском архиве князей Вяземских, есть строки автора, в которых он назвал С.Т. Аксакова-цензора «глупцом» и «le Philoctete est-ce vous»[302], потому что он не пропустил в печать его статью о произведении Вальтера Скотта. П.А. Вяземский просил А.И. Тургенева собрать для него все рецензии «на историю Наполеона»[303] и назвал С.Т. Аксакова в насмешку «le Philoctete», помня о его переводе трагедии Софокла «Филоктет» в 1816 г. Надо отметить, что «Жизнь Наполеона Бонапарте» Вальтера Скотта была все-таки переведена на русский язык в полном объеме С. Де Шаплетом, разрешена к печати петербургским цензором В. Семеновым и напечатана в России, буквально через четыре года, 5 июля 1832 г.[304]. Надо отметить, что запрет на печать перевода «Жизнь Наполеона Бонапарте» не означало того, что С.Т. Аксакову были чужды произведения В. Скотта. Еще в 1830 г. он перевел его роман «Певерил Пик», и из письма к супруге от 5 февраля 1836 г. мы узнаем о том, что он читал роман В. Скотта «Карл Смелый»[305] в рукописном переводе.

Г.А. Розенкампф, принявший С.Т. Аксакова в Комиссию составления законов переводчиком, оставил после себя воспоминания, опубликованные в 1904 г. П.М. Майковым[306]. Воспоминания дают представление как о личности

---

[301] Полевой К.А. Записки К.А. Полевого // Историко-литературный журнал Исторический вестник. Т. 28. СПб., 1887. С. 312, 313.

[302] С фр. «Вы ль это, Филоктет?» - это полустишие Вольтера в библиографическом разделе журнала «Сын Отечества»под названием этой пьесы поместил Н.И. Греч. П.А. Вяземский повторил насмешку Н.И. Греча.

[303] Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. СПб., 1899. С. 175.

[304] *Скотт, Вальтер.* Жизнь Наполеона Бонапарте Императора французов. СПб., 1832.

[305] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (далее – РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 22 об.; Приложение 3. С. 285.

[306] *Розенкампф Г. А.* [Отрывки из автобиографии]. С дополнениями П.М. Майкова // Русская старина. 1904. № 10, 11.

первого референдария Комиссии составления законов, так и о его окружении, а также о реформах, проводимых М.М. Сперанским в 1808 г. Г.А. Розенкампф вспоминал, что редакторы и чиновники комиссии сначала верили в благополучные перемены деятельности учреждения, но потом, все, кроме одного редактора «бывшего наименее даровитым» были «удалены» от руководителя Комиссии[307]. Конечно, автор мемуаров при оценке деятельности М.М. Сперанского выказывает свое личностное, субъективное отношение к происходящему. Но, благодаря этому замечанию, становится понятным почему, в 1809 г. из Комиссии составления законов уволился покровитель и воспитатель С.Т. Аксакова – редакторский помощник Г.И. Карташевский.

Мемуары С.Т. Аксакова, А.С. Шишкова, С.Н. Глинки, Г.А. Розенкампфа дают новые сведения о служебной биографии Сергея Тимофеевича. Увлечение театром, интерес к литературным и театральным новинкам, общение с прославленными писателями, поэтами, актерами – главные темы, которые отразил С.Т. Аксаков в своих «Воспоминаниях», рассказывая о годах службы в Петербурге. Комплексный анализ и сопоставление фактов из мемуарных источников, делопроизводственной документации, личной переписки позволяют «реконструировать» событийную историю служебной деятельности Сергея Тимофеевича, понять принципы, которыми он руководствовался на той или иной должности.

3.3 Частная переписка

Существенным источником для исследования служебной биографии С.Т. Аксакова является частная переписка. Письма Сергея Тимофеевича к родным, друзьям, и наоборот, письма, ему адресованные, становятся ценным источником истории культуры, общественной мысли и настроений. В начале XX столетия эпистолярное наследие С.Т. Аксакова хранилось, в основном, у его

[307] *Розенкампф Г. А.* [Отрывки из автобиографии]. С дополнениями П.М. Майкова // Русская старина. 1904. № 10. С. 400.

внучки, О.Г. Аксаковой[308]. В 1909 г., в рамках мероприятий, посвященных 50-летней годовщине со дня смерти Сергея Тимофеевича, в Дворянском доме города Самары был организован музей – «Аксаковская комната». О.Г. Аксакова передала на хранение в «Аксаковскую комнату» значительное количество рукописей по Сергею Тимофеевичу и его сыновьям. К ней поступали предложения от издателей о публикации некоторых писем, поэтому значительная часть переписки Аксаковых оказалась в типографиях[309]. Архив Аксаковых, как и множество архивов известных дворянских фамилий, своим сохранением обязан Н.И. Седовой-Троцкой[310], которая руководила более 10 лет Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения. Благодаря ее деятельной работе, после 1917 г. рукописи вывозились не только из разоренных дворянских усадеб, но и из типографий, которые были неспособны продолжать свою издательскую деятельность по публикации писем[311]. Эпистолярное наследие перевозилось в Государственную Академию искусствознания[312], а в начале 1930–х гг. было передано в Государственный Румянцевский музей, ныне – НИОР РГБ, и ГЛМ. Так был сформирован фонд 3 «Аксаковы» НИОР РГБ и фонд 10 «Аксаковы…» РГАЛИ, который был образован на рукописях ГЛМ. Фонды на протяжении долгих лет пополнялись, так, например, в 1922 г. в фонд 3 НИОР РГБ поступили два письма от Беэр Дарьи Васильевны: С.Т. Аксакова и его сына Константина Сергеевича Аксакова; в 1930 г. из музея «Абрамцево» для публикации поступили два письма Н.В. Гоголя к С.Т. Аксакову[313].

Как уже упоминалось выше, из рукописей, выделенных из Государственной академии искусствознания и переданных Государственному литературному

---

[308] Аксакова Ольга Григорьевна (1848–1921) – дочь Г.С. Аксакова и внучка С.Т. Аксакова, хранитель архива Аксаковых и организатор первого музея С.Т. Аксакова в Самаре.
[309] *Поддубная Р. П.* Ольга Григорьевна Аксакова. С. 134 – 138.
[310] Седова-Троцкая Наталья Ивановна (1882–1962) – гражданская жена Л.Д. Троцкого, заведующая музейным отделом Нарокомпроса (1918–1928).
[311] *Зенкевич В. В.* Аксаковская комната. С. 8.
[312] *Личак Н. А.* Н.И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. С. 287.
[313] НИОР РГБ. Указатель: История фонда 3 «Аксаковы».

музею в 1932 г., был образован в 1941 г. фонд 10 «Аксаковы…» РГАЛИ. Фонд пополнялся в 1942 г. – из Музея-усадьбы «Мураново» имени поэта Ф.И. Тютчева и в 1946 г. – из ГИМ. В этом фонде собраны официальные документы о служебной деятельности С.Т. Аксакова: два формулярных списка, аттестат[314]; а также переписка его с женой и А.А. Кавелиным, из которой мы узнаем о деталях его пребывания в Санкт-Петербурге в служебной командировке, петербургском круге общения и роли воспитателя наследника престола А.А. Кавелина в служебной карьере С.Т. Аксакова и судьбе его сыновей[315].

За месяц до смерти внучки Сергея Тимофеевича, О.Г. Аксаковой, в марте 1921 г., оставшуюся часть архива Аксаковых, которая у нее хранилась, было поручено перевезти и разобрать историку М.Н. Тихомирову. Под эгидой Общества археологии, истории, этнографии и естествознания был создан новый музей в Самаре – тоже «Аксаковская комната», в который поступили материалы и мемориальные вещи из усадьбы О.Г. Аксаковой села Языково Самарской губернии и из Дворянского дома – прежней «Аксаковской комнаты», которая закрылась в 1918 г.[316] В этом новообразованном музее, который подчинялся Обществу археологии, истории, этнографии и естествознания и являлся филиалом Областного музея, М.Н. Тихомиров был одно время хранителем и экскурсоводом[317]. По итогам работы перевоза и комплектования рукописей, М.Н. Тихомировым был составлен «Отчет М.Н. Тихомирова обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о выводе архива Аксаковых. 5 августа 1921 г.»[318]. В этом отчете М.Н. Тихомиров писал, что именно в этом массиве рукописей были письмо Д.В. Дашкова к С.Т. Аксакову по поводу успехов Константиновского межевого института, письма товарища главного директора Межевого корпуса Ф.И. Васькова и Г.С. Аксакова. В 1929 г. переписка Аксаковых в количестве около 15 000 документов была перевезена в

[314] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7–8 об.
[315] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 60. Л. 1–31.
[316] *Поддубная Р. П.* Самарская хроника Аксаковых. С. 101.
[317] *Зенкевич В. В.* Аксаковская комната. С. 8, 10.
[318] *Тихомиров М. Н.* Самара в моей жизни. С. 70–84.

Ленинград и сформирована в фонд 3 РО Пушкинского Дома АН СССР, ныне РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН города Санкт-Петербурга. Это произошло благодаря письму хранителя музея В.В. Зенкевича от 8 сентября 1929 г.[319] в Пушкинский Дом Академии наук СССР Б.И. Коплану[320], в котором он сообщал об угрозе расхищения архива из-за распоряжения «местной власти <…> о переселении» «Аксаковской комнаты».

Перечисленные письма и письма Сергея Тимофеевича к супруге из Санкт-Петербурга, где он находился в служебной поездке, значительно дополнили картину исторической действительности о его деятельности в Межевом ведомстве, о событиях, происходивших в Константиновском межевом институте в 1836–1837 гг.[321]. Сохранением архива Аксаковых и возможностью в настоящее время получать новые сведения к биографии Сергея Тимофеевича и его семьи, мы обязаны не только Ольге Григорьевне Аксаковой и ее бывшей служащей Хионии Семеновне Лихачевой, инициировавшей перевоз документов в Самару после ее смерти[322], но и Н.И. Седовой-Троцкой, М.Н. Тихомирову, В.В. Зенкевичу и Б.И. Коплану.

При работе с частной перепиской исследователь сталкивается с рядом сложностей: сложность прочтения писем, написанных малоразборчивым почерком; разбросанность и рассредоточенность писем, которые зачастую относятся к одному и тому же адресату, одному и тому же временному периоду, но хранятся в разных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, что требует их систематизации.

Частная переписка С.Т. Аксакова, датируемая 1810–1819 гг., хранится в небольшом количестве в фонде 3 «Аксаковы…» РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. К ней относятся письма Сергея Тимофеевича, начиная с 1816 г. Более ранние письма до нашего времени не сохранились. Одно письмо С.Т. Аксакова к

---

[319] *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. С. 243, 244.

[320] Коплан Борис Иванович (1898– 1941(1942)) – филолог, литературовед, сотрудник Пушкинского Дом Академии наук.

[321] РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26; Приложение 3. С. 291–315.

[322] *Тихомиров М. Н.* Самара в моей жизни. С. 74.

невесте относится к периоду подготовки их свадьбы[323]. Письмо[324] от поэта С.В. Капниста тоже датировано 1816 г.[325]. Некоторые рукописные материалы из архива Аксаковых, приобретены у коллекционеров, в том числе альбом посланий С.Т. Аксакова к своей невесте О.С. Заплатиной, датированный тоже 1816 г.[326]. Эти материалы дополняют служебную биографию С.Т. Аксакова сведениями о его важных жизненных этапах. Создание семьи, новая жизнь в Оренбургском имении, рождение первенца Константина – эти события стали для Сергея Тимофеевича приоритетными в 1810–е гг., нежели заботы о служебной карьере в Санкт-Петербурге. Друзья детства и юности братья Д.М. и А.М. Княжевичи, пользуясь возможностью продолжить государственную службу С.Т. Аксакова в Экспедиции о государственных доходах формально, вплоть до 1819 г. помогали ему с внесением данных в формулярный список.

Более обширна частная переписка, относящаяся к периоду его службы в Министерстве народного просвещения. К 1827 году С.Т. Аксакову было 36 лет. Он сформировался как личность, определились его театрально-литературные интересы, расширился круг московских друзей-литераторов, в семье подрастало шесть детей, и поэтому возникла необходимость в дополнительных источниках дохода, которые могла бы приносить государственная служба.

Цензорская деятельность С.Т. Аксакова упоминается в издании 1899 г.: «Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым»[327]. Как указывалось выше, в этой частной переписке П.А. Вяземский называл цензора С.Т. Аксакова «глупцом», за то, что он не пропустил в печать его статью по поводу произведения Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте»[328].

---

[323] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26; Приложение 1. С. 267.
[324] Там же. Оп. 13. Д. 25; Приложение 2. С. 268, 269.
[325] Капнист Семен Васильевич (1791–1843) – поэт и родственник Г.Р. Державина.
[326] *Кузнецова А. Г.* Зеленый альбом. С. 8, 9.
[327] Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. С. 175.
[328] Там же.

Частная переписка С.Т. Аксакова и А.С. Шишкова из описи 1 «Личные документы А.С. Шишкова» фонда 1673 «Шишков Александр Семенович (1754–1841), министр народного просвещения, президент Академии наук, писатель»[329] РГИА дает новые сведения о деятельности Сергея Тимофеевича в Московском цензурном комитете. Благодаря этой переписке мы узнаем не только точные факты об Аксакове – председателе Московского цензурного комитета, но и об узах дружбы и взаимного уважения, которые связывали С.Т. Аксакова и А.С. Шишкова на протяжении многих лет. Их переписка также хранится в фонде 195 «Вяземские: Петр Андреевич (1792–1878), друг А.С. Пушкина…» и в фонде 10 «Аксаковы….» РГАЛИ. В последнем фонде хранятся письма к Сергею Тимофеевичу от его друзей: А.И. Казначеева[330], А.А. Кавелина[331], А.П. Буниной[332]; записанная С.Т. Аксаковым беседа с министром юстиции Д.В. Дашковым; письмо поддержки от московских издателей с положительной характеристикой цензора С.Т. Аксакова от 15 октября 1828 г. – все эти материалы содержат важные сведения о его служебной деятельности в Московском цензурном комитете и его отношении к цензурным уставам 1826 и 1828 гг. Датирована частная переписка периодом пребывания С.Т. Аксакова в Министерстве народного просвещения – с 1827 по 1832 гг.

Более ранние письма, относящиеся к началу 1820-х гг., в частности переписка с поэтом М.А. Дмитриевым[333], раскрывают место С.Т. Аксакова в московской литературной жизни. Во время его приездов из Оренбургской губернии, гостеприимный дом Аксаковых в Москве становился местом встреч поэтов, писателей, актеров, где обсуждались и читались вслух новые

---

[329] РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

[330] Казначеев Александр Иванович (1788–1880) – градоначальник Феодосии (1827), таврический губернатор (1829), друг С.Т Аксакова.

[331] Кавелин Александр Александрович (1793–1850) – друг Сергея Тимофеевича, родственник О.С. Аксаковой (урожденной Заплатиной), генерал-адъютант, с 1830–1834 гг. – директор Пажеского корпуса, а с 1834 г. был воспитателем наследника престола цесаревича Александра – будущего Александра II.

[332] Бунина Анна Петровна (1774–1829) – поэтесса и переводчица.

[333] Дмитриев Михаил Александрович (1796–1866) – поэт, критик, племянник поэта и баснописца И.И. Дмитриева, с 1839 по 1847 гг. служил в Сенате, друг С.Т. Аксакова.

произведения, репетировались новые роли. Общение с московскими литераторами продолжалось в служебное время, когда они приносили цензору С.Т. Аксакову или забирали из Московского цензурного комитета рукописи с новыми произведениями. В РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранятся письма писателя Г.Ф. Квитки-Основьяненко[334], К.А. Ливена, С.М. Голицына[335] к С.Т. Аксакову, из которых мы узнаем, как помогал он писателям с цензурованием их произведений; об их литературно-театральной жизни; о покровительстве А.С. Шишкова и К.А. Ливена.

Важным источником служебной деятельности С.Т. Аксакова в Межевом ведомстве стала его частная переписка с 1833 по 1839 гг., в частности, с А.А. Кавелиным, благодаря которой стало известно о содействии воспитателя наследника престола приезду цесаревича Александра в Константиновский межевой институт, о помощи в устройстве сыновей в высшие учебные заведения. Из более поздней переписки И.С. Аксакова с супругой стало известно о родственных связях между Кавелиными и Аксаковыми.

Переписка С.Т. Аксакова с И.У. Пейкером, которая хранится частично в делопроизводственной документации Константиновского межевого института в РГАДА и в НИОР РГБ, показывает уважительные, дружеские и доверительные взаимоотношения между директором института и его попечителем. Письма С.Т. Аксакова из Петербурга в Москву, к супруге, хранящиеся в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН стали ценным источником о его командировке в 1836–1837 гг., о встречах с И.У. Пейкером, А.Ф. Веймарном, Д.В. Дашковым, о подробностях определения сыновей в Императорское училище правоведения, и осмотре самых престижных учебных заведений Российской империи того времени.

---

[334] Квитка-Основьяненко Григорий Федорович (1778–1843) – писатель, автор комедий, водевилей и украинских повестей, друг С.Т. Аксакова.

[335] Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) – попечитель Московского учебного округа (1830–1835), президент Московского попечительного комитета о бедных Императорского человеколюбивого общества.

Благодаря письмам С.Т. Аксакова сыновьям Константину и Григорию Аксаковым НИОР РГБ в полной мере стали известны педагогические принципы, которыми руководствовался Сергей Тимофеевич в Константиновском межевом институте[336]. Надо отметить, что эти письма до настоящего времени в полном объеме не опубликованы, выдержки из некоторых писем введены в научный оборот С.И. Машинским[337]. В этом же фонде 3 хранится одно письмо Петра Александровича Плетнева с характеристикой личностных качеств Сергея Тимофеевича, которое объясняет его гуманистические принципы в управлении институтом[338].

Кроме того, как уже упоминалось выше, в научно-исследовательской работе были использованы материалы из фонда 21 «Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848)» НИОР РГБ. В.Г. Белинский восемь месяцев преподавал в Константиновском межевом институте русский язык[339] и дела по преподаванию передал своему племяннику и другу Д.П. Иванову. В фонде 21 описи 5184 сохранилась «Письма разных лиц к Белинскому Виссариону Григорьевичу и к разным лицам. Разное» их неопубликованная переписка, которая содержит ценные факты о гуманном, добром, человеколюбивом подходе в управлении учебным заведением С.Т. Аксакова и благодарном отношении преподавателей к нему[340].

В 2016 г. была опубликована переписка М.Н. и Т.С. Аксаковых с детьми и внуками. В письмах к родителям С.Т. Аксаков делится в основном бытовыми заботами и семейными радостями. В письмах родителей к нему от 1 мая 1831 г. и 22 июля 1831 г. содержится важная информация о его отпуске в 1831 г. и поездке в Оренбургское имение[341].

Комплексный анализ переписки с сопоставлением фактов из других источников позволил выстроить хронику служебной деятельности С.Т. Аксакова,

---

[336] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 23а, 24а.
[337] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 191.
[338] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. 8 об., 9.
[339] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 689. Л. 1, 1 об.
[340] НИОР РГБ. Ф. 21. Оп. 5184. Д. 14. Л. 15–16 об., 18 об.
[341] Переписка старших Аксаковых с детьми и внуками (1816–1836). С. 141.

особенно в период его пребывания в Министерстве народного просвещения и Межевом ведомстве. Надо отметить, что частная переписка Аксаковых не учитывала возможность постороннего любопытного взора, носила сугубо личный, дружеский и семейный характер. Опасение перлюстрации заставляло иногда прибегать к сокращениям, которые могли быть понятными лишь адресату. Например, при упоминании оказываемой их семье помощи воспитателем наследника престола генерал-адъютантом А.А. Кавелиным в письмах к О.С. Аксаковой, Сергей Тимофеевич прибегал к использованию инициалов «А.А.», или написанию имени и отчества высокого по служебному положению лица без указания его фамилии, что создало дополнительную необходимость раскрытия всех неясных имен. Однако, не все имена удалось выявить. Так в письме к жене от 10 сентября 1828 г., которое хранится в РГАЛИ, С.Т. Аксаков рассказывал о заседании членов Главного управлении цензуры, на котором решался вопрос о его службе в Московском цензурном комитете, назвав одного из своих недоброжелателей «моим гонителем»[342]. Мы можем сделать только предположение, что это речь шла о С.С. Уварове, о котором он в более поздних письмах отзывался негативно.

3.4. Источниковедческие аспекты работы С.Т. Аксакова-цензора

Говорить о характере, специфике и принципах служебной деятельности С.Т. Аксакова-цензора с 1827 по 1832 гг. без анализа внесенных им цензурных правок в авторские рукописи невозможно. Источниковедческий анализ сохранившихся рукописей позволяет взглянуть на политические, нравственные, моральные установки С.Т. Аксакова-цензора, который не просто вычеркивал и исключал отдельные «непозволительные» сцены рукописи, но, зачастую, предлагал автору произведения синонимы, на которые можно заменить «подозрительные» формулировки, понятия. Рукописей с его цензорскими

[342] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–2 об.

правками сохранилось немного. Как указывалось выше – это сочинение М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская», неполный вариант статьи И.В. Киреевского «Девятнадцатый век» (РГАЛИ) и разрозненные листы, изданного в 1832 г. третьего номера журнала «Европеец» (ОПИ ГИМ).

Читая рукописи, С.Т. Аксаков уделял внимание именам собственным, фамилиям, чтобы будущий читатель произведения не усмотрел использование так называемого «эзоповского языка», который подразумевал подмену понятий, намеки на конкретных государственных или общественных деятелей. Однако, все предусмотреть невозможно, особенно, учитывая значительное количество поступающих в Московский цензурный комитет рукописей. В некоторой степени это стало причиной отставок с должностей цензоров С.Н. Глинки в 1830 г., С.Т. Аксакова в 1832 г., И.А. Двигубского в 1833 г.

Рукопись трагедии М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская. Трагедия в пяти действиях в стихах» поступила в Московский цензурный комитет 17 августа 1830 г. объемом 54 листа[343]. Она имеет вид отдельных, не сшитых воедино, листов. Каждый лист рукописи имеет хорошую сохранность и отмечен цензором своей подписью («скрепами». – *В.Д.*) так, что, если совместить отдельно написанные на страницах слоги, проставленные им на каждом листе, получится фраза: «Рассматривал цензор Сергей Аксаков»[344]. С.Т. Аксаков вносил цензорские правки на полях рукописи простым карандашом, нумеруя все листы рукописи. Рукопись включает также авторские правки М.П. Погодина, часть которых внесена им, скорее всего, под диктовку С.Т. Аксакова. В декабре 1830 г. был выдан позволительный билет Сергеем Тимофеевичем на публикацию сочинения[345]. Но, проявив осмотрительность, он решил отправить напечатанный экземпляр А.Х. Бенкендорфу и запросить его разрешения на продажу данного издания. А.Х. Бенкендорф посоветовал отложить процесс обнародования

[343] Там же. Оп. 4. Д. 163. Л. 1.
[344] Там же. Л. 1–6.
[345] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 2164. Л. 92.

сочинения, пока не изменятся к лучшему «смутные обстоятельства»[346]. Под «смутными обстоятельствами» он имел ввиду польское восстание 1830 гг. После событий в Польше, С.Т. Аксаков второй раз отправил запрос А.Х. Бенкендорфу, в котором, повторял свою «убедительнейшую просьбу» о решении ее судьбы[347]. Итогом этой переписки стало то, что в 1831 г. «изящнейшая трагедия», как ее охарактеризовал С.Т. Аксаков, поступила в продажу[348].

Рукопись с указанием на некоторые правки С.Т. Аксакова-цензора была опубликована в 1984 и в 2015 гг.[349], большая часть, присутствующих в данном исследовании правок не вошла в базу комментариев этих ранних публикаций. Анализируя каждую цензурную правку в первоначальной рукописи, сверяя ее с книгой «Марфа, Посадница Новгородская», которую издал М.П. Погодин в 1830 г., попытаемся понять принципы, которыми руководствовался С.Т. Аксаков-цензор при прочтении этого произведения.

По поводу этого произведения С.Т. Аксаков писал М.П. Погодину о том впечатлении, которое произвело на актрису «Катерину Семеновну Семенову[350]» чтение его пьесы: когда С.Т. Аксаков приехал, она была больна, но после чтения «сделалась весела», у нее проступил румянец, Е.С. Семенова ходила по комнатам и повторяла-повторяла выражения из «Марфы…». Реакцию известной актрисы С.Т. Аксаков назвал «торжеством» автора[351].

В основу сюжета положены события 1478 г. – покорение Новгорода великим князем Иваном III. Созвано новгородское вече для решения вопроса, как поступить: покориться великому князю или сохранить свою независимость. Марфа Борецкая, вдова новгородского посадника, убедила вече в невозможности мирного договора. Но причиной поражения новгородской дружины стал внутренний раздор и предательства среди бояр и знатных горожан, многие из них

---

[346] Цит. по: *Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор. С. 86.
[347] Там же. С. 87.
[348] Там же.
[349] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1984; *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М.: Наука, 2015.
[350] Семенова Катерина Семеновна (1786–1849) – актриса, дружившая с С.Т. Аксаковым.
[351] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х т. Т. 3. СПб., 1890. С. 189.

перешли на сторону великого князя. Среди предателей был сын Марфы Борецкой Алексей.

Первые правки С.Т. Аксакова начинаются со слов народа, собравшегося на Софийской площади по вечевому колоколу. *Первый* гражданин говорит:

«Московский князь уж Волок миновал.

Сейчас ко мне приехал сват из Твери

И сказывал: несметная с ним рать»[352].

С.Т. Аксаков на правом поле рукописи оставил отметку цензорским карандашом в виде черты, а М.П. Погодин зачеркнул слово «рать» и изменил его на слово «сила». В более поздних текстах «Марфы, Посадницы Новгородской» употребляется именно слово «сила», которое придает понимание могущества войска князя Ивана Васильевича.

Вторая правка касается упоминания в разговоре народа. Участник, которого М.П. Погодин вывел в первом действии под именем «*Второй*», произносит, узнав, что великий князь подходит к стенам Новгорода:

«Он хочет лишь повеличаться силой

Пред нами и задать побольше страху.

Да нет, брат Иван Васильевич, Новграда

Тебе не провести: далеко видим»[353].

В этой речи вычеркнуто слово «брат» и заменено на слово «друг». Возможно, эта рекомендация была дана, чтобы исключить фамильярный тон участника разговора. Если сравнивать с изданием, которое было опубликовано в 1830 г. и поступило в продажу в 1831 г. – там вообще отсутствуют слова «друг» и «брат» - автор оставил только имя «Иван Васильевич»[354].

Третья правка в рукописи относится к исключению целого диалога первого, третьего и четвертого граждан, собравшихся на площади:

«*Третий*

[352] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 2 об.
[353] Там же. Д. 163. Л. 2 об.
[354] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 2.

…Он присягал, как был успех неверен.

Теперь он, видно, оперился...

Первый

Правда!

Присяги нечего бояться крестной.

С поклонами все разрешит владыка.

Грешить ведь нашей братье мелкой страшно,

Князьям с рук сходит и не это.

Четвертый

Эй, положи свой язычок на сойку,

Не сдобровать тебе уж, греховодник...».

На левом поле рукописи замечание С.Т. Аксакова «Исключить», а на правом, М.П. Погодин написал: «На исключение согласен. Изд[атель]»[355]. Возможно, что ключевая фраза, которую посчитал цензор предосудительной и из-за которой потребовал исключить диалог – «…Князьям с рук сходит и не это…». Вполне понятно требование С.Т. Аксакова-цензора, так как неосторожная фраза М.П. Погодина могла обернуться неприятностями после публикации. В книге, изданной М.П. Погодиным в 1830 г., указанный диалог тоже исключен[356].

И далее, пересказывая слова Марфа Посадницы, первый гражданин говорит:

«Слыхали ль вы, что порасскажет Марфа

О старых временах: как мы, бывало,

С врагами управлялись в чистом поле,

По белу свету за добычей, славой

На все четыре стороны гуляли...

Как и князьям указывали двери,

Чуть заикнется кто не по закону».

Последние две строчки: «Как и князьям указывали двери, чуть заикнется кто не по закону», С.Т. Аксаков посчитал непозволительными и отметил к

[355] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 3.

[356] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 3.

исключению. С этой правкой М.П. Погодин тоже согласился, отметив на правом поле рукописи: «На исключение согласен. Изд[атель]»[357] и внес ее в издание 1830 г.[358].

На площади появляется Марфа Посадница, которую с нетерпением встречает народ. В ее речи:

«Друзья! Палач московский с топорами

Стоит у наших врат, занес уж руку

Над нашей волею. Готовьтесь к казням!»[359]

Словосочетание «палач московский» было заменено на слово «злодей московский». В редакции 1830 г. М.П. Погодин переделал на третий вариант: «московский ворог»[360].

На этом же листе рукописи С.Т. Аксаков, руководствуясь, видимо, нравственной составляющей, исключил часть диалога:

Первый

Нет, прежде мы варяжской сладкой крови

Отведаем его.

Все кричат

Варяжской крови!

Рядом со словами «Исключить», С.Т. Аксаков добавил «Или заменить другими словами». Вместо зачеркнутого вышеуказанного диалога подписано после слов «Все кричат»: «Нет, разве к обороне, к битвам смертным!»[361]. Этот вариант и был оставлен в рукописи, отданной М.П. Погодиным в типографию[362].

Рукопись, поправленная С.Т. Аксаковым, значительно отличалась от издания трагедии 1830 г. После слов Посадника о гражданах-изменниках, которые

---

[357] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 3 об.
[358] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 4.
[359] Там же. Л. 4 об.
[360] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 7.
[361] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 4 об.
[362] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 7.

«в Москву явились к Иоанну и именем всех новгородских граждан его назвали Государем нашим…», слова народа в рукописи следующие:

«Будь проклят,

Кому вспадет на ум такая мысль!

Язык отсохни у того, кто скажет

Противное на наше слово это!

Чтоб не было ему ни дна, ни крыши!»[363]

Последняя строчка «… чтоб не было ему ни дна, ни крыши!» была вычеркнута в оригинале, видимо, как цензурная правка. Но в изданной в 1830 г. книги мы видим, что М.П. Погодин исключил не одну, а три строчки:

«Язык отсохни у того, кто скажет

Противное на наше слово это!

Чтоб не было ему ни дна, ни крыши!»[364].

Когда изменники были схвачены, некоторые участники событий на площади убегают грабить их дома. В рукописи, которая хранится в РГАЛИ, изначально была такая строчка: «Несколько человек сзади убегают». С.Т. Аксаков эту фразу отредактировал и провел стилистическую замену на: «Несколько человек из задних рядов убегает»[365].

Видимо, из-за слова «рабами», С.Т. Аксаков на полях указал исключить два слова из возгласов народа:

«Позор и срам! Потомок Ярослава

С бесчестными рабами заодно».

Словосочетание «бесчестными рабами» вычеркнуто и заменено на одно слово «лжецами». Таким образом, текст после правки должен был быть следующим:

«Позор и срам! Потомок Ярослава

---

[363] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 5 об.
[364] Цит. по: *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 9.
[365] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 6.

С лжецами за одно»[366].

Важное значение в цензуровании произведений играли фамилии героев пьес. С.Т. Аксаков, как опытный цензор, все фамилии так или иначе связанные с представителями власти потребовал изменить. На полях почерком Сергея Тимофеевича было отмечено «заменить». Фамилия «Муравьевы» была заменена на «Берюлевы» автором. И слова Посадника о гражданах Новгорода в рукописи стали выглядеть следующим образом:

«Однако втайне мы приняли меры:
Послали в Псков гонцов и к Казимиру,
В Ганзу, за помощью на случай нужды.
Оружие, запас копили для осады.
Граждане многие о наших мерах знали:
Борецкие, Панфильевы, Тучковы,
Репеховы, Ланкины, Берюлевы»[367].

Любопытно, что в печатном экземпляре книги 1830 г. М.П. Погодин самостоятельно заменил известную фамилию «Тучковы» на «Гулдовы»[368].

С.Т. Аксаков был осторожным цензором и все резкие слова, касающиеся особенно интерпретаций понятия «рабства», из трагедии стремился исключить или произвести замену. Слова граждан изначально в рукописи были написаны так:

«Допустим ли, чтоб подлый раб Московский,
Велению чужому повинуясь,
Решал и жизнь и смерть Новогородца!»

По совету С.Т. Аксакова словосочетание «подлый раб» было зачеркнуто и сверху надписано слово «слуга». На левом поле рукописи он оставил замечание «переменить». Слова граждан после правок цензора стали звучать следующим образом:

---

[366] Там же. Л. 6 об.
[367] Там же. Л. 8.
[368] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 15.

«Допустим ли, чтобы слуга Московский,

Велению чужому повинуясь,

Решал и жизнь и смерть Новогородца!»[369]

Далее – были заменены слова *Третьего* гражданина:

Изначально они были представлены таким образом:

«Наемник ли радеть о стаде будет?

А надо б подтвердить, чтоб в суд владычен,

В суд тысячский – наместник не вступал»[370].

Последние две строчки в рукописи оказались вычеркнуты. Исключение распространилось также на изданную книгу[371].

Совет новгородских граждан на площади набирает силу, и кульминацией становятся слова Марфы, в которых она пытается убедить их о том, что любые уступки московскому князю только ненадолго дадут им отсрочку казни:

«Чрез год опять он под предлогом новым

Придет сюда, - с ножом пристанет к горлу,

Кровь вытянет еще из свежей жилы,

Потом опять - пока лишь в трупе вашем

Останется хоть капля древней жизни»[372].

Третью строчку С.Т. Аксаков попросил вычеркнуть из рукописи, видимо, руководствуясь эстетическими, моральными принципами. Таким образом, слова Марфы по правкам Сергея Тимофеевича должны были выглядеть после публикации следующим образом:

«Чрез год опять он под предлогом новым

Придет сюда, - с ножом пристанет к горлу,

Потом опять - пока лишь в трупе вашем

Останется хоть капля древней жизни»[373].

---

[369] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 9 об.
[370] Там же.
[371] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 18.
[372] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 10 об.
[373] Там же.

Продолжая свою речь об Иване III, Марфа обращается к гражданам:

«Он сеет рабский дух, смущенье, робость.

Смотрите - крадется как тать полночный,

Язык из колокола вырвать хочет,

Язык святой свободы новгородской,

Заветное наследство предков»[374].

Прилагательное «рабский» вновь было С.Т. Аксаковым исключено и автором заменено на слово «низкой». На левом поле рукописи остался комментарий Сергея Тимофеевича: «заменить другими словами».

О том, что С.Т. Аксаков внимательно вчитывался в смысл написанного автором, свидетельствуют исключение из рукописи двух строчек в речи Марфы, где она предлагает не сдавать город, а поджечь его, аргументируя это предложение тем, что «Иоанн сробеет <…> пожарища себе взять не захочет…». Продолжение ее слов в рукописи выглядело так:

«Вот мой совет, вот средство нам спастися,

Достойное великих предков наших.

Вот средство нам возвысить дух народный,

Упавший средь уступок беспрерывных»[375].

Последние две строчки были автором по просьбе С.Т. Аксакова исключены, видимо, потому что их можно было растолковать, как призыв к мятежу. На левом поле рукописи остался комментарий С.Т. Аксакова «исключить».

Вновь собравшиеся приходят к мысли о посольстве к князю для заключения мира:

«Второй

Что скажешь ты, посадница, на это?

Марфа

Я соглашаюсь с ними, не мешает»[376].

---

[374] Там же. Л. 10 об., 11.
[375] Там же. Л. 11.
[376] Там же. Л. 11 об.

Слова «посадница» и «я соглашаюсь с ними» в рукописи М.П. Погодина были исключены.

Исправлены цензорским карандашом стилистические ошибки автора: слова Марфы «Мужайтися, не унывайте духом.

Никто таков к Бог с Святой Софией»

Исправлены были С.Т. Аксаковым на «Мужайтися, не унывайте духом

Никто таков как Бог с Святой Софией».

Предлог «к» был зачеркнут Сергеем Тимофеевичем и исправлен на слово «как»[377].

Вычитывая рукопись М.П. Погодина, С.Т. Аксаков-цензор действовал как литературный критик, советуя и исключая ненужные, на его взгляд, диалоги. Так, были исключены возгласы толпы и реплика боярина:

«Толпа уходящих бояр к одному:

И не сказал ни слова против Марфы!

Боярин

Что без пути кричать. Послов дождемся.

Тогда ясней все будет. Там если

Чего хотеть. Все спорить будут»[378].

Давая наказ сообщнику-изменнику, сын Марфы, Борецкий, произнес:

«…Иоанн

Нам дорого заплатит за восторги

Все глупые»[379].

В рукописи слова «все глупые» были заменены на «нелепые».

Второе действие трагедии происходит в стане московского князя, где тоже присутствует измена среди удельных князей, и князь Оболенский, характеризуя новгородцев говорит:

«Забьешься, брать! они привыкли к воле,

---

[377] Там же. Л. 13.
[378] Там же.
[379] Там же. Л. 13 об.

Родясь в черном не живали теле»[380].

Слова «они привыкли к воле», по понятным причинам, были по просьбе С.Т. Аксакова исключены и заменены на «они избаловались». Для осторожного цензора, интерпретации от слова «раб», любой намек на «волю», были недопустимы для печати, так как сразу могла возникнуть ассоциация с существующим в России политическим строем. И это, отчасти требование к обязанностям цензора, требование времени. Пропуск таких выражений повлек бы немедленное увольнение С.Т. Аксакова с занимаемой должности и наказание автора произведения.

По просьбе Сергея Тимофеевича исключены были автором слова князя Верейского и князя Микулинского, которые он тоже посчитал слишком смелыми:

«Князь Верейский

Пожди. В Москве западают тотчас,

Бессчестные, на плахах и в темницах.

Князь Микулинский

Бессчестные, но реже» [381].

На левом поле рукописи карандашом С.Т. Аксаков отметил «исключить».

И, видимо, по просьбе цензора, были стилистически поправлены последующие слова князя Микулинского. Вместо «некогда мне толковать теперь с тобой об этом», в результате правок стало: «мне толковать теперь с тобой не время»[382]. Измененные предложения Сергей Тимофеевич подчеркнул карандашом.

К сожалению, не все правки С.Т. Аксакова-цензора удалось понять. Так, слова Иоанна послам:

«Не соглашаетесь на увещанье

Последнее пред казнью»

[380] Там же. Л. 14.
[381] Там же. Л. 16.
[382] Там же.

были подчеркнуты цензорским карандашом с выделенной чертой на левом поле рукописи[383].

Стилистическая правка была внесена в ответ великого князя Московского Иоанна послам из Новгорода. Изначально в рукописи:

«По утвержденьи нашего престола

Для новгородцев мы обещаем вам

Исполнить … молитвы ваши».

После правки:

«По утвержденьи нашего престола

В Новгороде мы, может быть, исполним

Какие-либо из молений ваших»[384].

При разговоре с Борецким слова Иоанна

«… Ты будешь правою моей рукою,

Хранителем всех тайных мыслей, другом…»

были отмечены С.Т. Аксаковым карандашом на полях и подчеркнуто слово «другом»[385].

Стилистическая правка внесена была автором и в слова Борецкого: вместо «замыслов моих», стало «наших замышлений»[386].

Одним из условий Борецкого, вторично изменившего Новгороду, было сохранить жизнь матери. В рукописи в его речи изначально были такие слова:

«А мать… без трепета об ней подумать,

Я не могу теперь… новгородцы…»

Слово «трепет» было заменено на «ужас»:

«А мать… без ужаса об ней подумать,

Я не могу теперь… новгородцы…»[387].

---

[383] Там же. Л. 19.
[384] Там же. Л. 19 об.
[385] Там же. Л. 20 об.
[386] Там же. Л. 21.
[387] Там же. Л. 22.

Эту правку, скорее всего, тоже можно причислить к разряду стилистических.

Борецкий выдвинул условие великому князю Московскому Иоанну – быть в Новгороде наместником. Слова Иоанна

«Изволь: дам сел, сосватаю невесту,

К имениям не коснусь…».

С.Т. Аксаков на правом поле рукописи выделил карандашом и исправил слово «коснусь» на «коснуся»[388].

На возглас князя «А мать твоя!», Борецкий ответил:

«Она сперва посетует, потом

Состарясь, с другими согласится».

После правок речь Борецкого стала выглядеть так:

«Она посетует, потом

С другими согласится»[389].

В печатной версии добавлено слово «невольно»:

«Она посетует… потом с другими

Невольно согласится…»[390].

Великий князь Московский Иоанн согласился не на казнь Марфы, а на заточение, и ответные слова Борецкого до цензурной правки были:

«Борецкий

Клянись. (С улыбкою).

Не на престоле

Ведь ты сидишь.

Иоанн, крестясь

Клянусь Царем Небесным!».

---

[388] Там же. Л 22 об.
[389] Там же. Л. 22 об.
[390] Цит. по: *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 61.

На левом поле рукописи примечание С.Т. Аксакова: «Исключить или заменить другими словами». Поэтому, после правки, текст стал выглядеть следующим образом:

«Борецкий

Клянись. (С улыбкою).

Иоанн, крестясь

Клянуся Богом!»[391].

Вместо словосочетания «державное слово» С.Т. Аксаков предложил употребить слово «великое слово», и речь Иоанна, князя Московского, в обращении перед битвой к князьям немного изменилась:

«Мы должны лишь

Вас ободрить своим великим словом,

Сказать вам: потрудитесь»[392].

Двоякий смысл можно было вложить в эти слова, поэтому С.Т. Аксаков, избегая проблем, которые могли возникнуть с их толкованием, исключил их.

Третье действие трагедии началось тоже с исключения:

«Упадыш

Небось: послов не рубят, не секут,

Ведь Иоанн, хоть князь, а знает это.

Борецкий наш целей других приедет».

После внесенных С.Т. Аксаковым правок, стих стал выглядеть так:

«Упадыш

Небось: послов не рубят, не секут,

Борецкий наш целей других приедет»[393].

Можно предположить, что и здесь цензор опасался двоякого толкования отрывка, поэтому потребовал исключить строчку, написав на левом поле рукописи свой комментарий «исключить»[394].

---

[391] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 23.
[392] Там же. Л. 23 об.
[393] Там же. Л. 24.

Не позволил С.Т. Аксаков автору произведения оставлять в рукописи реплики, которые так или иначе критиковали деятельность великого князя или отражали негативное к нему расположение резкими высказываниями. Он исключил следующие слова граждан:

«Седьмой

Можно.

Князь будет говорить, а мы лишь слушать.

Шестой

Так вот что! Губа у него не дура».

После цензурной правки диалог стал выглядеть следующим образом:

«Седьмой

Можно.

Другие будут говорить за нас, мы станем слушать.

Шестой

А, так вот что!»[395] .

В изданной книге в конце слов Шестого было добавлено еще слово «понял»: «А, так вот что! Понял»[396].

По этим же причинам, видимо, был исключен диалог «Первого» и «Четвертого» новгородца:

«*Первый*

Бывало и клянутся,

И кланяются в пояс нам. Пугнешь,

Так и язык куда уйдет, не сыщут.

Четвертый

На время время не придет. То мы

В князьях, то в нас князья»[397].

---

[394] Там же.
[395] Там же. Л. 27 об.
[396] Цит. по: *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 76.
[397] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 28.

Все резкие высказывания, касающиеся рабства, С.Т. Аксаков исключал из рукописи. Были вычеркнуты им слова Марфы:

«Рабом московским первый

Захочешь быть?»[398].

Волнение на Софийской площади не утихало, часть новгородцев были готовы отстаивать за свою независимость, остальная часть – готова была пойти на уступки путем мирного соглашения. Обращаясь к народу, слова Марфы звучали так:

«Что ж ты молчишь строптивый обвинитель!»

Слово «строптивый» было С.Т. Аксаковым подчеркнуто, и отметка цензорская вынесена на правое поле. По его мнению, слово «строптивый» не совсем точно соответствовало настроению народа. Монолог Марфы С.Т. Аксаков выделил на левом поле рукописи и оставил свое замечание «исправить»[399].

Слова Посадника вновь касались личности великого князя, и их также цензор исключил из рукописи:

«Авось проймет его глухая совесть».

С.Т. Аксаков оставил на левом поле листа свой комментарий «смягчить»[400].

Некоторые четверостишья Сергей Тимофеевич рекомендовал поменять местами, при этом продолжая исключать негативную оценку княжеской власти. Первоначально диалог выглядел так:

«Купец

И чем же худо жить под Иоанном?

Москва катается, что сыр твой, в масле.

Все через край.

4 Купец

Давали-то в обрез.

Овин

[398] Там же. Л. 29.
[399] Там же. Л. 31 об.
[400] Там же. Л. 32 об.

Клянись бы.

Хорош.

Оно и так... сдаваться лучше... впрочем...

И попытать бы должно счастья.

5 *Купец*

Какого счастья! полноте морочить!

Прочней всего нам сдаться.

Посадник Овину

Захар Лукич! ты прежде думал так же,

Я поперечил; ныне, соглашаюсь,

Ты видел вдаль получше моего.

Скажи, хорош ли мой совет?».

После того, как С.Т. Аксаков исключил слова о Москве «все через край», «давали-то в обрез» и словосочетание «клянись бы», поменяв четверостишья местами, диалог стал следующим:

«Купец

И чем же худо жить под Иоанном?

Москва катается, что сыр твой, в масле.

Посадник Овину

Захар Лукич! ты прежде думал так же,

Я поперечил; ныне, соглашаюсь,

Ты видел вдаль получше моего.

Скажи, хорош ли мой совет?

Овин

Оно и так... сдаваться лучше... впрочем...

И попытать бы должно счастья.

5 *Купец*

Какого счастья! полноте морочить!

Прочней всего нам сдаться»[401].

Слова простого народа были немного подкорректированы по рекомендации цензора. Изначально, отрывок из трагедии выглядел так:

«Не слушайте Упадыша; ему бы
Ловить себе лишь только рыбу в мутной
Воде. Чего хотите, в самом деле?
Где нам тягаться с князем? Он придавит
Как гниду Новгород. Ведь скучно будет
Обуха плеть коли перешибает?
А с ним ведь двести тысяч».

После правки С.Т. Аксакова он стал немного иным:

«Не слушайте Упадыша; ему бы
Ловить себе лишь только рыбу в мутной
Воде. Чего хотите, в самом деле?
Где нам тягаться с князем? Он прищелкнет
Как гниду Новгород. Ведь скучно будет
Обуха плеть коли перешибает?
А с ним без мала под двести тысяч»[402].

Прощание с вечевым колоколом, после которого было принято решение о сражении за Новгород. С.Т. Аксаков вновь предписал исключить из речи Марфы слова о Москве и царской воле:

«Покорные рабы Москвы, мы станем
Ждать от нее велений, приговоров,
И умирать, и жить по царской воле»[403].

Распоряжения посадника по поводу организации обороны граждан были стилистически изменены по рекомендации С.Т. Аксакова: вместо глагола

[401] Там же. Л. 33 об.
[402] Там же. Л. 34.
[403] Там же. Л. 34 об.

«рассыпать», он внес предложение поставить слово «рассыпаны»[404]. На левом поле рукописи такие незначительные правки он отмечал крестом.

В четвертом действии трагедии были стилистически подкорректированы слова женщин у Московских ворот Новгорода. Было:

«*Женщины*

Ах, старый, старый, смерти

Завидуешь. Ее, пожалуй, сыщешь

Всегда, везде - и дома».

После правки:

«*Женщины*

Завидуешь ты смерти

Ах, старый, да ее, пожалуй, сыщешь

Всегда, везде - и дома»[405].

К сожалению, не удалось восстановить правки в диалоге Марфы и Овина, в более позднем издании трагедии, он был просто исключен и слова Марфы заканчивались:

«И дочь моя... по улицам рассыпьтесь,

Скликайте всех, и молодых, и старых,

Молитесь...».

А слова Овина в корне изменены:

«*Овин*

Где им; лучше я пойду...»[406].

Особенность именно этой правки – отсутствие каких-либо пометок С.Т. Аксакова-цензора. На полях он, обычно, чертой обращал внимания на свои замечания. В данном случае слова просто неаккуратно зачеркнуты, не позволяя восстановить изначальный текст.

---

[404] Там же. Л. 36 об.
[405] Там же. Л. 38 об.
[406] Цит. по: *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 120; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 41.

Последующие правки, вновь касающиеся слова «рабы», были отмечены С.Т. Аксаковым на полях и исключены следующие слова из речи Марфы:

«Рабам московским ли пришлось

Тягаться со свободными мужами?»[407].

Изменены слова Марфы:

«*Марфа к гонцу*

Скажи порядком

Как это все у вас случилось?»

На:

«*Марфа к гонцу*

Скажи порядком

Как это все Господь для нас устроил?»[408].

Без отметок на полях С.Т. Аксакова-цензора, были вычеркнуты автором слова Овина:

«Да перестаньте, ответ вам, давно ли

Хвалили, а теперь уже и клянете!».

Вверху данных зачеркнутых слов было надписано:

«Да полноте, поправиться, все Бог даст»[409].

Вышеуказанные изменения текста похожи на авторские правки самого М.П. Погодина, но, можно предположить, что они могли быть внесены под диктовку С.Т. Аксакова, для того, чтобы подчеркнуть роль Провидения в свершающихся исторических событиях.

Измена сына Марфы, Алексея Борецкого, сыграла решающую роль, и пятое действие начинается со сцены в покоях, где заточена Посадница и ее дочь Ксения. Бояре предлагают ей бежать «с купцами в Любек», но на это предложение она отвечает:

«*Марфа*

[407] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 163. Л. 41.
[408] Там же. Л. 41 об.
[409] Там же. Л. 43.

Так расскажите же теперь мне лучше:

Что делается в городе?»[410]

Некоторые стилистические изменения, сделанные в тексте неразборчивым почерком, скорее всего, принадлежат руке автора, потому что на полях не вынесены правки С.Т. Аксакова-цензора.

В речи боярина князя Московского Василия Федоровича Образца, были обвинительные слова о непокорстве Марфы. Обращаясь к ней, он говорил:

«Прогневала отца на чад любимых...

Подвигнула на казни... ».

Марфа, прерывая его

«Начались уже?»[411].

С.Т. Аксаков отметкой на полях указал «исключить» следующие фразы: «Подвигнула на казни...», «… начались уже?». Объяснить эту правку можно только тем, что читатель произведения, вдумываясь в эти фразы имеет возможность «додумать» их и провести параллель со временем царствования императора Николая I, то есть, найти в них скрытый, «крамольный» смысл. Избегая этих неприятностей, С.Т. Аксаков читал рукопись в том числе «между строк», исключая предосудительные фразы.

Допрашивая Марфу, боярин В.Ф. Образец[412] обратился к ней изначально с такими словами:

«Слушай. Без твоих советов,

Без твоего согласия в Новграде

Не делалось ничто. Ты знать должна

Все тайны. Не упорствуй. Если

Не скажешь мне, мучительная пытка...»[413].

Слова «мучительная пытка» С.Т. Аксаков отметил на полях заменить. Они были заменены М.П. Погодиным на «жестокие мученья». И здесь С.Т. Аксаков-

[410] Там же. Л. 50.
[411] Там же. Л. 51 об.
[412] Образец Василий Федорович (?–?) – боярин и воевода Ивана III.
[413] Там же. Л. 52 об.

цензор, изменяя слова, стремился избежать «острых углов» и прямого осуждения действий великого князя и его приближенных.

Более точные определения были подобраны М.П. Погодиным для некоторых слов в процессе повторного чтения рукописи. Например, после слов великого князя:

«Снимите с веча
Мятежный колокол и отошлите
За мной в Москву».

В рукописи изначально было следующее: «Слышен звук скинутого колокола и вопль». После внесения правок: «Слышен звук упавшего колокола и вопль»[414]. Исключил С.Т. Аксаков из рукописи детали планируемой расправы с новгородцами:

«Василью Селезневу, Сухощеку,
Ананьину, Василью Казимеру,
Арбузьеву - отсечь главы. Акинфа
Репехова с Романом сыном, Юрья,
Григорья, Купреянова, Михаилу
Берденева, Ивана Кузмина,
В железа заковав, отправить в ссылку,
Имение все описать в казну.
Барановых, Тыртовых, Муравьевых,
Клементьевых, Быковых, Хомутовых,
Назимовых, Щербининых, Редровых,
Зелениных, Нелединских, Редровых ,
И прочих, как означено в сем списке,
Всех расселить по низовым землям
И оделить из княжеских владений
За здешние, кому причтется сколько»[415].

[414] Там же. Л. 53 об.
[415] Там же. Л. 54.

Как уже упоминалось выше, детали эпизодов, которые могли вызвать у читателя осуждение великокняжеской власти, С.Т. Аксаков-цензор исключал из рукописи.

Исправлял Сергей Тимофеевич ошибки и неточности, возникшие, видимо, при переписывании текста. После вынесения приговора великим князем Марфе – заточенье в Нижнем Новгороде, ее слова в рукописи были:

«Приемлю Князь сию; я заслужила

Перед судом твоим ее сторицей».

Рукой Сергея Тимофеевича вверху слово «князь» исправлено на «казнь». Так же и в следующем ее монологе, цензор исправил словосочетание «со злобой» на «со злобою»[416].

Некоторые правки М.П. Погодин вносил в процессе повторного чтения рукописи, но не внес их в текст напечатанной книги 1830 г. Он оставил на полях замечание «переменить» про слова о воспреемниках потомков великого князя Московского Иоанна, что род их «от западных далеких стран идет»[417]. Но, анализируя издание «Марфы, Посадницы Новгородской» 1830 г., мы видим, что эта фраза в тексте осталась неизмененной[418].

М.П. Погодин планировал, что трагедия будет поставлена на сцене, и главную роль будет играть знаменитая актриса К.С. Семенова. Но судьба распорядилась иначе. Как признавался М.П. Погодин С.П. Шевыреву: «Играть ее невозможно до тех пор, пока не будет хороших пятидесяти актеров для всякого вестника и простолюдина»[419].

Что касается двух сохранившихся листов статьи «Девятнадцатый век» И.В. Киреевского, которая хранится в фонде 236 «Киреевские…» РГАЛИ, то правки цензора С.Т. Аксакова были опубликованы Л.Г. Фризманом в серии «Литературные памятники» издательством «Наука» в 1989 г.[420]. Как и в рукописи

---

[416] Там же. Л. 54.
[417] Там же. Л. 54 об.
[418] *Погодин М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М., 1830. С. 169.
[419] Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22-х т. Т. 3. С. 189.
[420] Европеец. Журнал И.В. Киреевского. М., 1989. С. 444, 445.

М.П. Погодина, правки С.Т. Аксакова-цензора сопровождались сразу исправлением конкретных фраз. В рукописи изначально говорилось: «В литературе, в обществе, в волнениях различных партий, в битвах противных мнений, одним словом, в целом нравственном быте просвещенной Европы заметно присутствие какого-то нового, какого-то недавнего убеждения...». На полях отмечен вопрос С.Т. Аксакова: «Каких же?»[421] Исправленная редакция фразы звучала так: «В литературе, в обществе, в борьбе религиозных партий, в волнениях философских мнений, одним словом, в целом нравственном быте просвещенной Европы заметно присутствие какого-то нового, какого-то недавнего убеждения, которое, если не изменяет господствующее направление, то по крайней мере дает ему оттенки и другие отношения»[422].

Еще одна правка С.Т. Аксакова-цензора заслуживает внимания в рукописи статьи «Девятнадцатый век». Первоначальные фразы в статье были следующими: «В конце осьмнадцатого века, когда борьба между старым порядком вещей и новыми требованиями просвещения находилась еще в самом пылу своего кипения, господствующее направление умов было безусловно разрушительное. Науки, жизнь, общество, литература, даже самые искусства изящные, все обнаруживало одно стремление: низвергнуть старый порядок вещей»[423]. С.Т. Аксаков возражает на полях: «Это все говорится в политическом отношении; «старый порядок вещей» можно заменить другим, не столь подозрительным выражением». И И.В. Киреевский заменяет: «В конце осьмнадцатого века, когда борьба между старыми мнениями и новыми требованиями просвещения находилась еще в самом пылу своего кипения, господствующее направление умов было безусловно разрушительное. Науки, жизнь, общество, литература, даже самые искусства изящные, все обнаруживало одно стремление: низвергнуть старое»[424]. Мы видим, что для С.Т. Аксакова-цензора было важным отсутствие в

[421] Там же. С. 444, 445.
[422] Цит. по: *Киреевский И. В.* Девятнадцатый век / Полное собрание сочинений И.В. Киреевского: в 2-х томах. Т. 1. М., 1911. С. 85.
[423] Европеец. С. 445.
[424] Там же.

статье «подозрительных выражений», которые можно было бы растолковать двояко, в том числе в русле осуждения существующего «порядка вещей».

Отдельные листы журнала «Европеец», которые хранятся в ОПИ ГИМ, дают нам крайне скудную информацию о цензорских подходах С.Т. Аксакова. Им были исправлены орфографические ошибки издателя, связанные с окончанием прилагательных[425]. И на одном из листов, содержащим информацию о переводе стихотворения с персидского языка профессором Казанского университета Ф.Х. Эрдманом, рядом с предложением «…оценить благость [подчеркнуто С.Т. Аксаковым. – *В.Д.*] и достоинство сего перевода» на полях С.Т. Аксаковым вынесен вопросительный знак и подчеркнуто слово «благость». Видимо, он посчитал, что слово «благость» не совсем применимо в данном тексте[426]. Внизу листа, где внесена эта цензорская правка, Сергеем Тимофеевичем проставлена дата: 14 февраля 1832 г. и его подпись[427]. Данные листы принадлежали, скорее всего, третьему номеру журнала «Европеец», который, как известно, не был напечатан[428]. Потому что второй номер журнала был одобрен С.Т. Аксаковым 25 января 1832 г.[429].

Таким образом, при просмотре рукописи «Марфа, Посадница Новгородская», номеров журнала «Европеец» С.Т. Аксаков-цензор исключал из рукописи «Марфы, Посадницы Новгородской» сцены, которые, так или иначе, негативно оценивали действия великого князя, власти. Он исключал любые вариации от слов «раб», «воля», которые могли быть связаны с выражением недовольства существующим строем. Он не просто прочитывал рукопись, а тщательно вчитывался, анализируя фразы, которые могли бы служить для читателя параллелью с эпохой правления Николая I. Подобные фразы он исключал из текста, чтобы не было и намека на дух мятежности и недовольства сложившимся порядком вещей. По цензорской правке статьи «Девятнадцатый

[425] ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 3. Д. 185. Л. 85, 85 об.
[426] Там же. Л. 87 об.
[427] Там же. Л. 87 об.
[428] Европеец. С. 454.
[429] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 79. Л. 12 об.

век» И.В. Киреевского мы видим, что С.Т. Аксаков руководствовался тоже тем, чтобы в тексте отсутствовали «подозрительные выражения»[430], которые могут подразумевать двоякий смысл. С.Т. Аксаков прекрасно понимал, какие последствия могут быть при пропуске в печать недозволительных и подозрительных фраз для него, как цензора, и для автора сочинения.

Для С.Т. Аксакова-цензора была важна красота и гармония текста, поэтому он исправлял также стилистические и орфографические ошибки, неточности; менял диалоги местами, усиливал звучание слов изменением их окончаний, подбирал синонимы словам с неточным смыслом. Все эти детали характеризуют его как добросовестного цензора, который старался избежать конфликтов с властью, но при этом стремился помочь московским литераторам и издателям при прохождении цензуры их произведений. С.Т. Аксаков мог бы относиться к своим обязанностям формальным образом, с равнодушием, но для него было важно издание достойного произведения, выход в свет нового сочинения. И тогда он прибегал к помощи своих высокопоставленных друзей, как в случае с трагедией М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская», когда через воспитателя наследника престола генерал-адъютанта А.А. Кавелина запрашивал разрешение А.Х. Бенкедорфа. Неслучайно столько усилий приложил С.Т. Аксаков к изданию трагедии. Сочинение М.П. Погодина было высоко оценено А.С. Пушкиным: автор зачитывал отрывки, а потом отправил трагедию «для подробного анализа» в Болдино. В конце ноября 1830 г. А.С. Пушкин писал автору пьесы о том, что его произведение имеет «европейское высокое достоинство», от чтения которого он получил не только знания, но и наслаждение[431].

При анализе служебной деятельности С.Т. Аксакова привлекались периодические источники. Среди них – объявление в газете «Московские ведомости» от 8 октября 1827 г., о котором он упоминал в мемуарах[432]. Публикация стала официальным сообщением широкому кругу общественности об

[430] Европеец. С. 445.
[431] Цит. по: *Фризман Л. Г.* Марфа Посадница в русской литературе // Известия Российской Академии наук. Т. 73. № 2. М., 2014. С. 25.
[432] Московские ведомости. 1827. № 81. С. 3252, 3253.

открытии Московского цензурного комитета и послужила подтверждением достоверности слов, приведенных в мемуарах. Важным опубликованным источником, относящимся к цензурной деятельности, является альманах «Элизиум» П.А. Иовского[433]. При анализе опубликованной в этом издании пьесы П.А. Иовского «Магистр, или Вот те на!» появилась возможность сопоставить опубликованные факты с претензиями, которые предъявлял к Московскому цензурному комитету и С.Т. Аксакову-цензору Д.П. Тростин.

Подводя итог вышесказанному, необходимо добавить, что комплексный анализ делопроизводственной документации, мемуарных источников, частной переписки, всех рукописей, которые имеют отношение к служебной деятельности С.Т. Аксакова, позволяют извлечь не только важные факты его служебной биографии, но и отследить процесс формирования его личности, выявить принципы, которыми он руководствовался на той или иной должности.

Опираясь на делопроизводственную документацию и мемуарные источники, можно говорить о Сергее Тимофеевиче как о добросовестном чиновнике Комиссии составления законов, который ежедневно посещал службу, и был на хорошем счету у начальства.

Любовь к театру и склонность к литературным занятиям в полной мере начали проявляться у С.Т. Аксакова в первые же годы пребывания в Петербурге. Благодаря его мемуарному наследию, мы узнаем, что жизнь в столице давала ему возможность вращаться в кругу известных литературных и театральных деятелей, черпая от них знания и вдохновение, наслаждаться русской поэзией и литературой, при этом получить известность «мастерского декламатора» в доме поэта Г.Р. Державина, учиться актерской игре у Я.Е. Шушерина и принимать участие в домашних спектаклях у А.С. Шишкова. В 1816 г. новые семейные заботы и переезд в Оренбургское имение отстранили С.Т. Аксакова от интересной интеллектуальной жизни столицы. Общение с московскими актерами, литераторами продолжалось в письмах и в период редких приездов в Москву.

---

[433] *Иовский П. А.* Элизиум. М., 1832.

Стремление «приносить пользу обществу» и «приобрести себе», своей семье «трудом обеспеченное положение»[434] и достаточный доход, желание совместить службу с литературными увлечениями руководили С.Т. Аксаковым в конце 1820–х гг. при определении на службу в Московский цензурный комитет. Делопроизводственная документация Министерства народного просвещения, частная переписка конца 1820–х – начала 1830–х гг., мемуарные источники, рукописи московских литераторов с правками цензора С.Т. Аксакова – стали важными источниками этого периода его служебной деятельности. Продолжая добросовестно относиться к своим служебным обязанностям, прочитывая рукописи московских литераторов, он способствовал изданию достойных произведений.

Анализ делопроизводственных материалов Константиновского землемерного училища и Константиновского межевого института, частной переписки 1830–х гг. позволили увидеть С.Т. Аксакова в новом качестве – как инспектора училища, а потом, как директора института. В прошениях и отчетах Межевого ведомства С.Т. Аксаков-чиновник выступает как старательный, заботливый администратор, для которого важно наладить учебный и воспитательный процессы, привлечь к преподаванию квалифицированных учителей. Частная переписка позволила дополнить его служебную биографию 1830-х гг. не только важными фактами, но и пониманием педагогических принципов и установок, которыми он руководствовался в своей управленческой деятельности.

[434] Цит. по: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление в России в первой трети XIX в. Становление министерской системы. С. 197.

Глава 4. Служебная карьера С.Т. Аксакова по новым источникам (1808–1839 гг.)

Служебная деятельность С.Т. Аксакова продолжалась с 1808 по 1839 гг. с небольшим перерывом. По делопроизводственным документам Комиссии составления законов, Министерства народного просвещения и Межевого ведомства, послужным спискам и аттестату выслуга лет у С.Т. Аксакова составила 21 год и 1 месяц. По данным «Месяцесловов с росписью чиновных особ или общего штата Российской империи» с 1810 – 1819 гг. фактическая служба Сергея Тимофеевича насчитывала не более 12 лет. Но утверждать однозначно о том, что службы в Экспедиции о государственных доходах у него не было – не совсем правильно. Дело в том, что в Книге о приеме и увольнении служащих Экспедиции о государственных доходах сохранился единственный найденный документ, связанный с С.Т. Аксаковым, – официальный запрос о его службе. 31 мая 1838 г. Департамент государственного казначейства подтвердил, что С.Т. Аксаков, за время служения с 1 октября 1810 по 16 октября 1819 г. не был подвергнут ни одному случаю, который бы препятствовал к получению им знака отличия[435]. Возможно, что это была «отписка», а может быть делопроизводственные документы о службе С.Т. Аксакова в Экспедиции о государственных доходах, которая потом была преобразована в департамент Министерства финансов, не сохранились до нашего времени.

До нашего времени в трех архивах Москвы и Санкт-Петербурга сохранилось семь формулярных списков С.Т. Аксакова:

– в самом раннем из них от 30 октября 1827 г. (РГАЛИ) последняя запись датирована 22 июля 1827 г. – датой определения его в Московский цензурный комитет[436];

– во втором списке 1828 г. последняя запись датирована 2 августа 1828 г. (РГАЛИ), и он был составлен при переименовании С.Т. Аксакова из коллежского асессора в титулярные советники[437];

[435] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 1743. Л. 8.
[436] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

– третий список датирован 1831 г.(РГИА) и связан с определением сторонним цензором в Московский цензурный комитет 30 мая 1830 г[438].

– четвертый список тоже датирован 1831 г. (ЦГА Москвы) с последней записью от 30 мая 1830 г[439].

– пятый список датирован 1834–1836 гг. (РГАДА), где последняя запись касается определения С.Т. Аксаковым директором института 28 мая 1835 г[440].

– в шестом списке последняя запись датирована 18 июля 1836 г. (РГАДА), когда ему был присвоен чин коллежского асессора[441];

– седьмой список составлен 23 декабря 1838 г. (РГАДА) и предназначался для представления С.Т. Аксакова к знаку отличия беспорочной службы[442].

Начальный период службы для С.Т. Аксакова был важен тем, что у него появлялась возможность находиться в столице, общаться с театральными и литературными деятелями. Служебная деятельность С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете и Межевом ведомстве представляет интерес, в первую очередь, его вкладом в функционировании и развитии этих государственных структур. Для детального анализа каждого периода службы Сергея Тимофеевича, обратимся к мотивам, которыми он руководствовался при поступлении на государственную службу.

4.1 Мотивы поступления на государственную службу

В «Воспоминаниях» С.Т. Аксаков писал, что подав просьбу об увольнении из университета в 1807 г., он всю жизнь чувствовал «недостаточность научных сведений», которых ему недоставало в ведении служебных дел и «в литературных занятиях»[443]. В университете по уставу 1804 г. положено было учиться три года[444].

---

[437] Там же. Л. 3–5.
[438] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 360. Л. 2–4.
[439] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 74. Л. 1–3.
[440] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 704. Л. 1–3.
[441] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 1743. Л. 10–17.
[442] Там же. Л. 24–26.
[443] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Университет // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.,1955. С. 161, 162.

С.Т. Аксаков же проучился с 1805 по 1807 гг., что впоследствии стало причиной его понижения в чине с коллежского асессора до титулярного советника. Инициаторами ухода из университета стали его родители, которым пообещал помочь определить на службу их сына, его «бывший наставник» Г.И. Карташевский, к тому времени служивший в Петербурге в Комиссии составления законов[445]. Л.Ф. Писарькова в монографии «Государственное управление в России в первой трети XIX в. Становление министерской системы» отмечала, что «столичная служба» носила первостепенный характер, по сравнению со службой в губернии, которая считалась «второстепенной и неинтересной». Автор монографии сделала вывод, что успешную служебную карьеру в то время можно было сделать только в столицах[446]. Л.Ф. Писарькова привела слова будущего сенатора М.П. Веселовского[447], который после окончания Казанского университета писал, что у многих молодых людей, получивших образование и желающих «вступить в практическую жизнь», были стремления служить именно в столице, принося общественную пользу, трудом добиваясь своего обеспеченного положения[448]. Возможно, руководили молодым С.Т. Аксаковым похожие желания: быть полезным обществу и государству, начать успешную карьеру в столице, где бурлила интересная литературная и театральная жизнь. Он определен был на службу в Комиссию составления законов спустя пять месяцев после увольнения из университета.

Переход С.Т. Аксакова 1 октября 1810 г. в Экспедицию о государственных доходах произошел в разгар Отечественной войны 1812 г. В связи с отсутствием делопроизводственных документов по его службе в Экспедиции, можно

---

[444] Устав Императорского Казанского университета 5 ноября 1804 г. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. [СПб.], 2020. URL: https://www.prlib.ru/item/715079 (дата обращения –19.10.2020).

[445] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Собирание бабочек. Встреча с мартинистами // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 219, 223.

[446] *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление в первой трети XIX в. Становление министерской системы. С. 196.

[447] Веселовский Михаил Петрович (1828–1893) – сенатор, экономист и публицист.

[448] Цит. по: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление в первой трети XIX в. Становление министерской системы. С. 197.

предположить, что оставление службы в Комиссии составления законов и переход в Экспедицию был связан, в первую очередь, с необходимостью покинуть столицу и предложенной помощью Д.М. Княжевича. Возможно, что это было решение родителей С.Т. Аксакова, которые, опасались приближения французов[449].

Устройство С.Т. Аксакова в Московский цензурный комитет было уже его личным решением, поддержанным А.С. Шишковым. Проведя десять лет в Оренбургской губернии, имея шестерых детей, старшему из которых было девять лет, С.Т. Аксакову на тот момент, для улучшения финансового благополучия семьи, было необходимо «место в Москве», с достойным жалованием[450]. Важно, что впоследствии все дети Сергея Тимофеевича получили блестящее домашнее образование, а найти достойного учителя в Москве было намного легче, чем в Оренбургской губернии. Переезд в Москву для него означал вновь «погружение» в литературно-театральную жизнь, встречи с литераторами и актерами – участниками «Аксаковских суббот». «Аксаковскими субботами» называли друзья вечера, проводимые в хлебосольном доме Аксаковых. За год до переезда С.Т. Аксакова и его семьи в Москву, в марте 1825 г., его друг – поэт и литературный критик Михаил Александрович Дмитриев сетовал ему в письме о том, что их «литературные занятия очень много «теряют», потому что нет С.Т. Аксакова в Москве, нет возможности всем собраться в его доме – их «пункте соединения»[451]. С осени 1820 по август 1821 гг. его гостеприимный дом в Москве был тем «пунктом соединения», который уже в то время начал собирать под своим кровом литературных и театральных деятелей: писателя и драматурга М.Н. Загоскина[452], поэта М.А. Дмитриева, водевилиста А.И. Писарева[453],

---

[449] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 36.

[450] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр.соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 308.

[451] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

[452] Загоскин Михаил Николаевич (1789–1851) – друг С.Т. Аксакова, писатель и драматург, с 1831 по 1842 гг. директор Императорских Московских театров, с 1842 г. – директор Оружейной палаты.

[453] Писарев Александр Иванович (1803–1828) – друг С.Т. Аксакова, драматург и автор водевилей, литературный критик, служил в Императорских Московских театрах.

драматурга и помощника управляющего учебной частью Московских императорских театров Ф.Ф. Кокошкина[454]. Все участники встреч в Аксаковском доме в последующие пять лет были связаны с Сергеем Тимофеевичем дружеской перепиской, и, конечно же, помнили о московских литературных вечерах. В письме М.А. Дмитриев уговаривал С.Т. Аксакова вернуться с семьей в Москву и нанять дом[455]

Устройством в 1833 г. в Константиновское землемерное училище С.Т. Аксаков обязан своему другу и родственнику с обширными столичными связями и знакомствами – генерал-адъютанту А.А. Кавелину. В этот период в связи с революционной ситуацией во Франции, восстанием в Польше, условия цензурной политики ужесточились[456]. Затем, в конце 1830 г. К. Ливен сообщал попечителю Московского учебного округа, что нельзя пропускать ни одной газетной или журнальной статьи «без подписи сочинителя»[457]. Любой издатель должен был знать в обязательном порядке автора, статью которого планировал включить в очередной сборник[458]. В январе 1831 г. круг запретов становится все шире: содержателям типографий было вменено в обязанность предоставлять в Третье отделение по одному экземпляру любых выпущенных ими газет, альманахов, журналов[459]. В это же время вышло еще одно «Высочайшее повеление» – строжайшее предписание всем редакторам не печатать ничего, что касалось бы особ императорской фамилии, без разрешения на то самого императора[460]. Необходимость беспрекословного подчинения всем требованиям, дополнениям, поступающих в Московский цензурный комитет, как результат ужесточения цензурной политики, поставила цензоров в практически безвыходное положение. Несмотря на щепетильность и внимательную вычитку рукописей, рано или поздно могло произойти с любым цензором то, что

[454] Кокошкин Федор Федорович (1773–1838) – друг С.Т. Аксакова, драматург и театральный деятель, с 1823 по 1831 г. директор Императорских Московских театров.
[455] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.
[456] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 67. Л. 4.
[457] Там же. Д. 69. Л. 4.
[458] Там же. Д. 70. Л. 2–3.
[459] Там же. Л. 10.
[460] Там же. Л. 13, 13 об.

случилось с С.Н. Глинкой. При этом сложившаяся ситуация противоречила внутренней установке С.Т. Аксакова: стремиться «толковать» сочинение в лучшую сторону, иначе поиском «скрытого» смысла в произведении будет уничтожена литература[461]. Примерно в 1832 г. состоялся откровенный разговор между министром юстиции Д.В. Дашковым и Сергеем Тимофеевичем, в котором Д.В. Дашков задал ему вопрос: «Это щекотливая и опасная должн[ость], скажите откровенно?» Соглашаясь с ним, С.Т. Аксаков ответил, что опасна особенно должность стороннего цензора, который отвечает за «легкую, текущую» литературу, как журналы, газеты, альманахи[462]. Неудивительно, что эта должность становилась Сергею Тимофеевичу невмоготу и он, понимая, что подвергает опасности не только себя, но и свое многочисленное семейство, начал искать более подходящее для себя место. Из письма от 29 мая 1831 г. А.А. Кавелина мы узнаем, что А.А. Кавелин общался с тайным советником И.У. Пейкером[463], который впоследствии будет курировать Константиновское землемерное училище, по поводу определения С.Т. Аксакова на новую должность. И.У. Пейкер уверил А.А. Кавелина, что Сергей Тимофеевич непременно скоро станет «директором училища»[464]. Речь шла о руководящей должности инспектора в Константиновском землемерном училище, которую впоследствии и занял Сергей Тимофеевич в 1833 г., благодаря ходатайству И.У. Пейкера. В этом же письме А.А. Кавелин сообщал Сергею Тимофеевичу, что Ивана и Михаила Аксаковых император пожаловал в пажи[465]. В декабре 1831 г. С.Т. Аксаков уже состоял в переписке с высокопоставленным чиновником Министерства юстиции, в подчинении которого находилось Константиновское землемерное училище, А.Ф. Веймарном[466]. Таким образом, понимая, насколько

---

[461] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1956. С. 119.
[462] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.
[463] 12 мая 1830 г.
[464] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 60. Л. 5, 5 об.
[465] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 60. Л. 4–5 об.
[466] Веймарн Александр Федорович (1790–1882) – юрист, в 1820 г. – прокурор Вятской губернии, затем служил в Министерстве юстиции, сделав карьеру от надворного советника до тайного, в 1848 г. стал сенатором. Его сестра – А.Ф. Веймарн была супругой И.У. Пейкера; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 62. Л. 1–2 об.

усложняется служба в Московском цензурном комитете, ужесточаются правила цензурования произведений, он задолго до возникновения прямого конфликта, занялся приисканием себе новой должности, попросив содействия А.А. Кавелина. «Истинным благодетелем» называл его в переписке с женой Сергей Тимофеевич[467]. Долгое время исследователей волновал вопрос, в какой же момент произошло знакомство С.Т. Аксакова и А.А. Кавелина, почему последний на протяжении многих лет помогал семье Аксаковых. Ответ на этот вопрос удалось найти в переписке сына С.Т. Аксакова – Ивана Сергеевича с невестой А.Ф. Тютчевой в ноябре 1865 г.[468]: А.А. Кавелин приходился родственником супруги Сергея Тимофеевича – О.С. Заплатиной и был «записан в Пажеский корпус» ее отцом, участником русско-турецкой войны, генералом Семеном Григорьевичем Заплатиным[469]. Таким образом, знакомство С.Т. Аксакова и офицера Измайловского полка А.А. Кавелина произошло в промежутке между 1810 и 1816 гг. Своими высокими петербургскими связями А.А. Кавелин помогал С.Т. Аксакову во многих семейных и служебных делах[470].

Сергей Тимофеевич в ожидании места, обещанного А.А. Кавелиным, начал интересоваться педагогическими подходами в современных учебных заведениях, о чём свидетельствуют его публикации в газете «Молва»[471]. В статьях он касается вопросов организации воспитательного и учебного процессов, быта воспитанников учебных заведений.

Из-за недостаточных финансовых доходов семьи, С.Т. Аксаков интересовался имеющимися вакансиями у своих близких друзей – братьев Княжевичей. Сохранилось письмо от 13 июля 1832 г. А.М. Княжевича, служившего в то время в канцелярии министра финансов, которое подтверждает

---

[467] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 23; Приложение 3. С. 306.
[468] Аксакова Анна Федоровна, урожденная Тютчева (1829–1889) –дочь Ф.И. Тютчева и супруга И.С. Аксакова.
[469] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 236. Л. 208 об., 209.
[470] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 13 об.–16; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 525. Л. 1, 1 об.; Приложение 3. С. 270–294.
[471] *Аксаков С. Т.* Училище глухонемых в Москве // Молва. 1832. № 32. С. 285–287; *Аксаков С. Т.* Письмо в Витебск Г.И. Карташевскому // Молва. 1832. № 48. С. 190–191; *Аксаков С. Т.* Экзамен в пансионе М. Г. Павлова // Молва. 1832. № 53. С. 212;

намерение С.Т. Аксакова вновь устроиться на службу. А.М. Княжевич сообщил ему о невозможности устройства в учреждения, подведомственные Министерству финансов, в связи с отсутствием свободных вакансий и необходимостью переезда на постоянное место жительство из Москвы в Петербург. А.М. Княжевич писал, что они с братом «рады стараться» и сделают все возможное, если узнают об освободившейся вакантной должности[472]. Свою помощь в определении С.Т. Аксакова на службу предложил В.И. Панаев его другой давний друг[473]. 27 июля 1832 г. он писал Сергею Тимофеевичу об открывшейся вакансии «управляющего Конторою театров» с достойным финансовым содержанием, но тогда С.Т. Аксакову придется променять Москву на Петербург[474].

Интересен следующий сохранившийся в архиве документ, который дал понимание, что в устройстве С.Т. Аксакова на службу принимал участие С.М. Голицын. Судя по его объяснительной записке Д.В. Голицыну, военному генерал-губернатору Москвы[475], которая была связана с цензурным разрешением комедии П. Иовского «Магистр, или Вот те на!», С.М. Голицын обещал ему должность в Министерстве народного просвещения»[476].

Таким образом, С.Т. Аксаков, учитывая сложную обстановку в Московском цензурном комитете, уже в марте 1831 г. находился в поисках и ожидании нового места службы, обещанного А.А. Кавелиным. Руководило им желание не только остаться «не у дел»[477], но и недостаточный доход семьи для проживания в Москве при отсутствии у него служебного жалования. О важном мотиве необходимости сохранения службы С.Т. Аксакову писал А.А. Шаховской А.Х. Бенкедорфу

---

[472] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф.3. Оп. 13. Д. 34. Л. 1, 1 об., 2 об.

[473] Панаев Владимир Иванович (1792–1859) – друг С.Т. Аксакова в период обучения с ним в Казанской гимназии и Казанском университете, писатель, служил в Министерствах юстиции, путей сообщения, народного просвещения, а с 1832 по 1859 гг. находился на должности директора канцелярии Министерства Императорского Двора.

[474] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 13. Д. 52. Л. 5, 5 об.; Цит. по: *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 189.

[475] Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) – участник Отечественной войны 1812 г., военный генерал-губернатор Москвы (1820–1844).

[476] *Цит. по: Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор // Историко-литературный журнал Русский архив. М.: Университетская типография, 1898. № 5. С. 92; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 1 об.

[477] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 14. Л.1.

15 февраля 1830 г., что без службы у Сергея Тимофеевича не будет возможности дать достойного воспитания своим детям[478]. В 1832 г., его старший сын Константин должен был поступать в Императорский Московский университет, который находился в ведении Министерства народного просвещения. Пятнадцатилетний Константин Аксаков поступил в Императорский Московский университет на словесное отделение, но не казеннокоштным студентом, а своекоштным, спустя полгода после увольнения своего отца из Министерства народного просвещения. Письма к сыну Григорию в 1837 г. позволили узнать еще один мотив, которым руководствовался С.Т. Аксаков в своей служебной деятельности: приносить пользу не только своей семье, но и государству, обществу[479].

Спустя полгода после официального увольнения из Межевого ведомства, 16 июня 1839 г., С.Т. Аксаков в письме к Ф.И. Васькову сообщает о «значительном облегчении» в болезни и о своем желании определиться вновь на службу[480]. Через несколько месяцев, в письме к жене, 17 октября 1839 г., написанным им во время поездки в Санкт-Петербург с целью определения младшего сына Михаила в Пажеский корпус, тоже есть упоминание, о том, что С.Т. Аксакову, предлагали продолжить службу в Министерстве юстиции. Министром юстиции на тот момент был граф Д.Н. Блудов[481]. Ходатайствовал перед ним родственник Г.И. Карташевский[482]. Но почему, в свои 48 лет Сергей Тимофеевич так и не определился на службу, пока остается тайной для исследователей. Возможно, причинами стали не только последующее ухудшение в состоянии здоровья, но и возникшие заботы, связанные с определением сына Михаила в учебное заведение.

---

[478] Письмо Шаховского А.А. Бенкендорфу А.Х. // Русский архив. 1904. № 1. С. 515, 516.
[479] НИОР РГБ. Ф.3. Оп.3. Д. 24б. Л. 10 об.
[480] Там же. Д. 29. Л. 1.
[481] Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785–1864), с 1832 по 1838 гг. министр внутренних дел. После смерти Д.В. Дашкова с 1838 по 1839 гг. возглавлял Министерство юстиции, затем становится управляющим II отделением императорской канцелярии, с 1855 г. – президент Академии наук, председатель Государственного совета и Комитета министров в 1862–1864 гг.
[482] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 9. Л. 24.

Таким образом, по инициативе родителей, С.Т. Аксаков завершил обучение в Казанском университете и переехал жить в Петербург. Он не противился желанию родителей начинать службу в столице, потому что для него это была возможность построить успешную карьеру, «окунуться» в новые литературно-театральные знакомства. Однообразная бумажная работа, связанная с деятельностью переводчика, потом письмоводителя Комиссии составления законов не особенно увлекала С.Т. Аксакова, возможно, что даже тяготила. Предложенный Д.М. Княжевичем вариант прохождения службы «на бумаге» в Экспедиции о государственных доходах, приближающиеся к столице военные действия, возможно, настоятельные просьбы родителей, стали причиной перехода С.Т. Аксакова в новое государственное учреждение с последующим отъездом в Оренбургскую губернию. С 1810 по 1819 гг. он не получал жалования, для него служба в Экспедиции о государственных доходах впоследствии сыграла положительную роль при исчислении общего срока выслуги лет.

Служебная деятельность С.Т. Аксакова в Министерстве народного просвещения имела не только финансовое значение для обеспечения существования семьи, учебы детей, но и, возможно, как определенная гарантия поступления его сыновей в высшие учебные заведения. Деятельность цензора была ему близка по литературным интересам, а еженедельные встречи на «аксаковских субботах» с друзьями-литераторами и издателями получали продолжение в общении и взаимопомощи в стенах Московского цензурного комитета.

Желание восстановить свое доброе имя, оставаться полезным для государства, «своего семейства»[483], педагогический интерес к новым служебным обязанностям с достойным заработком – мотивы службы С.Т. Аксакова в Константиновском землемерном училище. Ожидание нового места службы в Межевом ведомстве растянулось на два с половиной года (1831–1833). Вполне естественно, что затянувшийся процесс определения на новое место службы волновал С.Т. Аксакова, и он попросил помощи и содействия С.М. Голицына и

[483] НИОР РГБ. Ф.3. Оп.3. Д. 24б. Л. 10 об.

братьев Княжевичей, В.И. Панаева. Ключевую роль в определении инспектором Константиновского землемерного училища сыграли А.А. Кавелин, главный директор Межевой канцелярии И.У. Пейкер и, вероятно, начальник департамента Министерства юстиции А.Ф. Веймарн[484]. После увольнения из Константиновского межевого института из-за проблем, связанных, в основном, с ухудшающимся здоровьем, С.Т. Аксаков думал вновь поступить на службу в Министерство юстиции. Благодаря И.У. Пейкеру 25 марта 1838 г. началась процедура присвоения Сергею Тимофеевичу к знаку отличия беспорочной службы. Официальное присвоение состоялось 22 августа 1841 г. Оно обеспечивало не только право ношение знака отличия о 20–летней беспорочной службе на Владимирской ленте, но и пенсию в размере половинного оклада его последнего жалования – 1200 рублей в год. Возможно, именно этот факт присвоения С.Т. Аксакову знака отличия, его слабое здоровье стали основными при принятии им решения об отказе дальнейшего прохождения службы.

4.2 Служба в Комиссии составления законов (2 июля 1808–30 сентября 1810 гг.) и Экспедиции о государственных доходах (1 октября 1810–16 октября 1819 гг.)

«Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые, невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной!»[485] – с этими словами покидал 17–летний С.Т. Аксаков стены Казанского университета, вступая на поприще государственной службы.

Послужные списки содержат сведения о том, что со 2 июля 1808 г. по 30 сентября 1810 г. он служил в Комиссии составления законов, которую возглавлял товарищ министра юстиции Н.Н. Новосильцев[486] и главный секретарь,

[484] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 62. Л. 3–22.
[485] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Университет // Собр.соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1956. С. 162.
[486] Новосильцев Николай Николаевич (1761–1838) – президент Императорской Академии наук (1803–1810), товарищ министра юстиции и руководитель Комиссии составления законов.

первый референдарий Г.А. Розенкампф[487]. Поступил С.Т. Аксаков в Комиссию за месяц до прихода в нее «присутствующим совета комиссии» М.М. Сперанского[488]. Уволился, когда М.М. Сперанский был уже товарищем министра юстиции и директором Комиссии составления законов[489].

В «Воспоминании об Александре Семеновиче Шишкове» С.Т. Аксаков отмечал, что «главным» лицом, представляющим деятельность Комиссии составления законов был Г.А. Розенкампф, который в основном писал на немецком и французском языках, а он переводил его тексты на русский[490]. О ведущей роли Г.А. Розенкампфа в деятельности Комиссии писал П.М. Майков[491], а делопроизводственные документы учреждения свидетельствуют, что годовое жалование Г.А. Розенкампф получал в размере 3000 рублей[492]. С 28 февраля 1808 г. по 30 апреля 1812 г. под его начальством в Комиссии составления законов коллежским регистратором служил его брат, К.А. Розенкампф[493] – будущий генерал-майор и начальник Финляндского инженерного ведомства дорог и водных путей[494].

С.Т. Аксаков рассказывал в «Воспоминаниях», что он не имел никакой протекции в Петербурге и попал в переводчики Комиссии составления законов только благодаря помощнику редактора Г.И. Карташевскому, который пользовался в учреждении «полным уважением»[495].

---

[487] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. С. 146, 150.
[488] Там же. С. 148.
[489] РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 556. Л. 70; Приложение 6. С. 301.
[490] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр.соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 269.
[491] *Майков П. М.* Комиссия составления законов при императорах Павле I и Александре I // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 9. С. 245.
[492] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 902. Л. 193.
[493] Розенкампф Карл Андреевич (1793–1846) – после 1810 г. поступил в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, в 1842 г. дослужился до звания генерал-майора, разработчик и руководитель строительства Сайменского канала в Финляндии.
[494] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 863. Л. 135.
[495] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр.соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 269.

В фонде 1260 ««Комиссия составления законов при Государственном Совете» РГИА сохранилось прошение Г.И. Карташевского о желании служить в Комиссии составления законов[496].

В фонде 1260 сохранился служебный аттестат Г.И. Карташевского, который раскрывает подробные сведения о его службе, звании адъюнкта высшей математики при Казанском университете и дате увольнения из учебного заведения – 5 декабря 1806 г.[497].

По журналу входящей документации Комиссии 8 сентября 1809 г. датируется запись о прошении императору об увольнении редакторского помощника Г.И. Карташевского для вступления «по другому роду службы»[498]. Возможно, его добровольный уход из Комиссии был связан с изменениями в кадрах, которые возникли с приходом нового товарища министра[499].

Устроившись сам, Г.И. Карташевский устроил и своего воспитанника. В фонде 1260 РГИА сохранилась копия с прошения С.Т. Аксакова по поводу вступления в Комиссию, в которой он просит у императора «учинить решение» для начала его службы[500]. В журнале входящих бумаг с 1804–1809 гг. сохранилась запись об этом прошении, которое было написано 6 июня 1808 г.[501].

В 1809 г. товарищем министра юстиции был назначен М.М. Сперанский, который сосредоточил работу Комиссии в своих руках[502]. Как вспоминал С.Т. Аксаков, после прихода М.М. Сперанского «ход дел» заметно оживился, директорская канцелярия приобрела новое название – «Письмоводство», к которой был причислен С.Т. Аксаков и Александр Иванович Казначеев[503], который приходился племянником А.С. Шишкову[504]. Надо отметить, что, будучи

---

[496] Там же. Д. 900. Л. 254–255.
[497] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 903. Л. 73, 73 об.
[498] Там же. Д. 863. Л. 82, 82 об., 100.
[499] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. С. 152.
[500] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 863. Л. 76.
[501] Там же. Д. 913. Л. 76 об.
[502] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. XVA (30). СПб., 1895. С. 873.
[503] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 269.
[504] Там же. С. 270.

директором Комиссии, М.М. Сперанский 18 июня 1810 г. определил сюда же своего племянника, тоже Михаила Сперанского, студента Духовной Санкт-Петербургской Духовной Академии, который прослужил там до августа 1811 г.[505].

Никаких подробностей о своих новых обязанностях письмоводителя Сергей Тимофеевич не оставил в своих «Воспоминаниях…». Можно только предполагать, что среди четырех писцов, переписывающих отредактированные М.М. Сперанским законы, о которых писал в своем сочинении М.А. Корф, был и С.Т. Аксаков[506]. По документам стало известно, что 30 апреля 1809 г. он был отпущен в отпуск на 28 дней[507]. 19 сентября 1809 г. в Комиссию составления законов поступило прошение от его отца – Т.С. Аксакова, которое зафиксировано записью в «Книге для вписывания входящих бумаг Правления Комиссии составления законов по части экономической, а также относящихся до определения и увольнения чиновников и проч.». По этой записи можно судить, что «титулярный советник Тимофей Аксаков» просил об отпуске для своего сына по болезни, «с приложением свидетельства» об этой болезни[508]. Этот документ свидетельствует о том, что помимо весеннего отпуска на 28 дней С.Т. Аксаков возможно был предоставлен еще один отпуск осенью в сентябре 1809 г. До нас дошла только запись в «Книге…» о прошении Т.С. Аксакова в Комиссию, свидетельство о болезни С.Т. Аксакова и документы, подтверждающие его вторичный отпуск до нашего времени не сохранились. Свидетельство о болезни С.Т. Аксакова и документы, подтверждающие его вторичный отпуск до нашего времени не сохранились.

Через год в «Журнале входящих бумаг за 1810 – 1816 гг.» сделана запись о поступившем прошении от сенатского регистратора Аксакова с просьбой об увольнении его из Комиссии составления законов 30 сентября 1810 г.[509]. О том,

[505] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 863. Л. 104, 119.
[506] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. С. 158.
[507] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 913. Л. 107.
[508] Там же. Л. 119.
[509] Там же. Д. 914. Л. 17.

что он на следующий день был «определен» в Экспедицию о государственных доходах свидетельствует только название дела «об определении в оную Экспедицию Сенатского регистратора Аксакова 1 октября 1810 г.». Документы, которые в этом деле содержатся: только зарегистрированное за № 4716 прошение С.Т. Аксакова на имя императора об определении в Экспедицию и его служебный аттестат[510]. В служебном аттестате, подписанном М.М. Сперанским 30 сентября 1810 г., дана характеристика С.Т. Аксакова, как рачительного и добропорядочного чиновника[511]. Подпись М.М. Сперанского заверена печатью с двуглавым орлом Комиссии составления законов.

Служба начинающего государственного чиновника, сенатского регистратора Сергея Тимофеевича Аксакова в Комиссии составления законов длилась 2 года и 2 месяца с официальным отпуском на 28 дней и незапланированным отсутствием на службе в связи с болезнью в 1809 г.

Благодаря масштабному исследованию Н.А. Размановой «Казначеи России и становление государственной казначейской службы» мы узнаем, что в 1810–е гг. в Экспедиции о государственных доходах служило много литераторов, среди них Д.М. Княжевич[512]. Детальный анализ «Месяцесловов с росписью чиновных особ или общего штата Российской империи» с 1810–1819 гг. и данных Н.А. Размановой, позволил сделать предположение, что С.Т. Аксаков был определен в Экспедицию о государственных доходах по протекции Д.М. Княжевича. Последующей службе «на бумаге» с положенным повышением чинов – в формулярном списке, возможно, содействовал не только Д.М. Княжевич, но и А.М. Княжевич, поступивший на службу в Экспедицию о государственных доходах в 1813 г[513]. Из воспоминаний С.Т. Аксакова известно, что семья Аксаковых была в тесной дружбе с семьей Княжевичей. Братья Александр и Дмитрий Княжевичи учились с С.Т. Аксаковым в Казанской

[510] Там же. Ф. 557. Оп. 2. Д. 556. Л. 68.
[511] Там же. Л. 70.
[512] *Разманова Н. А.* Казначеи России и становление государственной казначейской службы… С. 119.
[513] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб.: Императорская Академия наук, 1813 г. С. 547.

гимназии[514]. Мемуары Сергея Тимофеевича тоже свидетельствуют о его свободном графике, который был бы невозможен при ежедневном посещении службы. В воспоминаниях о знакомстве с Державиным С.Т. Аксаков рассказывал, что в декабре 1815 г. он приехал ненадолго в Петербург к брату, которого он в 1814 г. определил подпрапорщиком Измайловского полка[515]. То есть, ни о какой службе в этот период жизни он не упоминает. Целый год своей службы в Экспедиции о государственных доходах С.Т. Аксаков провел в Оренбургской губернии[516]. Такое возможно было организовать только при наличии «покровителей» в этом финансовом учреждении.

Из Книги о приеме и увольнении служащих Экспедиции о государственных доходах стало известно, что прошение о вступлении С.Т. Аксакова на новое место службы датировано, как и аттестат, подписанный М.М. Сперанским, 30 сентября 1810 г.[517] Зарегистрировано прошение в Экспедиции о государственных доходах 1 октября 1810 г.[518].

Официальные документы об отпусках, оформленных С.Т. Аксакову, ведомости о выплате денежного жалования, его прошение об увольнении из Экспедиции в архивах обнаружить не удалось. Важно, что выслуга лет Сергея Тимофеевича, если ориентироваться на данные формулярного списка 1827 г., шла на протяжении этого периода: 31 декабря 1811 г. он получил чин губернского секретаря, 31 декабря 1814 г. – чин коллежского секретаря, 31 декабря 1817 г. – чин титулярного советника, а 16 октября 1819 г. «уволен за болезнию» и награжден чином коллежского асессора по Указу от 18 февраля 1762 г.[519]. Ссылка на Манифест 18 февраля 1762 г. при отставке С.Т. Аксакова и награждении его чином, имеет отношение к конкретному пункту документа, в котором всех служащих дворян за добросовестную службы при отставке следовало награждать

[514] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Гимназия. Период второй // Собр. соч.: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 116.
[515] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Знакомство с Державиным // Собр. соч.: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 314.
[516] Там же. С. 265.
[517] РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 556. Л. 70; Приложение 6. С. 301.
[518] Там же. Л. 68, 69, 69 об.
[519] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

«по одному рангу», если до этого в чине он состоял больше года[520]. Послужной список С.Т. Аксакова соответствовал данному пункту, поэтому при отставке был награжден чином коллежского асессора.

В одном из писем к сестре, за полтора–два года до начала Отечественной войны, С.Т. Аксаков писал, что он всей душою стремится из «проклятой» столицы в свое родное имение, к «освежающему нектару» деревенской жизни[521]. Пребывание С.Т. Аксакова 1811 г., 1813 г. не в Москве, а в Оренбургской губернии подтверждается также его перепиской с секретарем Общества любителей отечественной словесности при Императорском Казанском университете Петром Сергеевичем Кондыревым. В письмах П.С. Кондырев по рекомендации Н.М. Ибрагимова предлагает губернскому секретарю С.Т. Аксакову, учитывая его «успешные занятия» в русской словесности, вступить в Общество любителей отечественной словесности. Письмо П.С. Кондырева от 7 июня 1811 г. адресовано в Бугульму[522], а письмо от С.Т. Аксакова от 20 мая 1813 г., в котором он известил П.С. Кондырева об отправке ему в качестве взноса 20 рублей, было написано им из Бугуруслана[523]. Их переписка позволяет также сделать предположение, что у С.Т. Аксакова были ранние литературные произведения, не сохранившиеся до нашего времени, о которых знал его учитель в Казанском университете Н.М. Ибрагимов, поэтому и порекомендовал стать участником общества. Любопытно, что в музее-заповеднике «Абрамцево» хранится свидетельство о том, что С.Т. Аксаков состоял членом Общества любителей отечественной словесности при Императорском Казанском университете и в 1830 г.

Подтверждением того, что в 1816 г. С.Т. Аксаков был поглощен не служебной деятельностью, а женитьбой является его частная переписка с невестой и С.В. Капнистом. Неопубликованное письмо, написанное Ольге

---

[520] ПСЗ – I. Т. 15: 1758 - 1762. № 11444, 18 февраля 1762 г.
[521] *Манн Ю. В.* Гнезда русской культуры (кружок и семья). С. 324.
[522] Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Д. 4046 V–44.
[523] Там же. Д. 4046 VII–17.

Семеновне накануне свадьбы[524] и стихотворение С.В. Капниста, датированное 15 мая 1816 г. [525] – источники, которые хранятся в фонде 3 «Аксаковы…» РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН позволяют взглянуть на Сергея Тимофеевича не как на чиновника, а как на любящего жениха и мужа.

Таким образом, служба С.Т. Аксакова в Экспедиции о государственных доходах значилась только в его послужном списке. За период с 1810 по 1819 гг. у Сергея Тимофеевича родился сын Константин[526].

Служебная деятельность С.Т. Аксакова в этот период – это начальный этап его двадцатилетней службы. Архивные документы и воспоминания будущего классика литературы свидетельствуют, что за это время он занимал самые незначительные должности переводчика с французского языка на русский и письмоводителя. Деятельность С.Т. Аксакова как переводчика с французского получила продолжение в последующие годы уже в виде литературных переводов трагедии Софокла «Филоктет» (1816), пьес Мольера «Школа мужей» (1819) и «Скупой» (1828), Буало «10-я сатира» (1821), романа Вальтера Скотта «Певерил Пик» (1830)[527]. Навыки рутинной делопроизводственной работы, которые он приобрел в Комиссии составления законов, будучи письмоводителем, заложили фундамент в дальнейшую кропотливую цензорскую деятельность. В этот период своего пребывания в Санкт-Петербурге, С.Т. Аксаков вошел в литературно-театральный круг столичной интеллигенции, благодаря сослуживцу А.И. Казначееву, познакомился с А.С. Шишковым, сыгравшим в дальнейшем значительную роль в его служебной карьере. Служил под начальством М.М. Сперанского, и приобрел репутацию добросовестного и старательного чиновника.

[524] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 1; Приложение 1. С. 267.
[525] Там же. Оп. 13. Д. 25. Л. 1, 1 об.; Приложение 2. С. 268, 269.
[526] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
[527] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 139–140.

4.3 Служба в Московском цензурном комитете (22 июля 1827–28 октября 1827 гг.)

Неполных пять лет находился на службе в Министерстве народного просвещения Сергей Тимофеевич Аксаков: с 22 июля 1827 г. по 8 декабря 1828 г.; с 25 января 1829 г. по 23 февраля 1832 г. Три года и два месяца С.Т. Аксаков состоял на службе по цензурному ведомству: цензором Московского цензурного комитета (с 22 июля 1827 г. по 28 октября 1827 г.), как исправляющий должность председателя комитета (с 28 октября 1827 г. по 8 декабря 1828 г.). Затем был определен вновь на должность цензора 24 мая 1830 г. и, прослужив неполных два года, 23 февраля 1832 г., уволен из комитета как чиновник, с формулировкой «не имеющего способностей» для своего звания[528].

Мемуары С.Т. Аксакова свидетельствуют, что в августе 1826 г., после пятилетнего пребывания в Оренбургской губернии, он вместе с семьей переехал в Москву. С.Т. Аксаков оставляет воспоминания о своем определении на должность цензора: обратившись к министру народного просвещения А.С. Шишкову с просьбой помочь получить место в «новом цензурном комитете», он получил положительный ответ от министра со словами, что лучшего цензора, чем Сергей Тимофеевич, в комитет и не найти[529]. В архиве сохранились документальные свидетельства о назначении С.Т. Аксакова – копия с отношения министра народного просвещения А.С. Шишкова попечителю Московского учебного округа генерал-лейтенанту А.А. Писареву, послужившее основанием для учреждения цензурного комитета в Москве и утверждения «коллежского асессора Аксакова цензором»[530]. Копия с оригинала этого письма А.С. Шишкова была также отправлена «для сведения» в Главный цензурный комитет[531].

---

[528] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.
[529] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр.соч.: в 4-х т. М., 1955. Т. 2. С. 308.
[530] РГИА. Ф. 777. Оп.1. Д. 742. Л.5, 5 об.
[531] Там же. Л. 6.

Послужной список подтверждает, что назначение на должность цензора состоялось в этот же день, которым датировано указанное отношение, 22 июля 1827 г.[532]. Необходимо пояснить, что 18 февраля 1819 г. Сергеем Тимофеевичем получен был чин коллежского асессора, в котором он пребывал в течение восьми лет. Аргументируя необходимость понижения его в чине при определении на должность цензора, А.С. Шишков ссылался на указ императора 1809 г., согласно которому чин коллежского асессора мог предоставляться только тем лицам, у которых имелось оконченное высшее образование или выдержан специальный экзамен[533]. В 1819 г. С.Т. Аксакову присвоили чин коллежского асессора, видимо, ошибочно, ориентируясь только на срок его трехлетней выслуги в предыдущем чине. Отсутствие полного высшего образования стало причиной переименования С.Т. Аксакова в прежний чин, о котором и упоминает А.С. Шишков в своем письме к генерал-лейтенанту А.А. Писареву. Изменение чина с коллежского асессора на титулярного советника состоялось только год спустя – 2 августа 1828 г.[534]. Надо отметить, что, по мнению исследователей, указ императора Сенату от 6 августа 1809 г. на практике не явился «стимулом» усовершенствования образовательного уровня чиновников, более того, многим ведомствам иногда даже представлялись «разрешения» не следовать соблюдению предписанного указом порядка[535].

В период с 22 июля 1827 г. по 28 октября 1827 г. С.Т. Аксаков исполнял обязанности цензора Московского цензурного комитета[536]. Процесс понижения в чине по Табели о рангах, видимо, вызывал определенные беспокойства с его стороны. Это подтверждает письмо феодосийского градоначальника, А.И. Казначеева, в котором он сетовал на то, что чин, действительно, «мал», но он

---

[532] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.
[533] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 704. Л.6 об., 7; ПСЗ – I. Т. 30: 1808–1809. № 23771, 6 августа 1809 г.
[534] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.
[535] *Шепелёв Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи… С. 162.
[536] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.; ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 74. Л. 1–3.

может быть повышен, потому что должность цензора «прилична» и приемлема для С.Т. Аксакова[537].

Период 1826–1827 гг. – это время проведения цензурной реформы, которая связана с именем А.С. Шишкова. Дело в том, что до «чугунного» устава 1826 г. действовал устав 1804 г., по которому цензурные комитеты находились в ведении университетов и состояли из профессоров и магистров[538]. По уставу 1804 г. цензор должен был руководствоваться «благоразумным снисхождением», избегая «пристрастного толкования», и, если литературное произведение подразумевало двоякий смысл, по уставу рекомендовалось истолковывать сочинение «наивыгоднейшим» образом для сочинителя и не преследовать автора произведения[539]. Но при этом цензурные функции Министерства народного просвещения значительно ограничивались контролем со стороны Министерства полиции. С учреждением в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения усилились противоречия между духовной и светской цензурой: отмечалось «усиленное давление и вмешательство» в дела университетов, в цензурование литературных произведений, журнальных статей со стороны руководителей духовной цензуры[540]. Разработка нового цензурного устава началась еще в 1820–е гг., но 15 мая 1824 г. на должность министра духовных дел и народного просвещения был определен А.С. Шишков, который на следующий день, после назначения, подал записку императору, испрашивая позволения «устроить цензуру» «для обуздания разврата», имеющего места в различных вариациях в огромном количестве выпускаемой литературы[541]. Совместно с директором своей канцелярии князем П.А. Ширинским-Шихматовым, А.С. Шишковым был подготовлен новый цензурный устав, получивший название «чугунный»[542]. Устав состоял из 230 параграфов, которые носили в основном запретительный характер, и как мрачно шутили современники, в Российской

[537] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп.13. Д. 24. Л. 4.
[538] ПСЗ - I. Т. 28: 1804-1805. № 21388, 9 июля 1804 г.
[539] Там же. С. 441.
[540] *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX-XX вв. С. 51.
[541] *Шишков А. С.* Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. С. 1, 2.
[542] *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX-XX вв. С. 56.

Империи наступила «полная свобода <…> молчания»[543]. В одном из своих черновиков, который С.Т. Аксаков оставил после беседы с министром юстиции Д.В. Дашковым, про этот устав, он напишет, сравнивая его с последующим, цензурным уставом 1828 г., что разница между данными документами «большая и странная»: «Первый устав» делал цензора инквизитором своего времени, которому предоставлялись права двояко растолковывать произведение и в случае необходимости «преследовать» сочинителя судом. Но при этом он отмечал и преимущества этого документа, по сравнению с последующим цензурным уставом – 1828 г.: «сочинители» были довольны, комитет стремился быть осторожным, при этом не получая ни одного выговора; действия комитета в то же время были «свободнее», а с принятием нового устава посыпались различные министерские, секретные предписания, которые противоречили параграфам нового устава. И ключевая фраза С.Т. Аксакова в этой беседе с министром Д.В. Дашковым отражает его отношение к новому уставу: в ней он высказывает свое мнение, что новый устав написан с пониманием «законной свободы», но основная неприятность, что в цензурное дело начали вмешиваться не имеющие прямого отношения к цензуре чиновники, как министры, А.Х. Бенкендорф, военный генерал-губернатор и обер-полицмейстер.[544]. Цензурный устав 1826 г. стал предметом полемики С.Т. Аксакова и его непосредственного руководителя князя В.П. Мещерского, которому он пытался доказать, что если буквально держаться цензурного устава «и все толковать в дурную сторону», «то мы уничтожим литературу»[545]. Князь В.П. Мещерский не прослужив трех месяцев, был отставлен от должности председателя Московского цензурного комитета[546]. С.Т. Аксаков пробыл на должности цензора практически весь период функционирования цензурного устава 1826 г.: один год и пять месяцев[547].

[543] *Ляшенко Л. М.* Николай I. Случайный император. С. 55.
[544] *Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор. С. 94, 95; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 1 об.
[545] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1956. С. 119–121.
[546] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 2162. Л. 45 об.
[547] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.

С учреждением устава 10 июня 1826 г., для управления цензурой были учреждены Верховный цензурный комитет, состоящий из трех министров: министра народного просвещения А.С. Шишкова, министра иностранных дел К.В. Нессельроде[548], министра внутренних дел В.С. Ланского[549]. Цензурные подразделения были в Санкт-Петербурге, Москве, Дерпте, Вильне[550]. Цензурные комитеты стали подчиняться попечителям учебных округов, состав комитета должен был включать трех цензоров, в число которых входил председатель[551]. Как уже упоминалось выше, Московский цензурный комитет на начальном этапе состоял из: председателя В.П. Мещерского, цензора С.Т. Аксакова и секретаря Новикова. В «Воспоминаниях» С.Т. Аксаков передавал, что приближалось осеннее время, все было готово для открытия комитета в Москве, в котором цензорами должны были быть «князь Мещерский», С.Н. Глинка и он; в конце сентября были все приведены к присяге, и в «Московских ведомостях» было напечатано объявление о начале деятельности комитета[552]. С огромным трудом удалось найти в «Московских ведомостях» за 8 октября 1827 г. объявление, о котором упоминает С.Т. Аксаков в своих «Воспоминаниях». В нем сообщалось о том, что комитет ведет ежедневный прием посетителей в здании Императорского Московского университета[553].

Спустя практически месяц после определения на должность цензора, Сергей Тимофеевич благодарил министра народного просвещения А.С. Шишкова за назначение, написав ему, что служить под его начальством всегда была для него «лестною мечтою», «священною целию» для себя он называл оправдание «благорасположения» и доверия министра[554].

Сохранилось еще одно письмо, которое адресовал С.Т. Аксаков А.С. Шишкову в ноябре 1827 г., в котором он уверял, что должность цензора для

---

[548] Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – с 1822 по 1856 гг. министр иностранных дел, с 1844 по 1862 гг. канцлер Российской империи.
[549] Ланской Василий Сергеевич (1754–1831) – с 1823 по 1827 гг. министр внутренних дел.
[550] ПСЗ - II. Т. 1: 1825–1826. № 403, 10 июня 1826 г.
[551] Там же.
[552] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр. соч.: в 4-х т. М., 1956. Т. 3. С. 116–118.
[553] Московские ведомости. 1827. № 81. С. 3252, 3253.
[554] РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–2.

него «сугубо-священнейшая обязанность»[555]. Приведенные письма служат дополнительным подтверждением того факта, что он был определен на должность цензора благодаря А.С. Шишкову, очень ценил его покровительство и относился к нему с глубоким почтением и благодарностью.

Первый документ, подписанный цензором С.Т. Аксаковым, не опубликован. Он сохранился в архиве и датируется 22 августа 1827 г. Это письмо А.С. Пушкину по поводу рассмотрения «Песен о Стеньке Разине». Письмо о запрете напечатания этого цикла песен А.С. Пушкина написано от имени графа А.Х. Бенкендорфа с обоснованием, что представленные автором произведения, имеющие поэтическое достоинство, «неприличны» к публикации, еще и потому, что на церковных службах проклинают как Разина, так и Пугачева[556]. Ниже подписи А.Х. Бенкендорфа, внизу документа – виза Московского цензурного комитета от 22 августа 1827 г., который представляли цензор С.Т. Аксаков и «секретарь Новиков»[557]. Обязательным лицом при цензуровании произведений А.С. Пушкина был А.Х. Бенкендорф[558], но, как мы видим, Московский цензурный комитет тоже ставил свою визу. Согласно датировке письма, направленного А.С. Пушкину от цензора С.Т. Аксакова, Московский цензурный комитет начал свою работу на несколько месяцев раньше, прежде чем вышло объявление о его открытии в октябрьском номере «Московских ведомостей».

Первое заседание Московского цензурного комитета состоялось 22 сентября 1827 г. На нем присутствовали: попечитель Московского учебного округа генерал А.А. Писарев, председатель В.П. Мещерский, цензор С.Т. Аксаков и секретарь Новиков. По документальному свидетельству С.И. Машинского «Заседание открылось в десять часов утра в помещении Московского университета. Весь состав был приведен генералом Писаревым к присяге[559].

---

[555] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6091. Л. 164–165 об.
[556] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 об.
[557] Там же.
[558] *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания 1802–1837. С. 15.
[559] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 128.

23 сентября, на следующем заседании комитета, были распределены обязанности между сотрудниками: С.Т. Аксакову поручили цензуру журнала «Московский телеграф»[560].

За подписью Аксакова-цензора в архивах сохранилось прошение магистра Императорского Московского университета, поэта, переводчика итальянской поэзии С.Е. Раича о напечатании перевода поэмы Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим»[561]. Прошение датируется 4 октября 1827 г.[562]. Напечатан труд С.Е. Раича был в 1828 г.[563]. Первый учитель и наставник Ф.И. Тютчева, С.Е. Раич в этот период преподавал словесность в Университетском благородном пансионе. Так как не удалось обнаружить частной переписки С.Т. Аксакова и С.Е. Раича, можно предположить, что их общение происходило только в стенах Московского цензурного комитета в рамках официальных взаимоотношений переводчик – цензор.

Из «Литературных и театральных воспоминаний» Сергея Тимофеевича мы узнаем, как состоялось его первая встреча с издателем «Московского вестника» М.П. Погодиным: «Повествование о России» Николая Арцыбашева[564] вручил для цензуры издатель председателю комитета[565]. В этот же день, по воспоминаниям, состоялось знакомство его с издателем «Московского Телеграфа» Н. А. Полевым. Издатель знал, что С.Т. Аксаков-цензор состоял в близкой дружбе с его «заклятым врагом» А.И. Писаревым, догадывался об отношении к нему как редактору «Московского телеграфа», поэтому новый цензор не мог быть ему «приятен»[566]. Общественное мнение о Н.А. Полевом и его изданиях начало складываться еще с начала 1820-х гг. Из письма М.А. Дмитриева к С.Т. Аксакову мы узнаем о сложившейся к 1825 г. литературной обстановке в Москве и

---

[560] Там же.
[561] *Полонский А. Э.* С.Е. Раич – Дон – Кихот из Рай-Высокого.
[562] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп.3. Д. 2162. Л. 18 об.
[563] *Полонский А. Э.* С.Е. Раич – Дон – Кихот из Рай-Высокого.
[564] Арцыбашев Николай Сергеевич (1743–1841) –историк, с 1802–1827 гг. трудившийся над историей России, его «Повествование…» было доведено до середины XVIII века, а первый том был издан в 1838 г.
[565] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1956.С. 119.
[566] Там же. С. 120.

деятельности Н.А. Полевого. Он пишет о том, что литература пребывает «в жалком состоянии», потому что все кругом «бранятся», и появился «наемщик Полевой», который ради денег взял на себя обязательство критиковать произведения М.А. Дмитриева, А.И. Писарева и М.Н. Загоскина.[567]. История непростых взаимоотношений между цензором С.Т. Аксаковым и издателем Н.А. Полевым началась в 1827 г. и продолжилась в последующие годы.

1 октября 1827 г. цензором Московского цензурного комитета был назначен писатель С.Н. Глинка[568]. Автор «Русской истории» (1818), многочисленных исторических пьес, издатель «Русского вестника» (1808–1824) С.Н. Глинка получил широкую известность еще во время войны 1812 г. 11 июля 1812 г. он «первый…записался в ратники и первый отдал все, что имел на алтарь Отечества», став одним из организаторов народного ополчения[569]. В неопубликованных черновиках С.Н. Глинки к собственной биографии, написанной 18 сентября 1830 г., рассказано о том, что он снарядил на службу несколько чиновников в ополчение из своих собственных средств, продав драгоценности своей жены[570]. На должность цензора С.Н. Глинка, как и С.Т. Аксаков, назначен был благодаря А.С. Шишкову, пребывая на ней в общей сложности два года и десять месяцев[571]. С.Н. Глинка призывал остальных цензоров «составить цензуру совещательную», и, как С.Т. Аксаков, считал, что не надо придерживаться досконально «буквам устава»[572]. Именно С.Н. Глинке принадлежит определение цензурного устава 1826 г., как «чугунного» устава, который был, по его словам, написан «партией», «восставшей» против действий прежнего министра просвещения[573].

По сохранившимся документам Московского цензурного комитета можно сделать вывод, что уже в начале октября 1827 г. в его состав входили

---

[567] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42 Л. 1 об.
[568] *Глинка С. Н.* Записки. С. 351.
[569] РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.
[570] Там же. Л. 1 об., 3 об.
[571] РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 3. Д. 35. Л. 2 об.
[572] *Глинка С. Н.* Записки. С. 351.
[573] Там же. С. 349.

председатель князь В.П. Мещерский, цензор С.Т. Аксаков, цензор С.Н. Глинка, секретарь Новиков, а также сенатский регистратор Михаил Андреевич Мансуров[574].

12 октября состоялся указ императора об увольнении князя Мещерского с поста председателя Московского цензурного комитета и предписание С.Т. Аксакову исправлять его должность. Спустя месяц комитет переехал в здание университетской типографии, и Сергей Тимофеевич полностью погрузился в исполнение своих обязанностей, которые были тесно связаны с его склонностью к литературе[575].

Первые месяцы пребывания С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете на должности цензора – это время налаживания организационной работы Московского цензурного комитета. Пример прохождения через цензуру произведения А.С. Пушкина «Песни о Стеньке Разина» свидетельствует о том, что в процедуре цензурования участвовал не только Московский цензурный комитет, но и, иногда, начальник Третьего отделения граф А.Х. Бенкендорф. Из переписки с министром народного просвещения А.С. Шишковым мы узнаем, с каким усердием и пониманием возложенной ответственности относился С.Т. Аксаков к своей новой должности. Как и его коллега, цензор С.Н. Глинка, он руководствовался благими целями – стараться не искать двоякий смысл в литературном произведении, а рассматривать и анализировать его с хорошей стороны; способствовать не «уничтожению литературы», а развитию просвещения.

[574] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 74. Л. 5.
[575] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр.соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1956. С. 123.

4.4 Исправляющий должность председателя Московского цензурного комитета (28 октября 1827–8 декабря 1828 гг.)

1 ноября 1827 г. состоялось заседание Московского цензурного комитета, где должность председателя исправлял уже С.Т. Аксаков, а должность цензора – С.Н. Глинка[576]. Однако, только 27 февраля 1828 г. Министерство народного просвещения отправило в Главное управление цензуры уведомление о том, что цензору Аксакову поручено исправлять обязанности председателя Московского Цензурного Комитета, отставной майор Измайлов был утвержден в звании цензора, и к комитету прикомандирован для цензуры иностранных произведений адьюнкт Московского университета Галлер[577]. В письме из журнала исходящих бумаг Московского цензурного комитета от 3 января 1828 г., С.Т. Аксаков просил В.В. Измайлова прийти в комитет, чтобы принять должность[578]. 26 февраля 1828 г. – по служебному аттестату Сергея Тимофеевича официальная дата утверждения его для исправления должности председателя Московского цензурного комитета[579]. Таким образом, благодаря источникам, выяснилось, что он начал исправлять должность председателя в конце октября 1827 г., но утверждение в должности произошло только спустя четыре месяца.

Человеком очень «тихих свойств» называл С.Т. Аксаков своего коллегу-цензора В.В. Измайлова в мемуарах[580]. Издатель альманаха «Литературный музеум», журналов «Российский музеум», «Патриот. Журнал для воспитания», В.В. Измайлов был охарактеризован современниками как человек, который всем желал добра и просвещения[581].

---

[576] Там же. Ф. 31. Оп.5. Д. 74. Л. 1–3.

[577] Галлер-Фионе Гаврила Иванович (1798–1854) – преподаватель механики и рисования в Московском технологическом институте, адъюнкт Московского университета (1825), академик Академии художеств (1819); РГИА. Ф. 777. Оп.1. Д. 739. Л. 5.

[578] Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 16 об., 17.

[579] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.; РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 360. Л. 3 об.

[580] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр.соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1956. С. 128.

[581] *Ботова О. О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: (формирование, состав, деятельность). С. 59.

Анализируя документы цензурного комитета, рассмотренные и подписанные С.Т. Аксаковым в январе и феврале 1828 г., можно сделать вывод, что объем работы у него был значительный: за первый месяц он рассмотрел 31 рукопись и 5 портретов, за второй месяц – 23 рукописи и 12 литографий[582]. Надо отметить, что в 1829 г. количество поступающих в комитет сочинений значительно сократилось: за два месяца в комитет всего поступило 28 сочинений[583]. Он вспоминал, что цензоры стремились все требования по цензуре книг исполнить как можно быстрее[584]. Надо сказать, что он сам прочитывал рукописи очень досконально: исправлял орфографические и стилистические ошибки, опечатки. Вычитывал не только рукопись, а обязательно первый отпечатанный экземпляр сочинения, подчеркивая ошибочно напечатанное слово и вынося знак вопроса на поля[585]. Среди авторов, чьи произведения цензуровал С.Т. Аксаков – поэт и писатель Иван Матвеевич Петров[586], который публиковался в «Сыне Отечества», «Галатее», «Московском вестнике», был составителем «Енисейского альманаха»; писатель И.Е. Великопольский[587] с произведением «К Эрасту (сатира на игроков)»; доктор медицинских наук, профессор Императорского Московского университета А.А. Иовский[588] с программой курса химии; гравер К.Я. Афанасьев[589] (гравюры – портреты императора Николая I)[590]; поэт М.А. Дмитриев[591]. Надо отметить, что весь объем работы за эти два месяца проходил только через председателя С.Т. Аксакова и цензора С.Н. Глинку.

При цензуровании записок или мемуаров важное значение имел вопрос авторского права. Общественный деятель и ученый В.Н. Каразин подал в

---

[582] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 56. Л. 1 об. –18.
[583] ОПИ ГИМ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 383. Л. 4–7 об.
[584] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр.соч.: в 4-х т. М., 1956. Т. 3. С. 127.
[585] ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 3. Д. 185. Л. 85–87 об.
[586] Петров Иван Матвеевич (1803–1838) –поэт, издатель.
[587] Великопольский Иван Ермолаевич (1793–1868) – писатель, автор «К Эрасту, (сатиры на игроков)» (1828).
[588] Иовский Александр Алексеевич (1796–1857) – химик, ординарный профессор Императорского Московского университета.
[589] Афанасьев Константин Яковлевич (1793–1857) – гравер на меди.
[590] ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 3. Д. 185. Л. 85–87 об.
[591] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 54. Л. 5.

Московский цензурный комитет на рассмотрение рукопись «Записок» философа и издателя XVIII века Ивана Владимировича Лопухина. Рассматривать С.Т. Аксаков рукопись сразу не стал, а 3 января 1828 г. попросил В.Н. Каразина опубликовать в «Московских ведомостях» объявление о данных записках И.В. Лопухина, и, если в течение полугода не объявятся хотя бы дальние законные наследники, которым принадлежит «право собственности» на рукопись, то она «будет немедленно рассмотрена и представлена» В.Н. Каразину «в распоряжение». Наследники объявились – вдова, тайная советница Лопухина, и, конечно, С.Т. Аксаков запросил у В.Н. Каразина «письменное согласие Г [оспожи] Лопухиной на издание записок покойного ее супруга» И.В. Лопухина[592]. В.Н. Каразин обещал предоставить это согласие, но, видимо, возникли определенные трудности. Неслучайно С.Т. Аксаков нашел причину для официального отказа известному государственному деятелю по изданию «Записок сенатора И.В. Лопухина». Дело в том, что И.В. Лопухин состоял в ложе мартинистов, и его сочинение было наполнено духом мистицизма, где отдельная глава так и называлась – «Нравоучительный катехизис»[593]. Известно из воспоминаний С.Т. Аксакова, что он испытывал неприятие всех тайных обществ, отторжение всего «мистического, темного и непонятного»[594]. Кроме того, смелые высказывания И.В. Лопухина о свободе могли навлечь на пропустившего в печать цензора много неприятностей. В своем произведении он открыто высказывал мысль, что в России не должно быть ни одного «несвободного человека»[595]. Сергей Тимофеевич был осторожным цензором и деликатно отказал В.Н. Каразину, сославшись на отсутствие авторского права, прекрасно понимая все последствия издания этого сочинения. «Записки сенатора И.В. Лопухина» были опубликованы только в 1860 г., в Лондоне А.И. Герценом[596].

---

[592] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Д. 65. Л. 51–77 об.
[593] *Лопухин И. В.* Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990. С. 31.
[594] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. Встреча с матринистами // Собр.соч.: в 4-х т. М., 1955. Т. 2. С. 230.
[595] *Лопухин И. В.* Записки сенатора. С. 22, 171.
[596] *Лопухин И. В.* Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим. Лондон, 1860.

До 22 апреля 1828 г. действовал цензурный устав 1826 г., в одном из параграфов которого было сказано, что «цензурные комитеты подчинены попечителям учебных округов», поэтому 10 января 1828 г. попечителем московского учебного округа генерал-лейтенантом А.А. Писаревым С.Т. Аксакову было написано письмо с просьбой присылать ему вышедшие из типографии книги «для прочтения»[597]. Взаимодействие с министром народного просвещения Московского цензурного комитета осуществлялось тоже через попечителя учебного округа[598]. Анализируя делопроизводственные документы, удалось выяснить, что вся входящая и исходящая корреспонденция Московского цензурного комитета рассматривалась на присутствиях комитета, которые проходили не менее двух раз в месяц. 23 января 1828 г. на одном из таких присутствий комитета рассматривалась просьба А.А. Писарева к С.Т. Аксакову и обсуждалось письмо генерал-адъютанта А.Х. Бенкендорфа о «воле» императора напечатать несколько стихотворений А.С. Пушкина, в том числе стансов к императору[599]. Высочайшую цензуру прошли стихотворения «Ангел», «Стансы», третья глава «Евгения Онегина», с небольшими поправками поэма «Граф Нулин», которую Николай I прочел «с большим удовольствием», и сцена «Фауст и Мефистофель». Все эти произведения были разрешены к изданию в «Московском вестнике» и подписаны, в том числе, исправляющим должность председателя С.Т. Аксаковым[600].

Очень часто издатели советовались с С.Т. Аксаковым. Так М.П. Погодин спрашивал его мнения по поводу публикации «Фауста», есть ли в этом произведении какие-либо «соблазнительные выражения»?[601].

Работа цензора заключалась не только в прочтении рукописи, анализе ее содержимого, но и в кропотливом сличении печатного экземпляра с подлинником, согласно параграфу 71 Цензурного устава 1826 г. Кроме того еще 6

---

[597] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
[598] ПСЗ–II. Т. 1: 1825–1826. № 403, 10 июня 1826 г.
[599] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 3.
[600] Там же. Л. 1, 3.
[601] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 13. Д. 57. Л. 1; Павлов Н.М. С.Т. Аксаков как цензор. С. 85.

экземпляров издатель предоставлял в Цензурный комитет для отправки в разные учреждения и библиотеки[602]. Если у цензора никаких замечаний не было по отпечатанному экземпляру произведения, то он должен был выдать письменное разрешение на выпуск книги. Такое разрешение 16 января 1828 г. запрашивал издатель Август Семен, отправляя С.Т. Аксакову необходимое количество экземпляров собрания романсов и песен «Эвтерпа. Подарок Любительницам и любителям пения на 1828 год»[603].

Ежедневно С.Т. Аксаков находился шесть часов в комитете, где ему было удобнее читать рукописи, чем в домашних условиях. Он вспоминал, что никто из издателей не чувствовал строгих правил нового цензурного устава, потому что ни у кого из цензоров не было желания начинать какие-либо «злонамеренные» трактовки произведений[604].

В этот период Сергей Тимофеевич сдружился с М.П. Погодиным и сотрудником «Московского вестника» С.П. Шевыревым. Н.А. Полевого он старался «держать на расстоянии», общаться с ним только в рамках официальных взаимоотношений[605]. Н.А. Полевой обращался за помощью к исправляющему должность председателя Цензурного комитета в начале мая 1828 г., когда С.Н. Глинка не мог выступить цензором его произведений, так как последний оказал ему услуги как переводчика[606]. Что касается внутренней обстановки Московского цензурного комитета, то она, судя по «Воспоминаниям» С.Т. Аксакова», была им налажена: Сергей Тимофеевич сдерживал «неправильные порывы» цензора С.Н. Глинки и подчинял его действия «установленным формам»; робость цензора В.В. Измайлова, его опасения в связи со строгостью устава, С.Т. Аксаков выносил на общее заседание комитета,

[602] ПСЗ–II. Т. 1: 1825–1826. № 403, 10 июня 1826 г.
[603] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.
[604] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр.соч.: в 4-х т. М., 1956. Т. 3. С. 123, 126.
[605] Там же. С. 127, 128.
[606] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

пропуская через цензуру произведения, прикрепленных к В.В. Измайлову издателей, авторов[607].

В «Воспоминаниях» и переписке С.Т. Аксакова мы наблюдаем его положительное отношение к параграфам устава 1826 г., нежели к содержанию устава 1828 г. Это было связано не только с изменением самого содержания документа, но и с тем, что с вступлением в силу нового устава, был уволен с должности министра народного просвещения и покровитель С.Т. Аксакова – А.С. Шишков, да и он сам терял свой пост исправляющего должность председателя и цензора. По новому уставу членами цензурных комитетов могли быть только университетские ординарные или экстраординарные профессора и адъюнкты; директора учебных заведений, подведомственных университетам[608]. Новый цензурный устав 1828 г. был подготовлен комиссией, в которую входили министр внутренних дел В.С. Ланской, А.Х. Бенкендорф, генерал И.В. Васильчиков и будущий министр юстиции Д.В. Дашков. Как уже упоминалось выше, устав вступил в силу 22 апреля, но уже 13 апреля поэтесса А.П. Бунина, которой С.Т. Аксаков помогал с цензурованием ее произведений и «покровительствовал при типографиях», писала ему, что никак не могла растолковать его выражение «комитет кончился» и просила личной встречи[609]. Судя по этому письму, С.Т. Аксаков заранее знал о грядущей цензурной реформе и возможном своем увольнении. В следующем письме к нему А.П. Бунина сообщала о том, что министр просвещения отстранен от должности, но сохранил за собой обязанности и жалование президента Российской академии и члена Верховного совета[610]. Для А.П. Буниной министр народного просвещения А.С. Шишков тоже был в определенной степени покровителем: он помогал ей решить вопросы прохождения через цензуру ее произведений[611]. По его поручению директор департамента министерства народного просвещения

---

[607] *Аксаков С. Т.* Воспоминания. 1826 год // Собр.соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1956. С. 128.
[608] ПСЗ–II. Т. 3: 1828. № 1979, 22 апреля 1828 г.
[609] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 43. Л. 1 – 3.
[610] Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
[611] Там же. Оп. 3. Д. 43. Л. 5.

Д.И. Языков[612] сделал «предложения попечителям учебных округов», «подписаться» на книгу А.П. Буниной[613]. «Я теперь в совершенной нужде», – признавалась А.П. Бунина С.Т. Аксакову. Лишение места в Московском цензурном комитете побудило Сергея Тимофеевича ехать в Петербург и «хлопотать об устройстве своего служебного положения» перед А.С. Шишковым, который обратился к новому министру народного просвещения К.А. Ливену. Текст этого обращения А.С. Шишкова от 5 сентября 1828 г. приведен в исследовании Н.П. Барсукова,[614] пересказан в письме С.Т. Аксакова к жене и заключался в аттестации Сергея Тимофеевича, которого он знал «около 20-ти лет» «со стороны познаний так и нравственности» как «достойнейшего человека». По словам А.С. Шишкова, если С.Т. Аксаков будет отстранен от должности цензора, то это послужит для него «крайне» несправедливым «изгнанием», а для Московского цензурного комитета – огромной потерей, потому что такого опытного чиновника трудно сыскать[615]. В письме от 10 сентября из Петербурга Сергей Тимофеевич сообщал супруге, что К.А. Ливен согласен его определить, если никто не будет противиться, и император «утвердит». Министра народного просвещения С.Т. Аксаков характеризовал как «почтенного человека, который «далек от всякого фарфаронства» и рассказал жене о каком-то высокопоставленном чиновнике, которого он называл в письме «моим гонителем», «болтуном», «Репейкиным (из Хлопотуна)»[616], «двуличиевым хвастуном и трусом». В этом же письме Сергей Тимофеевич сообщал жене о том, что «сила» не на его стороне, а помочь ему сможет только общественное мнение и личное пребывание в Петербурге. «Я писал к Михаилу Петров[ичу] [Погодину. – *В.Д.*]. И просил его помощи. Покажи ему мое письмо. Против голоса министра и против меня 4 человека, т.е. все члены. Хотят обоих товарищей моих определить,

[612]Языков Дмитрий Иванович (1773–1845) – историк и переводчик, директор департамента Министерства народного просвещения.
[613] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 1 об.
[614] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 2. М., 1889. С. 220.
[615] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–2 об.
[616] Имеется ввиду пьеса А.И. Писарева «Хлопотун, или Дело мастера боится» и главный герой этой пьесы Репейкин – добрый человек, готовый взяться за любое дело.

а меня откинуть. Какова обида. Служи с честью после этого», – заканчивал письмо к жене С.Т. Аксаков[617]. По этому письму становится понятно, что не все зависело от желания К.А. Ливена, он был вынужден считаться с членами Главного управления цензуры, в состав которого входили в 1828 г.[618]: министр народного просвещения К.А. Ливен, президент Императорской Академии наук С.С. Уваров, действительный статский советник Министерства иностранных дел и дипломат А.Я. Дашков, действительный статский советник Министерства внутренних дел В.И. Филатьев, президент Академии художеств и член Государственного совета А.Н. Оленин. Выяснить, точно, кого в письме к супруге называл С.Т. Аксаков «гонителем», пока не удалось. Предположительно, это мог быть С.С. Уваров, о личности которого в более поздней переписке с женой он негативно отзывался[619]. Неслучайно С.Т. Аксаков написал М.П. Погодину из Петербурга, что очень сожалеет о том, что изначально отказался от письменного письма-поддержки московских издателей и просил помочь организовать написание такого обращения к министру от литераторов и журналистов[620]. По словам биографа М.П. Погодина, Н.П. Барсукова, Михаил Петрович сразу же начал собирать голоса в пользу С.Т. Аксакова-цензора.[621]. Письмо-поддержки от 15 октября 1828 г. с положительной характеристикой цензора С.Т. Аксакова сохранилось в архиве. Его подписали М.А. Дмитриев, М.Н. Загоскин, И.Ф. Калайдович, Ф.Ф. Кокошкин, М.П. Погодин, но неизвестно, отправлено ли оно было по адресу или нет[622]. Из дневниковой записи М.П. Погодина от 21 сентября 1828 г. мы узнаем, что профессор Московского университета Иван Михайлович Снегирев[623], который стал цензором в 1828 г., отрицательно отнесся к сбору подписей в поддержку С.Т. Аксакова, говоря о том, что если бы Сергей

---

[617] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–2 об.
[618] *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Центральные учреждения цензурного ведомства (1804 – 1917)… С. 189.
[619] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 110.
[620] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 2. М., 1889. С. 220.
[621] Там же.
[622] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
[623] Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) – профессор Императорского Московского университета, этнограф, археолог и цензор Московского цензурного комитета (1828–1855).

Тимофеевич был «благородным человеком» – он бы не стал собирать никаких «подписок в монархическом правлении»[624]. Чуть позже Сергей Тимофеевич сообщил супруге, что написал прошение на имя императора[625]. Таким образом, он сделал все возможное, чтобы остаться служить в Московском цензурном комитете. Несмотря на ходатайство А.С. Шишкова от 8 сентября 1828 г. перед К.А. Ливеном[626], письменную поддержку министром народного просвещения[627], на прошении С.Т. Аксакова от 9 сентября 1828 г. в Главное управление цензуры с просьбой оставить его сторонним цензором, была проставлена резолюция, что необходимо ожидать отзыва от попечителя Московского учебного округа. Отзыв со стороны попечителя А.А. Писарева был положительный, где С.Т. Аксаков был выделен «как наиболее достойный кандидат»[628]. Но в Главном управлении цензуры не поддержали его кандидатуру. При Московском цензурном комитете были оставлены цензоры С.Н. Глинка и В.В. Измайлов с пояснением, которое упоминалось выше, что должность цензора больше соответствует преклонным годам этих чиновников. По поводу Сергея Тимофеевича Главное управление цензуры сделало вывод, что он вполне может свои способности и литературные таланты «выгодно» использовать для другого рода государственной службы[629]. 8 декабря 1828 г. состоялось его официальное увольнение от должности председателя комитета, и 25 января 1829 г. он был причислен был к департаменту Министерства народного просвещения в качестве чиновника «для особых поручений»[630].

Интерес представляют ведомости по выплате жалования членам Московского цензурного комитета. Как выяснилось, на должности цензора и председателя Московского цензурного комитета, затем стороннего цензора С.Т. Аксаков получал самый высокий оклад – 245 рублей в месяц(в год – 3000

[624] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 2. М., 1889. С. 221.
[625] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 5. Л. 116, 116 об.
[626] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
[627] Там же. Л. 2.
[628] *Машинский С. И.* Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова. С. 242.
[629] Цит. по: *Данилов В. В.* С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском цензурном комитете. С. 510; *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 138.
[630] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.

рублей)[631]. Дело в том, что по цензурному уставу 1826 г. двум цензорам в год должно было выплачиваться каждому жалование в размере 2500 рублей, председателю – 3000 рублей[632]. По идее он как цензор должен был получать до назначения на пост председателя намного меньше, потому что второй цензор С.Н. Глинка заступил на должность 1 октября 1827 г.[633]. Но сохранились ведомости за июль, август, сентябрь 1828 г., где месячное жалование у цензора С.Т. Аксакова составляло 245 рублей[634]. Наверное, это было связано с индивидуальной договоренностью, покровительством А.С. Шишкова, при поступлении Сергея Тимофеевича в Московский цензурный комитет и большим объемом работ, за который он отвечал как цензор. Для сравнения, цензоры И.А. Двигубский, Л.А. Цветаев, И.М. Снегирев в 1831 г. получали 163 рубля и 33 с четвертью копеек в месяц (2000 рублей в год)[635]. Такой же оклад как у С.Т. Аксакова (245 рублей в месяц / 3000 рублей в год) после его увольнения из Московского цензурного комитета начал получать сторонний цензор коллежский асессор, в прошлом экзекутор при Московском опекунском совете, Николай Васильевич Лазарев[636] с 1 июля 1832 г.[637], согласно графе «жалование особому цензору» по уставу 1828 г.[638]. Надо отметить, что кроме обычной выплаты жалования, происходила компенсация «квартирных» денег: на посту исправляющего должность председателя комитета С.Т. Аксакову компенсировалось 1000 рублей в год[639].

Важно, что сразу после увольнения Сергея Тимофеевича с поста председателя до назначения его на должность стороннего цензора (с 8 декабря

---

631 ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 55. Л. 5–22.
632 *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Российской империи (конец XVIII – начало XX века)… С. 419.
633 Там же. С. 142.
634 ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 55. Л. 5–7.
635 Там же. Л. 11.
636 Лазарев Николай Васильевич (1796–?)–сторонний цензор Московского цензурного комитета (1832–1835); РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 424. Л. 3.
637 ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 55. Л. 29.
638 *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Российской империи (конец XVIII – начало XX века)… С. 421.
639 ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 59. Л. 18; *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Российской империи (конец XVIII – начало XX века)… С. 419.

1828 г. по 31 мая 1830 г.), он не остался без средств к существованию, а получал «по Высочайшему повелению полугодовое жалованье», т.е. 1500 рублей в год[640].

Таким образом, начав исправлять обязанности председателя Московского цензурного комитета, С.Т. Аксаков, понимая уровень возложенной на него ответственности, крайне внимательно, осторожно и предусмотрительно относился к предоставляемым ему на цензуру рукописям московских литераторов. Запретив Н.А. Полевому печать переведенной на русский язык «Жизни Наполеона Бонапарте» Вальтера Скотта, а также выход критической статьи П.А. Вяземского по поводу этого произведения, Сергей Тимофеевич, можно сказать, продлил свою служебную деятельность как цензора. Как указывалось выше, творение Вальтера Скотта все-таки было переведено в 1832 г. в Петербурге на русский язык, несмотря на то, что находилось в списке запрещенной литературы. А в октябре 1833 г. цензор И.А. Двигубский был уволен за пропуск рецензии литературного критика К.А. Полевого «на перевод книги В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» в журнале «Московский телеграф» (1833. № 9)»[641]. Вполне возможно, что С.Т. Аксаков еще в 1827 г. мог лишиться своей должности, пропустив в печать переведенную на русский язык книгу, и вовремя не конфисковав уже отпечатанные Н.А. Полевым листы перевода сочинения Вальтера Скотта.

В то же самое время, как было сказано выше, С.Т. Аксаков проявил себя как компетентный цензор, отказавшись пропускать в печать «Записки И.В. Лопухина», сославшись на право собственности, которое принадлежало вдове мемуариста, несмотря на то, что ходатайствовал о напечатании «Записок» видный государственный деятель В.Н. Каразин.

Несмотря на кропотливую, трудоемкую работу в прочтении рукописи, затем ее сличению с отпечатанной версией, С.Т. Аксаков лично прочитывал и

---

[640] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 58. Л. 18 об.–32.

[641] *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Российской империи (конец XVIII – начало XX века)… С. 158.

корректировал в месяц такое количество рукописей, которое в два раза превышало объем работ у остальных цензоров.

Пожалуй, все московские издатели и литераторы в период пребывания С.Т. Аксакова на посту председателя комитета, были довольны его оперативной и добросовестной работой, за исключением братьев Н.А. и К.А. Полевых. Наверное, здесь имел место факт личной неприязни к их деятельности. Неслучайно в переписке с Сергеем Тимофеевичем М.А. Дмитриев называл Н.А. Полевого «наемщиком», для которого важное место в литературе занимали деньги[642]. О доброжелательном отношении со стороны московских литераторов можно судить еще и по письму-поддержки, которое планировалось отправить министру просвещения К.А. Ливену[643]. Но хорошее отношение со стороны московских литераторов, издателей, зачастую обращавшихся к С.Т. Аксакову за советом по части цензуры и выпуска в печать того или иного произведения, не исключало наличие у него недоброжелателей, которым не по душе была его популярность и деятельность. Однако, самый главный показатель добросовестности цензурной деятельности С.Т. Аксакова – уважительное отношение к нему со стороны министров народного просвещения: А.С. Шишкова и К.А. Ливена, которое мы прослеживаем, благодаря сохранившейся переписке. Так, после отстранения его от должности, К.А. Ливен писал ему, что общественность при исполнении цензорских обязанностей была им «довольна» и, вероятно, найдутся даже те издатели, которые останутся недовольными его отстранением от должности. К.А. Ливен сообщал С.Т. Аксакову 5 января 1829 г., что он приказал оставить его в ведомстве Министерства народного просвещения, пока не появится вакантная должность[644]. При этом нельзя забывать, что у цензора С.Т. Аксакова на протяжении всей его служебной деятельности в комитете было самое высокое жалование даже, когда он был отстранен от должности. Благодаря участию К.А. Ливена, он был причислен к департаменту Министерства народного

[642] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.
[643] Там же. Д. 6. Л. 1.
[644] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф.3. Оп. 13. Д. 39. Л. 1–1 об.

просвещения как чиновник «для особых поручений» и практически полтора года получал полугодовой оклад.

4.5 Чиновник для особых поручений при Департаменте Министерства народного просвещения (25 января 1829–31 мая 1830 гг.)

Из служебной документации Министерства народного просвещения, где бы фигурировал С.Т. Аксаков, за этот период можно назвать только его послужные списки и аттестат[645]. Но интерес представляет частная переписка, из которой мы узнаем о том, что Сергей Тимофеевич принимал самое деятельное участие при цензуровании комедии Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Турецкая шаль»[646]. Комедия, в которой главным предметом семейных взаимоотношений становится турецкая шаль, могла вызвать сочувствие С.Т. Аксакова в связи с их семейным преданием об Игель-Сюме – матери его супруги О.С. Аксаковой. Она была турчанкой по происхождению. Во время русско-турецкой войны 1788 г. попала в плен и воспитывалась в семействе генерала Воинова, где и встретила своего будущего мужа, будущего отца О.С. Заплатиной – суворовского генерала С.Г. Заплатина. «В семействе долго сохранялись ее турецкая шаль, ее чалма и также русская азбука с турецким текстом, изданная при Екатерине», – вспоминал в «Очерке семейного быта» И.С. Аксаков[647]. Благодарственное письмо С.Т. Аксакову, хранящееся в архиве, Г.Ф. Квитка-Основьяненко написал 28 марта 1829 г., а разрешил к изданию комедию цензор В.В. Измайлов 31 марта 1829 г. «Умоляю Вас о продолжении внимания Вашего», – заканчивал письмо Г.Ф. Квитка-Основьяненко[648]. Общение и переписка между ними продолжались в последующие годы[649]. В 1831 г. они познакомились лично[650], С.Т. Аксаков

[645] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 360. Л. 4; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.
[646] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 2 об.
[647] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 50. Л. 3 об.
[648] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 3.
[649] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 13. Д. 31. Л. 2.
[650] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 4, 4 об.

помогал изданию комедии «Шельменко-денщик»[651]. За поддержку своих произведений в Московском цензурном комитете, Г.Ф. Квитка-Основьяненко называл Сергея Тимофеевича в письме от 14 июня 1831 г. «законным защитником и покровителем»[652].

Так как С.Т. Аксаков числился в Министерстве народного просвещения как чиновник «для особых поручений», можно предположить, что именно поэтому на его имя 9 сентября 1829 г. было отправлено письмо из Российской академии от П.А. Ширинского-Шихматова об одобрении Ю.И. Венелину, автору сочинения «Древние и нынешние болгаре» (1829), путешествия в Болгарию «для филологических и исторических изысканий» и финансовой поддержки со стороны академии[653]. По поручению А.С. Шишкова ему поручено известить об этом Ю.И. Венелина, о готовности академии «оказать ему в сем полезном для наук и языка Славянского намерении свое содействие с пожертвованием 6000 рублей на издержки путешествия» и ускорить «доставление» необходимых для организации этого путешествия бумаг[654]. К 15 января 1830 г., видимо, все документы по путешествию были готовы, и С.Т. Аксаков просил А.С. Шишкова о внимании к Венелину с целью получить «окончательные наставления»[655]. В 1830–1831 гг. совершил путешествие Ю.И. Венелин в Болгарию, собрав произведения болгарского фольклора, подготовив справочные издания и исторические исследования. Любопытно, что в это же время С.Т. Аксаков помог познакомиться польскому филологу, слависту Анджею Кухарскому с А.С. Шишковым, отрекомендовав его как знатока славянских диалектов, который питал пламенную любовь к русскому языку[656]. А. Кухарский оставил после себя труды, которые посвящены сравнительной грамматики славянских наречий, истории расселения славянских племен. Неслучайно С.Т. Аксаков интересовался и притягивал к себе людей, которые так или иначе были связаны с изучением истории славянских

[651] Там же. Л. 8.
[652] Там же. Л. 6.
[653] Там же. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.
[654] Там же.
[655] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6091. Л. 204 об.
[656] Там же. Л. 208, 208 об.

народов. Спустя годы Константин и Иван Аксаковы будут интересоваться, помогать и писать статьи о сербах, болгарах, лужицких сербах. Дочери Аксаковы – будут изучать язык лужицких сербов, а Софья Аксакова в 1850-е гг. будет исполнять серболужицкие народные песни[657]. Получается, что интерес к славянским народам у детей Аксаковых, начал прививаться их отцом, уже в 1830-е гг., когда его окружали ученые-слависты.

В этот же период С.Т. Аксаков выполнял обыкновенные дружеские поручения, связанные с изданием, подпиской произведений. Такие поручения были от племянника А.С. Шишкова – поэта и писателя А.А. Шишкова[658], в том числе об издании первой сцены третьего действия «Марии Стюарт»[659].

Важным событием того периода для С.Т. Аксакова стала его публикация «Рекомендация министра» за подписью «N» в первом номере «Московского вестника», который был допущен к печати 31 декабря 1829 г. цензором С.Н. Глинкой[660]. В этом юмористическом рассказе он посмеялся над бюрократическими министерскими порядками. Сразу же к издателю М.П. Погодину поступил запрос от московского полицмейстера «по Высочайшему повелению» о настоящем имени автора фельетона[661]. М.П. Погодин не назвал настоящего имени, но, узнав об этом, С.Т. Аксаков сам объявил себя сочинителем[662]. С.Н. Глинка был посажен на гауптвахту, супруга Сергея Тимофеевича – Ольга Семеновна очень опасалась, чтобы их не выслали жить за пределы Москвы, а М.П. Погодин ее утешал словами, что, если это и произойдет, то он покинет Москву вместе с ними[663]. С.Т. Аксаков рассказывал в письме С.П. Шевыреву про эту «пустую» статью, которую он отправил в «Московский вестник». По его словам в письме, статья не понравилась властям, и он опасался

---

[657] Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.
[658] Шишков Александр Ардалионович (1799–1832) – писатель, переводчик.
[659] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 100. Л. 1.
[660] *Аксаков С. Т.* Рекомендация министра // Журнал Московский вестник, М.: Университетская типография, 1830. № 1. С. 118–121.
[661] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 3. СПб, 1890. С. 83.
[662] Там же. С. 84.
[663] Там же. С. 84.

потерять место службы[664]. Ситуацию помогло разрешить заступничество письмом от 15 февраля 1830 г. князя А.А. Шаховского перед А.Х. Бенкендорфом, в котором он называл С.Т. Аксакова человеком честным, благонамеренным, «другом порядка и спокойствия», который к тому же обременен «десятью малютками» и, если он потеряет службу – это обстоятельство помешает детям получить достойное воспитание и образование. А.А. Шаховской, ссылаясь также на просьбу Аксаковых, просил А.Х. Бенкендорфа о том, что если дело невозможно уже «поправить», то, наверняка, можно сделать так, чтобы восстановилось «доброе имя писателя, который, отправляя эту статью в журнал, не имел никакого злого умысла[665].

Из этого письма очевидно глубокое уважение, с которым относился князь А.А. Шаховской к С.Т. Аксакову. Любовь к театру и дружеские узы их связывали еще с 1816 г. Но, отправив в «Московский вестник» фельетон, С.Т. Аксаков подверг себя риску потерять служебное положение и ожидаемое место цензора.

В Третьем отделении потребовали от С.Т. Аксакова объяснений, на него было заведено дело, на котором стояла резолюция А.Х. Бенкендорфа о том, что «дело кончено» и необходимо известить автора, что заглавие произведения было неприличным[666]. На благополучный исход дела, видимо, все-таки повлияло заступничество А.А. Шаховского перед А.Х. Бенкендорфом. С.Н. Глинка пребывал на гауптвахте две недели. В своих неопубликованных «Воспоминаниях о работе цензурного комитета» С.Н. Глинка оставил запись о том, что в феврале месяце его посадили на гаупвахту, а на причины своего ареста он «набрасывает завесу»[667]. В делах Московского цензурного комитета сохранилось предписание московского военного генерал-губернатора московскому коменданту от 2 февраля 1830 г. за номером 75: «о посажении» на двухнедельную гауптвахту цензора С.Н. Глинку за то, что он пропустил статьи «Рекомендация министра» и

---

[664] Там же. С. 85.
[665] Письмо Шаховского А.А. Бенкендорфу А.Х. // Историко-литературный журнал Русский архив. 1904. № 1. С. 515, 516.
[666] Цит. по: *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 152.
[667] РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 300. Л. 13–14.

«Стихотворение к *** в альманахе «Денница», с дополнительным указанием «лишить места», если он не будет впредь «осмотрительным» цензором[668].

Таким образом, небольшое количество сохранившихся документов, которые охватывают период с первого месяца 1829 г. по май 1830 г., позволяет предположить, что служба, которая не требовала присутствия С.Т. Аксакова на рабочем месте, не обременяла его и носила в основном формальный характер. Сергей Тимофеевич признавался в одном из писем к С.П. Шевыреву от 29 сентября 1830 г., что он еще должность не получил и «Бог знает», когда получит[669]. В этот период он помогал решать литературные вопросы своего круга друзей и знакомых, занимаясь в то же время литературной деятельностью.

4.6 Сторонний цензор Московского цензурного комитета (31 мая 1830–23 февраля 1832 годов.)

13 мая 1830 г., Сергей Тимофеевич писал А.С. Шишкову, что его судьба на счет продолжения цензорской службы еще не прояснилась, и К.А. Ливен обещал ему неоднократно должность директора гимназии, но сейчас вдруг «представил» его «в цензоры» в связи со смертью В.В. Измайлова[670]. В этом же письме С.Т. Аксаков просил о финансовой помощи племяннику А.С. Шишкова – Александру Ардалионовичу Шишкову, который имел, по его словам, «положение крайнее»: его имение находилось «под запрещением», кроме того, 2600 рублей долгами и больная жена в Динабурге[671]. По мнению С.Т. Аксакова, оказание помощи А.А. Шишкову позволило бы ему купить дом в Тверской губернии[672]. Эта забота Сергея Тимофеевича показывает не только искреннее человеколюбивое желание помочь своему другу А.А. Шишкову, но и отражает те близкие, искренние, с оттенком покровительства взаимоотношения, которые связывали

[668] ОПИ ГИМ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 382. Л. 1.
[669] Цит. по: *Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор. С. 116.
[670] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6091. Л. 208.
[671] Речь, возможно, идет о перевозе больной жены А.А. Шишкова из Динабурга (нынешний Даугавпилс, Латвия).
[672] Там же. Л. 208 об.–209 об.

А.С. Шишкова и Сергея Тимофеевича. В каждом из своих писем С.Т. Аксаков просил выразить свое «глубочайшее почтение» супруге А.С. Шишкова – Юлии Осиповне Шишковой[673].

Из документальных источников мы узнаем, что 28 мая 1830 г. состоялось заседание Главного управления цензуры, на котором был утвержден в звании цензора вместо умершего цензора Измайлова титулярный советник Аксаков[674]. Этому предшествовало письмо от 22 мая 1830 г. статс-секретаря Николая I – Н.Н. Муравьева[675] с «соизволением» Николая I об утверждении С.Т. Аксакова на должность цензора по представлению К.А. Ливена[676]. 31 мая 1830 г. состоялся указ императора об утверждении сторонним цензором С.Т. Аксакова[677]. Копия с указа Правительствующего Сената о назначении цензором была отправлена попечителю Московского учебного округа князю министром народного просвещения 3 июня 1830 г.[678]. Клятвенное обещание в верности своему долгу Сергей Тимофеевич принес 20 июня 1830 г.[679].

По результатам ближайшего заседания в Московском цензурном комитете, которое состоялось 30 июня 1830 г., С.Т. Аксакову, как и упоминал биограф С.И. Машинский, передано для цензурного просмотра издания «Атеней», «Галатея», «Русский зритель», рукопись неслужащего дворянина Павла Иноземцева «У каждого свое», переведенная им с французского языка. Четверг был назначен дежурным днем С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете[680].

Немаловажный инцидент, косвенно касающийся Сергея Тимофеевича, произошел 7 марта 1830 г. Император неожиданно прибыл в Москву, и на

---

[673] Шишкова Юлия Осиповна (1779–1849) – супруга А.С. Шишкова, польского происхождения, лютеранского вероисповедания.
[674] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 211. Л. 15.
[675] Муравьев Николай Назарьевич (1775–1845) – сенатор, тайный советник, статс-секретарь Александра I (1818–1825) и Николая I (1825–1831).
[676] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 211. Л. 14.
[677] Там же. Л. 17.
[678] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 65. Л. 4.
[679] Там же. Л. 5.
[680] Там же. Оп. 3. Д. 2164. Л. 49; *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 155, 156.

С.Н. Глинку уже второй раз за год обрушилось недовольство: он пропустил в печать стихи Н.А. Кашинцева[681] «Чувства верноподданного, излившиеся по случаю неожиданного приезда его императорского величества, государя императора Николая Павловича в Москву»[682]. В черновом варианте «Записок» С.Н. Глинка объяснял пропуск стихов тем, что согласно параграфам нового цензурного устава, сочинения, которые по объему составляют менее, чем один печатный лист с требованием «поспешной» цензуры, могли быть выпущены из типографии до получения позволительного билета от цензурного ведомства[683]. Понимая, что «комитет грянул грозные громы», С. Н. Глинка в срочном порядке взял отпуск и отбыл в Петербург «искать правды». Там он подал прошение министру народного просвещения о возникших трудностях в комитете с просьбой предоставить ему должность «отдельного цензора»[684]. Но, вернувшись в Москву, в июне 1830 г. его вновь ждала неприятность. Цензор С.Н. Глинка пропустил в печать десятый номер журнала «Московский телеграф», в приложении которого содержался сатирический фельетон Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина» с «выпадами»[685] в адрес А.С. Пушкина и князя Н.Б. Юсупова[686]. Из неопубликованных черновых записей Сергея Николаевича мы узнаем, что, когда он «скрепил роковую статью и пропустил» – это обстоятельство послужило началом «тревоги и бури», которой до этого, по словам С.Н. Глинки, никогда в комитете не было[687]. На этой строчке его черновые записи прерываются, но смысл очевиден – слишком явно Н.А. Полевой в своем фельетоне провел параллель между героями произведения князем и поэтом, подразумевая под ними Н.Б. Юсупова и А.С. Пушкина. Любопытно, что в опубликованном варианте

---

[681] Кашинцев Николай Андреевич (1799–1870) – чиновник особых поручений и директор богадельного дома, впоследствии – тайный агент Третьего отделения для наблюдения за периодическими изданиями.
[682] РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 300. Л. 18, 18 об., 19 об., 20.
[683] Там же. Л. 20 об, 21.
[684] Там же. Л. 25, 25 об.
[685] *Боленко К. Г.* К вопросу о литературных источниках фельетона Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина». С. 96–110.
[686] Юсупов Николай Борисович (1750–1831) – коллекционер, меценат, директор Эрмитажа (1797), с 1823 г. – член Государственного Совета.
[687] РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 300. Л. 25 об., 26.

«Записок» С.Н. Глинка об этом инциденте написал, что он просил издателя «Телеграфа» исключить «стих», но в ответ от него получил категорический отказ[688]. В этом же рассказе С.Н. Глинка пересказал свой разговор с попечителем С.М. Голицыном, после которого у него началось носовое кровотечение, которое длилось трое суток[689].

Отставке С.Н. Глинки с должности цензора способствовал не только пропуск в печать фельетона Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина», но и разрешение на публикацию «Рекомендации министра» С.Т. Аксакова, а также стихов Н.А. Кашинцева. Документ, выражающий «Высочайшее соизволение» по представлению попечителя Московского учебного округа и по «всеподданнейшему докладу» министра народного просвещения К.А. Ливена на увольнение С.Н. Глинки с должности стороннего цензора, датируется 30 июня 1830 г.[690]. А на следующий день, 31 июня 1830 г., С.Н. Глинка, видимо, еще не зная о решении своей судьбы на «высочайшем» уровне, написал прошение, в котором из-за возникшего нездоровья просил комитет отстранить его от чтения рукописей[691]. Попечитель округа С.М. Голицын выступил с ходатайством, в котором написал, что из-за особенностей характера С.Н. Глинки и «недостатка осторожности» цензора следует признать неспособным к продолжению службы в комитете[692]. На этом официальном документе 30 июля «Государь поставил резолюцию в Александрии близ Петергофа «Согласен»[693]. Указ из Правительствующего Сената об увольнении С.Н. Глинки вышел 7 августа 1830 г. Как вспоминал С.Н. Глинка, в 1830 г. не только король французов лишился престола, но и он «цензорского стула»[694]. Это увольнение тяжело сказалось на материальном положении семьи С.Н. Глинки, и 14 октября 1830 г. он обратился к К.А. Ливену с просьбой предоставить ему и его «многочисленному семейству»

---

[688] *Глинка С. Н.* Записки Сергея Николаевича Глинки. С. 356, 357.
[689] Там же. С. 357.
[690] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 66. Л. 14.
[691] Там же. Л. 17.
[692] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 244. Л. 4.
[693] Там же. Л. 6.
[694] *Глинка С. Н.* Записки Сергея Николаевича Глинки. С. 358.

постоянное финансовое содержание[695]. Министр обещал со своей стороны сделать все, что от него будет зависеть для удовлетворения его просьбы[696].

Подробное описание инцидента и последующего увольнения С.Н. Глинки было необходимо для понимания, насколько сложной была обстановка при цензуровании произведений, и почему в дальнейшем С.Т. Аксаков отказался от обязательства вести как цензор журнал «Московский телеграф». Дело в том, что уже 7 июля очередной номер журнала Н.А. Полевого был ему передан «на рассмотрение». Н.А. Полевой через четыре дня подал прошение в Московский цензурный комитет, в котором писал, С.Т. Аксаков, находящийся с ним «в полемическом прении», «неоднократно обнаруживал свое неудовольствие и негодование против «Телеграфа», поэтому если комитет не может оставить цензором С.Н. Глинку, то он просит назначить ему другого цензора, но не С.Т. Аксакова. В противном случае Н.А. Полевой обещал приостановить печать «Телеграфа», довести до сведения публики через объявления в «Ведомостях» Москвы и Санкт-Петербурга о сложившейся ситуации и отправить прошение в Главное управление цензуры[697]. С.Т. Аксаков подал встречное прошение, в котором он, подтверждал свое «невыгодное мнение» к издателю, его литературным способностям и его трудам и просил уволить от «чтения» его журнала[698]. Возможно, не только прошение Н.А. Полевого и личное неприятие С.Т. Аксакова сыграло роль в его отказе от цензурования журнала, но и осторожность, которую Сергей Тимофеевич проявлял в исполнении своих непростых обязанностей. Ему, безусловно, было дорого то место, которое он ждал практически полтора года. Видя на примере С.Н. Глинки, чем обернулось ему цензурование «Московского телеграфа», С.Т. Аксакову не хотелось подвергать себя риску – потерять долгожданную должность в Московском цензурном комитете. 11 июля 1830 г., состоялось заседание комитета, на котором

[695] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
[696] Там же. Л. 18.
[697]ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 66. Л. 10; *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 164.
[698] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 66. Л. 11.

рассматривалось прошение С.Т. Аксакова с просьбой о передаче цензуры журнала «Московский телеграф» «цензору Цветаеву»[699]. Неприятности по службе от этого журнала имели не только С.Н. Глинка, С.Т. Аксаков, но и И.А. Двигубский – он был уволен с должности цензора в октябре 1833 г. за пропуск номера «Московского телеграфа» с рецензией К.А. Полевого, на перевод сочинения В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов»[700]. Журнал был закрыт по личному распоряжению Николая I в 1834 г. из-за опубликованной рецензии Н.А. Полевого на пьесу драматурга Н.В. Кукольника[701] «Рука Всевышнего Отечество спасла». Примечательны слова В.А. Жуковского[702] по поводу закрытия журнала «Московский телеграф», в которых он обвиняет издателя в наглости пропаганды «якобинизма», которую он осуществлял «перед носом» правительства, называя при этом Н.А. Полевого «баловнем полиции»[703].

Заступив на должность стороннего цензора, С.Т. Аксаков стремился внести свою лепту в усовершенствование работы Московского цензурного комитета. 5 сентября 1830 г. он подал прошение о трудностях, с которыми сталкивались цензоры и издатели: «оригиналы, подписанные цензорами, по напечатании оных, возвращаются: или в типографию, или издателям – следственно пропадают, ибо никто не обязан хранить их»; цензор обязан выдать только подписанный им билет с печатью «к экземпляру прикрепленный» и возвращаемый в типографию. Кроме того, по словам С.Т. Аксакова, при необходимости выдачи билетов на выпуск из типографии отпечатанных книг и журналов в субботу, воскресенье и в «табельные дни» невозможен, так как в эти дни в комитете нет «присутствия», потому выход «повременных, срочных изданий, особенно еженедельных, замедляется». Сергей Тимофеевич обратился с просьбой, чтобы рукописи или корректурные листы, скрепленные цензором, хранились в особом архиве при комитете или в типографиях; цензор, в неприсутственные дни, имел право

---

[699] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 2164. Л. 55.
[700] *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Российской империи (конец XVIII – начало XX века). С. 158.
[701] Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868) – поэт, переводчик, драматург.
[702] Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – поэт, литературный наставник А.С. Пушкина.
[703] *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10-ти т. Т. 7. М., 1962. С. 325.

письменным «доизволением» выпускать из типографии отпечатанные номера журналов до получения билета «обыкновенным порядком» из цензурного комитета[704].

Нам неизвестно было ли одобрено это рациональное предложение, но как подтверждает отношение Московской синодальной типографии Московскому цензурному комитету, были введены в типографии правила, когда в библиотечный каталог фиксировался «приход» или «уход» рукописи[705]. Таким образом, в типографии создавался архив рукописей, о необходимости которого и ходатайствовал С.Т. Аксаков.

При цензуровании произведений для него была важна нравственная составляющая сочинения. Если С.Т. Аксаков-цензор считал, что в рукописи подвергаются оскорблению «добрые нравы» или «благопристойность», он выносил обсуждение произведения на заседание Московского цензурного комитета и подкреплял своим авторитетным мнением о необходимости запрещения публикации данного сочинения. Так произошло с произведением «Друзья-соперники», на которое С.Т. Аксаков дал 27 сентября 1830 г. заключение о том, что оно подлежит запрету цензурой, потому что по содержанию не соответствует никаким «исключениям»[706].

Выпуск «Дамского журнала» издателя П.И. Шаликова[707] зависел тоже от Сергея Тимофеевича. Вынося на обсуждение общего присутствия 5 декабря 1830 г. очередной номер журнала, он отмечал, что на двух листах «возражения оскорбительны». Включенные эпиграммы «Благие примеры» – не были им одобрены из-за «нелитературной брани» на издателя[708]. Кроме того, осенью Сергей Тимофеевич цензуровал «Украинский альманах»[709], альманах Ф.Н. Соловьева[710] «Метеор»[711], сочинение М.Н. Загоскина «Юрий Милославский

[704] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 67. Л. 2–3.
[705] Там же. Л. 31.
[706] Там же. Л. 19.
[707] Шаликов Петр Иванович (1768–1852) –писатель, журналист, издатель.
[708] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 68. Л. 14.
[709] Там же. Д. 69. Л. 1.
[710] Соловьев Федор Николаевич (1803–1842) –издатель.

или русские в 1612 году». С.Т. Аксаков цензуровал также картины, изображающие императора Николая I, графа И.И. Дибича-Забалканского и графа И.Ф. Паскевича-Эриванского[712]. Надо отметить, что все рукописи, сочинения, произведения распределялись между цензорами на заседаниях Московского цензурного комитета, которые проходили, как правило, еженедельно. На заседаниях председательствовал С.М. Голицын, присутствовали цензоры от Московского университета И.А. Двигубский и И.М. Снегирев, и как сторонний цензор – С.Т. Аксаков[713]. Уважительные взаимоотношения связывали С.Т. Аксакова и С.М. Голицына. В 1830 г. князь Голицын был президентом Московского попечительного комитета о бедных Императорского человеколюбивого общества. Зная Сергея Тимофеевича не только как ответственного цензора, но и как театрального критика, как человека, который тонко чувствовал и знал актерскую игру, как специалиста, с которым советовались и обсуждали полученные роли известные актеры XIX столетия[714], С.М. Голицын попросил его исполнить роль майора фон дер Горста 25 апреля 1830 г.[715]. К сожалению, мы не знаем, исполнял ли С.Т. Аксаков эту роль. Судя по письмам 1832 г., возможно, именно С.М. Голицын, обещал ему помочь определиться на новую должность после неприятного увольнения из Московского цензурного комитета[716].

Важно отметить, что Сергей Тимофеевич в этот период был не только цензором и театральным критиком, но и литературным критиком. Опубликовав литературную рецензию в начале 1830 г. в первом номере «Московского вестника» М.П. Погодина «Юрий Милославский. Исторический роман г[осподина] Загоскина»[717] за подписью «С. А – в», в дальнейшем он стал цензором при повторном издании романа и 12 декабря 1830 г. выдал билет на

---

[711] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 68. Л. 20.
[712] Там же. Оп. 3. Д. 2164. Л. 53 об.
[713] Там же. Л. 75 об.
[714] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 76. Л. 1.
[715] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 13. Д. 15. Л. 9.
[716] *Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор. С. 92; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л.1, 1 об.
[717] *Аксаков С. Т.* Юрий Милославский. Исторический роман г[осподина] Загоскина // Московский вестник. 1830. № 1. С. 75–90.

выпуск из типографии[718]. Публика восторженно приняла выход в свет этого исторического романа. В одном из писем друга С.Т. Аксакова, главы Таврической губернии А.И. Казначеева, есть строки о радости за Россию, «что она имеет таких авторов, чтение сочинений которых «возвышает душу»[719].

Заступив на должность стороннего цензора 22 мая 1831 г., С.Т. Аксаков оформил себе 28–дневный отпуск в Оренбургскую губернию[720]. Его отпуск был связан с желанием навестить престарелых родителей в родовом имении и вывезти из Москвы, только выздоровевшего 14–летнего сына Константина на природу[721].

В мае 1831 г. надзор цензуры за периодическими изданиями продолжал усиливаться. В неофициальном письме К.А. Ливен к С.М. Голицыну писал, что в связи с событиями в Европе происходит «сильное волнение умов», поэтому Главное управление цензуры посчитало необходимым усилить «надзор цензуры за периодическими изданиями» и поставить в обязанность Московскому цензурному комитету проявлять еще большую осмотрительность при цензуровании «повременных сочинений», в особенности «Московского телеграфа»[722]. Конечно, данные циркуляры были доведены до сведения московских цензоров и, надо сказать, С.Т. Аксаков проявил себя как исполнительный, осмотрительный и осторожный. В октябре 1831 г. он вынес на обсуждение общего присутствия Московского цензурного комитета романтическую мелодраму «Варшавский революционный сейм» Г[осподина] Сигова, которую, он не одобрил к напечатанию, потому что пьеса была политического содержания, где многие имена были заменены вымышленными, но узнать их было «нетрудно»[723]. Любопытно, что через несколько месяцев, 15 января 1832 г., в комитет была отдана на цензуру рукопись «Ночь в Варшаве». Изучив ее, С.Т. Аксаков сделал заключение, что это произведение было идентично поданному ему ранее на цензуру сочинению «Революционный сейм»,

[718] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 2164. Л. 53, 92.
[719] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 61. Л. 23–24.
[720] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 71. Л. 32.
[721] Переписка старших Аксаковых с детьми и внуками (1816–1836)… С. 141.
[722] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 71. Л. 36.
[723] Там же. Д. 72. Л. 32.

просто изменено название, поэтому, он считает, что необходимо удержать рукопись в комитете, и разрешения на печать автору не предоставлять[724].

Сергей Тимофеевич вынес на общее заседание комитета вопрос о том, что он считает нужным запросить у Главного управления цензуры уведомления о запрещаемых иностранною цензурой произведениях, чтобы цензор знал, «что именно подверглось запрещению» и следственно не мог «пропустить исключенное». 11 декабря 1831 г. С.Т. Аксаков докладывал на заседании комитета, что к озвученной выше проблеме относилось обстоятельство, которое возникло с цензурованием драмы «Наполеон» А. Дюма – она была переведена из немецкого журнала и одобрена им к печати, прежде чем пришло извещение «иностранной цензуры»; вырезанные «иностранной цензурой» страницы разнились с теми отрывками из сочинения, которые попросил исключить С.Т. Аксаков-цензор. Из-за несогласованности действий комитетов исключенные «иностранной цензурой» страницы С.Т. Аксаков по неведению посчитал «самыми невинными», и они остались «неприкосновенными»[725]. Инцидент с переведенной драмой А. Дюма «Наполеон Бонапарт» не имел, видимо, продолжения для С.Т. Аксакова как цензора. По крайней мере, никаких документов, осуждающих действия Аксакова, обнаружить не удалось. Даже дружба с издателем «Телескопа» Н.И. Надеждиным не стала причиной оправдания этого журнала на заседании комитета, где Сергей Тимофеевич выступил со словами: «Типография Г[осподина] Селивановского, без моей сверки и без дозволительной записки, выпустило значительное количество экземпляров 21 номера «Телескопа»[726]. 14 января 1832 г. в известность был поставлен московский обер-полицмейстер с просьбой о необходимости вынесения «строгого замечания» владельцу типографии «Г[осподину] Селивановскому»[727]. Известив членов Московского цензурного комитета, а комитет в свою очередь сообщил московскому обер-полицмейстеру о нарушении правил цензурного устава типографией

[724] Там же. Д. 75. Л. 4.
[725] Там же. Д. 73. Л. 13.
[726] Там же. Л. 21.
[727] Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 48 об., 49.

С.И. Селивановского, С.Т. Аксаков очередной раз проявил осторожность и снял с себя ответственность за вышедший без позволительного билета номер журнала.

В январе 1832 г. С.Т. Аксаков был цензором сочинений А.И. Полежаева: «Стихотворения А. Полежаева» и поэмы «Эрпели и Чир-Юрт. Две поэмы А. Полежаева»[728]. Как указывалось выше, в советской историографии исследователи обвиняли С.Т. Аксакова в том, что рукописи А.И. Полежаева «серьезно пострадали» от его руки как цензора[729]. В одной из книг Московского цензурного комитета для записывания поступающих рукописей сохранилась запись, что 8 января 1832 г. от губернского секретаря Лозовского поступили к цензору С.Т. Аксакову «Стихотворения А. Полежаева» объемом 81 страница. Через четыре дня, 12 января, рукопись была возвращена обратно А.П. Лозовскому. Подписался в книге Московского цензурного комитета 15 января в книге поступающих рукописей Московского цензурного комитета А.П. Лозовский следующим образом: «Получил обратно А. Лозовский». Цензурные правки этих стихотворений разбирал В.В. Баранов в статье «Судьба литературного наследства А.И. Полежаева». Цензором были исключены выражения, которые имели антикрепостническую направленность[730]. С.Т. Аксаков ответственно подходил к своим обязанностям, он старался быть осторожным цензором, понимая, что, лишившись службы, семья обретет не только материальные затруднения, но и могут возникнуть помехи с поступлением сыновей в учебные заведения. Вспомним слова князя А.А. Шаховского из письма к А.Х. Бенкендорфу о том, что служба С.Т. Аксакова позволит дать возможность «порядочное воспитание» и образование детям[731]. Действительно, в 1832 г. в Московский университет поступил Константин Сергеевич Аксаков. Университет, как и Московский цензурный комитет, находился в ведении Министерства народного просвещения. Поэтому, внося правки в более ранние сочинения А.И. Полежаева, С.Т. Аксаков исполнял свои обязанности цензора и с

[728] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 422. Л. 21 об.
[729] *Баранов В. В.* Судьба литературного наследства А.И. Полежаева. С. 61.
[730] Там же. С. 224.
[731] Письмо Шаховского А.А. Бенкендорфу А.Х. С. 515, 516.

осторожностью относился к революционным настроениям авторов в литературных произведениях, искренне не разделяя их взглядов.

Последние месяцы службы С.Т. Аксакова в Московском цензурном комитете связаны с содействием историку и издателю М.С. Рыбушкину[732] в издании литературно-художественного журнала об истории Заволжского края «Заволжский муравей» [733]. Одобрение С.Т. Аксакова на выпуск журнала состоялось тоже 14 января 1831 г.[734].

29 января 1832 г. С.Т. Аксаков-цензор вступил в разногласия с цензором Л.А. Цветаевым, который не хотел пропускать в печать перевод трагедии Вернера «Атилла»[735]. Этот инцидент достаточно подробно разбирался в дореволюционных исследованиях и в фундаментальном исследовании С.И. Машинского. Причиной спора стало мнение Л.А. Цветаева и большинства членов комитета о том, что в театральном сочинении неприлично показывать на сцене «церковные обряды». С.Т. Аксаков дважды попросил этот вопрос вынести на «благоусмотрение Главного управления цензуры», потому что, по его мнению, то, что нельзя показать на сцене, вполне можно позволить печатать[736]. Из исследования Н.В. Дризена мы узнали, что сочинение все-таки было одобрено цензурой[737]. Но для С.Т. Аксакова был важен, может быть, не столько факт перевода «Атиллы» на русский язык, а то, что переводчиком выступал человек, за которого он на протяжении многих лет беспокоился, всячески помогал. Этим переводчиком, как упоминалось выше, был А.А. Шишков, который очень часто нуждался в деньгах. Возможно, именно этот факт близкого знакомства с автором перевода и послужил причиной к отстаиванию собственного мнения, противоположного мнению комитета, что стало определенной помощью для А.А. Шишкова.

По официальным письмам А.Х. Бенкендорфа министру народного просвещения К.А. Ливену, можно сделать вывод, что особое внимание уделялось

---

[732] Рыбушкин Михаил Самсонович (1792–1849) –педагог, журналист, историк-краевед.
[733] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 89. Л. 1, 1 об.
[734] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 49.
[735] Там же. Л. 51 об., 52.
[736] Там же; Там же. Оп. 5. Д. 75. Л. 22, 22 об.
[737] *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох 1825-1881. С. 102.

журналу Н.А. Полевого «Московский телеграф». Возможно, что именно после самовольного напечатания в типографии С.И. Селивановского № 21 журнала Н.И. Надеждина «Телескоп», 7 февраля 1832 г., А.Х. Бенкендорф вновь написал письмо К.А. Ливену с требованием обратить особое внимание не только на «Телеграф», но и на «Телескоп», на исполнение цензорами своих обязанностей, которые, похоже, «не имеют нужных» для этой должности «способностей». А.Х. Бенкендорф настаивал на более внимательном «наблюдении» за периодическими изданиями в Москве[738]. Через 2 дня, 9 февраля 1832 г., К.А. Ливен довел содержание этого письма до попечителя Московского учебного округа[739]. Это требование начальника Третьего отделения прозвучало как последнее предупреждение, потому что через две недели московский цензор С.Т. Аксаков был отставлен от должности стороннего цензора с формулировкой А.Х. Бенкендорфа, озвученной им ранее: «как чиновник, вовсе не имеющий нужных для звания сего способностей»[740].

История увольнения С.Т. Аксакова из Московского цензурного комитета имеет много общего с историей увольнения из комитета С.Н. Глинки. Инциденты, связанные с пропуском «нежелательных» сочинений и статей, произошли друг за другом, можно даже сказать, практически одновременно. 8 января 1832 г. цензор С.Т. Аксаков выдал позволительный билет на публикации 52-ого номера журнала «Молва», перевода С.Е. Раича поэмы итальянского писателя Ариосто Лудовико «Неистовый Орланд», на 21 и 22 номера журнала «Телескоп», на «Дамский журнал» и роман Орлова А.А.[741] «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу», на первый номер журнала «Европеец» и балладу «Двенадцать спящих будочников»[742]. Этот день и стал роковым для его цензорской службы. 13 октября 1831 г. отставной переводчик Государственной коллегии иностранных дел

[738] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.
[739] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 75. Л. 30.
[740] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об.
[741] Орлов Александр Анфимович (1790?–1840)–писатель, автор многочисленных пародий на Ф.В. Булгарина.
[742] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 422. Л. 22.

И.В. Киреевский получил разрешение издавать журнал «Европеец»[743], а в феврале 1832 г. журнал был запрещен за статью «Девятнадцатый век»[744]. 13 февраля А.Х. Бенкендорф сообщал министру народного просвещения, что издатель Киреевский является «неблагомыслящим», ненадежным человеком[745], потому что, он, пускаясь в рассуждения о литературе, под понятием «просвещение» на самом деле имел ввиду «свободу», под «деятельностью разума» – «революцию», «искусно» автором отысканная «середина» – означала «конституцию»[746]. Затем последовало донесение К.А. Ливена попечителю Московского учебного округа, что «цензору, который пропустил первый номер журнала «Европеец» необходимо вынести «строгое замечание»[747]. Через 3 дня, 16 февраля, А.Х. Бенкендорф вновь в письме к К.А. Ливену писал, что пропущенная цензором С.Т. Аксаковым баллада «Двенадцать спящих будочников» И.В. Проташинского содержит описание деятельности московской полиции в «дерзких и неприличных» фразах, «площадным языком», поэтому «Его Величество» считает, что цензор Аксаков не имеет способностей к должности и «повелевает» его уволить[748]. 18 февраля К.А. Ливен сообщил о «Высочайшем повелении» С.М. Голицыну[749], а 22 февраля 1832 г. оно было озвучено на заседании Московского цензурного комитета, на котором С.Т. Аксаков уже не присутствовал. Но известно, что последние рукописи, рассмотренные им 22 февраля 1832 г., были журналы «Молва» № 14 и № 15, девятый номер «Дамского журнала» и «Русские прописи новейшего почерка от мещанина Чиркова»[750].

Увольнение Сергея Тимофеевича от цензорской должности состоялось 23 февраля 1832 г. и было «определено» членами комитета: С.М. Голицыным, И.А. Двигубским, Л.А. Цветаевым, И.М. Снегиревым к «немедленному исполнению» с выдачей жалования по 23 февраля и отстранением от

[743] Там же. Д. 363. Л. 1–3.
[744] Там же. Д. 406. Л. 1–2.
[745] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 55–57.
[746] Там же.; Цит. по: *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 169.
[747] ЦГА Москвы . Ф. 31. Оп. 5. Д. 75. Л. 36.
[748] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 408. Л. 1–2.
[749] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 75. Л. 41, 41 об.
[750] Там же. Д. 79. Л. 17 об.

должности[751]. Все издания, цензура которых находилась в сфере ответственности С.Т. Аксакова, были распределены между оставшимися тремя цензорами[752].

Любопытно, что за 18 дней до указанного заседания, 8 февраля, еще в присутствии С.Т. Аксакова, как цензора, рассматривалась жалоба Д.П. Тростина «об оскорблении личной чести», которую комитет «удовлетворить» не смог[753]. Дело в том, что 15 января 1832 г. Сергей Тимофеевич выдал билет на альманах «Элизиум», в который был включен отрывок из комедии П. Иовского «Магистр, или вот тебе на!»[754]. П.А. Иовский[755], в 1830 г. испрашивал разрешения у министра народного просвещения издавать в Москве литературную газету под названием «Утренний листок». В ней планировалось помещать «отечественные и иностранные известия»[756]. По документам Московского цензурного комитета можно судить, что газета так и не была издана П.А. Иовским, но в 1832 г. им был подготовлен альманах «Элизиум» объемом в 316 страниц, который включал вышеуказанное произведение «Магистр, или вот тебе на!»[757]. В комедии высмеивался молодой юноша, который «помешался на греках, да на латыни», одевшись в «священную одежду римлян», отказавшись от семейных обязанностей, не хотел терять драгоценное время «для наук»[758]. Никто бы и не заметил публикации этого отрывка, если бы 72–летний коллежский советник Д.П. Тростин[759], в прошлом служивший в Московском университете, не подал жалобу в Московский цензурный комитет. Его не устроило заключение комитета от 8 февраля 1832 г. В апреле 1832 г. на имя К.А. Ливена было написано Д.П. Тростиным донесение, в котором он жаловался на цензора Аксакова, припустившего к печати «столь оскорбительное» произведение, и просил

---

[751] Там же. Оп. 3. Д. 2166. Л. 23, 23 об.
[752] Там же.
[753] Там же. Л. 14, 15.
[754] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 422. Л. 23.
[755] Иовский Петр Алексеевич (1798–1836?) - титулярный советник, магистр нравственных и политических наук Императорского Московского университета
[756] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 242. Л. 1, 1 об.
[757] *Иовский П. А*. Элизиум. 1832.
[758] Там же. С. 225–227.
[759] Тростин Дмитрий Петрович (1760–1835) – коллежский советник, служивший в Императорском Московском университете.

подвергнуть его наказанию[760]. 27 апреля 1832 г. К.А. Ливен сообщал в комитет просьбу московского военного генерал-губернатора «строжайше» следить за сочинениями и не пропускать статей, «оскорбляющих личную честь», в противном случае, виновный цензор будет подвергнут ответственности по закону[761]. 14 апреля 1832 г. К.А. Ливен ответил московскому генерал-губернатору Д.В. Голицыну, что Аксаков «в звании уже не состоит», и Московский цензурный комитет проинформирован, чтобы «подобных случаев» не повторялось[762].

Таким образом, успешная публикация и распространение сочинения зависели не только от цензора. В процессе прочтения всех публикуемых сочинений участвовали активно император Николай I, А.Х. Бенкендорф, К.А. Ливен, С.М. Голицын, и даже в некоторых случаях и Д.В. Голицын. Вмешивались в литературные проекты Москвы зачастую совершенно посторонние лица, как Д.П. Тростин с обвинениями по поводу комедии «Магистр, вот тебе на!» или анонимный осведомитель Третьего отделения сразу после выхода в свет журнала «Европеец». Зачастую к ним прислушивались, потому что так или иначе их мнение совпадало с мнением власти.

Несколько слов хотелось бы уделить запрещению «Европейца» и вынесению строгого выговора цензору С.Т. Аксакову. Сохранился в неполном объеме в ОПИ ГИМ представленный в цензурный комитет отпечатанный номер «Европейца», который он тщательно вычитал и подчеркнул опечатки и орфографические ошибки издателя, со своей подписью и пометкой о том, что «непременно» следует его комментарии показать издателю[763]. Исследователи В.Н. Лясковский[764] и Н.А. Ашукин, а затем С.В. Березкина[765] утверждали, что закрытие журнала произошло в связи с анонимным доносом, который стал известен и А.Х. Бенкендорфу и Николаю I. Донос, по утверждению

[760] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 426. Л. 3 об.
[761] ЦГА Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Д. 2166. Л. 34, 34 об.
[762] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 426. Л. 7.
[763] ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 3. Д. 185. Л. 85, 85 об., 88 об.
[764] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. С. 36–37; *Ашукин Н. С.* Библиотека Некрасова… С. 407;
[765] *Березкина С. В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец». С. 227—248.

исследователей, составленный конкурирующим издателем Ф.В. Булгариным, практически дословно был повторен в объяснении А.Х. Бенкендорфа о причинах закрытия журнала[766]. Ф.В. Булгарин боялся не только нового печатного органа, который, забрал бы у него «доход и почет»[767], но и, как утверждает С.В. Березкина, это была «борьба двух партий»: «русской и немецкой»[768], противостояние журналистских объединений «Жуковского — Пушкина — Вяземского» и «Смирдина — Булгарина — Греча»[769]. Надо не забывать, что С.Т. Аксаков тоже симпатизировал «русской» партии. Неслучайно, князь А.А. Шаховской 27 июня 1830 г. сообщал ему, что отправил в печать эпиграммы на Ф. Булгарина, потому что уж хочется очень «насолить» ему за «его пакости»[770]. Кроме того, как указывалось выше, 8 января 1832 г., С.Т. Аксаков-цензор выписал позволительный билет не только на журнал «Европеец», но и на роман А.А. Орлова «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу». Этот нравственно-сатирический роман был пародией на произведения Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Выжигин»[771]. Запрещение «Европейца» вызвало общественный резонанс, А.В. Никитенко записал в своем дневнике о том, что на вечере у Плетнева узнал о запрещении журнала, и ему стало «тяжко», «стыдно» и «грустно»[772]. Поэт Е.А. Боратынский писал И.В. Киреевскому 14 марта 1832 г., что нет никакого сомнения о «несправедливом, тайном» доносе[773]. Важно то, что попытки доноса со стороны издателей Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча[774], направленные против деятельности мешающего им издания Н.И. Надеждина и цензора С.Т. Аксакова, были и ранее. На имя попечителя Московского учебного округа С.М. Голицына Н.И. Гречем еще в июле 1831 г. было написано письмо,

---

[766] Там же. С. 227.
[767] *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. С. 36.
[768] *Березкина С. В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец». С. 235.
[769] Там же. С. 245.
[770] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 98. Л. 1–2 об.
[771] *Березкина С. В.* А.А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830–1833 гг. С. 182.
[772] *Никитенко А. В.* Моя повесть о себе самом и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник 1804 – 1877. С. 219.
[773] *Михайлов В. Ф.* Боратынский. С. 98.
[774] Греч Николай Иванович (1787–1867)–редактор, издатель, писатель.

что в журнале «Телескоп», который издается Надеждиным и одобрен цензором Аксаковым, присутствуют «непозволительные» ругательства на его сотрудника Ф.В. Булгарина[775]. Получив информацию об этом обвинении, министр народного просвещения К.А. Ливен отстоял позицию цензора С.Т. Аксакова, и пресек жалобу ответной формулировкой, что со стороны Н.И. Греча – это «несправедливые» наговоры на членов цензурного комитета, что в журнале не печаталось ничего «предосудительного»[776]. Как мы видим, литература была тесно связана не только с «доходом и почетом» конкретных издателей, с революционными событиями, которые только прогремели во Франции и Польше, но и со сложными взаимоотношениями между литературными партиями. С.Т. Аксаков, безусловно, понимал, что рано или поздно развязка наступит. Он пытался отстоять себя, конечно, через личные связи и, конечно, через директора Пажеского корпуса, генерала-адъютанта А.А. Кавелина[777]. 6 мая 1832 г. Александр Александрович ему сообщал, что он был у А.Х. Бенкендорфа, и напомнил ему, что совсем недавно тот выражал Аксакову письменно благодарность за «благонамеренность». Кавелин укорял в письме Сергея Тимофеевича за неосторожность пропустить «такого рода» публикации; извещал его, что он отчислен по распоряжению министра и обещал, если возможно, как-то исправить ситуацию, добавляя при этом, что сам Сергей Тимофеевич вряд ли бы согласился «признать незаконное звание цензора»[778]. Скорее всего, слова А.Х. Бенкендорфа «отчислен по распоряжению министра» – это отговорка и дань вежливости к высокому положению в обществе А.А. Кавелина. Известно, благодаря сохранившимся источникам, что инициатива увольнения С.Т. Аксакова исходила от А.Х. Бенкендорфа, который даже формулировку причины увольнения использовал из своего последнего предупреждения от 7 февраля 1832 г.[779].

---

[775] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.
[776] Там же. Л. 7 об.
[777] *Кавелин П. А.* А.А. Кавелин, как воспитатель императора Александра II. С. 557.
[778] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 60. Л. 3, 3 об.
[779] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.

Уже после своего увольнения С.Т. Аксаков пытался восстановить справедливость по поводу обвинений бывшего служащего Московского университета Д.П. Тростина. Возможно, что он действительно не знал о том, что П.А. Иовский под вымышленными персонажами имел ввиду реальные события и людей. С.Т. Аксакова понять можно. Откуда он, мог знать нюансы семейной жизни одного из десятков преподавателей Московского университета? 20 мая 1832 г., уже спустя 3 месяца после своего увольнения, он написал объяснительную записку военному генерал-губернатору Москвы Д.В. Голицыну, в которой выразил свою позицию по происшедшему инциденту, достаточно эмоционально, с чувством собственной правоты. С.Т. Аксаков называл обвинения Тростина «незаслуженным приговором», обосновывая свои слова тем, что во многих произведениях содержатся вымышленные и произвольные фамилии, которые цензор не может знать, тем более «домашние обстоятельства» этих литературных персонажей[780]. Сам оригинал письма-обвинения Д.В. Голицына к С.Т. Аксакову, к сожалению, в архивах не сохранился, но К.А. Ливен, как мы указывали ранее, «закрыл» вопрос с обвинением Д.П. Тростина, в связи с отставкой цензора, предупредив других цензоров о более внимательном отношении к сочинениям такого рода[781]. Частичное оправдание С.Т. Аксакова состоялось спустя 7 лет, когда 23 июня 1839 г. из Министерства юстиции в Главное управление цензуры пришел запрос о том, препятствуют ли причины увольнения цензора «по смыслу изъясненного закона, препятствием к назначению ему пенсии». В ответ Главное управление цензуры выдало справку, в которой было указано, что данное обстоятельство не влияет на получение свидетельство о беспорочной службе[782]. Необходимо объяснить, что свидетельство о беспорочной службе – это основание к получению пенсии. Так как С.Т. Аксакову была засчитана служба в Московском цензурном комитете, и он получил свидетельство

[780] Цит. по: *Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор. С. 92; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л.1, 1 об.
[781] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 426. Л. 7.
[782] Там же. Д. 1218. Л. 10–11.

о двадцатилетней беспорочной службе[783], в чине коллежского советника он приобретал право получать 1/3 жалования [по чину. – *В.Д.*][784]. С.Т. Аксаков получил право на пенсию 27 сентября 1839 г.[785].

После своей отставки Сергей Тимофеевич встретился со своим будущим вышестоящим начальством: с министром юстиции Д.В. Дашковым и И.У. Пейкером, который с 1832 г. служил сенатором межевого департамента[786]. В архивах сохранился черновик, написанный С.Т. Аксаковым после беседы с министром. Выдержки из этой беседы были частично цитированы выше, когда были даны характеристики особенностей цензурных уставов 1826 и 1828 гг. и должности стороннего цензора в Московском цензурном комитете. Но интерес представляют сведения о том, что С.Т. Аксаков, высказывая свои соображения о сложностях цензурной работы после 1828 г., упомянул, что он «позволил себе восставать» против вмешательства министерских, частных, секретных предписаний, которые были совершенно противоположными «по свободному духу» устава 1828 г. Скорее всего, С.Т. Аксаков имел ввиду письмо к московскому обер-полицмейстеру, о котором упоминал С.И. Машинский[787]. По словам С.Т. Аксакова, результатом стало то, что ответа он не получил и только по поправкам некоторых предписаний было ясно, что его просьба частично была уважена, однако, несмотря на это два цензора были отставлены от своей деятельности, остальные получают постоянно выговоры, а «издатели плачут». Он не преукрашивал действительность в беседе с Д.В. Дашковым, потому что, как уже упоминалось выше, после его отставки через непродолжительное время, произошла отставка цензора И.А. Двигубского. Ответ Д.В. Дашкова был следующим: «И вот вам образчик, как исполняется воля Государя <...> Я очень буду рад познакомиться с вами покороче и употребить на пользу по вверенному

[783] НИОР РГБ. Ф. 3 Оп. 15. Д. 13. Л. 13.
[784] *Тютюнов Н. В.* История формирования отечественной системы пенсионного обеспечения военнослужащих. С. 92.
[785] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1218. Л. 16 об.
[786] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 54.
[787] *Машинский С. И.* Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова. С. 241, 242.

мне министерству отличные ваши дарования и качества, о которых я так много наслышан». С.Т. Аксаков тоже уверил министра: «За добрую волю мою я ручаюсь, В[аше] П[ревосходительство]. Желаю только, чтоб мои способности отвечали моему усердию, потому что служить под вашим начальством я не для фразы считаю за особенное счастье. Я с своей стороны сделал, что мог, пожертвовавши собою, исполняя свою должность по духу Устава, а по моему правилу не возбуждал капризный ропот против правительства». «Несчастным обстоятельством» назвал Д.В. Дашков инцидент, ставший причиной увольнения С.Т. Аксакова из Московского цензурного комитета. Но Сергей Тимофеевич ответил, извиняясь за свою смелость, что он не считает этот случай несчастьем, потому что он показал ему его «душевную энергию» и общественное мнение, и именно поэтому Аксаков осмеливается искать должность под начальством министра юстиции. В заключение беседы Д.В. Дашков задал ему вопрос и попросил ответить ему «откровенно», «щекотливая» ли и «опасная» ли должность цензора? С.Т. Аксаков согласился с его предположением[788].

Таким образом, служба С.Т. Аксакова сторонним цензором была непродолжительной – всего 1 год и 9 месяцев. Но за это время в руках С.Т. Аксакова как цензора были сосредоточены одни из самых важных периодических изданий Москвы: газета «Молва», журналы «Телескоп», «Галатея», «Атеней», «Русский зритель», отдельные произведения и переводные статьи. С момента поступления на должность стороннего цензора, служебное положение С.Т. Аксакова усложнилось в связи с ужесточением цензурной политики, направленной на изоляцию общества от революционных настроений во Франции и Польше. Не только над ним «висел Домоклов меч», но и над остальными цензорами. Еще в 1825 г. вышло высочайшее повеление о том, что стороннего цензора профессора Императорского Московского университета И.М. Снегирева за пропуск нежелательной статьи «при первой подобной оплошности», отдать под суд[789]. И И.М. Снегирев был уволен, но в 1855 г. за

[788] *Павлов Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор. С. 94, 95; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2 об.
[789] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1218. Л. 14 об.

пропуск статьи «Московских ведомостей», в которой шла речь о Н.И. Новикове[790]. Что касается цензора профессора И.А. Двигубского, то он тоже был уволен из Московского цензурного комитета через восемь месяцев после отставки С.Т. Аксакова, в октябре 1833 г., как уже упоминалось выше, за пропуск рецензии К. Полевого на перевод книги В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» в журнале «Московский телеграф»[791]. Именно поэтому еще в 1831 г. С.Т. Аксаков занялся поиском нового места службы[792].

Если судить по отчету процензурованных рукописей с 1 января 1832 г. по 1 февраля 1832 г., С.Т. Аксаков просмотрел в общей сложности 48 картин и рукописей, когда остальные цензоры Л.А. Цветаев, И.А. Двигубский, И.М. Снегирев все вместе процензуровали только 43 картины и рукописи[793]. Даже в феврале 1832 г., его объем просмотренных рукописей по сравнению с другими цензорами составлял 52% от общего объема процензурованных сочинений[794]. Остальные 48% приходились на остальных трех цензоров. Таким образом, основная рабочая нагрузка в Московском цензурном комитете приходилась именно на стороннего цензора С.Т. Аксакова. С 1831 г. занимаясь поиском нового места службы, морально готовясь к возможным инцидентам по цензурованию сочинений, можно предположить, что для Сергея Тимофеевича отставка 1832 г. не стала неожиданностью. Поэтому в ответ на письмо А.А. Кавелина, с сожалением об отставке С.Т. Аксакова и предположением, что такое отстранение от должности – «пятно» на служебной репутации, хотя, по его словам, Сергей Тимофеевич «искусно притворяется», Аксаков сочинил стихотворение, строки из которого охарактеризовали его жизненные устои:

«…Спокоен я в душе моей,

К тому не надобно искусства;

Довольно внутреннего чувства,

---

[790] *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры Российской империи (конец XVIII – начало XX века). С. 330.
[791] Там же. Л. 158.
[792] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 60 Л. 5 об.
[793] РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 99. Л. 29 об.–44.
[794] Там же. Л. 103–106.

Сознанья совести моей.

Моих поступков правоты

Не запятнает власть земная,

И честь моя Хоругвь святая,

Сияет блеском чистоты!...»[795]

Это стихотворение С.Т. Аксаков отправил в Зимний дворец, потому что А.А. Кавелин в то время был генерал-адъютантом Его Императорского Величества. Как сообщал впоследствии Сергей Тимофеевич в 1840-е гг.: этот поступок для него и семьи не имел последствий[796].

Деятельность на цензорском поприще стала одной из ярких страниц биографии С.Т. Аксакова, где нашли отражение литературная жизнь Российской империи конца 1820-х – начала 1830-х гг., особенности внутренней политики эпохи Николая I. С.Т. Аксаков-цензор руководствовался исполнением своих должностных обязанностей добросовестно. Тщательно и скрупулезно изучая поданные в Московский цензурный комитет рукописи, он стремился толковать сочинения только в хорошую сторону; мастерство писателя, добрые нравы и благопристойность высоко ценил он в сочинениях. Несмотря на то, что в начале своей службы в цензурном комитете, в 1827 г., С.Т. Аксаков признавался А.С. Шишкову в неопытности и просил его снисхождения при прочтении годовых отчетов, Сергей Тимофеевич в свои 36 лет был компетентен в вопросе авторского права, имел авторитет у издателей, которые зачастую спрашивали у него совета. Именно от цензора во многом зависел успех того или иного сочинения, но для С.Т. Аксакова чуждо было чувство высокомерия, формализма. Он стремился, чтобы издатели были довольны оперативностью и слаженной работой комитета. Имея склонность к литературе, эта должность помогала расширить ему литературные интересы и знакомства, быть полезным обществу, своим друзьям, он называл ее «сугубо-священнейшею» для себя обязанностью[797]. Действительно,

[795] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 3. Л. 9, 9 об.
[796] Цит. по: *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 174.
[797] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6091. Л. 164–165 об.

в этот период значительно расширился его литературный круг знакомств: переводчик и поэт С.Е. Раич, историк и издатель М.П. Погодин, писатели И.Е. Великопольский и Г.Ф. Квитка-Основьяненко, историки-слависты Ю.В. Венелин и А. Кухарский и многие другие. Бережно относился С.Т. Аксаков к «благорасположению» своего высокого покровителя – государственного деятеля А.С. Шишкова. Общественное признание, усердие, честность и достоинство как качества личности С.Т. Аксакова ценили не только министры народного просвещения А.С. Шишков и К.А. Ливен, но и министр юстиции Д.В. Дашков, которому впоследствии будет подчиняться Сергей Тимофеевич, служа в Межевом ведомстве. Большая часть работ по просмотру изданий лежала на плечах Сергея Тимофеевича, может, именно поэтому, ценя его усердие, еще А.С. Шишков и К.А. Ливен установили ему самый высокий денежный оклад среди цензоров в комитете. В период пребывания на должности исправляющего председателя Московского цензурного комитета, С.Т. Аксаков проявил свою способность управлять и решать сложные рабочие ситуации, что пригодилось ему впоследствии на службе в Межевом ведомстве. Будучи на должности стороннего цензора, он стремился улучшить работу комитета, выдвинув инициативу создания архива процензурованных рукописей, которые бы хранились в комитете или в самих типографиях. Как свидетельствуют документы, этому, инициированному С.Т. Аксаковым правилу, начали подчиняться сотрудничающие с комитетом типографии.

Содержание цензурного устава 1828 г. расходилось с действительной картиной цензурной деятельности. Начиная с 1830 г., в связи с революционными событиями во Франции и Польше, в Московский цензурный комитет поступали ограничивающие свободу цензоров циркуляры. Не боясь отстаивать свою точку зрения, С.Т. Аксаков высказывался о необходимости извещения со стороны Главного управления цензуры всех цензоров о запрещаемых иностранною цензурою книгах. Аккуратный в просмотре рукописей, требовательный к издателям, С.Т. Аксаков вынужден был быть осторожным, осмотрительным,

лишний раз не подвергать себя риску потерять место службы, которое обеспечивало достаток его семейства. Вкладом в развитие русской литературы в Москве со стороны С.Т. Аксакова можно назвать смелость и настойчивость, с которой он способствовал опубликованию переводов А.А. Шишкова, сочинений М.П. Погодина и И.В. Киреевского. Но быть честным и при этом угодным всем, практически невозможно. Поэтому столкновения с «партией» Ф.В. Булгарина – Н.И. Греча – Н.А. Полевого стали одной из причин его отставки от должности цензора. В процессе исследования было выявлено, как формулировки из доносов в Третье отделение копировались в циркуляры, исходившие от А.Х. Бенкендорфа. «Это отставка была моим торжеством, и общественное мнение щедро меня за нее наградило»[798], – признавался в 1840–е гг. в одном из семейных альбомов С.Т. Аксаков. Несмотря на нелестную формулировку при отставке, спустя девять лет, в 1841 г., ему было выдано свидетельство о двадцатилетней беспорочной службе со знаком отличия и правом его ношения на Владимирской ленте[799]. В положительной характеристике, отправленной Московским цензурным комитетом в Межевой корпус, было указано: «во все продолжение службы своей по комитету должность исправлял с усердием, поведения был похвального»[800]. Формулировка, с которой он был уволен из комитета, согласно параграфу №67 Устава о цензуре, утвержденного 22 апреля 1828 г. [801], на получение свидетельства о беспорочной службе не оказала влияния[802].

Однако в 1853 г., ходатайствуя перед Московским цензурным комитетом и Главным управлением цензуры об издании «Охотничьего сборника», «в котором могли бы помещаться описания всех родов охот, столь разнообразных по обширности Российского государства», в Третьем отделении припомнили С.Т. Аксакову инциденты из его цензорской деятельности: написанный им фельетон «Рекомендация министра» и пропуск «Двенадцати спящих

[798] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 174.
[799] НИОР РГБ. Ф. 3 Оп. 15. Д. 13. Л. 13.
[800] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 1743. Л. 7.
[801] ПСЗ–II. Т. 3: 1828. № 1979, 22 апреля 1828.
[802] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 1743. Л. 7.

будочников». Не разрешив издавать «Охотничий сборник», Третье отделение 12 сентября 1853 г. сообщило министру народного просвещения А.С. Норову[803], что сомневается в «благонамеренности» ее издателя, и потому не считает нужным «дозволить» ему издавать журнал. Главное управление цензуры ввиду поступившей из Третьего отделения характеристики на С.Т. Аксакова, в результате посчитало «неудобным дозволить ему издание «Охотничьего сборника»[804]. Два года спустя, в 1855 г., все-таки был издан Сергеем Тимофеевичем не периодический сборник, а книга «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» с прибавлением статьи «О соловьях» И.С. Тургенева[805]. Итак, несмотря на непростую отставку от должности цензора и нелестную характеристику Третьего отделения, спустя 23 года, общественное признание и благодарность читателей обернулись для Сергея Тимофеевича наградой и торжеством. Образ справедливого цензора, представленный А.С. Пушкиным в поэзии, во многом имеет общие черты с характеристикой С.Т. Аксакова-цензора:

«Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов,
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.

[803] Норов Авраам Сергеевич (1795–1869)–министр народного просвещения (1853–1858).
[804] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 345.
[805] Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883)–писатель, дружил с С.Т. Аксаковым; *Аксаков С. Т.* Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах с прибавлением статьи «О соловьях» И.С. Тургенева. М., 1855.

Он друг писателю, пред знатью не труслив,

Благоразумен, тверд, свободен, справедлив»[806].

Как и в образе справедливого цензора из стихотворения А.С. Пушкина, С.Т. Аксаков в своей деятельности в Московском цензурном комитете стремился облегчить издателям, писателям, поэтам процесс прохождения достойных сочинений через Московский цензурный комитет. В двух семейных альбомах Аксаковых он посвятил молодому поколению свое стихотворение «Стансы» – как завещание и свидетельство высоких нравственных принципов, которыми он руководствовался в непростой для него период службы. Внутреннее сознание собственной правоты и чистой совести, позволили увидеть С.Т. Аксакову в отставке от должности цензора – его торжество[807], позволили ему впоследствии искренне сказать и написать, что он со своей стороны сделал все, что мог, пожертвовав собой и исполняя свои обязанности «по духу Устава»[808].

4.7. Инспектор Константиновского землемерного училища (19 октября 1833–27 мая 1835 гг.)

В 1765 г. был издан указ Екатерины II о начале Генерального межевания[809], и стала очевидной нехватка землемеров[810]. Это обстоятельство послужило основанием учреждения в мае 1779 г. в Москве Землемерной школы. Открытие учебного заведения происходило в период торжественных мероприятий по случаю рождения великого князя Константина Павловича, поэтому школа стала именоваться в его честь Константиновской. В 1819 г. был принят ее устав.

В административном отношении училище находилось в подчинении у Межевой канцелярии, распорядительная власть относилась к компетенции ее главного директора. Надо пояснить, что канцелярия и межевые конторы в то время представляли единую систему – Межевое ведомство, которое в дальнейшем

---

[806] Пушкин А.С. Послание цензору // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1959. С. 196.
[807] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 174.
[808] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
[809] ПСЗ – I. Т. 17: 1765–1766. № 12474, 19 сентября 1765 г.
[810] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 24.

получило название Межевого корпуса. Официальное оформление должности главного директора Межевого корпуса состоялось 28 июня 1836 г., когда училище было уже преобразовано в Константиновский межевой институт. Руководить Межевым корпусом был назначен сенатор и тайный советник И.У. Пейкер, который одновременно являлся попечителем института. Константиновский межевой институт находился также в ведении министра юстиции. Министром юстиции с 1832 по 1839 гг. был Д.В. Дашков.

Управлял Константиновским землемерным училищем его инспектор. На эту должность 19 октября 1833 г. был определен титулярный советник С.Т. Аксаков[811].

О деятельности С.Т. Аксакова-инспектора сохранилось крайне мало документальных свидетельств. В официальной документации учебного заведения не удалось обнаружить оригинал прошения С.Т. Аксакова о вступлении на службу инспектором, но сохранилось отношение И.У. Пейкера Д.В. Дашкову, в котором он извещал министра юстиции, что получил прошение от «находящегося не у дел», титулярного советника Аксакова об определении его на должность инспектора училища и всецело поддерживает его кандидатуру[812]. В ответ Правительствующий Сенат во главе с министром юстиции, который был также генерал-прокурором Правительствующего Сената, Д.В. Дашковым, вынес «положительное мнение» по определению С.Т. Аксакова инспектором Константиновского землемерного училища.

Если проанализировать мнение Государственного Совета «О новом устройстве Межевого корпуса» от 10 декабря 1819 г., можно определить, в чем состояли функции в учебном заведении С.Т. Аксакова–инспектора: он занимался распределением времени для классных занятий, составлял ежегодные классные табели, наблюдал за порядком и успехами учеников. В училище принимались дети обер-офицеров, канцелярских служащих «и других, изъятых от подушного платежа состояний». Преимущественное право поступления в учебное заведение

[811]Там же. С. 40.
[812] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 14. Л.1.

принадлежало детям чиновников, родители которых служили в Межевом ведомстве. Штат училища насчитывал 200 учеников. Кроме того, в учебное заведение принимали воспитанников сверх штата, которые состояли на собственном обеспечении. На вступительных экзаменах инспектор определял уровень поступающего, в какой именно класс необходимо определить ученика, ориентируясь на его способности и знания. Если в продолжение трех лет выяснялось, что воспитанник не имел способностей к обучению, инспектор вправе был поставить вопрос о его исключении из учебного заведения. Существовала возможность досрочного окончания училища, если этому способствовали способности, имеющиеся знания ученика. Самые талантливые воспитанники могли распределиться после окончания землемерного училища, по представлению инспектора, в Межевую канцелярию или межевые конторы на должности канцелярских служителей, канцеляристов[813].

Обязанности С.Т. Аксакова–инспектора училища заключались в решении организационных и воспитательно-нравственных вопросах обучения. Решение о принятии в учебное заведение или исключении из училища учеников инспектор принимал не один. Он писал рапорт-прошение по этому вопросу на утверждение главному директору Межевой канцелярии И.У. Пейкеру. В фондах ЦГА города Москвы хранятся ответы Межевой канцелярии на имя С.Т. Аксакова за 1834 г. Эти документы позволили уяснить, что, кроме 200 воспитанников, которые обучались в училище, в 1834 г. были приняты еще 12 сверх штата. Исключены из списков учеников по состоянию здоровья и неспособности к обучению 23 человека; один воспитанник умер. Переведены в чертежные Межевой канцелярии 18 человек, которым присваивалось звание землемерных помощников. Немаловажно, что перевод в штат Межевой канцелярии воспитанников мог осуществиться только, если после окончания учебного курса был сдан успешно публичный экзамен. Если курс наук был не окончен учеником, Межевая канцелярия, как правило, отказывала в переводе. В архивных документах сохранились семь отказов за 1834 г. Сверх штата в течение года были

[813] ПСЗ–I. Т. 36: 1819. № 28024, 10 декабря 1819 г.

приняты семь человек на обучение, и только один из них был переведен из числа внештатных в число штатных воспитанников[814].

Проанализировав сохранившиеся в архиве документы за 1834 г., можно подсчитать, что общая численность воспитанников составляла примерно 195 человек. Большинство жили у родственников или на съемных квартирах, пребывая зачастую «в совершенной нищете». Значительное количество учеников оставались на несколько лет в одном и том же классе, отставая от остальных по успеваемости. Такое «затруднительное положение» учебное заведение имело вплоть до 1836 г. – до того момента, пока оно не получило статус закрытого учебного заведения. Но, по словам предшественника И.У. Пейкера тайного советника Б.А. Гермеса, несмотря на указанные сложности организации процесса обучения землемерному делу, учебное заведение приносило «большую пользу», потому что в течение восьми лет 136 человек из выпускников училища продолжили службу в Межевом ведомстве[815].

Выпускником Константиновского землемерного училища был Александр Максютин, который стал впоследствии известным российским каллиграфом. В 1834 г. он, в качестве благодарности к учебному заведению, где он обучался, А. Максютин подарил 300 прописей, которые были придуманы им на русском и французских языках. Он также выразил готовность взять под свое управление без денежного вознаграждения занятия по чистописанию с учениками[816]. Помощь известного каллиграфа была высоко оценена директором Межевого корпуса И.У. Пейкером в письме к инспектору училища С.Т. Аксакову[817].

Кроме предмета «чистописание», в училище, которое подразделялось на 4 класса, преподавались предметы:

– в первом классе («приготовительный») – российская грамматика, правописание, чистописание, начальные основания арифметики, рисования и закон Божий.

---

[814] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп.1. Д. 1. Л. 4–136.
[815] Там же. С. 47.
[816] Ф. 1295. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 1 об.
[817] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп.1. Д. 1. Л. 53, 53 об.

– во втором классе (высший арифметический) – «закон Божий, арифметика вообще, российская словесность, рисование, чистописание, французский и немецкий языки»

– в третьем классе (геометрический) – закон Божий, геометрия, российская словесность, рисование, история, география, французский и немецкий языки.

– в пятом классе (тригонометрический) – закон Божий, тригонометрия, ситуация, российская словесность, история, география, рисование, гражданская архитектура, межевые законы, французский и немецкий языки[818].

Объединяя данные нескольких документов, удалось представить преподавательский состав Константиновского землемерного училища с 1833 по 1835 гг. в Приложении 7[819]. Приведенный список из 24 преподавателей составлен путем анализа 20 архивных дел – указов Межевой канцелярии, официальной переписки И.У. Пейкера, С.Т. Аксакова и Д.В. Дашкова.

Интерес представляет история определения учителем межевых законов и делопроизводства титулярного советника Милюкова. Подробности его службы в Землемерном училище мы узнаем из прошения инспектора С.Т. Аксакова. Дело в том, что, Сергей Тимофеевич зачастую лично присутствовал на лекциях и уроках, проверяя качество преподавания того или иного предмета воспитанникам училища. Так, 23 февраля 1834 г. он сообщал И.У. Пейкеру о том, что «успех» преподавания межевых законов учителем Маевским «не соответствовал ожиданиям»[820]. Сергей Тимофеевич писал в этом прошении, что для привлечения человека, «достойного занять сие место», он обращался в Межевую Канцелярию, которая могла бы предложить способного землемера на эту должность, но такого чиновника не оказалось. Поэтому он вынужден был обратиться к прежнему учителю межевых законов и правителю канцелярии бывшего главного директора, титулярному советнику Милюкову»[821]. С.Т. Аксаков ходатайствовал за

[818] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.43.
[819] Приложение 7. С. 302–307.
[820] Там же. Д. 47. Л. 1.
[821] Там же. Л. 1, 1 об.

Милюкова, несмотря на то, что тот «находился под следствием». В чем заключалось суть заведенного на Милюкова дела выяснить пока, к сожалению, не удалось. Известно только, что до ноября 1825 г. титулярный советник Степан Милюков исполнял должность инспектора Константиновского училища, преподавал межевые законы с 27 июля 1827 г. по 3 августа 1833 г.[822]. Впоследствии С.Т. Аксаков аттестовал Милюкова как «хорошего учителя» со знанием дела и «способностью учить». «…Мой строгий надзор за его лекциями не допустит ничего такого, что могло бы иметь вредные последствия», – писал Сергей Тимофеевич об учителе Милюкове И.У. Пейкеру[823]. 7 июня 1834 г. от Министра юстиции Д.В. Дашкова было получено разрешение о повторном определении в Константиновское землемерное училище Милюкова для преподавания межевых законов и делопроизводства[824]. На протяжении последующих 17 лет титулярный советник Степан Милюков успешно преподавал в Константиновском межевом институте и неоднократно получал благодарности от попечителя учебного заведения[825].

Важно отметить, что многие учителя Константиновского землемерного училища совмещали преподавательскую деятельность со службой в подразделениях Межевой канцелярии. Так, например, старшие землемеры Чудаковский, титулярный советник Ешевский и надворный советник Ямпольский изначально исправляли свои должности в Чертежной Межевой канцелярии, занимаясь составлением атласов, и только с 8 января 1834 г., не оставляя своих прежних обязанностей, приступили к преподаванию в Константиновском землемерном училище[826]. Учитель Маевский также служил и в училище и в секретариате Межевой канцелярии и 25 марта 1834 г. уволился по собственному прошению[827]. Увольнение учителей в основном происходило по инициативе

[822] РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 333 об.–346 об.
[823] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
[824] Там же. Л. 6.
[825] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 99; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 8682. Л. 8–9.
[826] Там же. Д. 38. Л. 1.
[827] Там же. Д. 47. Л. 1.

самого инспектора училища С.Т. Аксакова: так учителя рисования старшего землемера Чудаковского освободили от должности «по малому успеху учеников»[828]. По той же причине уволены учителя Николай Синявский[829] и Маевский[830]. «Текучка» учителей в училище с 1832 по 1835 гг. наблюдалась, в основном, по особо важным предметам, такие как российская словесность, межевые законы и рисование.

Помощником у С.Т. Аксакова-инспектора был Александр Гинкуль, который с 2 декабря 1832 г. временно исправлял должность инспектора, а с 18 ноября 1833 г. – он помощник С.Т. Аксакова «для вспомоществования тому инспектору и соблюдения тишины и порядка благоустройства в Училище», а с 1835 г. он исполнял обязанности надзирателя[831].

Благодаря С.Т. Аксакову, в апреле 1834 г. некоторые учителя «за усердное» отношение к своим обязанностям были награждены денежной выплатой в размере половины их жалования[832]. 25 августа 1834 г. И.У. Пейкер ходатайствовал перед министром юстиции Д.В. Дашковым о поощрении С.Т. Аксакова за его «усердные труды» в поиске достойных учителей чином коллежского асессора, а также за его «примерное управление», быстрые и удовлетворительные успехи учеников по обучаемым предметам, нравственности и хорошем поведении[833].

Награждали учителей «за усердную службу» и успехи учеников при С.Т. Аксакове-инспекторе ежегодно. Об этом свидетельствуют архивные документы РГИА не только за 1834, но и 1835 гг. В прошении от 25 марта 1835 г. на имя министра юстиции И.У. Пейкер указал необходимость выдачи денежных наград по представлению инспектора двум преподавателям: Ярцову в размере 400 рублей и Костыреву в размере 500 рублей[834].

---

[828] Там же. Д. 66. Л. 1.
[829] Там же. Д. 133. Л. 1.
[830] Там же. Д. 47. Л. 1.
[831] РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 375 об.–381 об.; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.
[832] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 64. Л.1.
[833] Там же. Д. 704. Л. 3, 3 об.; РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. Л. 66–67 об.
[834] РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. Л. 68, 68 об.

Для С.Т. Аксакова награждение новым чином состоялось только 18 июля 1836 г., спустя два года после первого ходатайства И.У. Пейкера перед Д.В. Дашковым. Чтобы объяснить этот значительный промежуток времени, необходимо проанализировать формулярный список С.Т. Аксакова.

Первый чин коллежского асессора С.Т. Аксаков получил в 1819 г. Но спустя 9 лет, в 1828 г., он был переименован обратно – в титулярные советники, причиной стал указ императора Сенату от 6 августа 1809 г.[835], согласно которому чин коллежского асессора присваивался только тем лицам с соответствующей выслугой лет, у которых было высшее образование или выдержанный специальный экзамен[836]. Как упоминалось выше, С.Т. Аксаков не окончил Казанского университета и полного высшего образования так и не получил[837]. Впоследствии значительная выслуга лет Сергея Тимофеевича в чине титулярного советника, его усердная служба и вклад в развитие учебного заведения, личное участие И.У. Пейкера позволили ему 18 июля 1836 г. подняться в чине на одну ступень выше в Табели о рангах. Почему этого не произошло в 1834 г.? Можно сделать предположением, что представление к новому чину задержалось из-за внутренних преобразований учебного заведения и затянувшейся бюрократической процедуры, когда решение зависело от Правительствующего Сената. Вся процедура присвоения растянулась вплоть до 11 июля 1838 г. Этой датой зарегистрирован рапорт «второго члена Межевой канцелярии Максимова» И.У. Пейкеру об отчислении из денежного жалования С.Т. Аксакова пошлины «за награждение чином», в размере 6% от его годового жалования – это составляло 226 рублей 51 копейку[838]. Получается, что 17 лет длился процесс награждения С.Т. Аксакова чина коллежского асессора.

Важную роль в обучении воспитанников Землемерного училища играла полевая практика. Желая повысить эффективность ее проведения, С.Т. Аксаков в мае 1834 г. на совещании с прапорщиком Корпуса топографов Костыревым,

---

[835] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 704. Л.5 об., 6 об.
[836] *Шепелёв Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. С. 158–162.
[837] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 704. Л.6 об., 7; ПСЗ–I. Т. 30: 1808–1809. № 23771, 6 августа 1809 г.
[838] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 704. Л. 26.

учителем математики Ешевским и учителем географии Рудневым решили запросить разрешение у Межевой канцелярии о покупке по каталогу военно-топографического депо различных инструментов, карт, описаний, которые были необходимы преподавателям для ведения занятий по географии и практической геодезии. Очень быстро И.У. Пейкер распорядился об исполнении просьбы учителей и инспектора училища: через два дня было выделено 1030 рублей ассигнациями для покупки пособий и геодезических инструментов[839]. Этот случай наглядно показал об общем стремлении учителей, С.Т. Аксакова и И.У. Пейкера готовить опытных землемеров.

В июне 1834 г. инспектор училища запросил разрешения у И.У. Пейкера внести коррективы в сроки и правила организации летних практических упражнений в Землемерном училище. Практика межевания в предыдущие годы для учеников сводилась к тому, что они, никуда не уезжая из Москвы, ежедневно собирались в ее окрестностях и занимались топографической съемкой местности. По доводам С.Т. Аксакова такие методы практических упражнений были малоэффективными: очень много времени тратилось на сборы учеников, ненужную «ходьбу», а результаты практики воспитанников были неудовлетворительными. Опираясь на поддержку учителя математики Ешевского и учителя черчения Костырева, С.Т. Аксаков инициировал увеличение срока проведения летней практики с 30 до 45 суток. Выезжало на практику 30 лучших воспитанников из третьего и четвертого класса. Из специально разработанной инструкции стало известно, что ученики при обучении топографической съемке использовали колья, астролябии, мензулы, бусоли, все свои собственные наблюдения фиксировали на бумаге, потом отдавали на проверку учителям. По инструкции для снятия квартир в окрестностях Москвы на время летней практики, для организации питания учеников в помощь Ешевскому были прикомандированы один унтер-офицер и 8 рядовых из военно-рабочей роты, которые состояли при Межевой канцелярии. Были предварительно рассчитаны затраты на питание ученикам: «на стол» каждому ученику ежедневно выделялось

[839] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 41. Л. 1, 2, 2 об., 3.

по 50 копеек, всего 1000 рублей ассигнациями. Но Ешевский потратил сверх тех денег, которые ему выдали еще 66 рублей 50 копеек и 19 декабря 1834 г. Межевая канцелярия распорядилась вычесть эту дополнительно израсходованную им сумму из его жалования[840].

В сентябре 1834 г. в училище началась масштабная подготовка предстоящему преобразованию учебного заведения. И.У. Пейкер отдал распоряжение С.Т Аксакову, чтобы прием штатных учеников был приостановлен, и только в качестве исключения могли принять тех учеников, которые выдержали экзамен сразу в третий класс – геометрический[841].

Начальный период службы С.Т. Аксакова в училище – это, в первую очередь, подготовительный этап к преобразованию учебного заведения в Межевой институт. И.У. Пейкер и Д.В. Дашков, рассчитывая на потенциальные возможности С.Т. Аксакова-инспектора, стремились устройство учебного заведения поставить на ступень выше, преобразовав его в институт. Если к моменту поступления С.Т. Аксакова-инспектора на службу, по словам И.У. Пейкера, училище пребывало «в совершенном расстройстве»[842], то к 1835 г. были налажены С.Т. Аксаковым не только процесс обучения, но и полная комплектация состава преподавателей, надзирателей. Можно предположить, что, представляя С.Т. Аксакова к чину коллежского асессора, И.У. Пейкер стремился морально вознаградить инспектора за его «примерное управление» перед началом сложного этапа преобразований, которые потребовали бы от него больших сил, большего труда, и проявления его педагогических способностей. Перед И.У. Пейкером и С.Т. Аксаковым стояла определенная задача – наладить образование землемеров, сделать из них «лучших» специалистов, а для этого необходимо было осуществить преобразование Землемерного училища в Константиновский межевой институт[843].

---

[840] Там же. Д. 85. Л. 1–7.
[841] Там же. Д. 67. Л. 1–2.
[842] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 48.
[843] Там же.

4.8 Роль С.Т. Аксакова в преобразовании Константиновского землемерного училища в Константиновский межевой институт

Все исследователи, изучающие процесс преобразования училища в Межевой институт едины в том мнении, что основной труд, связанный с организационными вопросами реформирования лег на плечи С.Т. Аксакова-инспектора. Важную роль сыграло участие главного директора Межевого корпуса И.У. Пейкера, который одобрял все основные предложения Сергея Тимофеевича и максимально способствовал их реализации.

Надо отметить, что преобразовательные реформы в рамках развития университетского образования в первой четверти XIX в. были во многих учебных заведениях: в Высшем техническом училище, Горном кадетском корпусе. Эти преобразования стали необходимостью в связи с развитием промышленности и торговли, строительством дорог, каналов и т.д.[844].

Как уже упоминалось выше, необходимость проведения коренных реформ в училище возникла еще в 1820–х гг., когда Землемерное училище столкнулось с рядом сложных проблем, о которых писал еще Б.А. Гермес[845].

В первую очередь, это разросшийся штат воспитанников: часть из них поступала в училище, чтобы иметь «только способ к содержанию своему», а затем при первой возможности стремились определиться «в присутственные места», если жалованье там было «более получаемого от училища»; другая часть учеников, несмотря на значительные затраты училища на их обучение, редко посещали занятия, а затем и вовсе их оставляли; третьи – жили «по бедности в отдаленных местах» Москвы и не могли иметь достаточных успехов в учении, так как были вынуждены тратить на дорогу много времени; четвертые –

---

[844] *Емченко Е. Б.* Константиновский межевой институт и система образования в России конца XVIII – первой половины XIX вв. // *Соломатин В. А., Комарова Н. Ф., Емченко Е. Б., Иванова Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт. С.92, 102.

[845] Гермес Богдан Андреевич (1758 (1759)–1839) – сенатор, действительный тайный советник. С 1823 г. – главный директор Межевой канцелярии.

бесконтрольно «получая жалованье, употребляли оное не только без пользы, но и во вред себе»[846].

Согласно данным из архивных материалов за 1834 г., количество учеников составляло примерно 195 человек. Разросшийся штат учеников, в связи с этим возникшая потребность в большем количестве учителей, а также ограниченность во времени, отведенном для занятий, (4 часа в день), – это неполный перечень проблем, с которыми сталкивалось учебное заведение открытого типа[847]. Необходимы были кардинальные реформы в учебном заведении, то есть преобразование из училища открытого типа в закрытое, где ученики смогли бы находиться «под надзором», на государственном содержании и проживать в «казенном доме».

При этом, в связи с «непрерывным расширением объема межевой службы», начали требоваться землемеры в гораздо большем количестве и более квалифицированные[848]. После проведения сенатской ревизии Межевого ведомства И.У. Пейкеру была поставлена задача – организовать приведение Землемерного училища «в лучшее устройство». В качестве безотлагательной меры было запланировано провести его преобразование в институт[849].

Из письма 17 апреля 1835 г. И.У. Пейкера к С.Т. Аксакову стало известно, что разрешено «учредить» Константиновский межевой институт, где смогли бы обучаться 150 казенных и 50 своекоштных воспитанников. По словам И.У. Пейкера, содержание института в год увеличивалось до 118 000 рублей, и планировалось привлечь к преподаванию в институте лучшего математика в Москве профессора П.С. Щепкина[850]. И.У. Пейкер делился с С.Т. Аксаковым

---

[846] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.47.
[847] Там же. С.48.
[848] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 192.
[849] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.50.
[850] Щепкин Павел Степанович (1793–1836) – ординарный профессор математических наук, преподававший в степени магистра в Московском университете, автор переводов: «Основание геометрии, плоская тригонометрия и прибавление к геометрии», сочинение Лежандра; «Высшая Алгебра», сочинение Франкера и «Астрономия» сочинение Биота.

своими переживаниями и надеждами: «Бог, видимо, помогает нам в усердном стремлении нашим исполнить волю Государя и быть полезным отечеству в образовании лучших землемеров, ибо по мере представления нам больших способов, труды наши могут быть увенчаны большими успехами [подчёркнуто в оригинале. – *В.Д.*]»[851]. И.У. Пейкер сообщал Сергею Тимофеевичу, что преподавание «теории и практики в геодезии, межевых законов, российского языка и математических наук в низших классах» будет доверено «достойному чиновнику» Ф.Л. Малиновскому[852], а преподавание математики в высших классах планировалось доверить профессору П.С. Щепкину. И.У. Пейкер просил инспектора найти в Москве удобный дом для института «с обширным <…> садом» и советовался по поводу предложенной ему покупки «дома Разумовского», где размещался в то время Английский клуб[853]. «И мне кажется, что дом сей соединяет все, что нам нужно, – делился своими мыслями И.У. Пейкер с С.Т. Аксаковым и просил его узнать все возможные варианты приобретения этого дома по приемлемой для казны цене[854].

Таким образом, о количестве будущих воспитанников стало известно буквально за месяц до указа императора о преобразовании учебного заведения. От размера содержания института, выделенного казной, напрямую зависело привлечение преподавательского состава в Межевой институт. Достойные кандидатуры на должность преподавателей института И.У. Пейкер и С.Т. Аксаков подыскивали совместно.

---

[851] Письмо И.У. Пейкера С.Т. Аксакову , 17 апреля 1835 г. // РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп.13. Д. 55. Л. 1–2 об.

[852] Малиновский Феофилакт Лукич (1790–1855) – математик, преподавал в училище Правоведения межевые законы, служил в Межевом департаменте Сената, автор монографий: «Наука о целых числах»; «Опыт деления некоторых углов на три, пять и семь равных частей»; «Новая теория линий параллельных и проч.»; «Исторический взгляд на межевание в России до 1765 г.».

[853] Имеется в виду дворец графов Разумовских (Москва, ул. Тверская, 21), в котором с 1831 г. располагался Московский Английский клуб – центр русской общественной и политической жизни того времени.

[854] Письмо И.У. Пейкера С.Т. Аксакову , 17 апреля 1835 г. // РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп.13. Д. 55. Л. 1–2 об.

Из озвученных в письме И.У. Пейкером кандидатов в преподаватели института П.С. Щепкин, друг Сергея Тимофеевича, действительно в 1835 г. начал преподавать математику в двух высших классах Межевого института с окладом 2500 рублей ассигнациями в год[855]. Благодаря инициативе Павла Степановича, воспитанники в институте стали обучаться по «Курсу чистой математики Беллавеня»[856], измененному, дополненному и переведенному на русский язык Платоном Николаевичем Погорельским[857]. Данный курс получил широкое распространение с 1832 г. и делился на три части: на арифметику, на алгебру и на геометрию. Учебники курса отличались полнотой содержания, ясностью и краткостью изложения[858]. Преподавал П.С. Щепкин в институте недолго: 15 июля 1836 г. он скоропостижно скончался. Математика Ф.Л. Малиновского в сохранившихся в архиве списках преподавателей института обнаружить не удалось. Приобрести дом для института у потомков Кирилла Разумовского не получилось, возникли некоторые «препятствия»[859]. В том же 1835 г. была достигнута договоренность о приобретении Куракинского дома на Старой Басманной улице за 160 000 рублей[860]. Таким образом, искали подходящее здание под учебное заведение И.У. Пейкер и С.Т. Аксаков совместными усилиями.

10 мая 1835 г. Высочайшим указом было «повелено: преобразовать Константиновское землемерное училище <…> в Константиновский межевой институт»[861]. 28 мая С.Т. Аксаков был назначен на должность директора этого института[862]. Был также утвержден императором Устав института, составленный

---

[855] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 107. Л. 2–4 об.

[856] Курс чистой математики, составленный по поручению Беллавеня профессорами математики Аллезом, Билли, Будро и Пюиссаном, и принятый за руководство во французских военных школах.

[857] Погорельский Платон Николаевич (1800–1852) – педагог-математик, подготовивший учебные пособия по элементарной математике.

[858] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

[859] Устав Московского Английского клуба. М.: Тип. Бахметева, 1859. С. 6.

[860] Дом был приобретен в 1798 г. князем Александром Борисовичем Куракиным (1752-1818) и перестроен по проекту архитектора Р.Р. Казакова (1758-1803) // *Любартович В. А.* Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство. С. 45.

[861] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.50.

[862] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 171. Л. 1, 2.

И.У. Пейкером и С.Т. Аксаковым[863]. Подробно устав был проанализирован в «Очерке…» А.Л. Апухтина и исследованиях профессоров МИИГАиК и ГУЗ. Новый устав позволил повысить денежный оклад учителям в учебном заведении[864]. Межевой институт, как и прежде, продолжал подчиняться директору Межевого корпуса – попечителю института – и Министерству юстиции. В штат института входили директор, инспектор, преподаватели и 8 надзирателей. Директор института подыскивал преподавателей, служащих для учебного заведения, а утверждение их производилось попечителем и министром юстиции. Старались принимать на службу преподавателей, которые имели университетское образование. Все чиновники в институте носили мундир Межевого корпуса. Институт был государственным учреждением с возможностью бесплатного обучения, проживания, питания и лечения 150 воспитанников. Отдельной категорией обучающихся были 50 пансионеров, которые ежегодно оплачивали институту 500 рублей. Как и раньше, при конкурсном отборе преимущественное право поступление принадлежало детям землемеров и чиновников, служивших в Межевом ведомстве. И только потом уже принимали детей потомственных и личных дворян, художников в возрасте с 12 до 16 лет. Основные требования – учение читать и писать по-русски, знание священной истории и катехизиса, четырех правил арифметики. Конкурсные испытания обычно проходили с 1 августа по 1 сентября. Продолжительность курса обучения в институте составляла четыре года, с разделением на четыре класса. За период обучения воспитанники должны были освоить 11 предметов: 1. Закон Божий; 2. «Российский язык: Грамматика во всем пространстве, основание Риторики»; 3. Историю и географию; 4. Арифметику, алгебру, геометрию и плоскую тригонометрию; 5. Физику. 6. Геодезию и межевание во всем пространстве; 7. Межевые законы и делопроизводство; 8. Чистописание; 9. Рисование;

[863] РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. л. 64–65; Приложение 5. С. 300.
[864] Там же. Л. 65.

10. Черчение планов; 11. Агрономию[865]. Экзамены для воспитанников подразделялись на частные – по назначению попечителя и публичные – в конце года, которые проходили в присутствии чиновника из Министерства юстиции, а также приглашенных попечителем и директором «различных почетных особ». Лучшие ученики института поощрялись наградами: похвальными листами, книгами, математическими инструментами. С 15 июня по 1 августа ежегодно проходила у воспитанников полевая практика[866].

Глава в уставе «О части нравственной» содержала информацию о компетенции и задачах директора в нравственном воспитании учеников, которому инспектор, учителя и надзиратели становились помощниками. Если учителя наблюдали за воспитанниками в классах, то надзиратели находились при них неотлучно, стараясь направлять каждого на «благонравное» поведение. К надзирателю прикреплялись от 35 до 50 учеников, в помощь ему выделялись трое из самых лучших воспитанников отделения. День в учебном заведении начинался и заканчивался молитвой, по воскресным дням все воспитанники должны были обязательно присутствовать в институтском храме на Божественной литургии. Если воспитанник успешно осваивал все дисциплины по курсу, у него была возможность навещать родителей или родственников, а «неспособные» ученики, после употребления «всех средств к исправлению» могли быть исключены из института[867].

Важной для нашего исследования особенностью Устава Межевого института являлось отсутствие параграфа о телесных наказаниях. Этот факт, на наш взгляд, был весьма показательным, потому что, например, в Уставе

---

[865] ПСЗ–II. Т. 10: 1835. № 8121, 10 мая 1835 г.; Высочайше утвержденный Устав Константиновского межевого Института, 10 мая 1835 г. // *Соломатин В. А., Комарова Н. Ф., Емченко Е. Б., Иванова Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт. С.166.

[866] ПСЗ–II. Т. 10: 1835. № 8121, 10 мая 1835 г.; Высочайше утвержденный Устав Константиновского межевого Института, 10 мая 1835 г. // *Соломатин В. А., Комарова Н. Ф., Емченко Е. Б., Иванова Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт. С.166.

[867] Там же. С. 167; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 502. Л. 3–5 об.

Императорского училища правоведения такой пункт был включен[868]. Доказательством этого предположения может служить также документ из архива Межевой канцелярии, который датирован 1837 г. и содержит упоминание, что в связи с хорошим поведением большей части учеников, руководство института необходимости в телесных наказаниях и других «строгих мерах» не увидело, даже на «черную доску» никто из воспитанников в течение года записан не был[869].

Исключительное событие телесного наказания воспитанника в истории института произошло только в 1839 г., когда обязанности директора исполнял уже не С.Т Аксаков, а подполковник В.И. Ланге. «За грубость с надзирателем» 17-летний воспитанник дворянин Василий Воронов по приказанию директора Ланге был прилюдно наказан розгами. На построении, Василий Воронов попросил позволения приблизиться к подполковнику на полшага, чтобы объясниться, и ударил его кулаком. За этот поступок он был посажен в тюрьму, а затем отправлен в солдаты по указу царя от 21 августа 1839 г.[870]. Возможно, В.И. Ланге в применении телесных наказаний в институте руководствовался документом Межевой канцелярии, принятым еще 24 мая 1779 г. Этот документ назывался «Порядок лекциям в Константиновском землемерном училище» и разрешал «невоздержанных смирять а ленивых штрафовать <…> и по необходимости наказывать розгами и палкою, смотря по возрасту и состоянию»[871].

Один из отчетов за 1838 г. содержит характеристику воспитанника второго класса Межевого института Василия Воронова: ему на тот момент было 16 лет, он сын капитана и находился под особым надзором начальства, потому что был «склонен к ропоту»[872]. Но, видимо, возмущение В. Воронова телесным публичным наказанием было вызвано, не только особенностями его характера, но и отсутствием практики этих наказаний в институте. Если анализировать

---

[868] *Емченко Е. Б.* Константиновский межевой институт и система образования в России конца XVIII – первой половины XIX вв. С.110.
[869] РГАДА. Ф. 1295. Оп.1. Д. 717. Л. 8, 8 об.; *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 64.
[870] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп.1. Д. 27. Л. 3–4 об.
[871] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 30.
[872] РГАДА. Ф. 1295. Оп.1. Д. 1179. Л. 264–271 об.; Приложение 10. С. 349.

документы института, максимальная мера наказания, которую применял на практике С.Т. Аксаков по отношению к неприлежным ученикам – увольнение «по неспособности к учению», <…> и неспособности к продолжению землемерных наук», когда воспитанник не проявлял никаких способностей, характерных для будущего чиновника Межевой службы[873]. По свидетельству А.Л. Апухтина, С.Т. Аксаков-директор распорядился, чтобы инструкции с распорядком дня, правила поведения были развешены на стенах в воспитательных целях, «дабы были известны всем», а не только надзирателям и инспектору[874]. Самых лучших и успешных воспитанников по решению директора записывали на «золотую» доску в институте, а для «худых», неуспевающих учеников имелась своя, так называемая «черная» доска[875]. Таким образом, компетенции С.Т. Аксакова-директора касались вопросов учебной, нравственной и хозяйственной частей институтского управления.

Итак, устав института стал фундаментом для дальнейшего развития и совершенствования учебного заведения, ставшего в конце 40-х гг. высшим учебным заведением, получив права перворазрядного.

Таким образом, длительный процесс преобразования училища в институт начался в 1834 г. и продолжался в 1835 и 1836 гг. Деятельное участие в реформировании приняли С.Т. Аксаков и И.У. Пейкер, объединяя свои усилия, руководствуясь при этом одной целью – выпустить из учебного заведения «лучших» землемеров, которые были бы полезными в дальнейшем для Отечества своей профессиональной деятельностью[876].

---

[873] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп. 1. Д. 2. Л. 5; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 502. Л. 3.

[874] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.62–63.

[875] В архивных документах Константиновского межевого института данные инструкции не сохранились.

[876] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 13. Д. 55. Л. 1 об.

4.9 Директор Константиновского межевого института (28 мая 1835–24 января 1839 гг.)

С.Т. Аксаков как директор сыграл очень важную роль в процессе становления Константиновского межевого института. «Штат» воспитанников он начал формировать еще в декабре 1835 г. Каждый, кто хотел перевестись из училища в институт, должен был в обязательном порядке успешно выдержать экзамены, пройти медосмотр у штаб-лекаря[877]. В мае 1835 г. был закончен учебный год, и до 1 сентября все учащиеся были распущены по домам, за исключением 30 воспитанников, которые были отправлены на полевую практику[878]. 1 сентября 1835 г. – начало нового учебного года по новому институтскому уставу. Воспитанников было 148 человек, они распределялись по классам: первый класс – 17 человек, второй класс – 30, третий класс – 36, четвертый класс – 65 человек[879]. В течение первого учебного полугодия преподавались все одиннадцать дисциплин, предусмотренных Уставом: Закон Божий и Священная история, русский язык, математика, история и география, основание физики и земледельческой химии, межевые законы и делопроизводство, черчение, каллиграфия, рисование, геодезия, агрономия[880].

Продолжительность каждого урока составляла 1,5 часа[881]. Занятия у двух старших классов длились с 9 часов утра до 15.00, у двух младших – с 9 часов утра до 13.30[882]. Такое распределение занятий объяснялось тем, что все воспитанники были на тот момент еще «приходящими», им выдавали ежемесячное жалованье 10 рублей в месяц, и многие жили у родственников[883]. Только в ноябре 1836 г.[884]

---

[877] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 137. Л. 1, 1 об, 6.
[878] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 56.
[879] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 291. Л. 2.
[880] Там же. Д. 117. Л. 1–2.
[881] Там же. Д. 291. Л. 1 об.; Там же. Д. 117. Л. 1–2.
[882] Там же. Д. 117. Л. 1–2.
[883] Там же. Д. 114. Л. 1–5 об.
[884] После перестройки здания под руководством сначала архитектора М.И. Бове, а затем архитектора Е.Д. Тюрина.

институт смог переехать в дом князя Куракина на Старой Басманной улице[885]. К 1 сентября 1835 г. в учебном процессе были задействованы кроме директора, два надзирателя, 12 учителей, один из которых исполнял должность инспектора института.

В сентябре 1835 г. Сергей Тимофеевич запросил разрешения у вышестоящего руководства употреблять по делам института казенную печать с государственным гербом Российской империи. Указ императора с разрешением введения в Межевом институте казенной печати с гербом был получен только 20 января 1836 г. Но этот факт имел важное значение для новообразованного учебного заведения. Испрашивая разрешение на использование в институте печати «с Государственным гербом [государственный герб на казенной печати обозначал подчинение учебного заведения центральным органам власти.[886] – *В.Д.*] и с надписью вокруг: печать Константиновского Межевого Института», Сергей Тимофеевич в определенной степени повышал статус учебного заведения[887].

Еще в декабре 1835 г. И.У. Пейкер направил письмо министру юстиции Д.В. Дашкову с просьбой командировать С.Т. Аксакова в Санкт-Петербург, чтобы он лично смог осмотреть устройство столичных учебных заведений, узнать методику преподавания дисциплин и заодно приобрести необходимые для Межевого института инструменты и учебные пособия[888]. Но в Петербург С.Т. Аксаков попал почти через год – 13 января 1836 г. Подробности этой командировки мы можем узнать из его писем к жене Ольге Семеновне. Они свидетельствуют о том, что в командировку Сергей Тимофеевич взял с собой старших сыновей Константина и Григория. При участии А.А. Кавелина и А.Ф. Веймарна, в этот период решился вопрос с поступлением Григория в Императорское училище правоведения, и определилась судьба остальных

[885] Там же. Д. 114; Апухтин А.Л. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 55–56.
[886] ПСЗ–II. Т. 10: 1835. № 8337, 26 июля 1835 г.
[887] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–5 об.
[888] Там же. Д. 188. Л. 1, 1 об.

сыновей – Ивана и Михаила[889]. 21 января 1836 г. Григорий был представлен директору училища С.А. Пошману[890] и в этот же день с успехом сдал вступительный экзамен. Иван поступил в Императорское училище правоведения в 1838 г, Михаил в 1839 г. стал воспитанником Пажеского корпуса. 23 января 1836 г. Сергей Тимофеевич писал Ольге Семеновне, что судьба их сыновей, наконец, решилась. По его словам, это было «большим счастьем», что Григорий попал в Императорское училище правоведение, еще и потому, что первый выпуск воспитанников «будет нарасхват у целого Министерства». Он сообщал супруге, что у А.А. Кавелина вновь «возрождается привязанность» видеться с ним каждый день[891].

Судя по содержанию письма, взаимоотношения между А.А. Кавелиным и С.Т. Аксаковым начали налаживаться именно в этот период служебной командировки. Их давняя размолвка длилась четыре года и была связана с увольнением Сергея Тимофеевича из Московского Цензурного комитета и отправкой Кавелину в Зимний дворец письма со стихотворением «Стансы»[892].

Перед отъездом из Санкт-Петербурга, 10 февраля 1836 г., Сергей Тимофеевич сообщал жене о душевном прощании с А.А. Кавелиным, и о том, что он «непременно» хочет быть полезным для их семьи[893].

Из этой переписки с Ольгой Семеновной мы также узнаем, что приближенный к Министру юстиции А.Ф. Веймарн активно участвовал в делах института. Он помог С.Т. Аксакову не только с устройством сыновей, но и с получением аудиенции у Д.В. Дашкова: «...Был у Министра: он до четверга не принимает; но Веймарн сказал ему, что я приезжал. Последний принял меня с чрезвычайным радушием…»[894]. Через несколько дней «…обед и вечер у

---

[889] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 13 об., 15 об.; Приложение 3. С. 274.

[890] Пошман Семен Антонович (ок.1790–1847) – директор Императорского училища правоведения.

[891] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 15–16, 18–18 об.; Приложение 3. С. 279.

[892] *Аксаков С. Т.* Стансы // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 676.

[893] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 23, 31; Приложение 3. С. 293.

[894] Там же. Л. 13 об.; Приложение 3. С. 272.

Веймарна, который показывает мне знаки живейшей дружбы…»[895]. Веймарн участвовал в покупке основного здания для Межевого института[896] и руководил перестройкой зданий учебного заведения[897]. Также он помог С.Т. Аксакову с «отпускной аудиенцией» у Д.В. Дашкова перед отъездом из Петербурга[898].

Более того, во время этой командировки Аксаковы постоянно бывали на вечерах у А.Ф. Веймарна, который помог Сергею Тимофеевичу решить личные финансовые вопросы. 6 февраля 1836 г. С.Т. Аксаков сообщал жене, что его «требования в жалование» удовлетворены, обещаны «квартирные и дровяные» по 300 – 400 рублей в месяц[899].

Требования, о которых упоминал Сергей Тимофеевич, заключались в том, чтобы компенсировать ему в жаловании летние месяцы службы (с 28 мая по 1 сентября 1835 г.), когда, несмотря на вступление в должность директора, он все еще получал инспекторский оклад. Недополученная сумма была ощутимой – 626 рублей. Ее компенсировали вскоре из остаточных средств института «прошедшего 1835 года»[900]. Необходимо отметить, что в финансовых вопросах С.Т. Аксаков был крайне корректен. Тем более командировка в Санкт-Петербург ему была финансово компенсирована руководством (суточные, прогонные) только спустя 7 месяцев – в июле 1836 г. Затраты на дорогу и жилье изначально приходились за счет личных средств С.Т. Аксакова[901]. Таким образом, А.Ф. Веймарн во многом способствовал решению важных для С.Т. Аксакова и Межевого института управленческих вопросов.

Анализируя сохранившуюся переписку Сергея Тимофеевича, удалось многое узнать об исполнении им главной задачи данной командировки по осмотру учебных заведений для того, чтобы используемые лучшие методы преподавания и управления использовать в Межевом институте. Содействовал в

---

[895] Там же. Л. 16; Приложение 3. С. 275.
[896] Там же. Л. 16 об., 20 об.; Приложение 3. С. 281.
[897] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 46. Л. 15.
[898] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 25; Приложение 3. С. 287.
[899] Там же. Л. 22, 22 об.; Приложение 3. С. 284.
[900] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 154. Л. 1, 1 об.
[901] Там же. Д. 188. Л. 3, 3 об.

посещении и осмотре училищ полковник Яков Иванович Ростовцев[902] – начальник штаба военно-учебных заведений[903]. Знакомству с ним способствовал друг С.Т. Аксакова А.М. Княжевич – он написал рекомендательное письмо. И с 27 января 1836 г. военно-учебные заведения для него «были открыты»[904]. Попутно отметим, что сохранилось благодарственное письмо С.Т. Аксакова Я.И. Ростовцеву, которое стало свидетельством того, что Яков Иванович принимал участие в устройстве сына Сергея Тимофеевича Михаила в Пажеский корпус[905].

По нашим подсчетам, С.Т. Аксаков в период своего пребывания в Петербурге посетил: Артиллерийское и Инженерное училища; Императорское училище правоведения, куда поступил его сын Григорий; Пажеский корпус, договариваясь одновременно об устройстве младшего сына Михаила; Павловский кадетский корпус, Военную академию[906]; 2-й кадетский императора Петра Великого корпус[907].

Письма С.Т. Аксакова в период его командировки свидетельствуют о том, что она была весьма напряженной, как в физическом, так и в психологическом отношении. Он жаловался жене, что с девяти часов утра до часу пополуночи он – «в мундире» или «во фраке», и, если бы не стремление устроить судьбу своих сыновей, то «бросил бы все и уехал», настолько он соскучился по жене и остальным детям[908]. «Боже мой! Когда я вас увижу! Такая тоска!, – писал накануне отъезда из Петербурга С.Т. Аксаков, – Впрочем, возобновление и поддержание моих связей тоже отнимало много времени!»[909]. Именно связи и знакомства сыграли немаловажную роль в решении его личных и служебных вопросов.

---

[902] Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) – полковник (1833), генерал-майор (1841), генерал-лейтенант (1850), начальник Штаба военных учебных заведений (с 1835).
[903] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 20; Приложение 3. С. 281.
[904] Там же. Л. 20 об.; Приложение 3. С. 281.
[905] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1155. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–2.
[906] Павловский кадетский корпус и Императорская Николаевская Военная академия – военные учебные заведения в городе Санкт-Петербург.
[907] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 22 об., 23; Приложение 3. С. 286.
[908] Там же. Л. 16,17 об.; Приложение 3. С. 275.
[909] Там же. Л. 24, 25 об.; Приложение 3. С. 287.

8 февраля 1836 г. С.Т. Аксаков закончил служебные дела в Петербурге и попрощался с министром юстиции. 12 февраля, судя по переписке, Аксаковы покинули столицу[910].

С.Т. Аксаковым в командировке было сделано многое: он посетил семь учебных заведений, изучил их внутреннее устройство и ход учебного процесса. Также важным для него в этой поездке стало определение судьбы своих сыновей. Насколько плодотворна оказалась данная командировка, можно судить по последующим реформам, проведенным в Межевом институте: последовали изменения в учебном плане; получение статуса закрытого учебного заведения с обеспечением воспитанников проживанием в казенном доме; внесение инициативных предложений о расширении курса обучения введением дополнительных дисциплин, которые бы всесторонне и широко развивали воспитанников, позволяли увеличить количество пансионеров института, а, следовательно, влияли бы на «финансово-выгодные расчеты» учебного заведения[911].

Интерес представляют документы по покупке и перестройке Куракинского дома, находившегося во владении наследников князя – баронов Сердобиных и Вревских[912]. Как отмечалось выше, поиском подходящего дома для института занимался также И.У. Пейкер. Осмотрев дом лично еще в мае 1835 г., он убедил барона Михаила Сердобина сделать уступку в цене на 20 000 рублей, так как дом требовал некоторых «поправок» и «переделок», необходимых для учебного заведения[913]. «Совершением купчей крепости на дом Баронов Сердобиных и Вревских» занимался уже С.Т. Аксаков и, надо сказать, этот процесс затянулся.

---

[910] Там же. Л. 29 об.; Приложение 3. С. 290.
[911] РГАДА. Ф.1295. Оп.1. Д. 395. Л. 3.
[912] Бароны и баронессы Вревские и Сердобины – внебрачные дети А.Б. Куракина, рожденные от крепостных крестьянок. Таких детей у А.Б. Куракина, никогда не вступавшего в официальный брак, по некоторым сведениям было до 70. Фамилии воспитанников и воспитанниц были образованы от географических названий, связанных с месторасположением княжеских имений. Заботясь о судьбе своих незаконорожденных детей, А.Б. Куракин смог получить для них права на баронский титул, Александр I дозволил принять баронство Австрийской империи // *Любартович В. А.* Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство. М., 1999. С. 51.
[913] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 2890. Л. 4–5.

Палата Гражданского суда не имела сведения, была ли снята опека с баронов Сердобиных и Вревских в связи с их совершеннолетием и отсутствием удостоверения о смерти Александра, Алексея Сердобина и «полковницы Марии Траскиной»[914]. Пока собирались нужные документы, готовилась архитектором смета, покупка особняка откладывалась, следовательно, воспитанники Межевого института должны были «оставаться в теперешнем положении – приходящих учиться – еще на один год». Этот вопрос сильно беспокоил С.Т. Аксакова как директора. Он обратился к И.У. Пейкеру с просьбой: пока идет оформление купли-продажи, нанять дом, как нанимал его до этого Московский Опекунский совет для Александрийского сиротского института, за 10 500 рублей в год с тем, чтобы «иметь надзор над поведением воспитанников[915]. Занятия начали проводиться в доме князя Куракина с 17 апреля 1836 г., и даже некоторые чиновники, и все низшие служители были переведены Аксаковым на постоянное место жительство в два «особенных» корпуса, которые относились к главному дому[916]. Но главное для С.Т. Аксакова – чтобы воспитанники как можно скорее начали жить при институте, что без сомнения улучшило бы их процесс обучения. С.Т. Аксаков сам в то время пользовался наемным жильем – снимал квартиру неподалеку от института за 400 рублей в месяц[917]. Полный комплект документов на покупку дома был собран только через год – в мае 1836 г.[918]. Сергей Тимофеевич писал в это время сыну о трудностях с куплей-продажей, о том, как ему трудно «достигнуть цели», но, несмотря на это купчая совершена 5 июня 1836 г.[919]. 23 сентября «чиновники и служители», в том числе директор С.Т. Аксаков, были переведены для проживания в казенный институтский дом, а перевод воспитанников затягивался еще и потому, что здания обустраивались и перестраивались для дальнейшего обучения и постоянного проживания в них

[914] Там же. Л. 57.
[915] Там же. Л. 31–32 об.
[916] Там же. Л. 57 об.
[917] Там же. Л. 45.
[918] Там же. Л. 95, 96.
[919] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 2890. Л. 111.

воспитанников[920]. Строительными делами учебного заведения с 8 июня 1836 г. ведал временный комитет, учрежденный для постройки зданий Константиновского межевого института[921]. В него входили: архитекторы – сначала Михаил Иванович Бове[922], а после его увольнения по болезни – Евграф Дмитриевич Тюрин[923], председатель комитета – товарищ главного директора Межевого корпуса Ф.И. Васьков, директор Писцового архива Межевой канцелярии Д.И. Кроткий, директор института С.Т. Аксаков и эконом П.П. Андреев. Причем Бове участвовал в заседаниях комитета только пять месяцев. За это время им были составлены планы по переделке первого этажа под столовые залы, и второго – под классы[924]. Сергей Тимофеевич просил Бове уделить особое внимание для устройства в институте «кухни, сушильни, прачечной, пекарни и погреба»[925]. Окончательный проект перестройки усадьбы А.Б. Куракина был осуществлён архитектором Е.Д. Тюриным. Кстати, его кандидатуру комитету предложил С.Т. Аксаков, он представил его ведомству и комитету как опытного «архитектора Дворцового ведомства»[926].

Интенсивная работа комитета показана в исследовании сотрудников Государственного университета по землеустройству «Первый директор Межевого института»: 57 заседаний в 1836 г., 65 заседаний в 1837 г., 46 заседаний в 1838 г. Действительно, заседания Строительного комитета проходили ежедневно, обсуждались все нюансы перестройки дворца под учебное заведение. С.Т. Аксаков присутствовал на всех заседаниях комитета, кроме периода, когда находился в отпуске.

---

[920] Там же. Л. 249.
[921] Там же. Л. 130.
[922] Бове Михаил Иванович (1791– после 1850) — архитектор, брат архитектора О.И. Бове (1784–1834).
[923]Тюрин Евграф Дмитриевич (1792– 1870) — архитектор, автор ряда построек в Москве — церковь Богоявления в Елохове (1837–1850), Нескучный сад по Большой Калужской улице (1836), корпуса Московского университета (1835) // *Любартович В. А.* Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство. М., 1999. С. 106.
[924] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 2890. Л. 134–136, 140–142.
[925] Там же. Л. 162–163.
[926] Там же. Л. 186.

В 1837 г. С.Т. Аксаков стал автором докладной записки, вынесенной на обсуждение комитета, об основных перестройках дворца архитектором Е.Д. Тюриным[927]. Любопытны внесенные архитектором Тюриным изменения в строительство, которые Сергей Тимофеевич считал «вполне удовлетворительными, и для внешнего и внутреннего устройства института сообразно с целию учебного заведения, даже необходимыми»[928]:

– был пристроен парадный подъезд с улицы, чтобы двор между главным и дортуарным корпусами мог стать местом игр воспитанников. Это позволило закрыть внутренний двор между главным корпусом и дортуарными и исключить «сообщение» посторонних людей с воспитанниками;

– в двухэтажном корпусе были устроены квартиры для директора и чиновников;

– была устроена «рекреационная зала»;

– рядом с ней – актовый зал, в котором «приличным образом» можно разместить библиотеку, геодезические и другие инструменты… рекреационный зал, «открытый арками» мог бы служить местом выставки произведений воспитанников, «по части искусственной»;

– шесть классных комнат были увеличены и «открыты арками», «дабы чрез них можно было видеть все здание», но, чтобы учителя, читая лекции, не мешали друг другу, были сделаны в арках стеклянные двери[929];

– в нижних этажах были устроены «духовые печи, от коих душниками будут нагреваться верхние этажи»;

– была перенесена кухня с нижних этажей, чтобы «поместить большее число кроватей, в случае прибавления воспитанников»;

– в манеже, где первоначально по проекту предполагалась сделать помещения для «гимназических упражнений», были устроены «больничные палаты», а рядом – баня с ваннами;

---

[927] Там же. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 1371. Л. 14, 14 об.
[928] Там же. Л. 201 об.
[929] Там же. Л. 208–214.

– в обоих этажах дортуарного корпуса устраивались умывальные комнаты;

– столовые комнаты были открыты арками «для свободного размещения столов», устроены были буфеты и кухня, «а под оной пекарня и квасоварня, для устранения существующей необходимости переносить кушания через двор, от чего оно зимой может стынуть и потребуется большее число служителей».

– между главным и дортуарными корпусами были сделаны соединения «в коих внизу могут быть квартиры для надзирателей, а вверху с одной стороны, классы, с другой продолжение рекреационной залы, чрез кои со всем удобством можно обозревать целое здание».

– для ледников, сараев, амбаров и конюшен планировалось выстроить специальное строение «на заднем дворе»[930].

Этот масштаб строительства, конечно, курировался временным комитетом, все предложения обсуждались с И.У. Пейкером и в некоторых случаях с министром юстиции Д.В. Дашковым. Но, несмотря на начавшееся строительство, в 1836 г. проблема с «приходящими» учениками приобретала все более острый характер, требуя скорейшего разрешения. В поисках выхода из положения Сергей Тимофеевич уступил ученикам свою собственную квартиру, назначенную ему в доме института. Объясняя свой поступок, он писал, что пока не будет решен вопрос с размещением всех обучающихся в казенном доме, и они будут приходящими, в нравственном и учебном отношении это может им только вредить[931].

На основе документации комитета за 1836 г., мы узнаем, что С.Т. Аксаков договаривался о поставке железных материалов для строительства, стараясь приобрести их по низким ценам[932]; организовывал плотницкие работы по институту в 1837 г. Он занимался приисканием подрядчиков и контролировал их работу[933].

---

[930] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 2890. Л. 205–214.
[931] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 58.
[932] РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 1365. Л. 8 об., 10.
[933] Там же. Д. 1369. Л. 4, 9, 12, 15 об., 16 об., 17 об.

Анализируя журналы строительного комитета, можно сделать вывод, что еженедельные заседания продолжались в январе 1839 г.; затем было по одному заседанию в феврале, апреле, январе 1841 г.; в октябре и декабре 1842 г.[934]. Официально окончены перестройки и упразднен комитет был 29 января 1843 г.[935], уже после увольнения С.Т. Аксакова из Межевого ведомства. Таким образом, несмотря на тот факт, что основная часть работ по комитету лежала на архитекторе Е.Д. Тюрине и экономе П.П. Андрееве, помимо основных своих обязанностей по институту, С.Т. Аксаков выполнял задачи, связанные с перестройкой здания.

Одной из основных задач Сергея Тимофеевича продолжала оставаться организация учебного процесса. Для удобства в Приложении 8 приведем сводную таблицу учителей, которые вели преподавательскую деятельность в период пребывания С.Т. Аксакова на посту директора[936]. Для составления сводной таблицы привлекались 37 архивных дел, при анализе содержания которых было выявлено 30 персоналий.

Из перечисленных в Приложении семь учителей, Ярцов, Яковлев, Цвилинев, Синявский, Ямпольский, Милюков, Белов, Костырев, Гранников и священник Беляев начали преподавать еще в Константиновском землемерном училище и затем продолжили свою служебную деятельность в новообразованном Межевом институте. В конце первого учебного полугодия 1835 г. в штат учителей входили Е. Ярцов, М. Яковлев, П. Щепкин, И. Белов, А. Гранников, Ф. Жодейко, С. Милюков, поручик Мамонтов, прапорщик Костырев, А. Петровский, П. Цвилинев и священник А. Беляев[937].

Отдельно необходимо остановиться на учителе русского языка князе Козловском. При поступлении в институт на должность надзирателя и учителя 22 июня 1836 г. он не имел «ученой степени и аттестата из университетского училищного комитета на право быть учителем», но, по словам директора

[934] Там же. Д. 1375. Л. 1, 3, 5, 6, 21, 28.
[935] Там же. Д. 1375. Л. 28.
[936] Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 291. Л. 2–4 об.; Приложение 8. С. 308–313.
[937] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 291. Л. 3–4 об.

института С.Т. Аксакова, он имел познания и способности к преподавательской деятельности[938]. Во время отпуска инспектора института Ярцова, в июле 1836 г., князь Козловский временно начал исполнять его обязанности, был уволен от звания надзирателя и совмещал преподавательскую деятельность с должностью инспектора[939]. В архивах сохранился документ о награждении инспектора князя Козловского в 1837 г. денежной выплатой за «отличную» службу и усердие в исполнении своих обязанностей[940]. Но представляется интересной история его увольнения из Константиновского межевого института. Ориентируясь на рапорт С.Т. Аксакова с формулировкой «об увольнении его [князя Козловского. – *В.Д.*] вовсе от службы, по совершенно расстроенным его домашним обстоятельствам», можно сделать вывод, что причиной увольнения из учебного заведения послужила болезнь и личная инициатива князя Козловского[941]. Однако, в архивной документации сохранились документы об инциденте, произошедшем накануне его увольнения. Копия письма одного из воспитанников – Василия Мартынова своему брату Алексею, в котором он рассказывает о побоях, учиненных ему князем Козловским: «Алеша! Петлицы более на моем воротнике не существуют и немало не жалею о них и прошу только, чтобы ты сказал Папеньке, что Козловский меня прибил: вот как было: как ты только вышел из класса, в котором я сидел, Козловский приходит ко мне и говорит: «Ты как смел встать с места, мерзавец, для тебя я и так снисхождение делаю, что пускаю родных, а то бы велел швейцару вывести отсюда и баста»; я стою, ни слова не говорю, он тут меня ударил по лицу, я отстранился, он меня ударил в грудь, я опять попятился назад, он меня опять раза три ударил по лицу; я теперь в больнице, потому что я боюсь, чтобы он еще меня не побил: ибо у меня и теперь очень грудь болит от него и от Пичугина[942], которому он за это хочет нашить мои петлицы. Еще он говорил, что я его обокрал, заключая из того: что однажды он

[938] Там же. Д. 182. Л. 1.
[939] Там же. Д. 191. Л. 3, 3 об.
[940] Там же. Д. 497. Л. 1.
[941] Там же. Д. 801. Л. 1, 13.
[942] Пичугин Александр – воспитанник Константиновского межевого института, выпущен в 1840 г. младшим землемерным помощником.

велел мне разобрать черновые бумаги, т.е. подобрать одну к другой, я это сделал, подал ему все бумаги: он стал бросать которые ненужные тетради и бумаги и говорить мне, чтобы я выбросил их на двор, тут у него были два мальчика, которые просили меня, чтобы я не бросал тетради, что, чем я брошу их, я отдам их, ибо они им послужат в пользу, так и кончилось. Вчера ж он меня начал попрекать, что я его обокрал, что все брали по одному куску сахару, с чаем, а я по два. И еще много, много говорил мне на меня выдуманного, но я не стал оправдываться, боясь опять получить от него побой. Ты, может быть, и сердишься на меня, Алеша, что я к тебе пишу о своем деле, нельзя не писать ей Богу. Я прошу тебя, чтобы ты попросил Папеньку, чтобы он запретил хоть письмом трогать меня, а то он [Козловский. – *В.Д.*] говорил мне вчера: что жаль мне, что ты будешь в чахотке, и что он непременно заставит всех бить меня; я говорит, сделаю то, что у тебя из лица будет выступать кровавый пот; он разозлился и на Николю[943] за то, что он со мной вчера говорил, но тот мало обращает на это внимания. Нельзя ли тебе приехать с Маменькой навестить меня и привести с собой чайку и сахарцу. Прощай, идет доктор. Твой брат Мартынов. Еще говорил, я желал бы, чтобы твои родители пришли со мной объясниться, я им тебя отрекомендовал, я бы тебя вызвал на суд»[944].

Телесные наказания для воспитанников не были предусмотрены уставом института, инцидент стал известен И.У. Пейкеру от Александра Мартынова, директора Чертежного архива Межевой канцелярии, который приходился отцом Василию Мартынову. В письме к И.У. Пейкеру А. Мартынов попросил заступничества и дал понять, что, если его сыну не будет оказана «защита и удовлетворение», об этом поступке князя Козловского станет известно «высшей власти»[945]. И.У. Пейкер попросил провести расследование дела товарищу директора Межевого корпуса Ф.И. Васькову, признаваясь, что он «крайне

[943] Мартынов Николай – воспитанник Константиновского межевого института. Имел способности к рисованию и в 1837 г. за портрет цесаревича Александра был удостоен от его имени поощрением – золотыми часами. В 1839 г. выпущен из Константиновского межевого института младшим землемерным помощником.
[944] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 801. Л. 4, 4 об.
[945] Там же. Л. 3, 3 об.

огорчен», так как этот инцидент может повредить «доброй слове института». По словам И.У. Пейкера, если Козловский действительно поступил так с воспитанником, то это означало, что «пустили мы, говоря русской пословицей, козла в огород». Если жалобы отца будут подтверждены, заключал И.У. Пейкер, необходимо сразу известить С.Т. Аксакова, чтобы он «принял меры сделать Козловского безвредным»[946]. Через несколько дней Ф.И. Васьков доложил И.У. Пейкеру в частной переписке, что «жалоба Мартынова представляет весьма много вероятностей». По словам Ф.И. Васькова, подобное происшествие случилось ранее с другим воспитанником, «причем инспектор вынужден был сделать сознание, что он дозволил себе ударить этого воспитанника, и дать обещание на будущее время от того воздерживаться». Но так как после всего случившегося князь Козловский сам попросил увольнения, то, он полагает, что для пользы заведения необходимо немедленно принять его прошение об отставке[947]. 29 ноября 1838 г. И.У. Пейкер распорядился о «немедленном увольнении из штата» инспектора и учителя Константиновского межевого института князя Козловского»[948].

В НИОР РГБ сохранились два письма князя П.Д. Козловского С.Т. Аксакову[949]. Письма без указания дат, но написаны в разное время. Одно из них, по содержанию, стало свидетельством того факта, что Сергей Тимофеевич, узнав о произошедшем инциденте и организовав увольнение инспектора, прекратил с ним всякое общение. Отношение к П.Д. Козловскому и его личная оценка выражены карандашной пометкой, предположительно, оставлены рукой С.Т. Аксакова на первом листе письма «?!Сумасшедший! Кн[язь] Козловский»[950]. Письмо содержит эмоциональные обвинения П.Д. Козловского в его адрес о невыполнении обещания в содействии определения его в Корпус жандармов: «от Вас я надеялся добра – получил зло, которого не пожелал бы самому злющему

[946] Там же. Д. 801. Л. 6, 6 об.
[947] Там же. Д. 801. Л. 8–11.
[948] Там же. Д. 801. Л. 12.
[949] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–4 об.; Приложение 4. С. 295–298.
[950] Там же. Л. 1; Приложение 4. С. 298.

моему врагу <…> Вам угодно было обещать и исполнить в обратном смысле»[951]. Любопытно, что обвиняя С.Т. Аксакова, князь Козловский ссылался на свои «связи» с Н.А. Полевым, на то, что Н.А. Полевой «очень много раскрывался» в беседах с князем, и эти разговоры касались отрицательной характеристики С.Т. Аксакова, но «я был Фома неверующий; теперь я сказал – все»[952], – заключал П.Д. Козловский. Содержание второго письма, написанного в более раннее время, свидетельствует об общении семьи Аксаковых с семьей Козловских, о доверительных отношениях, которые существовали между инспектором и директором, до возникновения инцидента с воспитанником В. Мартыновым[953]. На нем, так же, как и на предыдущем письме оставлены карандашные пометки, написанные неразборчивым почерком, похожим на почерк С.Т. Аксакова. С трудом можно предположить написание отдельных слов, характеризующих личность князя П.Д. Козловского: «оче[нь] скользкий»[954]. Скорее всего, карандашные пометки на этих двух письмах сделаны одновременно, предположительно, в период ухода П.Д. Козловского из Константиновского межевого института или после его увольнения. К 10 декабрю 1838 г. П.Д. Козловский был уволен из учебного заведения и обязанности инспектора Константиновского межевого института начал исполнять штабс-капитан корпуса военных топографов Мамонтов[955].

До 10 мая 1835 г. в учебном заведении преподавались французский, немецкий языки и гражданская архитектура. Преподавали эти дисциплины коллежский асессор Курочкин, учителя Дрозе, Мерсан, Редер и Иван Федорович Готвальд. После преобразования училища в институт преподавание гражданской архитектуры и иностранных языков в учебном заведении было «упразднено»[956]. Перечисленные учителя к учебному процессу не привлекались, были выведены за

---

[951] Там же. Л. 2; Приложение 4. С. 297.
[952] Там же. Л. 2 об.; Приложение 4. С. 297.
[953] Там же. Л. 3–4 об.; Приложение 4. С. 295, 296.
[954] Там же. Л. 3; Приложение 4. С. 296.
[955] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 801. Л. 12.
[956] *Соломатин В. А., Комарова Н. Ф., Емченко Е. Б., Иванова Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт. С. 166.

штат и только в 1836 г. официально уволены[957]. По словам А.Л. Апухтина, выбор предметов в институте стал «гораздо сообразнее» с целями и задачами учебного заведения, и немаловажным было введение как «самостоятельного» предмета преподавание геодезии[958]. В 1836 г. С.Т. Аксаков и И.У. Пейкер предприняли попытку вновь ввести в учебный процесс института французский язык, но преподавание иностранных языков возобновилось в институте только в 1844 г.

Учебный процесс Межевого института в 1836 г. был организован следующим образом. Учебный год начался 10 сентября и продолжался до 1 июня, с 1 по 15 июня проводились экзамены – «испытания», по результатам которых 41 воспитанник был переведен в высшие классы, 12 человек исключены, в тех же классах остались 89 человек. Сергей Тимофеевич писал сыну Григорию, что он ежедневно принимает экзамены с девяти утра до трех часов дня, 15 июня планирует отправить на полевую практику 32 человека, и сообщал об открытии Строительного комитета[959]. В письме от 19 октября 1836 г. он сообщал о планах с 1 ноября разместить всех воспитанников «в казенном доме», но «неприятно озабочен» делами Строительного комитета[960].

Прошло больше года после открытия института. Наконец, учебное заведение смогло реализовать на практике первый параграф своего Устава, согласно которому воспитанники должны проживать на полном казенном содержании на территории института[961]: 150 воспитанников и 2 пансионера «собрались <…> под благодетельный кров», который был им «дарован попечительным правительством»: после благодарственного молебна начались учебные занятия «по новому курсу» института на полном казенном

[957] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 322. Л. 1, 1 об., 22, 22 об.
[958] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 53.
[959] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 24а. Л.18–19 об.
[960] Там же. С. 32, 32 об.
[961] Высочайше утвержденный Устав Константиновского межевого Института, 10 мая 1835 г. // *Соломатин В. А., Комарова Н. Ф., Емченко Е. Б., Иванова Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт. С. 165.

содержании[962]. В это же время был решен вопрос с лечением заболевших воспитанников – в купленном деревянном доме Хомутова разместился лазарет института. Перестройка главного и дортуарного корпусов проходила в 1836–1838 гг. На это время воспитанники были временно переведены «на дачу «Самарова гора», которая принадлежала тайной советнице Писаревой[963].

Как только институт получил статус закрытого учебного заведения, С.Т. Аксаков как директор произвел следующие изменения в учебном процессе:

1. По продолжительности и времени уроков – «часы стали утренними и вечерними» (с 8 до 11 часов и с 14 до 17 часов соответственно), когда раньше занятия длились 6,5 часов подряд, что было весьма утомительно для учащихся;

2. Им был утвержден план обучения, который отличался не таким большим количеством предметов, как раньше, новой системой оценки знаний – четыре балла с долями (4 – отличные успехи, 3 –хорошие. 2 – посредственные, 1 – худые);

3. Было введено в двух старших классах преподавание математической и физической географии, расширен курс математики[964].

С.Т. Аксаков ставил перед собой задачу – усовершенствовать учебный процесс в институте. С этой целью 6 сентября 1836 г. он подал прошение И.У. Пейкеру о введении в учебный курс дополнительно – французского языка, гимнастики, «танцевания» и пения. Он обосновывал свои предложения тем, что в учебном заведении необходимо вести подготовку широкообразованных специалистов не только в области землемерных наук, но и в сфере искусств и иностранных языков, что могло бы воспитанникам обеспечить возможность «входа в хорошее общество»[965]. Введение этих предметов, по мнению директора, могло обеспечить больший приток пансионеров, повысить статус учебного заведения в глазах широкого круга общественности. А на данный момент, по его

---

[962] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 58.
[963] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 2890. Л. 248, 248 об.
[964] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 61.
[965] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 280. Л.1, 2.

мнению, в институт поступают учиться сироты и воспитанники «только из беднейшего состояния».

Кроме того, он считал, что гимнастика, «танцевание» и пение позволяют развить и укрепить физическое здоровье воспитанников, сделать их более способными для перенесения разных трудностей профессии[966]. Реализовать выдвинутые им предложения С.Т. Аксаков предложил самым экономным способом: нанять для преподавания французского языка двух надзирателей, хорошо его знающих, которые одновременно могли бы быть и учителями с повышенным на 1500 рублей жалованием, то есть всего 4 000 рублей. Затраты эти должны были компенсироваться за счет остаточной суммы на 1 января 1837 г. – 60 000 рублей. Увеличение числа пансионеров за счет введения этих дисциплин, привело бы, по его мнению, одновременно к росту доходов Межевого института[967]. Спустя 5 месяцев, в феврале, получив ответ от Министерства юстиции, И.У. Пейкер, который поддержал изначально предложения С.Т. Аксакова, сообщал решение министра Дашкова. Последний утверждал, что нововведение «не представляет существенной надобности», и любые изменения в учебном курсе, а значит в уставе и штате института, были бы «преждевременны»[968]. То есть здравая инициатива С.Т. Аксакова была принята и поддержана попечителем института, но оказалась излишней, с точки зрения министра юстиции.

«Изыскивая способы, чтобы Константиновский межевой институт приобретал воспитанников сколько можно с большими сведениями и дарованиями», С.Т. Аксаков следом подал прошение о разрешении приема сверхштатных воспитанников за счет остаточных межевых сумм в течение всего года, главное условие для поступающих – наличие соответствующих знаний сразу для определения в III класс. И.У. Пейкер поддержал перед министром юстиции предложение С.Т. Аксакова и, более того, он финансово обосновал выгоды

[966] Там же. Л.2.
[967] Там же. Л. 2 об.
[968] Там же. Л. 14, 14 об.

института, когда воспитанник, поступая сразу в третий класс, приносил экономию институту в размере 2 124 рублей. Представляет интерес в этом письме И.У. Пейкера высказанный им смелый скрытый упрек министерству юстиции за отказ от введения в учебный курс дополнительных дисциплин, предложенных С.Т. Аксаковым. Он писал, что отказ от предложения директора уменьшит количество желающих поступать в Межевой институт, а, следовательно, Межевой корпус будет лишен возможности ежегодно получать десять «хорошо приготовленных помощников»[969]. То есть, даже получив официальный отказ от министра юстиции Д.В. Дашкова, И.У. Пейкер продолжал поддерживать точку зрения и предложения директора.

И.У. Пейкер стремился доказать министру юстиции правильность суждений и инициатив директора института. В апреле 1836 г. попечитель института даже ходатайствовал перед министром о награждении директора за «отлично–усердную службу» полугодовым окладом его денежного жалованья. Но Сергей Тимофеевич к тому времени прослужил в должности директора только один год, и, руководствуясь Высочайшим повелением от 21 февраля 1836 г., Д.В. Дашков отклонил просьбу И.У. Пейкера, пояснив, что надо повышение в должности считать наградой[970].

Надо обратить внимание, что, несмотря на то, что в уставе Константиновского межевого института было написано о четырех годах обучения, по факту, с 1836 г., благодаря И.У. Пейкеру и С.Т. Аксакову, воспитанники стали обучаться пять лет: четвертый класс (младший) был разделен на два отделения, фактически, став двумя классами с разными курсами[971]. У воспитанников появилась возможность изучить большее количество предметов, а у руководства – увеличить в дальнейшем количество преподаваемых специальных дисциплин в институте.

---

[969] Там же. Д. 385. Л. 3–9.
[970] Там же. Д.171. Л.1, 2.
[971] *Анухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 59.

Что касается поощрений, то С.Т. Аксаков старался «премировать» своих воспитанников за хорошее поведение и успехи в изучении наук. Из общего числа воспитанников 22 ученика 17 июня 1836 г. были награждены: книгами, прописями, красками, рисунками, атласами и инструментами[972].

1837 г. для Сергея Тимофеевича начался с утрат – в январе скончался в Оренбургской губернии его отец Т.С. Аксаков[973]. В Петербурге о случившемся несчастье в семье И.У. Пейкеру сообщил Г.И. Карташевский. Надо сказать, что И.У. Пейкер и Аксаковы достаточно тесно общались посредством общих знакомств, связей. Г.И. Карташевский обратился к И.У. Пейкеру с просьбой предоставить Аксакову отпуск на 29 дней для поездки в имение родителей. Не ожидая официального прошения от Сергея Тимофеевича, И.У. Пейкер принял в происходившем самое искреннее участие и направил ему письмо, в котором сразу же разрешил воспользоваться отпуском[974]. С.Т. Аксаков поблагодарил И.У. Пейкера 26 января 1837 г., но отпуском не воспользовался[975]. Видимо, он отказался от предложения попечителя института, потому что не успевал главного – попасть на похороны отца, и наследственные дела тоже к тому времени были уже решены. Об этом свидетельствует письмо к жене от 26 июля 1836 г., в котором С.Т. Аксаков сообщал, что его отец написал «духовную», по которой ему переходит в наследство 200 крестьян с землею, а Константину – 2500 десятин «Надежинской» земли, которая и так находится в их владении[976].

В целом, за время службы в Константиновском землемерном училище и Константиновском межевом институте С.Т. Аксаков был в отпуске три раза: с 11 июля по 24 августа 1835 г. и с 11 июля по 24 августа 1836 г. «с отсрочкою за болезнию, 15 дней», с 19 апреля по 10 августа 1838 г.[977] О задержавшей его болезни во время пребывания в селе Аксаково у отца в 1836 г. он писал Ольге

[972] РГАДА Ф. 1295. Оп. 1. Д. 180. Л. 1
[973] НИОР РГБ. Ф.3. Оп.3. Д. 24а. Л. 23,23 об.
[974] Там же. Д. 309. Л. 1–2.
[975] Там же. Л. 3.
[976] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 8, 8 об.
[977] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 727. Л. 11–12; Там же. Д. 126. Л. 1–7 об.

Семеновне 26 июля, что ожидает приезда уездного судьи и доктора для «освидетельствования» его болезни, и завтра он планирует отправить донесение И.У. Пейкеру[978]. Это освидетельствование болезни было очень важным, так как любая задержка прибытия из отпуска фиксировалась в обязательном порядке в аттестате о службе, с обоснованием причины опоздания и с последующим «вычетом из жалованья»[979].

29 ноября 1837 г. учебное заведение посетил цесаревич Александр, воспитанник генерал-адъютанта А.А. Кавелина. Цесаревич Александр осмотрел все помещения института, больницу, высказал «удовольствие» от увиденного устройства учебного заведения[980]. При посещении наследник обратил внимание на свой портрет, выполненный воспитанником Николаем Мартыновым, пожелал его приобрести. Через А.А. Кавелина портрет был подарен «от имени Мартынова» цесаревичу Александру, который, «пожаловал» воспитанника золотыми часами[981].

Посещение царственной особы было событием, крайне важным для института, среди воспитанников вызвало «общий восторг», который, по словам С.Т. Аксакова, должен послужить причиной к их еще большему старанию и преуспеванию в изучении наук[982]. Рассказывая об этом событии жене, он называл А.А. Кавелина «истинным благодетелем» [983]. Скорее всего, в организации визита цесаревича в Межевой институт А.А. Кавелин принимал немаловажное участие как воспитатель наследника престола и в то же время как родственник и друг С.Т. Аксакова. Этот визит не был неожиданностью для С.Т. Аксакова. За несколько дней до его приезда в институт он писал сыну о том, что они ожидают приезда цесаревича, а сам император недавно посетил Императорский Московский университет и остался всем доволен, заслуга в этом эконома – П.П. Андреева и покойного П.С. Щепкина. Однако, по словам С.Т. Аксакова, «вся честь»

[978] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 8 об.
[979] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 126. Л. 7 об.
[980] Там же. Д. 525. Л. 1, 1 об.
[981] Там же. Д. 529. Л. 1.
[982] Там же.
[983] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 23; Приложение 3. С. 285.

досталась другим людям, и «это неизбежно», то же самое будет и с его заведением, когда он покинет пост директора[984].

10 ноября 1837 г., буквально за две с половиной недели до приезда царственных особ в институт, С.Т. Аксаков направил письмо И.У. Пейкеру, испрашивая разрешения приобрести у «известного и лучшего ваятеля Москвы» автора фонтанов на Театральной, Лубянской площадях и Колесницы славы для Триумфальных ворот, Ивана Петровича Витали мраморный бюст Николая I.

При покупке бюста у И.П. Витали, С.Т. Аксаков проявил себя как директор, которому небезразличны финансовые расходы института. Он договорился со скульптором о том, что институт заплатит ему за эту работу только часть суммы – не 2 000 рублей, а 1 000 рублей. Взамен, Витали был обещан мрамор, который оказался ненужным при переделке некоторых комнат в институте (8 брусков, 11 подоконных досок и 12 обломков). «Красная» цена, по словам С.Т. Аксакова, этому мрамору всего 500 рублей[985]. Но так как он считался казенным движимым имуществом, И.У. Пейкер попросил организовать проведение торгов, чтобы законным образом соблюсти порядок купли-продажи[986].

Судя по всему, Сергей Тимофеевич планировал приобрести бюст к приезду цесаревича в ноябре 1837 г. Но процесс приобретения затянулся и только к 21 декабря состоялись торги на продажу старого выломанного мрамора. Самую большую сумму предложил московский мещанин Ефрем Ефремов – 136 рублей, и эта сумма была намного ниже той, по которой согласился выкупить материал скульптор И.П. Витали. Бюст был приобретен 21 декабря 1837 г. и доставлен в учебное заведение. Мы видим, что для Сергея Тимофеевича как директора института была важна финансовая составляющая вверенного ему учебного заведения – он стремился увеличить количество своекоштных пансионеров,

[984] НИОР РГБ. Ф.3. Оп.3. Д. 24б. Л. 22.
[985] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 548. Л. 1.
[986] Там же. Л. 2 об., 3.

которые бы вносили плату за обучение, и в то же время хотел сократить расходы института, даже в хозяйственных нуждах[987].

Учебный 1837 г. был закончен в августе, 21 человек стал выпускником Константиновского межевого института, переведены в высшие классы – 91, исключены всего лишь два ученика, а не 12 как в прошедшем 1836 г., остались в тех же классах 57 учащихся. Для удобства надзора за воспитанниками, С.Т. Аксаков распорядился разделить их на семь отделений, в каждом из которых было примерно по 25 человек, к каждому отделению был прикреплен свой надзиратель[988].

К 1838 г. ремонт и отделка институтский зданий были завершены, учебное заведение стало «закрытым» с улучшенными условиями обучения и проживания для воспитанников[989]. По итогам прошедших перемен 23 июля 1838 г. С.Т. Аксакову была объявлена благодарность от министра юстиции[990].

В 1838 г. штат работников института, сформированный директором, был следующим. Инспектором сначала был князь П.Д. Козловский, а с 10 декабря эту должность стал исправлять штабс-капитан корпуса военных топографов Алексей Мамонтов. Надзирателями стали титулярные советники Дмитрий Кораллов, Евсей Казначеев, Егор Дворецкий, Василий Дмитриев; губернский советник Иван Шрейер; коллежский секретарь Василий Богомолов; коллежские регистраторы Аполлон Жданов и Иван Куприянов. Закон Божий и священную историю преподавал священник Алексей Беляев. Математику, геодезию и математическую географию вел коллежский асессор Петр Маклютин. Арифметику и алгебру – коллежский асессор Иван Былов. Межевые законы и делопроизводство – титулярный советник Степан Милюков. Физику, химию и агрономию – магистр физико-математических наук преподавал известный математик Николай Астраков. Политическую географию и статистику – студент Московского

---

[987] Там же. Л. 4, 4 об.
[988] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.64.
[989] Там же. С. 65.
[990] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17. Л. 1.

университета, коллежский секретарь Иван Кожин. Русскую словесность – губернский секретарь Егор Ярцов, затем с 16 марта по 22 октября – В.Г. Белинский, после его ухода – двоюродный племянник Белинского – студент Московского университета Д.П. Иванов. Русскую грамматику и арифметику в младших классах преподавал канцелярист Орфелов. Рисование в младших классах – коллежский асессор Павел Цвилинев и младший землемер Алексей Васильев, а в старших – коллежский секретарь Иван Дурнов[991].

Особенное внимание из этого списка учителей хотелось бы уделить В.Г. Белинскому, который был приглашен в Межевой институт С.Т. Аксаковым. В это время были изданы «Основания русской грамматики» В.Г. Белинского. Любопытно, что выходу в свет в 1837 г. этого сочинения способствовал тоже Сергей Тимофеевич. После того, как «Грамматика» был отклонена Московским учебным округом в качестве руководства для школ, автор не смог напечатать ее за казенный счет. Тогда он издал ее в типографии Н.С. Степанова под поручительство С.Т. Аксакова[992]. Поэтому, обосновывая свой выбор высоким уровнем будущего учителя, директор писал попечителю института, что пригласил неслужащего дворянина В.Г. Белинского к преподаванию русского языка в институте с окладом 1300 рублей в год. По причине исключения из Императорского Московского университета В.Г. Белинский диплома об окончании высшего учебного заведения не имел[993], поэтому был решено его допустить к преподаванию «по найму» для испытания его профессиональных педагогических способностей[994]. Из-за задержки документов из Дворянского депутатского собрания, подтверждающих у В.Г. Белинского его дворянство, задерживалась выплата ему месячного жалования. Сергей Тимофеевич, желая

---

[991] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–14.
[992] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9-ти т. М., 1982. Т. 9. С. 727.
[993] Белинский В. Г. «был на плохом счету у начальства» как казеннокоштный студент Императорского Московского университета, был «инициатором выступлений против казарменного надзора, плохого питания и т.п.», а после запрещения его антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин», был уволен из университета с формулировкой «по слабому здоровью» и «по ограниченности способностей». // Русские писатели. 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 207.
[994] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 689. Л. 1, 1 об.

оказать помощь нуждающемуся в финансовой поддержке В.Г. Белинскому, написал письмо попечителю института, в котором просил разрешения на выплату жалования новому учителю, потому что он «бедный» и «весьма нуждается в деньгах», хотя успел себя показать как «отличный учитель»[995]. Это письмо было послано С.Т. Аксаковым в апреле 1838 г., а спустя месяц, в письме к брату Белинский сообщал, что поступил на «выгодное» для него место – на службу учителем в Константиновский межевой институт, преподает девять часов в неделю, и пока еще не утвержден в должности, а состоит «по найму»[996]. Официальное утверждение Белинского как учителя «по найму» произошло 9 июня.

Из дружеского письма к М.А. Бакунину[997] мы узнаем о желании В.Г. Белинского жить во имя «общественного блага» – преподавать воспитанникам дисциплину «добросовестно», «применяя ее к жизни», к будущей межевой деятельности учеников, что он и обещал попечителю института И.У. Пейкеру[998].

В 1838 г. был написан акварельный портрет В.Г. Белинского воспитанником Константиновского межевого института Николаем Мартыновым. Впервые он был опубликован в черно-белом варианте в «Историческом вестнике» в 1881 г.[999], а в красках – в собрании сочинений В.Г. Белинского под редакцией С.А. Венгерова в 1900 г.[1000]. Оригинал портрета долгое время хранился у потомка князя Козловского – Павла Густавовича Моравека[1001]. Отправляя портрет для публикации в «Историческом вестнике», П.Г. Моравек сопроводил его комментариями о том, что это изображение В.Г. Белинского представляет

---

[995] Там же. Л. 4 об., 5.
[996] *Любартович В. А.* Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство/ С. 62.
[997] Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – философ, публицист и друг В.Г. Белинского.
[998] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9-ти т. М., 1982. Т. 9. С. 167–168.
[999] Исторический вестник. Т. 6. 1881. С. 456.
[1000] *Белинский В. Г.* Собр. соч: в 12-ти т. Т. 2. СПб., 1900. С. 1, 608.
[1001] Моравек Павел Густавович (1856–1904) – инспектор Санкт-Петербургской Екатерининской женской гимназии.

«большую редкость», потому что оно написано «с натуры» и досталось ему от его дяди, князя П.Д. Козловского, служившего инспектором в Межевом институте[1002].

Этот же портрет был показан издателю «Отечественных записок» А.А. Краевскому[1003], как лицу, который близко знал В.Г. Белинского, и он подтвердил, что черты в портрете схвачены воспитанником Константиновского межевого института «намного вернее», чем в остальных его портретах и бюстах[1004].

Преподавал в институте В.Г. Белинский до 22 октября 1838 г., затем уволился, таким образом, в общей сложности на службе в Межевом ведомстве он состоял семь с половиной месяцев[1005]. Уволился он потому, что еще в марте 1838 г. взял под управление журнал «Московский наблюдатель», став его неофициальным редактором и решив полностью «посвятить себя работе в журнале»[1006].

Неприятный инцидент произошел с Белинским буквально перед его уходом из Межевого института. Об этом происшествии он рассказал в письме к Ивану Ивановичу Панаеву[1007]: одним из воспитанников института «некиим Мартыновым» была украдена у него тетрадь со стихами Красова, которая попала в руки Сенковского[1008], распорядившимся ею как своей собственностью[1009]. Речь идет об украденных стихах поэта Василия Ивановича Красова, которые Белинский планировал напечатать в «Наблюдателе». По его предположению, украл их один из братьев Мартыновых, обучавшихся в Межевом институте, а

[1002] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 12-ти т/ С. 1, 608.

[1003] Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – помощник редактора и редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1835–1837), один из пяти соиздателей «Современника» (1836 – 1846), редактор-издатель «Отечественных записок» (1839–1868). Критическим отделом «Отечественных записок» руководил с 1839 по 1846 гг. В.Г. Белинский.

[1004] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 12-ти т. С. 608.

[1005] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 65.

[1006] *Машинский С.* И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 198–199.

[1007] Панаев Иван Иванович (1812–1862)– журналист и писатель, печатался в «Московском наблюдателе В.Г. Белинского.

[1008] Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – редактор ежемесячного журнала «Библиотека для чтения».

[1009] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: в 9-ти т. М., 1982. Т. 9. С. 241.

именно, Василий. С именем этого воспитанника связана история увольнения из учебного заведения князя Козловского, которого связывали дружеские взаимоотношения с В.Г. Белинским[1010]. Василий Мартынов обучался с 1834 г. и закончил институт младшим землемерным помощником в 1841 г., на два года позже, чем его брат Николай Мартынов, заслуживший похвалу цесаревича Александра в 1837 г.[1011].

Как было отмечено выше, преподавание русского языка в Межевом институте Белинский передал своему двоюродному племяннику и школьному другу – Дмитрию Петровичу Иванову[1012]. Возможно, что это назначение тоже произошло с непосредственным участием С.Т. Аксакова-директора. Со своим племянником В.Г. Белинский был в очень тесной переписке: он доверял ему свои литературные планы и советовался. В свою очередь, Д.П. Иванов подробно информировал Белинского о делах института и называл управление нового директора В.И. Ланге «совершенною тираниею». По словам Д.П. Иванова, В.И. Ланге «вытеснял» из института преподавательский состав, который был набран при С.Т. Аксакове и замещал освободившиеся должности своими родственниками и «приятелями». Потеря места учителя Константиновского межевого института для Д.П. Иванова было не только лишением любимого «поприща», в котором он видел свое «человеческое назначение», но и финансовые «бесконечные лишения» для его семьи[1013]. В следующем письме к В.Г. Белинскому Дмитрий Петрович сообщил, что 19 февраля 1840 г. В.И. Ланге подал в отставку, и важно то, что попечитель института «неласково изгнал его»[1014].

По поводу управления В.И. Ланге и его последующего увольнения из Константиновского межевого института, в котором важную роль сыграло «дело

[1010] Там же. С. 167.
[1011] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 332–334.
[1012] *Тихонова Е. Ю.* Человек без маски. В.Г. Белинский: грани творчества/ С. 19.
[1013] НИОР РГБ. Ф. 21. Оп. 5184. Д. 14. Л. 15–16 об.
[1014] Там же. Л. 18 об.

Воронова» [1015], С.Т. Аксаков писал жене из Санкт-Петербурга, что «дураку велено выйти в отставку. Это дело решёное…»[1016]. Судя по этому письму от 20 ноября 1839 г., у В.И. Ланге были достаточно напряженные отношения не только с институтскими служащими, но и с вышестоящим руководством, и, видимо, инцидент с воспитанником Вороновым, о котором рассказывалось выше, стал последней каплей для увольнения В.И. Ланге с должности директора Межевого института.

Что касается воспитанников, то в 1838 г. их было 155 штатных. По результатам экзаменов 22 воспитанника успешно закончили обучение в институте, выпущены землемерными помощниками, 70 переведены в высшие классы, 4 человека «исключены за малоуспешность»[1017]. В учебном отношении и в плане нравственности на «черную» доску никто из воспитанников Межевого института не был записан[1018].

19 апреля 1838 г. С.Т. Аксаков по состоянию здоровья вынужден был уйти в долговременный четырехмесячный отпуск[1019]. Заведование Константиновским Межевым институтом было поручено второму члену Межевой канцелярии коллежскому советнику Максимову, которому С.Т. Аксаков и сдал все дела. Во время отпуска, 28 июля 1838 г., «по указу Правительствующего сената» С.Т. Аксаков, благодаря представлению И.У. Пейкера, стал надворным советником. 10 августа, «получив облегчение» болезненного состояния, С.Т. Аксаков вернулся к исполнению своих обязанностей в институте[1020]. В это время он уже решил просить отставку со службы из Межевого ведомства. Причиной отставки стало его ухудшающееся состояние здоровья. В начале августа 1838 г. в Москву приезжал И.У. Пейкер на десять дней для участия в выпускных экзаменах в институте и пытался уговорить С.Т. Аксакова остаться в

[1015] Воронов Василий – воспитанник Константиновского межевого института, которого директор В.И. Ланге приказал прилюдно наказать розгами.
[1016] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 9. Л. 167, 168.
[1017] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С. 65, 66.
[1018] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп.1. Д. 27. Л. 7 об.
[1019] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 727. Л. 1.
[1020] Там же. Л. 10.

институте[1021]. Письма Сергея Тимофеевича к сыновьям Константину и Григорию стали источником информации о последующих событиях. 15 августа Сергей Тимофеевич сообщал Константину, что, вступив в должность, виделся с «Виссарионом», которым он очень доволен, потому что Белинский стал «весьма нерядовым преподавателем». В этом письме С.Т. Аксаков делился с сыном переживаниями, что не нашел в себе сил объявить В.Г. Белинскому о своем уходе[1022]. Через месяц, 12 сентября он писал, что «дело в службе» его «решено», что он дольше «половины октября» не останется служить[1023]. Через полтора месяца из письма к Григорию мы узнаем, что нагрузка у С.Т. Аксакова стала колоссальной: из-за болезни инспектора – штабс-капитана Мамонтова на его плечи легли еще дополнительные обязанности в институте. К тому времени уже стало известно о назначении подполковника Ланге на его место. «Так служить долго невозможно, надеюсь, что это не продлится слишком», – подводил итог своему служебному положению Сергей Тимофеевич[1024].

Официальная отставка со службы состоялась 24 января 1839 г. С.Т. Аксаков в письме к жене рассказывал о своем прощании с воспитанниками и преподавателями, служащими института: «…Воспитанники выстроились в рекреационной зале, и все учителя, надзиратели и чиновники собрались в особой комнате. Я ввел Ланге с начала к последним, объявил им, что я получил отставку, и что вот их новый директор, после чего представил каждого по именно». Затем Сергей Тимофеевич обошел все здания, заходил в больницу и воротился в канцелярию, где все обнялись и, сказав напутственные слова, расстались. Он сообщал супруге, что в понедельник будут готовы все описи и реестры, которые он подпишет и «тем кончится бал». «Ну вот, моя бесценная Оллина, – заканчивал письмо С.Т. Аксаков, – твой Серж теперь весь принадлежит тебе и детям»[1025]. По свидетельству исследователя В.С. Кусова, при сдаче дел С.Т. Аксакова

[1021] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 23 а. Л. 30.
[1022] Там же. Л. 28.
[1023] Там же. Л. 32.
[1024] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 24в. Л. 24.
[1025] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 32, 32 об.

подполковнику Ланге была составлена опись передаваемого имущества на 1839 г. В ней фигурировали: 8 наименований учебников, 6 наименований карт, астролябий со штативами – 3, буссоли – 4, эккер – 1, колья межевые – 56, мензул – 9, цепей – 5, 118 наименований книг в библиотеке, мундиров темно-зеленого цвета – 144, шинели серого сукна – 240, корыт осиновых – 5, лошадей – 2, портрет Александра в вызолоченной раме и уже известный нам мраморный бюст императора работы И.П. Витали[1026].

28 апреля 1839 г. Сергей Тимофеевич был произведен в коллежские советники. Таким образом, чин, с которым он завершил свою служебную деятельность, принадлежал к VI классу. Для наглядности хотелось бы представить карьерную лестницу С.Т. Аксакова за все годы его службы в Межевом ведомстве:

Год	**Класс**	**Чин**	**Форма титулования (Общий титул)**[1027]
1833	IX	Титулярный советник	Благородие
1836	VIII	Коллежский асессор	Высокоблагородие
1838	VII	Надворный советник	Высокоблагородие
1839	VI	Коллежский советник	Высокоблагородие

Таким образом, четыре класса по Табели о рангах всего лишь за шесть лет, когда положенный срок выслуги лет по каждому чину должен был составлять четыре года, исключением является выслуга лет от титулярного советника до коллежского асессора – три года. Можно предположить, что такому быстрому продвижению по служебной лестнице С.Т. Аксакова способствовал в большой степени И.У. Пейкер.

Хотелось бы остановиться на взаимоотношениях С.Т. Аксакова и И.У. Пейкера, а также на причине его увольнения из Межевого ведомства.

[1026] *Кусов В. С.* Московский государственный университет геодезии и картографии. История создания и развития: 1779–2004. С. 107–108.
[1027] *Соломатин В. А.* Сергей Тимофеевич Аксаков и его время // *Соломатин В. А., Комарова Н. Ф., Емченко Е. Б., Иванова Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт. С. 15.

Большинство исследователей, как уже отмечалось выше, полагали, что С.Т. Аксаков уволился не просто по причине ухудшающегося здоровья и по настоятельным просьбам своей семьи, а в результате непростых отношений между ним и И.У. Пейкером. «Раздражительным, надменным вельможей», который «не терпел инакомыслящих», у которого «на этой почве не раз возникало недовольство Аксаковым»[1028], – характеризовал И.У. Пейкера С.И. Машинский.

Однако следует более детально рассмотреть историю их взаимоотношений, которая смогла бы пролить свет на истинную причину ухода С.Т. Аксакова из Константиновского межевого института.

С.И. Машинский ориентировался на содержание письма С.Т. Аксакова сыну Константину от 12 сентября 1838 г., в котором он написал, что попечитель института «внутренне рад» его уходу, потому что такой директор как он – в тягость, и не могут ему, Пейкеру, быть «сладки» «чрезмерные похвалы» институту, потому что это в некоторой степени и похвалы его директору[1029].

Этому письму предшествовало упоминавшееся выше письмо Константину от 15 августа, в котором Сергей Тимофеевич писал, что «несмотря на наружную ласковость», проглядывало нерасположение с обеих сторон при разговоре, И.У. Пейкер уговаривал остаться служить, но, по словам Сергея Тимофеевича, «довольно слабо»[1030]. Вроде бы все ясно и, кажется, что С.И. Машинский полностью прав в своих предположениях.

Но важен тот факт, что С.Т. Аксаков встречался с И.У. Пейкером в Москве еще за год до своего устройство на должность инспектора. Далее, все идеи, предложенные им по Константиновскому межевому институту, И.У. Пейкером полностью поддерживались, который содействовал их исполнению и докладывал о предложениях С.Т. Аксакова в прошениях на имя министра юстиции. Например, так происходило при получении разрешения о приеме сверхштатных воспитанников на счет остаточных межевых сумм в 1836 г. Более того, в своем

[1028] *Машинский С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. 199.
[1029] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 23 а. Л. 30–32.
[1030] Там же. Л. 30.

прошении на имя Д.В. Дашкова Иван Устинович даже подкрепил предложения С.Т. Аксакова своим финансовым расчетом – выгоды в экономии института. Результат – получение разрешения министра юстиции.

Сохранилась дружеская переписка Сергея Тимофеевича с первым ректором Киевского университета – профессором М.А. Максимовичем за 1834 и 1835 гг., в которой он упоминал, что сделан директором и приступает к преобразованию училища в институт, а также попечитель учебного заведения И.У. Пейкер «весьма» желает с ним познакомиться[1031]. Исходя из этой переписки тоже можно судить о том, что отношения между И.У. Пейкером и С.Т. Аксаковым не ограничивались служебными интересами.

Именно И.У. Пейкер ходатайствовал перед Д.В. Дашковым 14 апреля 1836 г. о выплате С.Т. Аксакову денежной награды в размере полугодового жалованья за «отлично-усердную службу»[1032]. И.У. Пейкер в 1837 г. с подачи Г.И. Карташевского сам предложил отпуск Сергею Тимофеевичу для поездки в Оренбургскую губернию в связи с кончиной Т.С. Аксакова.

Поддержка предложений С.Т. Аксакова перед министром юстиции о введении в учебный курс Межевого института преподавания французского языка, пения, гимнастики и танцев. Идея этих изменений была признана «преждевременной и «несущественной» Д.В. Дашковым, а И.У. Пейкер просто довел до сведения С.Т. Аксакова решение Министерства и впоследствии стремился вернуться к этому вопросу, доказать перед руководством актуальность предложенного Сергеем Тимофеевичем[1033].

Вопрос выплаты В.Г. Белинскому жалованья в 1838 г., не дожидаясь официального прихода документов, С.Т. Аксаков решил путем отправки личного письма И.У. Пейкеру, которое было написано с большим уважением, почтением и дружеской теплотой. Там были следующие строки: «…Если б я не видел всегда обязательного участия вашего, во всем до меня касающегося, то конечно я не

[1031] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 19. Л. 1, 1 об.
[1032] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.
[1033] Там же. Д. 280. Л. 14, 14 об.

осмелился бы обременять Ваше Превосходительство такими несносными подробностями: вы этим меня избаловали…»[1034]. Результат – скорое получение искомого согласия.

Необходимо также обратить внимание на ходатайство И.У. Пейкера перед министром юстиции об отправке С.Т. Аксакова в Санкт-Петербург для изучения организации других учебных учреждений, а также доверительное его письмо к С.Т. Аксакову от 17 апреля 1835 г. из Санкт-Петербурга, в котором он делился новостями по поводу преобразования Землемерного училища в Межевой институт. Конечно же, быстрое продвижение Сергея Тимофеевича по служебной лестнице происходило тоже благодаря ходатайствам И.У. Пейкера.

Когда же С.Т. Аксаков в 1838 г. из-за ухудшения здоровья вынужден уйти в отпуск на четыре месяца, И.У. Пейкер написал ему очень длинное письмо с дружескими советами, какие меры принимать, чтобы улучшить состояние здоровья, с примерами из своего личного опыта: «…Ради Бога, старайтесь быть как можно больше на свежем воздухе, все равно, в экипаже или садовой беседке, ежедневная <...> прогулка верхом, при постоянном употреблении <...> свежей воды довершит дело. Я говорю как друг, Вас истинно любящий и <…> Поверьте, почтеннейший Сергей Тимофеевич, меня расстраивает мысль, что расстроенное здоровье Ваше могло бы лишить меня такого достойного сотрудника, как Вы. Общение с Вами сделалось для меня... привычкою, необходимым условием успеха в нашем общем полезном деле»[1035].

Что касается письма от 9 октября 1838 г., можно сделать предположение, что во время встречи С.Т. Аксакова и И.У. Пейкера в начале августа, когда Сергей Тимофеевич объявил ему о своей отставке, возникло между ними некоторое недопонимание: Иван Устинович был удивлен его прошению, потому что был уверен, что Сергей Тимофеевич останется служить «еще годок»[1036].

[1034] Там же. Д. 689. Л. 4–5.
[1035] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 96. Л. 2–3.
[1036] Там же. Л. 1.

Можно предположить, что во взаимоотношениях И.У. Пейкера и С.Т. Аксакова большую роль играла разность характеров и положения по службе. И.У. Пейкер, занимая высокий пост, был человеком, судя по всему, прагматичным, в каких-то вопросах менее эмоциональным, более «сухим», чиновником, которого, в первую очередь, «положение обязывает», и, особенно, когда власть и престиж могут накладывать определенный отпечаток в манере общения, в разговоре с людьми. Сергей Тимофеевич был личностью творческой, эмоциональной. Человеческие отношения – вещь очень тонкая и сложная, но, не исключено, что выводы С.Т. Аксакова по поводу отношения к нему И.У. Пейкера слишком эмоциональны, субъективны, лишены конкретных доказательств, похоже больше на домыслы или на оправдания. Например, Сергею Тимофеевичу показалось, что И.У. Пейкер «внутренне рад» его увольнению и «слабо» его уговаривает, а Иван Устинович на тот момент посчитал, что его дружеский совет – остаться еще на год в Межевом ведомстве, был принят и заставит повременить С.Т. Аксакова с увольнением. Наверное, это больше переживания Сергея Тимофеевича: ведь отставка, увольнение – это всегда психологически сложное решение.

Семьи Пейкеров и Аксаковых после увольнения Сергея Тимофеевича продолжали общаться. С.Т. Аксаков поведал о комическом случае, рассказанном ему в 1841 г. сыном И.У. Пейкера – Петром, который в дороге из Петербурга в Москву познакомился с Н.В. Гоголем. Но тот, чтобы избежать лишних вопросов представился «Гогелем» – «простачком, круглым сиротой с преплачевной историей». Аксаковы успокоили П.И. Пейкера, объяснив ему, что подобные мистификации Гоголь делал со многими. Впоследствии они даже обедали вместе, и «Гоголь был любезен со своим прежним дорожным соседом»[1037]. Сын И.У. Пейкера, видимо, не один раз был гостем дома Аксаковых. Из письма, написанным Верой Аксаковой матери Ольге Семеновне 29 ноября 1839 г. из Санкт-Петербурга, мы узнаем о дружеских ее визитах к Пейкерам: с Марией

[1037] *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 2011. С. 60.

Карташевской[1038] она были у «Наденьки Пейкер», где она познакомилась с Петром Ивановичем Пейкером[1039], наружность которого ей «очень понравилась» своей добротой и «приятностью в лице», «впрочем не мужском», – добавляла В.С. Аксакова»[1040].

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения между С.Т. Аксаковым и И.У. Пейкером были не только служебными, а дружескими, доброжелательными и доверительными, с глубоким взаимным уважением и почтением. В письмах к поэту Н.М. Языкову друг Аксаковых П.В. Киреевский заметил, что И.У. Пейкер был «весьма закадычен» с С.Т. Аксаковым[1041]. Некоторое недопонимание в отношениях происходило в августе – октябре 1838 г. по поводу отставки Сергея Тимофеевича, но это не было истинной причиной увольнения С.Т. Аксакова из Межевого ведомства. Основная причина – его ухудшающееся здоровье. И.У. Пейкер продолжал и после официальной отставки С.Т. Аксакова способствовать его служебным делам. Благодаря его ходатайству, в апреле 1839 г. С.Т. Аксакову, несмотря на неполную выслугу лет, был присвоен чин коллежского советника. 5 ноября 1841 г. по представлению И.У. Пейкера, отмечавшему, что Сергей Тимофеевич исполнял свои обязанности «с отличным усердием», С.Т. Аксакову был присвоен знак отличия о двадцатилетней беспорочной службе и с правом его ношения на Владимирской ленте[1042]. Получив знак отличия беспорочной службы за двадцатилетнюю выслугу, Сергей Тимофеевич благодарил Ивана Устиновича и спрашивал совета, как ему решить вопрос с увеличением пенсии: с нынешних 250 рублей ассигнациями в год до 1200 рублей в год[1043]. Таким образом, И.У. Пейкер после увольнения С.Т. Аксакова оставался его покровителем, советчиком и помощником в служебно-финансовых делах.

[1038] Карташевская Мария Григорьевна (1818–1906) — дочь Н.Т. и Г.И. Карташевских, племянница С.Т. Аксакова и двоюродная сестра Веры Аксаковой, с которой она дружила всю жизнь.
[1039] Пейкер Петр Иванович и Надежда Пейкер — дети И.У. Пейкера.
[1040] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 9. Л. 242.
[1041] Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову. М.; Л., 1935. С. 66.
[1042] НИОР РГБ. Ф. 3 Оп. 15. Д. 13. Л. 13.
[1043] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 1743. Л. 50, 50 об.

Таким образом, С.Т. Аксаков, пребывая на должности директора главного в Российской империи межевого учебного заведения, стремился поднять его на уровень высшего учебного заведения – усовершенствовать учебный процесс и устройство института, перенимая опыт самых престижных высших училищ и кадетских корпусов того времени. Несомненна заслуга С.Т. Аксакова в составлении первого Устава института, в преобразовании его в учебное заведение закрытого типа с обеспечением проживания воспитанников в казенном доме. Как рачительный хозяин он стремился сократить финансовые затраты института и повысить его доходы. Поощрение учеников за их успехи в науках, попечение об их благе и нравственном воспитании, а также постоянная забота о преподавательском составе института стали его основными педагогическими принципами. Напряженная служба и самоотверженность, видимо, ухудшили его здоровье, стали причиной его ухода в отставку. Заслужив высокую оценку и признание со стороны общественности и руководства, С.Т. Аксаков в то же время скромно относился к своим заслугам и достижениям учебного заведения, в достижении которых он принимал активное участие. Может, отчасти и поэтому, не желая выставлять свои труды напоказ, С.Т. Аксаков не оставил нам мемуары об этом важном периоде своей службы.

4.10 Педагогические принципы

Источниковедческий анализ позволил восстановить педагогические принципы С.Т. Аксакова. Отчасти они представлены в его публикациях в газете «Молва», эпистолярном наследии и в делопроизводственной документации Константиновского межевого института. В книге А.Л. Апухтина содержатся свидетельства того, что С.Т. Аксаков стремился развить у воспитанников любовь к порядку и чтению книг, уменью распределять свое время[1044].

[1044] *Апухтин А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М., 2009. С.67

В 1832 г. в газете «Молва» были опубликованы С.Т. Аксаковым статьи, которые характеризуют его взгляды на образование и воспитание молодого поколения. Дело в том, что в этот период С.Т. Аксаков ожидал должности инспектора Константиновского землемерного училища, готовился к педагогическому поприщу, и его интерес к образовательному процессу учебных заведений вполне объясним.

Представляет интерес публикация, которая до настоящего времени не рассматривалась исследователями в контексте педагогических взглядов С.Т. Аксакова. Статья «Училище глухонемых в Москве» была опубликована в 32-ом номере газеты «Молва» 6 сентября 1832 г.[1045]. С искренним восхищением этим учебным заведением, которым руководил на добровольных началах учитель А.О. Корси, писал С.Т. Аксаков: за два с половиной месяца учитель смог совершить подвиг – «раздуть божественную искру разума», «посеять семена образования. Желая привлечь внимание общественности к данному учебному заведению, С.Т. Аксаков писал, что необходимо участие «благодетельного правительства» в жизни этого учебного заведения, а также привлечение платных учеников, чтобы А.О. Корси смог принимать в свое заведение бедных и учить их бесплатно[1046]. С.Т. Аксаков называл образовательный процесс, которым руководил А.О. Корси, «одушевлением» и «человеколюбивым делом»[1047]. «Училище глухонемых в Москве» – самая ранняя заметка, касающаяся учебных заведений. В ней мы видим, что уважение к личности человека, христианское человеколюбие, забота лежали в основе педагогических взглядов С.Т. Аксакова.

В 48-м номере «Молвы» за 1832 г. под инициалами «С.А.», была опубликована статья, адресованная Г.И. Карташевскому, который в то время был попечителем Белорусского учебного округа. Она касалась организации учебного процесса Московского университетского благородного пансиона, где

[1045] *Аксаков С. Т.* Училище глухонемых в Москве // Молва. 1832. № 32. С. 285–287.
[1046] Там же. С. 287.
[1047] Там же.

инспектором был профессор Михаил Григорьевич Павлов[1048]. С.Т. Аксаков в статье отметил важные для него характеристики образовательного и воспитательного процессов: забота и «неослабное внимание» должно всегда сопровождать процесс обучения и «внутренний надзор» за воспитанниками[1049]. Впоследствии эти нравственные характеристики педагогического процесса станут основополагающими для самого С.Т. Аксакова в Константиновском землемерном училище, потом в институте.

«Весьма важным делом» называл С.Т. Аксаков выбор преподавателей[1050]. Через год, будучи инспектором училища, С.Т. Аксаков очень тщательно старался подойти к выбору преподавателей для учебного заведения. Для Сергея Тимофеевича было крайне важно, чтобы в институте вели качественное преподавание профильных дисциплин. В архиве сохранился черновик письма С.Т. Аксакова к И.У. Пейкеру, в котором он жаловался на преподавателя алгебры, математической и физической географии – Соколова. Он писал, что этот учитель приводит его в «совершенное отчаяние», потому что занятия посещает редко, ссылаясь на болезнь жены или на собственное нездоровье, физическую географию читает воспитанникам «слогом темным и невразумительным»[1051] Это письмо дает возможность утверждать, что С.Т. Аксаков часто посещал занятия разных классов и старался вникнуть в процесс преподавания предметов воспитанникам, оценивая, насколько качественно и понятно он ведется. Таким образом, он относился к процессу обучения небезразлично, старался контролировать преподавание каждого предмета в учебном заведении.

В статье, опубликованной С.Т. Аксаковым в «Молве», он назвал выбор надзирателей самым трудным и важным. По его мнению, «добрые нравы» учеников, во многом зависят от надзирателей[1052]. Сергей Тимофеевич очень ответственно и избирательно относился к кандидатам на должности надзирателей,

---

[1048] Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) – профессор физики, минералогии и сельского хозяйства, доктор медицины. С 1828 по 1830 гг. издавал литературный журнал «Атеней».
[1049] *Аксаков С. Т.* Письмо в Витебск Г.И. Карташевскому // Молва. 1832. № 48. С. 190.
[1050] Там же. С. 190.
[1051] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 280. Л. 15, 15 об.
[1052] *Аксаков С. Т.* Письмо в Витебск Г.И. Карташевскому // Молва. 1832. № 48. С. 190.

хотя оклады на этой должности были небольшими. Были случаи, когда С.Т. Аксаков в этой должности отказывал конкретным лицам, зачастую без объяснения причин, например, так произошло с советником Иваном Николаевым[1053]. Были случаи награждения надзирателей, например, в 1838 г. – Боголюбова наградили денежным жалованием[1054].

Из письма к сыну Григорию мы узнаем, что для С.Т. Аксакова-директора весьма трудно найти надзирателя всего лишь на 600 рублей годового жалованья, потому что, по его мнению, найти «отличного чиновника» можно только за «достаточное вознаграждение», а эта сумма невелика. Этой причиной объяснял С.Т. Аксаков, что вынужден «часто менять надзирателей», хотя старался привлечь «хороших людей» и в дальнейшем во всем наградить их[1055].

При приеме экзаменов у воспитанников для С.Т. Аксакова было важным, чтобы они отвечали не наизусть, а своими словами, чтобы это было не «обременение памяти», а приучение их к мыслительному процессу с умением рассуждать. Он не сомневался в правоте своей педагогической методики, и высказывал уверенность, что родители, которые умеют оценить пользу для своих детей, будут «без сомнения» благодарны[1056].

В конце статьи С.Т. Аксаков обобщал свои педагогические идеи, говоря о благородной миссии «образователя»: несмотря на то, что образовательная деятельность требует напряжения сил и является «подвигом», «сладка и высока награда способствовать развитию просвещения», а значит – «благоденствию» Отечества[1057].

Таким образом, С.Т. Аксаков стремился, чтобы его воспитанники могли научиться анализировать и мыслить самостоятельно и разносторонне, были просвещенными специалистами, не только в своей области.

[1053] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 239. Л. 1.
[1054] Там же. Д. 259.
[1055] НИОР РГБ. Ф.3. Оп.3. Д. 24а Л. 7, 37.
[1056] *Аксаков С. Т.* Экзамен в пансионе М. Г. Павлова // Молва. 1832. № 53. С. 212.
[1057] *Аксаков С.Т.* Письмо в Витебск Г. И. Карташевскому // Молва. 1832. № 48. С. 191.

Интерес представляют характеристики каждого из воспитанников Межевого института, которые представлены в Приложении 9 и Приложении 10. Из данных отчетов за 1837 и 1838 гг. становится известен не только возраст воспитанника, его происхождение, год поступления в учебное заведение, но и оценки по поведению, прилежанию, способностям и успехам в учебе. При С.Т. Аксакове оценивались нравственные качества воспитанников по четырехбалльной системе. Анализируя отчет за 1837 г., можно сделать вывод, что из 167 воспитанников отличниками были 22 человека, из них 13 человек – учащиеся первого класса, три человека –второго класса, шесть человек –третьего класса. В отчете за 1838 г указано, что из 182 воспитанников отличниками по поведению, прилежанию, способностям и успехам в учебе были 17 человек: девять человек – из первого класса, четыре человека – из второго класса, три человека – из третьего класса и один человек – из четвертого класса. Причем трое воспитанников-отличников [Павел Карпенкин, Михаил Папков, Дмитрий Папков. – *В.Д.*], которые в 1837 г. обучались в первом классе, продолжили обучение в этом же классе и в 1838 г., к сожалению, по неизвестным нам причинам, которые могли быть связаны с семейными обстоятельствами или болезнью. Особенности характера воспитанника были включены С.Т. Аксаковым в отчет с 1835 по 1839 гг. Напротив фамилии воспитанника в колонке «Характеристика – особые замечания» приводились следующие особенности каждого из обучающихся: «отлично скромный – точный, трудолюбивый, отличный»; «осторожный и скрытный – способности отличные»; «буйный – с дурными наклонностями»; «благонравно самолюбивый – трудолюбив»; «лживый, дерзкий – ленив, но способен к искусству; «тихий – трудолюбивый»[1058]. Практика давать характеристику каждому воспитаннику исчезает из отчетов с уходом С.Т. Аксакова.

Александр Пичугин, упоминаемый в письме Василия Мартынова, – «становится постояннее – способности хорошие», Василий Мартынов

[1058] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 717. Л. 18–25; Там же. Д. 1179. Л. 264–271 об.; Приложение 9. С. 314–361; Приложение 10. С. 341–362.

характеризуется как «ветреный шалун», Николай Мартынов – «непостоянен», но имеет «способности отличные к искусству». Такая тщательная характеристика каждого из воспитанников является доказательством индивидуального подхода к каждому учащемуся. Для С.Т. Аксакова были одинаково важны и нравственная сторона обучения, и успехи воспитанников.

Переписка С.Т. Аксакова с сыном Григорием, обучающимся в то время в Императорском училище правоведения, также содержит сведения о педагогических принципах в Межевом институте.

11 февраля 1836 г. С.Т. Аксаков писал сыну, что ответственность за то, что дети «не приносят пользы» своему Отечеству несут родители[1059].

24 ноября 1836 г. он сообщал, что у большей части воспитанников есть истинное желание учиться, которое ему, как директору, и преподавателям, надзирателям следует «удерживать и не понуждать[1060].

2 марта 1837 г. С.Т. Аксаков наставлял Григория, что надо думать не о «выходе из училища», а о том, как максимально полезно воспользоваться временем, которое выделено для образования «заботливым начальством», используя учебные пособия[1061].

22 марта 1837 г. С.Т. Аксаков просил Григория запомнить, что он именно сейчас должен образовать «свой ум познаниями», чтобы стать полезным и для государства и для своего семейства. По его мнению, кто хочет научиться – тот научится везде, независимо от того, какие были у него учителя, потому что надо, в первую очередь «желать образования», «искать его везде» и тогда точно успехи «будут верны»[1062].

28 апреля 1837 г. С.Т. Аксаков был возмущен опозданием к обедне Григория, потому что он нарушил «приказание начальства», которое должно быть «всегда и свято» исполнено. По мнению Сергея Тимофеевича, воспитанники не

[1059] НИОР РГБ. Ф.3. Оп.3. Д. 24а. Л. 2.
[1060] Там же. Л. 37 об.
[1061] Там же. Д. 24б. Л. 8., 8 об.
[1062] Там же. Л. 10 об.

должны рассуждать о приказании, они должны уметь повиноваться, иначе «погибнет» такое учебное заведение[1063].

Эта переписка подтверждает факты присутствия С.Т. Аксакова на уроках и экзаменах: он делился с сыном воспоминаниями о том, как ему в Казанской гимназии и университете тяжело давалась математика, а теперь, когда он посещает уроки математики в институте – он «легко и ясно» понимает преподавателя. Слишком рано, по мнению С.Т. Аксакова, он оставил университет – в 17 лет.[1064] Сергей Тимофеевич выражал в письме надежду, что «проклятая математика» не станет для Григория препятствием для перехода во второй класс[1065].

Делился отец с сыном в переписке своими переживаниями в связи со смертью воспитанника, который был один у матери, страдал от «падучей болезни», но при этом отлично учился, и Сергей Тимофеевич «готовил его в учителя[1066]. А когда в Москве бушевала холера, С.Т. Аксаков писал, что на Страстной недели он говел вместе с воспитанниками, и, «Слава Богу», все 153 воспитанника причастились, и никто тогда не заболел[1067].

Делопроизводственные документы по административно-хозяйственной деятельности Константиновского межевого института стали источником об отношении С.Т. Аксакова к здоровью и комфорту пребывания воспитанников в учебном заведении. Как отмечала Е.Б. Емченко, проведя анализ данной неопубликованной документации, в период управления С.Т. Аксаковым учебным заведением еда отличалась «удивительным разнообразием»[1068]. Для полного рациона питания воспитанников закупались: говядина черкесская парная, телятина парная, баранина парная, ветчина, солонина духовая, масло коровье, маковое, ореховое, прованское, горчичное, конопляное, деревянное (оливковое),

---

[1063] Там же. Л. 15 об.
[1064] Там же. Л. 6, 6 об.
[1065] Там же. Д. 24а. Л. 20, 20 об.
[1066] Там же. Л. 4., 4 об.
[1067] Там же. Л. 14 об.
[1068] *Емченко Е. Б.* «Роскошное помещение…»: культурно-бытовое пространство Константиновского межевого института. С. 232.

судаки, севрюги, белуги, мята английская, мята немецкая, мед казанский, патока медовая казанская и т. д[1069]. Делопроизводственные письма с просьбами к вышестоящему руководству по улучшению и сбережению одежды воспитанников С.Т. Аксаков начинал словами: «Для сохранения здоровья воспитанников...»[1070]. При С.Т. Аксакове в институте максимально заботились о здоровье, комфорте и гигиене воспитанников, было нанято значительное количество служителей, которые помогали поддерживать комфортную среду для жизни и образования учеников[1071].

Таким образом, принципы, которыми С.Т. Аксаков руководствовался в 1830-е гг. в управлении Константиновским межевым институтом заключали в себе стремление улучшить знания, обеспечить комфортную среду пребывания их в учебном заведении, заботу о нравственности и здоровье воспитанников. В основу своей педагогической системы С.Т. Аксаков ставил мысль о том, что надо «быть полезным и Государству и своему семейству…». Сохранилось письмо к С.Т. Аксакову одного дворянина из Смоленска, сын которого обучался в училище в 1835 г., в нем были такие строки: «Судьба наших детей в Ваших руках, и мы счастливы!»[1072].

Проведя анализ сохранившейся официальной документации с 1833 по 1835 г., личной переписки С.Т. Аксакова того времени, свидетельств его современников, удалось установить некоторые подробности его службы в Межевом ведомстве. Это была многогранная, разносторонняя деятельность, которая охватывала все сферы жизни учебного заведения: учебную, духовно-нравственную (воспитательную), финансово – хозяйственную. Сумев сформировать крепкий учительский состав и наладить учебный процесс, С.Т. Аксаков стремился создать фундамент для преобразования училища в институт.

[1069] Там же. С. 233.
[1070] Там же. С. 235.
[1071] Там же. С. 264.
[1072] РГАЛИ. Ф. 10. Оп.3. Д. 34. Л. 1–2.

Важную роль в этом реформировании сыграл главный директор Межевого корпуса И.У. Пейкер. Он не только поддерживал все педагогические инициативы директора перед Министерством юстиции, но и ценил С.Т. Аксакова: по его ходатайству он был удостоен чина коллежского асессора, затем надворного советника и, наконец, коллежского советника всего за 6–летний срок службы в Межевом ведомстве. Под руководством И. У. Пейкера и С.Т. Аксакова Константиновский межевой институт встал на путь преобразования в высшее учебное заведение Российской империи по межевой части.

Педагогическая и административная деятельность С.Т. Аксакова была направлена на жизненно важные вопросы института: преобразование института в закрытое учебное заведение; подыскание и оформление покупки достойного здания под институт; организация проживания воспитанников на территории учебного заведения; привлечение на учительские места высокопрофессиональных педагогов по специальным ключевым дисциплинам; усовершенствование учебного процесса воспитанников; финансово-организационные и хозяйственные вопросы.

Для С.Т. Аксакова были крайне важны духовно-нравственная и воспитательная стороны жизни учебного заведения. Радение за поведение, «прилежание в науках и преуспеяние в благонравии»[1073] своих воспитанников, попечение об их нравственности, причем без применения общепринятых телесных наказаний, сделало его управление по-отечески заботливым.

На этой сложной и ответственной должности С.Т. Аксаков проявил свои педагогические, воспитательные, организационные, хозяйственные способности, заслужил уважение со стороны руководства и признание заслуг. Способность управлять людьми и решать сложные служебные задачи – эти навыки, которые он приобрел в Московском цензурном комитете, профессионально развились на должности инспектора училища, а затем директора института.

Ухудшение в состоянии здоровья, накопленная усталость от напряженной служебной деятельности подорвали силы С.Т. Аксакова, заставив его уйти в

[1073] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 529. Л. 1.

отставку. Кроме того, в семье в тот момент остро вставал вопрос об определении в столичное учебное заведение младшего сына Михаила. А это возможно было сделать только с помощью личных связей и долговременной поездки в Петербург, что вряд ли было совместимо с непростой должностью Сергея Тимофеевича. Так и получилось, определение Михаила в Пажеский корпус потребовало пребывания С.Т. Аксакова в столице больше двух месяцев. Надо отметить, что еще за 3 года до отставки С.Т. Аксакова, в личной переписке с женой проскальзывали ее уговоры и просьбы оставить службу. Но для Сергея Тимофеевича в 1836 г. это было невозможно и немыслимо, потому что это была самая горячая пора его деятельности и он отвечал ей: «И в это время, я выйду в отставку, прослужа все горькое время, не принеся пользы, не оправдав доверенности Министра и друзей моих?.. Опомнись! Возьми назад свои убеждения, откажись от них <…> Я считаю их столь важными, что исполню их, если ты будешь настаивать, но пойми хорошенько, что из этого выйдет? Прости, обнимаю тебя и детей...»[1074]. Служение на благо Отечества, труд для пользы общества, для развития просвещения были превыше всего в мировоззрении С.Т. Аксакова. Эти высокие задачи соединялись в единое целое с его человеколюбивым подходом в управлении. Удивительно точно про этот необыкновенный дар Сергея Тимофеевича сказал поэт Петр Александрович Плетнев: «…В душе Вашей такое ко всем благоволение, что никто не может сделаться противником Вашим»[1075]. Неоценимый вклад своим «отеческим» управлением внес С.Т. Аксаков в развитие Межевого института, в стенах которого до сих пор вспоминают своего первого директора с теплотой и глубоким уважением.

[1074] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 19 об.; Приложение 3. С. 280.
[1075] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. 8 об., 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования впервые был выявлен весь комплекс источников, связанный с изучением служебной биографии С.Т. Аксакова: делопроизводственная документация, мемуары, переписка.

Была проанализирована история комплектации архивных фондов, степень сохранности дошедших до нашего времени источников. Была объединена для изучения и впервые введена в научный оборот разбросанная по девяти архивам частная переписка и делопроизводственная документация государственных учреждений.

Впервые было проведено текстологическое исследование правок С.Т. Аксакова – цензора, которые позволили увидеть не только сам процесс его работы с рукописями, но и проявление его личностных качеств: добросовестное отношение к своим обязанностям и осторожность, связанную с необходимостью следовать существующим предписаниям, бережное отношение к тексту в сочетании со стремлением не только помочь автору с изданием, но и усовершенствовать его текст. Таким образом, уже в этот период проявляется литературная одаренность С.Т. Аксакова, которая раскроется в полной мере после его ухода со службы.

Были сопоставлены, зачастую, противоречивые данные отдельных источников, что позволило пересмотреть отдельные исторические сведения, устоявшиеся в существующей историографии.

Полученные в результате комплексного исследования источников, в том числе неопубликованных и впервые введенных в научный оборот, с учетом накопленного опыта в историографии, исторические факты позволили реконструировать служебную биографию С.Т. Аксакова, а также охарактеризовать его личностные качества как чиновника, обстоятельства и мотивацию при устройстве на службу и смене служебной деятельности.

Служебная деятельность С.Т. Аксакова началась в 1808 г. и продолжалась с небольшими перерывами до 1839 г. Общая выслуга лет по формулярным спискам, служебному аттестату составила 21 год и один месяц. По предложению Г.И. Карташевского служить в Комиссии составления законов, и поддержке этого предложения со стороны родителей, С.Т. Аксаков, не доучившись, оставил Казанский университет и переехал в Санкт-Петербург. Возможно, Сергея Тимофеевича привлекали не только желание приносить пользу государству и обществу, начать служебную карьеру в столице, но и стремление оказаться в центре культурной, общественной, литературной и театральной жизни.

Основным источником по начальному этапу служебной деятельности С.Т. Аксакова стал аттестат, подписанный М.М. Сперанским, как руководителем учреждения. Документ свидетельствует о «сенатском регистраторе Сергее Аксакове», как о добросовестном канцелярском чиновнике[1076]. Навыки, приобретенные на должности письмоводителя Комиссии помогли С.Т. Аксакову в дальнейшем ориентироваться в непростой делопроизводственной документации подведомственных ему учреждений.

Отечественная война 1812 г., настоятельные уговоры родителей, помощь семьи Княжевичей, предположительно, послужили причинами перехода С.Т. Аксакова в Экспедицию о государственных доходах и последующего переезда из Санкт-Петербурга в Оренбургское имение. Проведенный сравнительный анализ сведений из «Месяцесловов с росписью чиновных особ или общего штата Российской империи» и сведений из первого формулярного списка С.Т. Аксакова, датированного 30 октября 1827 г.,[1077] помог выяснить, что с 1810 по 1819 гг. служба у Сергея Тимофеевича была номинальной – зафиксированной только в его первом формулярном списке. В этот период С.Т. Аксаков не был внесен в официальные списки сотрудников Экспедиции о государственных доходах, официального жалования не получал и в столицу приезжал редко.

[1076] РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 556. Л. 68.
[1077] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.

Служебная деятельность в полной мере началась на цензурном поприще, которую выбирает Сергей Тимофеевич в возрасте 36 лет. Она была тесно связана с его общественным и литературным признанием: как критика, тонкого ценителя литературы и театра; мастера слова, не боящегося высказывать собственную точку зрения. Дом Аксаковых, благодаря гостеприимству и личным качествам главы семейства с 1820-х гг. стал «пунктом соединения», притяжения московской интеллигенции[1078]. Сравнительный анализ различных типов источников – мемуаров, переписки, делопроизводственной документации, а также текстологический анализ правки Аксакова-цензора свидетельствует о его стремлении внести свой вклад в сохранение русской литературы, ее развитие, облегчить издателям исполнение цензурных уставов 1826 и 1828 гг. Умение подчиняться и управлять небольшим коллективом комитета; скрупулезно вычитывать и вникать в смысл требующих цензуры произведений; достойно и честно держать себя в трудных служебных ситуациях; легко входить в высший круг литературной интеллигенции, помогая печататься достойным произведениям московских литераторов – качества, отличавшие С.Т. Аксакова, в период его службы в Министерстве народного просвещения. Однако быть цензором в тот период было крайне сложно, поэтому его увольнение рано или поздно должно было произойти.

В результате источниковедческого исследования удалось реконструировать службу С.Т. Аксакова в Межевом ведомстве, где он проявил себя как блестящий администратор и педагог, став первым директором Константиновского межевого института. С.Т. Аксаков-директор – просвещенный чиновник, который заботился не только о создании комфортной среды для воспитанников, их успеваемости и интеллектуальном развитии, но и о нравственности. Анализ делопроизводственной документации Константиновского межевого института, позволил сделать вывод, что отношение С.Т. Аксакова к воспитанникам отличалось гуманностью и заботой.

[1078] Там же. Д. 42. Л. 1.

Уважение и признание заслуг, профессионализма С.Т. Аксакова со стороны воспитанников, преподавательского состава, служащих учебного заведения, попечителя института и министра юстиции стало итогом его служебной деятельности. Ухудшающееся здоровье, семейные заботы, ежедневная, непомерная служебная нагрузка, которая стала уже не по силам С.Т. Аксакову, заставили его уйти в отставку. Впоследствии были мысли вновь устроиться на службу, но скоропостижная смерть одного из любимых сыновей в 1841 г., возможно, заставила многое переосмыслить и, купив подмосковное имение Абрамцево, уединиться семьей для выполнения наставления Н.В. Гоголя и современников: взяться за перо и написать воспоминания.

При этом надо заметить, что служба для С.Т. Аксакова заключалась не только в стремлении быть полезным обществу, государству, семье, но и в оправдании доверия друзей и высокопоставленных чиновников, под начальством которых он работал[1079].

Таким образом, изучение служебного опыта С.Т. Аксакова – как чиновника, цензора, инспектора училища и директора института на основе архивных и опубликованных источников помогает восстановить малоизвестную страницу его биографии, проследить формирование его личности как чиновника, писателя и общественного деятеля.

Изучение служебной биографии С.Т. Аксакова, основанное на комплексном анализе источников, дало материал для развития таких направлений как история педагогической мысли, история государственных ведомств и учреждений, а также исторической антропологии. Данное исследование имеет не только научное, но и прикладное значение. В 2016 г. был открыт Культурно-исторический центр «Музей С.Т. Аксакова» (МИИГАиК), который на данный момент является единственным музеем в Москве, посвященным личности писателя, государственного чиновника и отца знаменитых сыновей–славянофилов. В экспозиции значительное место занимают неопубликованные архивные документы и письма. Ежегодно его посещают более 1000 человек. Это не только

[1079] ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 19–19об.; Приложение 3. С. 280.

студенты, которые в музее узнают об истории своего учебного заведения, но и широкий круг общественности, интересующейся русской литературой и культурой.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАФКЭ	– Государственный архив феодально-крепостнической эпохи
КФУ НБЛ ОРРК	– Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский Государственный архив литературы и искусства
НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РНБ	– Российская национальная библиотека
РО Пушкинского Дома АН СССР	– Рукописный отдел Пушкинского Дома Академии наук СССР
РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН	– Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
ЦГА Москвы	– Центральный государственный архив города Москвы

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 1155. Ростовцевы. Графы. Ростовцев Яков Иванович, генерал-адъютант, начальник Штаба военно-учебных заведений, председатель Редакционных комиссий для составления «Положения о крестьянах, выходцах из крепостной зависимости», член Государственного совета. 1803–1860. Ростовцев Николай Яковлевич, сын Я.И. Ростовцева, генерал-лейтенант, главный распорядитель при великом князе Николае Константиновиче, начальник штаба 8-го армейского корпуса, генерал-губернатор Самаркандской области. 1831–1897. Оп. 1. Д. 297.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (КФУ НБЛ ОРРК)

2. Фонд единичных поступлений. Д. 4046.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

3. Ф. 132. Материалы о Москве и Петербурге XVII – нач. XX вв. из коллекции П.И. Щукина. Оп. 1. Д. 382, 383.

4. Ф. 281. Коллекция документов по истории культуры, науки и общественного движения в России XVIII–XIX вв. Оп. 3. Д. 185.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

5. Ф. 1294. Межевая канцелярия. Указы, журналы и протоколы. Оп. 6. Д. 369, 1363, 1365, 1371, 1375.

6. Ф. 1295. Канцелярия Главного директора межевого корпуса и управление межевой частью Министерства юстиции (1832–1918). Оп. 1. Д. 14, 32,

38, 41, 42, 47, 64, 66, 67, 69, 85, 105, 107, 113, 114, 116, 117, 118, 126, 130, 131, 133, 137, 149, 151, 154, 162, 171, 173, 180, 182, 188, 191, 207, 239, 280, 291, 311, 322, 326, 385, 395, 484, 489, 491, 497, 502, 506, 525, 529, 548, 605, 606, 619, 620, 630, 655, 689, 704, 717, 727, 745, 789, 801, 819, 829, 867, 912, 944, 938, 1179, 1202, 1743, 2890, 8682.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

7. Ф. 10. Аксаковы: Сергей Тимофеевич (1791–1859) – писатель; его сыновья: Константин Сергеевич (1817–1860) – поэт, публицист; Григорий Сергеевич (1820–1891) – сибирский губернатор; Иван Сергеевич (1823–1886) – поэт, публицист. Оп. 1. Д. 2, 5, 6, 10, 11, 36, 42, 62, 68; Оп. 2. Д. 1, 3; Оп. 3. Д. 5, 7, 9, 19, 34, 43, 46, 54, 60, 61, 62, 68, 76, 89, 98, 100; Оп. 4. Д. 163.

8. Ф. 141. Глинки: Федор Николаевич (1786–1880) – поэт, публицист; Авдотья Павловна (урожд. Голенищева-Кутузова; 1795–1863) – писательница. Оп. 3. Д. 35.

9. Ф. 195. Вяземские: Петр Андреевич (1792–1878) – поэт, критик, друг А.С. Пушкина; его сын Павел Петрович (1820–1888) – основатель Общества любителей древней письменности, цензор; его отец Андрей Иванович (1750–1807) – сенатор, наместник Нижегородский и Пензенский (Б. Остафьевский архив). Оп. 1. Д. 6091.

10. Ф. 2591. Попов Петр Александрович (1894–1943) – литературовед. Оп. 1. Д. 300.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

11. Ф. 3. Аксаковы. Оп. 1. Д. 16, 75, 96; Оп. 3. Д. 23а, 24а, 24б, 24в; Оп. 13. Д. 24; Оп. 15. Д. 13; Оп. 16. Д. 3.

12. Ф. 21. Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848). Оп. 5184. Д. 14.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

13. Ф. 557. Экспедиция о государственных расходах Сената. Оп. 2. Д. 19, 75, 556.

14. Ф. 772. Главное управление цензуры Министерства народного просвещения. Оп. 1. Д. 37, 99, 211, 242, 244, 270, 341, 360, 363, 405, 406, 408, 422, 424, 426, 341, 1218.

15. Ф. 777. Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД. Оп. 1. Д. 739, 742.

16. Ф. 1260. Комиссия составления законов при Государственном Совете. Оп. 1. Д. 863, 900, 902, 903, 913, 914.

17. Ф. 1400. Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции. Оп. 2. Д. 282.

18. Ф. 1673. Шишков Александр Семенович (1754–1841), министр народного просвещения, президент Академии наук, писатель. Оп. 1. Д. 122.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН)

19. Ф. 3. Аксаковы: Сергей Тимофеевич (1791–1859), писатель; его сыновья – Константин Сергеевич (1817–1860), публицист, критик, поэт, лингвист, историк; Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, поэт, общественный деятель, журналист-издатель. Оп. 1. Д. 50; Оп. 13. Д. 15, 17, 25, 31, 34, 39, 52, 57; Оп. 15. Д. 26.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы)

20. Ф. 31. Московский комитет по делам печати г. Москва. Оп. 1. Д. 65, 66; Оп. 3. Д. 2162, 2164, 2166; Оп. 5. Д. 55, 56, 58–62, 65–75, 79.

21. Ф. 1905. Дела Межевой канцелярии. Оп. 1. Д. 1, 2, 23, 27.

Опубликованные источники

1. *Аксаков, К. С.* Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1982. – 383 с.

2. *Аксаков, С. Т.* Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники С. Аксакова. М.: Типография Каткова и К°, 1858. 2 т. – 520 с.

3. *Аксаков, С. Т.* Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах с прибавлением статьи «О соловьях» И.С. Тургенева. М.: Типография Л. Степановой, 1855. – 225 с.

4. *Аксаков, С. Т.* Семейная хроника и Воспоминания. М.: Типография Л. Степановой, 1856. 2 т.

5. *Аксаков, С. Т.* Собрание сочинений в четырех томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1956.

6. *Аксаков, С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М.: Издательство АН СССР, 1960. – 294 с.

7. *Аксаков, С. Т.* Училище глухонемых в Москве // Молва. 1832. № 32. С. 285 – 287; *Аксаков, С. Т.* Письмо в Витебск Г.И. Карташевскому // Молва. 1832. № 48. С. 190–191; *Аксаков, С. Т.* Экзамен в пансионе М. Г. Павлова // Молва. 1832. № 53. С. 212.

8. *Аксаков, С. Т.* Рекомендация министра // Журнал Московский вестник, М.: Университетская типография, 1830. № 1. С. 118–121.

9. *Аксаков С. Т.* Юрий Милославский. Исторический роман г[осподина] Загоскина // Московский вестник. 1830. № 1. С. 75–90.

10. *Белинский, В. Г.* Собрание сочинений в 12 томах. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. Т. 2. – 608 с.

11. *Белинский, В. Г.* Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1982. Т. 9. – 863 с.

12. *Бенкендорф, А. Х.* Воспоминания 1802–1837. М., 2012. – 761 с.

13. *Глинка, С. Н.* Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб: Русская старина, 1895. – 380 с.

14. Европеец. Журнал И.В. Киреевского; под ред. Л.Г. Фризмана. М.: Наука, 1989. – 535 с.

15. *Загоскин, М. Н.* Юрий Милославский // Московский вестник. 1830. № 1. С. 75–90.

16. *Иовский, П. А.* Элизиум. М.: Университетская типография, 1832. – 316 с.

17. Исторический вестник. Т. 6. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1881. – 1356 с.

18. *Киреевский, И. В.* Девятнадцатый век / Полное собрание сочинений И.В. Киреевского в двух томах; под ред. М. Гершензона. Т. 1. М.: Типография Императорского Московского университета, 1911. С. 85–109.

19. *Лопухин И. В.* Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим. Лондон: Trubner & Co, 1860. – 212 с.

20. *Лопухин И. В.* Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим // Русский архив. 1884. № 1. С. 1–154.

21. *Лопухин И. В.* Записки сенатора И.В. Лопухина. М.: Наука, 1990. – 224 с.

22. Московские ведомости. 1827. № 81. С. 3252, 3253.

23. *Никитенко, А. В.* Дневник в трех томах. М.: Гослитиздат, 1955. Т.1. 1826 – 1857. – 590 с.

24. *Никитенко, А. В.* Моя повесть о себе самом и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник 1804–1877. СПб.: Типография Герольд, 1905. – 632 с.

25. Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. СПб., 1899. – 735 с.

26. Письмо Шаховского А.А. Бенкендорфу А.Х. // Историко-литературный журнал Русский архив. № 1. М., 1904. С. 515 – 516.

27. Переписка старших Аксаковых с детьми и внуками (1816 – 1836). М.: ГУЗ, 2016. – 207 с.

28. Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1935. – 85 с.

29. *Погодин, М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М.: Университетская типография, 1830. – 170 с.

30. *Погодин, М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М.: Советская Россия, 1984. – 430 с.

31. *Погодин, М. П.* Марфа, Посадница Новгородская. М.: Наука, 2015. – 367 с.

32. *Полевой К. А.* Записки К.А. Полевого // Историко-литературный журнал Исторический вестник. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. Т. 26, 27, 28.

33. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. В 48 т.] СПб.: Тип. II Отделения собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 15: 1758–1762. Т. 17: 1765–1766. Т. 28: 1804–1805. Т. 30: 1808–1809, Т. 36: 1819. [Собрание 2–е. С 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. в 129 т.] СПб.: Тип. II Отделения собств. Е.И.В. канцелярии, 1825–1885. Т 1: 1825–1826. Т 3: 1828. Т. 10: 1835.

34. *Пушкин, А. С.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1, 7. М.: ГИХЛ, 1959 – 1962.

35. Рекомендация министра за подписью: N [С.Т. Аксаков] // Журнал Московский вестник, М.: Университетская типография, 1830. № 1. С. 118–121.

36. *Розенкампф, Г. А.* [Отрывки из автобиографии]. С дополнениями П.М. Майкова // Русская старина. 1904. № 10, 11.

37. *Самарин, Ю. Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. М.: ТЕРРА, 1997. – 278 с.

38. *Скотт, Вальтер.* Жизнь Наполеона Бонапарте Императора французов. СПб.: Типография Александра Смирдина, 1832.–311 с.

39. Устав Московского Английского клуба. М.: Тип. Бахметева, 1859. – 115 с.

40. Устав Императорского Казанского университета 5 ноября 1804 г. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. [СПб.], 2020. URL: https://www.prlib.ru/item/715079 (дата обращения: 19.10.2020).

41. *Шишков, А. С.* Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1869. – 142 с.

Литература

1. *Анненкова, Е. И.* Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. – 365 с.

2. *Апухтин, А. Л.* Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. М.: Государственный университет по землеустройству, 2009. – 590 с.

3. *Ашукин, Н. С.* Библиотека Некрасова // Литературное наследство. М.: Издательство АН СССР, 1949. Т. 53–54. 360–433 с.

4. *Баранов, В. В.* Судьба литературного наследства А.И. Полежаева // Литературное наследство. М.: Жур. Газ. Объединение, 1934. Т. 15. С. 221–230.

5. *Барсуков, Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 2, 3, 4. М.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889–1891.

6. *Безъязычный, В. И.* А.И. Полежаев и царская цензура. Московский заочный полиграфический институт. Научные труды. Выпуск 3. М.: МЗПИ, 1955. С. 59–73.

7. *Березкина, С. В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2004. С. 227—248.

8. *Березкина, С. В.* А.А. Орлов и антибулгаринская борьба 1830 – 1833 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л.: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 1987. С. 181–185.

9. *Боленко, К. Г.* К вопросу о литературных источниках фельетона Н.А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина». Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Выпуск VII. Tartu: Tartu Ulikoou Kirjastus, 2009. С. 96–110.

10. *Ботова, О. О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века: (формирование, состав, деятельность): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. 07.00.02. М., 2003. – 310 с.

11. *Волков, С. Н., Широкорад, И. И., Вершинин, В. В., Косинский, В. В.* и др. Государственный университет по землеустройству. История и современность. 1779–2014 / Под ред. С.Н. Волкова. М.: Издательство ГУЗ, 2014. – 463 с.

12. *Волков, С. Н., Широкорад, И. И., Рыжкова, Е. В.* Первый директор Межевого института. М.: ГУЗ., 2016. – 256 с.

13. *Гринченко, Н. А., Патрушева, Н. Г.* Цензоры Москвы, 1804—1917: (аннот. список) // М.: Новое лит. Обозрение, 2000. № 44. С. 409—433.

14. *Гринченко, Н. А., Патрушева, Н. Г.* Центральные учреждения цензурного ведомства (1804–1917) // Книжное дело в России в XIX — начале XX века : сборник научных трудов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. Вып.14. С. 185–302.

15. *Данилов, В. В.* С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском Цензурном Комитете // Известия по русскому языку и словесности Академии наук. Ленинград: АН СССР, 1928. Т.1, кн.2. С. 507–524.

16. *Дризен, Н. В.* Драматическая цензура двух эпох 1825-1881. Петроград: Прометей, 1917. – 346 с.

17. *Емченко, Е.Б.* «Роскошное помещение…»: культурно-бытовое пространство Константиновского межевого института» // Давлетбаева В.Б., Емченко Е.Б. «Мой Институт…». К 240-летию Московского государственного университета геодезии и картографии. М.: Древлехранилище, 2019. С. 183–265.

18. *Жирков, Г. В.* История цензуры в России XIX-XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. – 367 с.

19. *Зенкевич, В. В.* Аксаковская комната // Материалы по изучению Самарского края. Выпуск 5. Издание Общества Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания в Самаре. Самара: Типография Селькредсоюза, 1928. С. 8–10.

20. *Иванов, В. А.* Из истории документирования персональных данных государственных служащих в имперской России // Журнал Власть. 2002. № 1. С. 153.

21. Источниковедение: учеб. пособие. / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.

22. *Кавелин, П. А.* А.А. Кавелин, как воспитатель императора Александра II // Русская старина. М., 1902. № 3. С. 555–560.

23. *Корф, М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. – 283 с.

24. *Кузнецова, А. Г.* Зеленый альбом // Журнал Отчина. 2002. № 1. С. 8–9.

25. *Кусов, В. С.* Московский государственный университет геодезии и картографии. История создания и развития: 1779–2004. М.: Русская история, 2004. – 357 с.

26. *Лемке, М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб.: Издание С.В. Бунина, 1909. – 614 с.

27. *Личак, Н. А.* Н.И. Седова-Троцкая как организатор и руководитель сохранения памятников искусства и старины в губерниях Советской России в 1920-х гг. // Ярославский педагогический вестник. № 1. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2016. С. 287–291.

28. *Лобанов, М. П.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М.: Молодая гвардия, 1987. – 364 с.

29. *Любартович, В. А.* Дворец Куракина на Старой Басманной и его культурное пространство. М.: МГУИЭ, 1999. – 240 с.

30. *Лясковский, В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб.: Типография С.В. Балашев и К., 1899. – 99 с.

31. *Ляшенко, Л. М.* Николай I. Случайный император. М.: Аст-Пресс-Книга, 2013. – 224 с.

32. *Манн, Ю. В.* Семья Аксаковых. М.: Детская литература, 1992. – 399 с.

33. *Машинский, С. И.* Из истории цензорской деятельности С.Т. Аксакова. Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XVIII, выпуск 3. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 239–252.

34. *Машинский, С. И.* С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М.: Художественная литература. 1973 – 575 с.

35. *Милюков, П. Н.* Из истории русской интеллигенции. СПб.: Знание, 1903. – 319 с.

36. *Михайлов, В. Ф.* Боратынский. М.: Молодая гвардия, 2015 – 484 с.

37. *Острогорский, В. П.* Сергей Тимофеевич Аксаков. СПб.: Н.Г. Мартынов, 1891. – 131 с.

38. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879. – 350 с.

39. *Павлов, Н. М.* С.Т. Аксаков как цензор // Историко-литературный журнал Русский архив. М.: Университетская типография, 1898. № 5. С. 81–96.

40. *Патрушева, Н. Г.* Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX — начало XX века). СПб. : Северная звезда, 2011. – 268 с.

41. *Патрушева, Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб.: Сев. звезда, 2013; Патрушева Н. Г. Исследования по истории дореволюционной цензуры в России, опубликованные в 1999—2009 гг. : библиографический обзор // Цензура в России: история и современность : сборник научных трудов / РНБ,

С.-Петерб. фил. Ин-та истории естествознания и техники РАН. СПб., 2011. Вып. 5. С. 358—376.

42. *Патрушева, Н. Г., Фут, И. П.* Циркуляры Цензурного ведомства Российской империи. СПб.: Российская национальная библиотека, 2017. – 721 с.

43. *Пахомов, Н. П.* История одной дружбы (И.С. Тургенев и семья Аксаковых) // Охотничьи просторы. М.: Физкультура и спорт, 1979. № 28. С. 192 – 203.

44. *Писарькова, Л. Ф.* Государственное управление в первой четверти XIX в. Замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. – 448 с.

45. *Писарькова, Л. Ф.* Государственное управление в первой трети XIX в. Становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. – 416 с.

46. *Поддубная, Р. П.* Ольга Григорьевна Аксакова. Самара: Инсома-пресс, 2018. – 208 с.

47. *Поддубная, Р. П.* Самарская хроника Аксаковых. Самара: Офорт, 2015. – 212 с.

48. *Полонский, А. Э.* С.Е. Раич – Дон – Кихот из Рай-Высокого [Электронный ресурс] // Интернет-журнал RELGA. № 8. [М.], 2008. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2189&level1=main&level2=articles (Дата обращения: 02.03.2020).

49. *Поляков, М. Я.* Студенческие годы Белинского // Литературное наследство. М.: Издательство АН СССР, 1950. Т. 56. С. 303–346.

50. *Разманова, Н. А.* Казначеи России и становление государственной казначейской службы. М.: Федеральное казначейство, 2012. – 245 с.

51. *Разманова, Н. А.* «…Способен и достоин»: Д.М. Княжевич в Министерстве финансов (1805–1837 гг.). // Вестник Финансового университета. N. 1 (5). 2012. М.: Финансовый университет. С. 97–106.

52. *Скабичевский, А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700-1863). СПб.: Ф. Павленков, 1892. – 495 с.

53. *Соломатин, В. А., Комарова, Н. Ф., Емченко, Е. Б., Иванова, Н. Б.* Сергей Тимофеевич Аксаков и Константиновский межевой институт / Под. ред. В.П. Савиных // М.: Издательство МИИГАиК, 2014. – 178 с.

54. *Тихомиров, М. Н.* Самара в моей жизни. Самара: Самарский университет, 1994. С. 70–84.

55. *Тихонова, Е. Ю.* Человек без маски. В.Г. Белинский: грани творчества. М.: Совпадение, 2006. – 277 с.

56. *Тютюнов, Н. В.* История формирования отечественной системы пенсионного обеспечения военнослужащих. С. 91–97 // Журнал Социально-политические науки. № 2. М.: Издательский дом Юр-ВАК, 2012.

57. *Чуркин, А. А.* Служба как фигура умолчания в творчестве С.Т. Аксакова. // Чины и музы. Сборник статей. СПб. – Тверь: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2017. С. 373–387.

58. *Шенрок, В. И.* С.Т. Аксаков и его семья // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904. № 10–12.

59. *Шепелёв, Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.: Центрполиграф, 2005. – 423 с.

60. *Шершеневич, Г. Ф.* История кодификации гражданского права в России. Казань: Типография Императорского университета, 1898. – 128 с.

61. *Щебальский, П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб.: Типография Ф. персона, 1862. – 107 с.

62. *Энгельгардт, Н. А.* Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Издание А. Суворина, 1904. – 395 с.

63. *Языков, Д. Д.* Литературная деятельность С.Т. Аксакова. Библиографический очерк // Исторический вестник. СПб.: Типография А.В. Суворина, 1891. № 9. С. 648–666.

Справочные и информационные издания

1. Аксаковы: Семейная энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2015. – 536 с.

2. *Иванова, Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 444 с.

3. Литература о семье Аксаковых (библиографический указатель за 1940–2017 годы) / сост.: Е.С. Корионова, П.И. Федоров; отв. ред. В.В. Борисова; дизайн обложки: А.В. Кондров; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. Уфа: Издатель А.А. Словохотов, 2017.–356 с.

4. Русские писатели. 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. – 691 с.

5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. XVA (30). Том XXIVA (48). СПб.: Семеновская Типолитография И.А. Ефрона, 1898.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Письмо С.Т. Аксакова к невесте О.С. Заплатиной. 1816 г.

Письмо С.Т. Аксакова к невесте О.С. Заплатиной было написано в Москве, накануне свадьбы, предположительно, в последних числах мая или 1 июня 1816 г. Венчание Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны состоялось в церкви Симеона Столпника на Поварской 2 июня 1816 г. Письмо представляет собой сложенный вчетверо лист бумаги, опечатанный сургучной печатью с изображением герба рода Аксаковых. На внешней стороне письма в более позднее время почерком неустановленного лица были нанесены карандашом финансовые расчеты.

№ 1[1080]

«Милая Оллина!

Я сейчас от протопопа, он согласен венчать вот теперь же; Итак, милый друг, готовьтесь сказал; чем раньше, тем лучше. Уведомь меня, как ты себя чувствуешь? К которому числу готовить? Все-таки пришлю к вам человека, который поедет уведомить меня, что вы съехали со двора. Прости меня, целую твои ручки, вечно твой совершенно С. Аксаков.

Милостивому Государю батюшке Семену Григорьевичу[1081] мое глубочайшее почтение. Я думаю, что к 2 часам можно вам собраться? Что вы так долго не шлете приданого? Я опять страшусь. Я сим побывать не успеваю».

На конверте: «Ее превосходительству милостивой государыне Ольге Семеновне Заплатиной».

[1080] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 1.
[1081] Заплатин Семен Григорьевич (ум. не ранее 1819), отец Ольги Семеновны Аксаковой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Письмо С.В. Капниста С.Т. Аксакову. 15 мая 1816 г.[1082]

«Любезному Сергею Тимофеевичу Аксакову
Что слышу?... И Аксаков
Нежнейшей страсти в плен попался;
Давно ль он презирал любовь
И над влюбленными смеялся?
И новый нелюдим, Крутон,
Свободно мыслить думал он,
Свободно чувствовать, ласкаться
Надеждой, век свободным быть,
Лишь вольностью одной пленяться,
Цепей любови не носить.
Ах! Друг мой! Ты не знал сей страсти,
И стрел любви не испытал;
Подобно мне познав напасти
И ты не так бы думать стал
Амур дремал - а ты смел мыслить,
Что будешь век не побежден!
Проснулся – сколько перемен!
Тебя в числе рабов он числит;
Восстал – и сердце воспалил,
Воззрел – и цепи наложил.

Носи же цепи золотые,
Носи – извечно счастлив будь!
Подруги нежныя, младыя,
Отрадою наполни грудь.
Луна взошедши над лесами

[1082] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 13. Д. 25. Л. 1, 1 об.

В объятьях… счастья вас найдет;
Иль солнце станет над горами,
В щеках румянец расцветет,
И после вздохов – восхищенья
Мы зрим улыбку… наслажденья,
Скажи, не здесь ли зеленый рай?

Будь счастлив и не забывай
Друзей на стороне далекой
В дали скучной, одинокой
Влачащих скорбны дни свои,
Прости – вот чувства все мои.

Помнить нас, вот чувство того, который бы с истинным почтением и преданностию пребудет навсегда Вашим покорнейшим слугой Семен Капнист. 15 мая 1816 г. С. Петербург».

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Письма С.Т. Аксакова к жене О.С. Аксаковой 1836 г.

Представленные в данном приложении письма С.Т. Аксакова к жене О.С. Аксаковой были написаны им в 1836 г. в Санкт-Петербурге, где он, как директор Константиновского межевого института, находился в командировке, целью которой был осмотр устройства ведущих учебных заведений Российской империи. Второй целью поездки – было определение сына Г.С. Аксакова в воспитанники Императорского училища правоведения. Помогал в устройстве Г.С. Аксакова воспитатель цесаревича Александра Николаевича[1083] генерал-лейтенант А.А. Кавелин. В эту же поездку С.Т. Аксаков взял с собой старшего сына, К.С. Аксакова.

Сохранились не все письма за этот период пребывания С.Т. Аксакова в Санкт-Петербурге, многие затерялись и не дошли до адресата. В диссертации приводятся 17 писем в хронологическом порядке. Содержания всех писем приведены с подлинников рукописей, за исключением письма № 4 от 23 января 1836 г. Оно хранится в фонде «Аксаковы…» (Ф. 10) РГАЛИ в виде вырезки из газетной публикации. Письмо опубликовано в виде статьи А. Дунина под названием «Неизданное письмо С.Т. Аксакова» в разделе «Искусство и литература (Пушкинский период)». В примечании к статье указано, что оригинал письма «находится в Аксаковском музее в Самаре, принадлежащим дворянам Самарской губернии» [1084]. «Аксаковская комната» в Доме дворянства в Самаре была открыта 16 июня 1909 г. и просуществовала до 1918 г.[1085], некоторые рукописи и экспонаты были утрачены, а часть экспозиции – составила коллекцию «Аксаковской комнаты» Общества археологии, истории, этнографии и естествознания в 1921 г[1086].

[1083] Будущий Александр II Николаевич (1818–1881) – император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский (с 1855).
[1084] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 110.
[1085] *Поддубная Р. П.* Самарская хроника Аксаковых. С. 101.
[1086] *Зенкевич В. В.* Аксаковская комната. С. 10.

Нумерацию С.Т. Аксаков начал с пятого, но не всегда ее придерживался, некоторые письма дошли до нас непронумерованными, но с проставленной датой и временем.

Документы публикуются по современным правилам правописания с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения раскрываются в квадратных скобках. Авторские подчеркивания сохраняются. Даты приводятся по старому стилю. Поскольку С.Т. Аксаков в ряде случаев при отправке объединял несколько писем, мы посчитали целесообразным сохранить их первоначальную комплексность. Сведения о некоторых лицах выявить не удалось.

№ 1[1087]

№ 5 *12 часов вечера. Суббота*

Только теперь, опомнившись сколько-нибудь от стольких впечатлений, когда все разошлись и спят уже, могу я написать к тебе, милый друг, бесценная Оллина! Письмо это пойдет послезавтра (завтра почта не отходит). С чего начать? Сам не знаю! Многого нельзя писать, а после забудешь! Начну с последнего и живейшего впечатления… Мы сейчас воротились из «Фенеллы»[1088]! Я брал бенуар, второй от сцены, хотя и называется здесь по-чухонски 9№. Голанд – чудо[1089]! Я не видывал лучше актера, да и видеть не желаю! Музыка прелесть! Эффектные сцены удивительно хороши! Хоры и хористы славные! Танцы несравненно лучше московских. Играть эту пьесу нашим московским поденщикам было бы святотатством против искусства.

[1087] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 13.

[1088] «Фенелла или Немая из Портичи» – опера Даниэля-Франсуа-Эспри Обера. В основу сюжета положены события, связанные с народным восстанием в 1647 г. в Неаполе под предводительством рыбака Мазаниелло против испанского короля.

[1089] Константин Голланд (1804–1868) – тенор, актер немецкой трупы Императорских театров. К концу 1830-х, внезапно потеряв голос, стал ее режиссером, прослужив в этой должности до 1860-х гг.

Как я поминал вас в театре!

№ 2[1090]

Я получил письмо твое, милая Оллина, и милых наших детей! Не смею благодарить Бога за то, что вы все здоровы, ибо я ведь не узнаю правды: буду только молить Бога, чтоб он сохранил вас! – Боюсь, что я ничего сделать не успею: ибо мешкать не стану. Вот пришли журналы субботы, а завтра напишу воскресный. Был у министра[1091]: он до четверга не принимает; но Веймарн[1092] сказал ему, что я приезжал. Последний принял меня с чрезвычайным радушием. Был у Даля[1093], у Пинского[1094] (он обедал у нас с Новосельским). Сегодня же А[лександр] Ф[едорович] переговорил с Пошманом[1095]; препятствий никаких не полагают. Был у Кавелина с Надиной[1096]. Он очень мил и рад; условились видеться каждый день, завтра у него обедаю. Мартынова[1097] не застали; Шарлотта Осиповна очень ласкова; к сожалению, я должен был отказаться обедать у них сегодня и завтра, но с Пав[лом] Петр[овичем][1098] увижусь завтра и в понедельник буду писать к двум московс[ким] Ник[олаям] Петрович[ам][1099]. Матвей Михайл[ович][1100] меня сокрушает… Петербург кажется мне иностранным городом… Ив[ан] Уст[инович][1101] был рад ужасно; сметы пущены в ход…[1102] Мы

[1090] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 13 об.–14 об.
[1091] У министра юстиции Д.В. Дашкова.
[1092] Имеется в виду у А.Ф. Веймарна.
[1093] Даль Владимир Иванович (1801–1872) – писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач. Наибольшую славу ему принес «Толковый словарь живого великорусского зыка», на составление которого ушло 53 года.
[1094] Карниолин-Пинский Матвей Михайлович (1796–1866) – начальник отделения Департамента Министерства юстиции, друг С.Т. Аксакова.
[1095] Имеется в виду с С.А. Пошманом.
[1096] Имеется в виду у Н.Т. Каташевской.
[1097] Мартынов Павел Петрович (1782–1838) – генерал-лейтенант, комендант Петропавловской крепости и города Санкт-Петербурга, был дружен с С.Т. Аксаковым.
[1098] Имеется в виду П.П. Мартынов.
[1099] Один из двух - Мартынов Николай Петрович (1794–1856) – брат Мартынова П.П., генерал-майор.
[1100] Имеется в виду М.М. Карниолин-Пинский.
[1101] Имеется в виду И.У. Пейкер.

с Костей заказали себе платье рублей на 450. Впрочем, Надина не дает мне делать никаких издержек… Завтра увижусь со всеми. Прости до вечера. Целую тебя. Надина живет невероятно тесно, и мы стеснили их ужасно; после нашего простора нам кажется так жить невозможностью.

Воскресенье. 12 часов вечера

Я получил второе письмо твое, милый друг, бесценная Оллина! Благодарю Бога, что вы все здоровы. Спасибо Николаше[1103], которого обнимаю, за то, что не пускает тебя осудить. Благодарю милых моих дочерей и особенно Веру[1104] за письма. Разрываюсь от досады, что вы не получаете моих писем с Черной грязи, из Твери и из Новгорода! Из Питера другое, а всего 5. Буду ставить нумера! Я бешусь… взял все меры, надписал подателю 88 копеек, за другие дал денег втрое и обещал дать больше, если получу уведомление, что письма дошли. Дела идут медленно: не застал Пошмана сегодня и Пейкера (был 2 раза). Виделся с Княжевич[ем][1105], Панаевым[1106], видел Васькова[1107] сына, Андрея, а Петр[1108] был у Пейкера. Мартынова опять не застал. Завтра вечер у Кавелина, а потому увижу только половину знаменитого балета «Восстание в Серане». Вижу, что не вырвусь отсюда скоро. Сегодня вечер провел с Григор[ием] Иван[ановичем][1109] и Надиной у Журавлевых (это нужно). В три свиданья Кавелин будет со мною ближе, чем был.

Целую тебя и всех детей, благословляю всех. Твой до гроба С. Аксаков.

[1102] Речь идет о сметах на покупку дворца А.Б. Куракина на Старой Басманной, 21 под Константиновский межевой институт.
[1103] Аксаков Николай Тимофеевич (1797–1882) – младший брат С.Т. Аксакова, в прошлом офицер Измайловского полка.
[1104] Речь идет о В.С. Аксаковой.
[1105] Речь идет о А.М. Княжевиче.
[1106] Панаевы Александр, Николай и Иван учились с С.Т. Аксаковым в Казанском университете.
[1107] Речь идет о Ф.И. Васькове.
[1108] Васьковы Андрей и Петр – сыновья Ф.И. Васькова.
[1109] С Г.И. Карташевским.

Приписка на л. 13об.: «Ан[не] Севаст[ьяновне] и Соф[ье] Федор[овне] скажите мое почтение»[1110].

Приписка на л. 13об. –14: «Скажите Софье Федоровне, что на ее родине я даже в вист выигрываю. Поздравляю Погодина[1111], комиссию его исполнил, денег она от Загряжного не получала. Обратно спал всю дорогу на козлах лежа».

№ 3[1112]

№ 6 *20 января 1836 г.*

Понедельник. 12 часов вечера

Сию минуту воротился от Кавелина. Сидел с ним глаз на глаз с ½ 9-го до 11 часов: он пошел к Наследнику[1113] укладывать его почивать, а я отправился домой. Я получил письмо твое, милый друг, бесценная Оллина, от 17 января, писанное в пятницу. Благодарю Бога, если правда, что вы здоровы!.. Я давно не бесился так, как сегодня, узнав, что ты не получила наших писем с дороги: ни с ямщиком, ни из Твери!.. Это нестерпимо! Неужели ты могла подумать, что мы не писали?.. Все человеческие меры взяты были мною, чтоб письма дошли. Ты их не получаешь… это просто несчастье… Я не нахожу слов к выражению моего глубокого огорчения и бешенства… Таким поехал к Кавелину и не мог преодолеть своего расположения… Я весьма им доволен, то есть А[лександром] А[лександровичем]. Дела мои тронулись в ход. Об Иване решено: ему не может достаться в пажи, а потому через год он поступит к Грише в товарищи, а Миша через три года попадет в Пажеский корпус. Подробности наших разговоров сообщу тебе лично. Веймарн возил меня сегодня к директору; познакомил меня самым лучшим образом; Кавелин докладывал Принцу[1114] и завтра в 10 часов, я представляю Гришу директору, и завтра же расположим экзамен. В 9 часов утра я дал слово

[1110] Речь идет о помощницах О.С. Аксаковой в воспитании детей.
[1111] Имеется в виду М.П. Погодина.
[1112] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 15–16 об.
[1113] Имеется в виду к цесаревичу Александру Николаевичу.
[1114] Имеется в виду принцу Ольденбургскому.

Кавелину привезть к нему Гришу, а оттуда в Учил[ище] правовед[ения], которое без сомнения будет самым лучшим заведением. Я все осматривал и видел игры детей в саду: катались с горы и на коньках. Обращение с детьми отеческое, самое свободное, и директор держит себя, как надзиратель, – весьма близко и просто <…> Все это мысли Принца, которого хвалить не достанет слов <…> Да и какие средства!.. Нет предположенья… это чудо! Впрочем, теперь все только что заводится. Мальчики прекрасного вида и большею частью маленькие, Гриша будет из старших годами и старшим по сложению. Послезавтра Кавелин везет меня в 9 часов утра в Пажеский корпус. Завтра обед и вечер у Веймарна, который показывает мне знаки живейшей дружбы <…> Вообрази, что я еще не видал Мартынова, а был у него 5 раз <…> Признаюсь тебе до чего мне надоело это тасканье, что если б не Гриша, я бросил бы все и уехал, несмотря на дела по службе. Голова моя совершенно вскружилась! Напиши Томашевскому[1115], что я благодарю его от души за доброе известие: Фихтера увольняют; а я похлопочу здесь, писать ей богу некогда.

Скажи Павлу Степановичу[1116] или напиши два слова: совершенное молчание… он меня поймет. Я обнимаю их обоих. Поручение Мих[аила] Семен[овича][1117] еще не исполнил (забыл). Записку для справки о муже Анны Севастьян[овны] отдал. Кланяюсь ей и Соф[ье] Фед[оровне], сожалею об ее несчастье. Со многими еще ни виделся и боюсь, что многих поручений не исполню. Зачем я брался за них! У Шишкова[1118] не был и о Венелине[1119] еще не хлопотал. Ах, Боже мой, когда я пущусь в Москву, к тебе, милый друг мой? Дом через 2 недели будет куплен; уговаривают меня подождать, но я – слуга покорный… Неужели письма мои пропали? А я изливал в них все мои чувства… Гоголя[1120] отставили от преподаванья, также Бутырского[1121] и других лучших.

[1115] Томашевский Антон Францевич (1803–1883) – писатель-публицист и друг С.Т. Аксакова.
[1116] Имеется в виду П.С. Щепкин.
[1117] Имеется в виду М.С. Щепкин.
[1118] Имеется в виду у А.С. Шишкова.
[1119] Имеется в виду о Ю.И. Венелине.
[1120] Имеется в виду Н.В. Гоголя.

Прости, милый друг, моя Оллина! Целую тебя крепко и много. Детей целую и благословляю. Беспокоит меня их кашель. Николашу обнимаю, хоть бы страничку написал. До гроба твой, С. Аксаков.

Приписка на л. 15: «Я писал или послал письмо еще из Новгорода».

Приписка на л. 15об.: «Розинг женился на хорошей дворянке, но бедной; я его не видел».

Приписка на л. 16: «Сообщи, как-нибудь, Мартынову и Годейну[1122], что еще не виделся с Павлом Петровичем[1123]; я их обнимаю».

Приписка на л. 16об.: «Мы все совершенно здоровы, хоть едим наповал».

№ 4[1124]

Среда, 22-го или лучше 2 часа ночи 23 января 1836

Пишу сии строки, возвратившись с Надиной и братцем Григ[орием] Иван[овичем] от Панаева, где провел вечер. Гостей было немного. – Я сегодня с 9 ч[асов] утра до 2-х был на экзамене с Гришей. Все идет благополучно и завтра или послезавтра я получу от принца официальное уведомление о приеме. – Я осматривал сегодня все заведение в подробностях; все превосходно и роскошно – куда за ним тягаться другим! Открытие училища с покупкой дома стоит 1 миллион и 200 тысяч. Одна церковь стоит 45 тысяч!

Принц не человек, а благодетельный гений, который всего себя посвятил благу России. Учится беспрестанно, занимается несколько часов сенатскими делами, а остальное время – училищем. Мне стало казаться обхождение с учениками слишком снисходительным; но надзиратели уверяли меня, что мальчики отличного поведения и что в 2 месяца не за что было их наказывать.

[1121]Бутырский Никита Иванович (1783–1848) – один из первых профессоров Санкт-Петербургского университета. В 1830–1833 гг. был цензором Петербургского цензурного комитета.

[1122] Годейн Николай Петрович (1790–1856) – генерал-майор, в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка; с 1836 г. в отставке.

[1123] Речь идет о П.П. Мартынове.

[1124] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 7. Л. 110. Копия.

Сегодня нет от тебя писем, милый друг, бесценная моя Оллина! Причиною тому воскресенье, в которое нет приема. Завтра, надеюсь, получить письмо. Панаев берется водить Костиньку по Эрмитажу сам, чтоб познакомить с живописью. У Панаева свое собрание отличных картин. – Я в другой раз попадаю в такое общество, где только и говорят, что о стихах «Выздоровление Лукулла»; не в претензии только на редакторов и не хотят будто мстить, но иные этому не верят. – Озеров не едет ко мне, хотя письмо отослано уже два дня. Завтра в 7 час[ов] одеваюсь в мундир, еду к министру и товарищу, а потом к Осоргиным и Шаховскому[1125]. Обедаем у Княжевича. – Обнимаю тебя и всех моих детей. Благословляю их.

Приписка: Костю мы одели щеголем, а мое платье еще не поспело. Теперь повезу его к Кавелину, запретив пускаться в отвлеченные рассуждения. Ах, милая Оллина! Если б ты могла понять – до какой степени мне нестерпима суета и разъединенная жизнь! Да я ничего в мире не возьму жить там всегда. Что означают твои слова: «я думаю, что ты оставишь должность?». Уж нет ли каких неприятностей по институту? Видишь ли ты кого из наших? Сегодня у Веймарна читали в рукописи стихи Пушкина «На выздоровление Лукулла», и все восхищались. Будет мстить эта каналья[1126]! Я притворился, что ничего не знаю. Прости, милый друг! Глаза отяжелели: играл две пульки в винт. Целую тебя.

№ 5[1127]

№ 8 *23 января*

9 часов вечера

К огорчению моему и сегодня нет от тебя письма, милый друг мой, бесценная Оллина! Вчера я не ждал, а сегодня, наверное, полагал получить письмо от понедельника. Боже сохрани, если не получу завтра.

[1125] Речь идет об А.А. Шаховском.
[1126] Речь идет о министре народного просвещения графе С.С. Уварове.
[1127] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 17 – 18 об.

Сегодня я представлялся министру[1128]. Он принял меня ласково; сказал несколько слов о планах и сметах и прибавил: «Мы еще увидимся и переговорим об этом хорошенько[1129]; меня ждут» и пр. В самом деле, в зале ждали многие и поважнее меня люди. Был у товарища (гр[аф] Панин[1130]). Он не принял, извиняясь недосугом. Был у Пейкера и у Осоргиных; вообрази, что Евгенья Григорьевна[1131] стала дрянною старушонкою! Мы ужасно обрадовались друг другу. Мы с братцем обедали у Дмитр[ия] Княжевича в 7 часу… Закормил, а пуще запоил… Я вырвался у него, чтоб побывать у Кавелина, который звал меня в половине 10-го; оттуда дал слово в 11 приехать опять к Княжевичу… Признаюсь, этакой службы я в жизнь мою еще не отправлял: с 9 час. – в мундир или во фрак, и не скидаю до 1 часа пополуночи… Об Грише получу завтра, но мне хочется побыть с ним несколько дней… Прости, покуда, милый друг. Возвратясь, еще напишу несколько строк… Надина с Гр[игорием] Ив[ановичем] на большом вечере у Казнаковых[1132], куда я отказался ехать. Костя и Гриша в театре.

½ 1-го часа

Я сейчас воротился от Кавелина. Принц объявил ему, что Гриша принят. Итак, судьба его решена. Поздравляю тебя, милый друг! Это большое счастье попасть в это заведение, к такому чудесному человеку, как Принц, и в 4-й класс, где с Гришей 16 человек всего навсего. Тут нельзя не быть успехам; он попадет в первый выпуск, который будет нарасхват у целого Министерства. Одним словом, я считаю это за милость Божию… Я так был рад; и Кавелин, и Марья Павловна[1133] (с которой удалось мне пробыть наедине полчаса, когда Кав[елин] уходил укладывать Наследника) были так дружелюбны, что я не сдержал своего

[1128] Речь идет о министре юстиции Д.В. Дашкове.

[1129] Это значит, что министр назначит мне особую аудиенцию (сноска С.Т. Аксакова. – *В.Д.*).

[1130] Панин Виктор Никитич (1801–1874) – товарищ министра юстиции, после смерти Д.В. Дашкова стал министром юстиции (1839–1862).

[1131] Осоргина Евгения Григорьевна – жена коллежского советника Саввы Федоровича Осоргина. У Осоргиных имение было рядом с имением Аксаковых в Оренбургской области Белебеевского уезда.

[1132] Казнаков Геннадий Иванович (1791–1851) – генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г.; с 1834 г. в отставке.

[1133] Кавелина Мария Павловна (урожденная Чихачева) (1808–1891) – супруга А.А. Кавелина.

обещания – возвратиться к Княжевичу – и остался у них ужинать. Привязанность ко мне возрождается у К[авелина] в сердце: он уже над грубоватыми и холодными формами изъявляет претензию видеться всякий день…[1134] Жена его довольно мила, только дика с мужчинами, особенно со мной, которого так мало знает; не развита, не сознала в себе (говоря языком Кости) собственных чувств. Получу ли я завтра письмо от тебя, мой милый сердечный друг? И совестно мне перед Княжевичем… Я дал честное Казанское слово…[1135] Я, правда, заезжал в 12 часов, но все гости разъехались.

Прости. Целую тебя крепко и всех детей. Благословляю их. Николашу обнимаю. Твой до гроба, С. Аксаков.

Приписка на л. 17об.–18: «Гриша получил 5 бал[лов] в латинском оттого, что его экзаменовал немец, незнающий по-русски. Гриша переводил славно, а ему, по незнанию, кажется не так. Кавелин предложил Принцу, чтоб Грише брать частные уроки в латинском; не знаю, чем это обман».

№ 6[1136]

№ 9 *25 января. Суббота*

Утро

Слава Богу, я получил письма твои, милый друг, дражайшая Оллина! Оба (от 21 и 22 января) в один день. Первое письмо твое, в котором ты нападаешь с такою силою на мое сердце, меня очень огорчило!.. Некогда распространяться и нельзя на бумаге всего высказать! Неужели ты не видишь, что исполнить твое желание – значит запятнать себя в глазах людей меня не знающих и привесть в сомнение даже тех, которые коротко меня знают? Возможно ли столь низко о себе

[1134] Дело в том, что с 1832 по 1836 гг. между А.А. Кавелиным и С.Т. Аксаковым, предположительно, испортились личные взаимоотношения в связи с отправкой последним в Зимний дворец своего стихотворения «Стансы», которое могло скомпрометировать А.А. Кавелина, как генерал-адъютанта императора Николая I (1796–1855).

[1135] Имеется в виду «казанское слово», т.к. С.Т. Аксаков вместе с Д.М. Княжевичем учился в Казанской гимназии.

[1136] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 19–19 об.

думать, что нелепые клеветы человека, всеми презираемого, могут запятнать мое имя? Особенно мое, ибо ты знаешь, сколько людей, пользующихся значительностью и большим весом по службе, знают меня с детства? Знаешь ли ты, что подлые его замыслы знает весь Петербург, и что это обстоятельство было поводом к тому, чтоб моя добрая слава распространилась? Без этого обстоятельства не для чего было людям, знающим меня, кричать громко о моей чести и честности? Что без всякого моего содействия, хотели употребить с ним жесткие средства, если б он не уехал? Что, говоря об этом деле, употребляют следующие выражения: «Слышали ли вы, что такая-то каналья хотел замарать самого честнаго человека такого-то?..». И в это время я выйду в отставку, прослужа все горькое время, не принеся пользы, не оправдав доверенности министра и друзей моих?.. Опомнись! Возьми назад свои убеждения, откажись от них… Я считаю их столь важными, что исполню их, если ты будешь настаивать, но пойми хорошенько, что из этого выйдет?

Прости, обнимаю тебя и детей. Поздравляю с сегодним дорогим нашим именинником, которому, кроме денег, подарить ничто нельзя, ибо в училище нельзя иметь своего[1137]. Поздравляю тебя с именинами Маши[1138]. Завтра тебе почта.

До гроба твой, С. Аксаков.

№ 7[1139]

26 января или
лучше 27-го янв[аря]
2 часа утра

Сейчас воротились мы, то есть я, Гриша, Иван и Маша, с бала, от Пейкера. Надина этот день никогда не выезжает. Поздравляю тебя, милый друг Оллина, с

[1137] 25 января по старому стилю именины святителя Григория Богослова, архиепископа Константинопольского.
[1138] Аксакова Мария Сергеевна (1831–1906) – младшая дочь С.Т. Аксакова.
[1139] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 20–20 об.

именинницей и именинником; последний должен быть также в Москве, и мы его, обнимая, поздравляем. Завтра писать невозможно мне. Ты не писала, милый друг, во вторник, и потому я сегодня не имел от тебя письма. Сегодня поутру я отправился к обедне в Училищ[е] правовед[ения]. Там встретил Вал[ериана] Тим[офеевича] Готовцева[1140], которого полагал давно уехавшим. Завтра постараюсь с ним встретиться, если успею. От обедни был у Ростовцева[1141], начальника штаба военно-учебных заведений с письмом от Княжевича. Этот человек может показать мне в подробностях все учеб[ные] заведения. Оттуда во дворец к Панаеву, который нам с Костей показывал Эрмитаж и показал только половину, а все я устал до невероятности. Панаев и Костя полюбили друг друга. Оттуда прямо сквозь всю внутренность Дворца к Кавелину. Его не застал, посидел с Марьей Павлов[ной, к которой привыкаю и нахожу милою. Отказался у них обедать и отправился на обед большой к Александру Княжевичу, а оттуда на вечер и бал к Пейкеру. Вчера был обед у моих хозяев для моих приятелей, а завтра у них большой вечер… Одним словом, я сделался дурак-дураком и устал до невероятности. (Не помню, писал ли я, что вчера я получил два твоих письма). Слава Богу, что вы здоровы и ты, кажется, стала поспокойнее. Сегодня И[ван] У[стинович] сказал мне, что ближе двух недель я не отделаюсь, но это вздор, отделаюсь скорее. Завтра рано я к Ростовцеву, чтоб узнать, как он расположил время осмотров Артиллер[ийского] и Инженер[ного] училищ. Оттуда к Веймарну вместе с Пейкером: нам покажут заготовленный доклад о покупке дома и утверждении смет. Все трое Веймарны – отличные люди[1142]. Благодарю милых дочерей за письма. Машу особенно целую и поздравляю, привезу ей особенный подарок. Костю я не таскаю с собой, хоть меня приятели и бранят за то; ему дома веселее. Грише вчера подарил 50 рублей, это ему лучше.

[1140] Готовцев Валериан Тимофеевич – участник Отечественной войны 1812 г., друг С.Т. Аксакова; его сын, Дмитрий, учился вместе с Григорием в Императорском училище правоведения.

[1141] Имеется в виду у Я.И. Ростовцева.

[1142] Речь идет о братьях Веймарнах: Александре (1791–1882), флигель-адъютанте Иване (1800–1846), генерал-адъютанте Петре (1795–1846) Федоровичах.

Прощай, душа моя. Пожалей обо мне. Целую тебя крепко и всех детей. Благословляю вас. Спать не хочу, но бумага вся и больше нет.

До гроба твой, С. Аксаков.

Приписка на л. 20: «Постоянно выигрываю в вист – спасибо Соф[ье] Фед[оровне]».

Приписка на л. 20 об.: «Я узнал подробно об Озерове: это повеса и мот. Историю его любви все знают и жалеют о предмете».

№ 8[1143]

27 [января]

Час по полудни

Пользуюсь несколькими свободными минутами, чтоб написать к тебе, милый единственный друг мой Оллина! Сегодня у Надины бал, и по тесноте дома все пошло вверх ногами! Бедные хозяева с раннего утра без ума хлопочут. У Ольденбургского Принца корь. Гришу позволяют оставить покуда у меня. Забавно то, что в латинском он получил баллов меньше, чем в других предметах. Воспитанникам, которые оказались в латинском слабы, дают вспомогательные уроки чрез особого учителя по 2 рубля за урок. Принц сам вызывался платить, но я с удовольствием взял это на свой счет, и Гриша, вместе с другими будет брать такие уроки. Я сегодня обедаю у Розинга, который женился на порядочной женщине. Сейчас ее увижу. Мне совестно к нему не ехать, а куда не хочется! Сегодня я был у Ростовцева; с четверга все военно-учебные заведения для меня открыты. Боюсь, что я не вырвусь отсюда скоро. Доклад о доме и прочем сегодня мы прочли с Ив[аном] Уст[иновичем] и кое что прибавили.

Прости. Целую тебя и детей. Николашу обнимаю. До гроба твой.

Приписка: «Прилагаемое письмо доставить Николаю Петр[овичу] Мирск[ому]».

[1143] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 21.

№ 9[1144]

28 [января]

Утро

Вчера я получил два письма твои, милый друг Оллина, от 23 и 24 январ[я]. Слава Богу, что приехали наши любезные братья! Ник[олая] я и не ожидал. Досадно, что меня нет в Москве, и что не могу вырваться так скоро, как я желал бы. Хорошо, если б приехать к Верочкиному рождению. Обнимаю наших дорогих гостей. Теперь тебе, моя Оллина, будет не так скучно! Бал прошел вчера или сегодня преблагополучно. Все было в меру и хорошо; кавалеров много и наш Костя пустился в тяжкие танцы. Девицы предобрейшие и премилые, вовсе не насмешницы (все родные Пейкеровы и Веймарновы) и весьма полюбили Костю, потому что он говорит от души и не по-петербургски. Грустно мне, что мои милые дети кашляют. Что же так долго? Ах, как бы я полетел к вам. Все поднялись угощать меня, хотят оправдать или лучше доказать петербургское гостеприимство. Сегодня обед у Пинского, завтра у Кареева, послезавтра у Моисеева; так у Панаева и у Кавелина еще не обедал. Сегодня еду за детьми Васькова, хочу их познакомить с Надиной.

Целую тебя и детей. Благословляю вас. До гроба твой, С. Аксаков.

Приписка: «Хорошо, что обеды в 5 часов: не мешают делать дело».

№ 10[1145]

4 февраля

Я сейчас воротился от Гриши и распечатал неотправленное письмо, чтобы написать к тебе, бесценная Оллина! Гриша наш здоров, но грустит – не вижу тебя обманывать. Славный, добрый малый! Наше счастье, наша милость Божья! Его

[1144] Там же. Л. 21 об.
[1145] Там же. Л. 4–4 об.

воспитатель Андреев, предобрейший человек, связан со всеми моими товарищами и друзьями, знает меня и мое семейство, и мои свойства, и жизнь нашу в подробностях. Сегодня он мне сказал с таким чувством, которому нельзя не поверить во глубине души: «Я за счастие считаю, что ваш сын у меня на руках! Я и мечтать не мог, чтоб быть вам полезным. Знаю, милый вы человек!» Так, вот, моя Оллина, что значит доброе имя родителей! Ведь этого не купить!.. Итак, будем радоваться и благодарить Бога! Завтра оба, с Костинькой, проведем с Гришей час. А сегодня сделали только для меня исключение и то на 5 минут. Прости, душа моя! Обнимаю тебя и всех моих детей. Тороплюсь отправить и скакать. Братьев обнимаю и Николеньку[1146]. Твой друг, С. Аксаков.

№ 11[1147]

5 февраля 1836 г.

[…] час[ов] утра

Сейчас воротились мы из маскарада-бала от Алекс[андра] Федор[овича], которым все, особенно я, были очень довольны. Было нежарко, я выиграл 2.50 (только хочу не проиграть); Костя много танцевал и очень веселился, а я имел более времени наговориться с Алекс[андром] Федор[овичем], нежели в три утренние посещения. Мои требования в жалованье удовлетворены, а квартирные и дровяные по 400 р[ублей] в месяц с 1-го сентября обещаны (я соглашаюсь взять 300). Жаль, что не могу исполнить желания Алекс[андра] Фед[оровича] остаться здесь до покупки дома (т.е. до утверждения Государя), которую обещают кончить на первой неделе – это выше сил моих! Или лучше – этого голова моя не в силах приказать сердцу.

[1146]Карташевский Николай Григорьевич (1820–1880), племянник С.Т. Аксакова, обучавшийся в Артиллерийском училище, впоследствии генерал-лейтенант, участник обороны Севастополя, командир артиллерийской батареи, в 1855 г. командующий Керченским отрядом.

[1147] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 22–22 об.

Я получил письмо твое, милый друг, бесценная Оллина, от 31 января. Слава Богу, что вы здоровы! Куда это ты все торопишься, милый друг! Братцы мои, которых обнимаю, спасибо им, подписывают хоть письма! Обнимаю их и Николашу.

Завтра писать некогда. Еду в 9 в Павловский кадетский[1148], а оттуда в Военную академию, и оттуда к 2 часам к Грише; с ним побеседую до 3-х. Завтра хочется мне к Новосельскому.

Прощай милый друг! Целую тебя и детей! Всех вас благословляю. Ай да москвичи! Какую пыль пустили в глаза Брюллову[1149]! Карла Смелого печатного нет[1150]. Дадут прочесть, но списать нельзя. Обнимаю тебя тысячу раз. До гроба твой С. Аксаков.

Костя без меня припишет, а Гриша напишет в пятницу.

№ 12[1151]

6 февраля

Сейчас послал Костю за Гришей, чтоб иметь время написать к тебе, милый друг Оллина, несколько строк! Письмо твое от 1 февраля получил. Слава Богу! Теперь аккуратно получаю твои письма. Вчера провел целый час с Гришей; я в восхищении от училища. Кавелин действует для нас, как истинный благодетель. В училище приезжал Юрьевич[1152]; отыскал Гришу, нашел его за делом, обласкал его и долго говорил о нем с директором, прибавя, что Кавелин обязан всем нашему дому и что в Грише принимают живейшее участие Принц и … ты догадаешься

[1148] Павловский кадетский корпус, Императорская Николаевская Военная академия – военные учебные заведения в Санкт-Петербурге.

[1149] Брюллов Карл Павлович (1799–1852) – художник, монументалист, акварелист, представитель классицизма и романтизма. В 1821 г. окончил Императорскую Академию художеств.

[1150] Речь идет о романе В. Скотта «Карл Смелый» (1829).

[1151] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 23–23 об.

[1152] Юрьевич Семен Алексеевич (1798–1865) – полковник, воспитатель цесаревича Александра Николаевича по направлению «фронтовое образование» (См.: Кавелин П.А. А.А. Кавелин, как воспитатель императора Александра II // Русская старина. М., 1902. № 3. С. 555).

кто[1153]. Это, впрочем, по секрету; я даже последнего и Грише не скажу, чтоб он не забылся, имея такого высокого покровителя. Вчера в 9 час[ов] вечера я отправился к Кавелину; Мар[ия] Павлов[на] уехала в монастырь свой, и я остался у него до 12 часов. Живости большой нет, а желания нам добра у него глубоко и постоянно. Если Бог продлит его жизнь, то он много сделает нашим детям. Иван пишет сюда, что он поступит в училище… Из этого заключаю, что у нас об этом толкуют в доме, как о деле верном. Это не годится. Да неужели ты все, что я пишу, сообщаешь детям и знакомым? Вчера Кав[елин] повторил мне, что судьба Вани определена[1154], но чтоб об этом никому не говорить.

Вчера я был в Кадет[ском] корпусе у Мирковича[1155], и в восхищении от него и от всего того, что он делает в корпусе! Золотой человек! Многого я не успею сделать и со многими столько раз повидаться, сколько нужно. Великое дело освежить и упрочить свои связи. Братьев обнимаю. Был у Новосельского, не застал и оставил повести. Что это за странности у вас сделались с Николашей! До весны я приеду и выведу дело на свежую воду.

Прости, милый друг, бесценная Оллина! Обнимаю тебя, целую твои руки. Детей также. Благословляю вас. До гроба твой, С. Аксаков.

№ 13[1156]

6 февр[аля] 1836 г.

11 ч[асов] вечера

Сегодня я не мог иметь писем от тебя, милый друг, дражайшая Оллина! И это грустно для меня! Гриша писал к тебе поутру, возвратясь из своего училища в полной амуниции, в мундире, в форменной шинели и треугольной шляпе на

[1153] Имеется в виду цесаревич Александр Николаевич. Братья Аксаковы были ему представлены, благодаря А.А. Кавелину (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 236. Л. 209).

[1154] Иван Сергеевич Аксаков, благодаря участию А.А. Кавелина, в 1836 г. поступил в Императорское училище правоведения.

[1155] Речь идет об Императорском 2-м Петра Великого кадетском корпусе, директором которого был генерал-майор Миркович Федор Яковлевич (1789–1866).

[1156] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 24–25 об.

ремешке! Я ездил к Ив[ану] Уст[иновичу] и к Веймарну. Последнего не застал дома, что мне весьма досадно: мне нужно было попросить отпускную аудиенцию у министра и потолковать о важных делах. Эта проклятая масленица подоспела ко времени моего отъезда и весьма мне мешает. Ив[ан] Уст[инович] смеется надо мною, что я хочу ехать в воскресенье и говорит: «Да, может быть, министр и две недели не назначит Вам времени откланяться с ним…», но это шутки! Если он на несколько дней отсрочит мой отъезд, то и тогда это будет для меня тяжелый удар! Признаюсь, если при моих средствах, при моих важных связях дела идут с такой медленностью (ибо только сегодня поступило наше дело в Комитет министров и будет слушано на первой неделе), то каково тому, кто приедет сюда, как в незнакомый город!.. Впрочем, возобновление и поддержание моих связей тоже отнимало много времени! Сегодня дают оперу «Семирамиду»[1157]; говорят, чудо и билетов достать нельзя, но мне Киреев[1158] прислал 2 бил[ета] в кресла. Я не пошел и уступил билет братцу Григ[орию] Иван[ановичу], который и отправился с Костей (а поутру он был в другой раз в «Фенелле» и целый день пел из нее наизусть). Я же остался, чтоб провесть вечер с Гришей и Надиной, у которой также Николинька отпущен из Артиллер[ийского] училища. На завтра Княжевичи составили пикник за городом, и меня звали с Костей, но я откажусь, солгу что нездоровится. Во-первых, потерять время не хочется, я же еду с Надиной и Гришей в балет «Восстание в Серале» (Киреев прислал ложу; он уже присылал мне билет в кресло, но я не ездил); и, во-вторых, боюсь, что там разгуляются, хоть едут с женами и будут нам-то сцены играть. В-третьих, мы дали слово с Григор[ием] Ив[ановичем] провесть вечер вместе с Алекс[андром] Федор[овичем] у его короткого приятеля Пефта[1159]; а с пикника, который начнется часов в 6, уж туда не поспеешь. Должен, однако, я сказать правду, что много вижу знаков дружбы! В субботу проводим прощальный вечер у Кавелина, который сильно

[1157] Имеется в виду опера Джоаккино Антонио Россини «Семирамида» (1823).

[1158] Киреев Александр Дмитриевич (1796–1857) – управляющий конторой Императорских Петербургских театров (1832–1853).

[1159] Пефт Гавриил Васильевич (1782–1853) – надворный советник, в 1825–1827 гг. исправлял должность вице-губернатора Вятской губернии; член Совета Государственных кредитных установлений (1833); герольдмейстер (1838–1841).

желает убедить Гр[игория] Ив[ановича] к вступлению в службу для его же пользы. На днях это чем-нибудь решится и сам лично сообщу тебе, милый друг, все подробности! Завтра в 8 часов отправляюсь к Алекс[андру] Княж[евичу] хлопотать об определении Баженкова (это поручение А[лександра] А[лександровича]), оттуда к Веймарну о назначении мне времени к отъезду и о других важных статьях; и оттуда к Дурасову, который сам приезжал ко мне; потом в театр. Стало писать завтра к тебе мне не удастся и напишут Гриша и Костя, который сейчас воротился из театра… Уморил меня со смеху Костя!... Бранит, на чем свет стоит «Семирамиду»! Доехали его Итальянские Музыки! Но все в восхищении, и Гр[игорий] Ив[анович] очень хвалит. Единогласно говорят, что Гедеонов[1160] далеко подвинул театр.

Боже мой! Когда я вас увижу! Такая тоска! Надина изливает на нас всю свою нежность до излишества и уже начинает тосковать, что расстанется с нами! Костю ужасно полюбила. Говорит, что если б у нее был такой сын, то она любила бы его до безумия. Сегодня целый день Гриша рассказывал мне про свое житье-бытье; недавно уснул, а уже 1 час. Все так хорошо у них и сколько видов в будущем! Его, конечно, никто не знает, но, судя по-человечески, много обещает хорошего нашим детям это прекрасное заведение.

Прощай, мой милый, единственный друг! Обнимаю тебя и целую! Неужели я долго тебя не увижу? Боже сохрани. Завтра поздравляю тебя с нашей новорожденной! Целую и благословляю всех детей. До гроба твой, С. Аксаков.

Приписка на л. 25: «Васькова обнимаю. И[ван] У[стинович] удивляется, что нет бумаг от него. Щепкина, Томашевского обнимаю и других».

№ 14[1161]

7 февраля

[1160] Гедеонов Александр Михайлович (1791–1867) – директор Императорских Санкт-Петербургских театров

[1161] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 26–27 об.

Поздравляю тебя, милый мой друг, дражайшая Оллина, с нашей новорожденной! Не шутка – 17 лет. Дети писали без меня, а я ездил все утро без ума. Многое устроил. Сегодня доложат министру о назначении мне прощального свидания. Был у Кавелина и устроил его желание об определении Баженкова винным производством где-нибудь около Москвы. Сейчас воротились мы из театра. Что за глупый балет «Восстание в Серале». Но надобно отдать справедливость, что балет, оркестр, одним словом все несравненно лучше московского. Как же я рад, что некоторое обстоятельство тебя развлекает. Что-то Бог даст, исполнятся ли твои предположения?

Вечер. 12 часов

Мы сейчас воротились от Кавелина с братцем Гр[игорием] Ив[ановичем]. Провели вечер за вистом, играли с хозяином и с Анненковым[1162]. Проиграли: я 30 р[ублей], а братец 70 коп[еек]. Кажется, теперь уже не представится мне необходимость играть. Остаются дела и прощальные визиты. Обнимаю тебя, милый и бесценный друг мой. Целую тебя и детей. До гроба твой, С. Аксаков.

Обнимаю, целую и поздравляю тебя, милый друг и дочь моя Вера! Не удалось мне провесть этот день с вами! Как быть обстоятельства имеют железную волю. Что за глупая эпиграмма Михаил[а] Никол[аевича]. Это досадно. Постараюсь исполнить поручение Верстовского[1163], но едва ли успею. Если б я жил на квартире – это дело другое. Кланяйся от меня А[нне] С[евастьяновне] и С[офье] Ф[едоровне]. Благодарю ее за списанные стихи, хотя они и глупы. Еще раз целую тебя. Друг и отец С. Аксаков.

Спасибо за приписочку твою, милый друг и брат Аркаша! Если известие о предводительстве получено тобою от меня, то это еще неверно – его сообщил мне человек многоглаголевый, и я нигде не отыскал подтверждения его словам. Если

[1162] Анненков Николай Николаевич (1790–1865) – генерал-майор, директор 1-го Московского кадетского корпуса.
[1163] Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862) – композитор и друг С.Т. Аксакова.

б ты знал, какую я жизнь веду, то сокрушился бы за меня…, ибо не помню и не выхожу из вицмундира! Вдобавок, везде опаздываю и по пяти раз не застаю дома людей нужных. Дурасов сам был у меня, а я вчера был у него. Замучили меня. Совестно. Обнимаю тебя.

Приписка на л. 26: «8-го опять не успеваю писать. В час еду за […] Министра».

Приписка на л. 27об.: «Никласа обнимаю».

№ 15[1164]

8 февраля

3 часа пополудни

Сейчас воротился я из Академии; смотрели мы с Костей картину Брюллова[1165]. Я не знаток, но скажу свое мнение прямо: ничего великого не нахожу в этой картине. Чувства или мысли она во мне возбудила и не оставила. Искусство в изображении тела невероятное; но я не ценю его высоко. Лицо ни одно меня не поразило. Страданий, чувств в лицах я не нашел. Нога, рука, спина, затылок у иных фигур – живые да и только, вышли из рам или ушли в сторону… Но многое кажется неестественным, потому что художник избрал положение и свет, которых никто не видит. Освещение молниею так быстро, что его уловить нельзя; людей, засыпанных пеплом, также никто не видывал; а как мы судим по сравнению, то в этом отношении нельзя, по моему, судить картины Брюллова. Если бы можно было задержать свет молнии часа на два то, может быть, все предметы приняли бы такой вкус, как на картине Брюллова.

С министром я раскланялся: т.е. он велел мне сказать, что очень занят, что не хочет задерживать меня до четверга (ближе которого принять не может), что желает мне счастливого пути и надеется, что все у меня пойдет прекрасно! Я этому очень рад, но жаль, что одевался в мундир и потерял целое утро. Воротясь,

[1164] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 29–29 об.
[1165] Речь идет о картине К. Брюллова «Последний день Помпеи» (1833).

нашел письмо твое, милый друг Оллина, от 4 февраля и письмо Аркаши, которое меня очень позабавило… Но мне сдается, что все это у вас не сносится…

11 час вечера

Сейчас уехал от нас Веймарн, сидел вечер и прощался. Он сам завтра едет в деревню. Костя в театре в ложе у Ртищевой, смотрит в другой раз «Роберта»[1166]; а мне ничего и посмотреть не удалось, потому что надобно было видеться или быть у людей, которым нельзя манкировать по отношениям…, и все эти расчеты наши весьма не верны.

Я забыл, что завтра нет почты: итак письмо это отправится после завтра.

Приписка на л. 29 об.: «Если ты не раздумала сама, то напиши письмо к Кавелину».

№ 16[1167]

8 часов вечера. 9 февраля

Воскресенье

С 9-го часа утра я прощался; и половины визитов не сделал. Иных, мне необходимых людей, не застал дома, а другие задержали, особенно Мартынов и Евгения Григорьевна[1168], которая со слезами прощалась со мной. Воротясь домой, нашел письмо твое, милый друг, дражайшая Оллина! Слава Богу, что вы здоровы и хоть несколько развлекаетесь театром; как я рад, что Аркаша[1169] в Москве. Костя уехал с Машей и Григор[ием] Иванов[ичем] на последний бал к Журавлевым… Он в этом кругу, который, впрочем, совсем не высший и не модный, сделал большие успехи; а Гр[игорий] Иван[анович], не смотря на свою реальность, и Надина, и Маша от него в восхищении; говорит, не умолкая, целый день. Я даже боюсь, чтоб его самолюбие, которого и без того немало, еще более

[1166] Имеется в виду опера «Роберт-дьявол» Джакомо Мейербера (1831).
[1167] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 28–28 об.
[1168] Имеются в виду Мартынов Павел Петрович и Осоргина Евгения Григорьевна.
[1169] Аксаков Аркадий Тимофеевич (1803–1862) – брат С.Т. Аксакова.

не надулось. Через час везу моего Гришу в училище; не стану уверять тебя, что оба не грустим. Попрошу позволение видеть его всякий день до моего отъезда, хотя на самое короткое время. Завтра посвящается на последние визиты и на прощальные переговоры с Пейкером; послезавтра на некоторые покупки и сборы. Надина так привыкла к нам, что уж каждую минуту готова плакать и даже плачет. Прощай, покуда, душа моя.

12 час ночи

Отвез я моего милого Гришу и отдал с рук на руки Пошману – славный малый! Говорить не мастер, не фразер, не фантазер, а чувств имеет по более своего братца, который чувствительнее к духам, чем к людям. Очень грустно! Не воображал, чтоб так было тяжко мне. Приношу эту жертву для его же счастия, рассчитывая по-человечески.

Целую тебя и детей, и благословляю вас. До гроба твой, С. Аксаков.

Приписка на л. 28 об.: «Поздравляю всех с постом, трудом и молитвою! Милого друга Аркашу обнимаю, также и Никласа».

№ 17[1170]

10 февраля

11 часов вечера

Сейчас воротился от Кавелина, все спят, а у Надины до того разболелась голова, что ужас. Теперь уснула. Мне спать не хочется; всего лучше писать к тебе, милый друг! Но каково было мое положение, когда я не нашел ни одного пера… в чулках пошел я бродить по дому и – вообрази мою радость! – нашел обломок пера в лакейской!.. Слава Богу! Начну сначала.

Поутру сделал я несколько прощальных визитов: простился с Пейкером, который в жару своей дружбы выбегал провожать меня в халате на лестницу и

[1170] РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 15. Д. 26. Л. 30–31 об.

которого дочери (в том числе некогда прелестная Констанция, для меня и теперь она лучше всех сестер) ожидали меня в зале, чтоб насказать множество добрых желаний и ласк (ето уже по милости Константина, который у всех Веймарнов, Пейкеров и Журавлевых, сих 72 персоны, прослыл чудом учености, ума и дарований… это я говорю не шутя). Простился с Журавлевыми и со всеми департаментскими чиновниками.

В 12 часов вместе с Костей явились мы в училище. Дети говеют, и только что кончилась служба. Без позволенья директора нам не хотели было дать свидания с Гришей, но добрый его воспитатель (Алексей Семенович Андреев) привел Гришу в приемную или дежурную комнату, и мы пробыли полчаса вместе. Слава Богу, Гриша укрепился духом. Послезавтра, т.е. в середу, в два часа, последнее свиданье, после которого, пообедав, намерены мы пуститься в Москву. О, как рвется моя душа к вам, хоть грустно расставаться с Надиной, которой нежность к нам превосходит всякую меру и которая больна от слез, готовясь только к разлуке с нами! Машу я полюбил, как дочь: это образцовая, хоть совсем не блестящая, девушка[1171]. В 8 ½ часов приехал я прощаться к Кавелину. Его нет, против обыкновения, и он явился в 9 ¼ – говел с Государем, наследниками и другими.

Итак ¾ часа беседовали мы с Марьей Павловной. Подробности до свиданья, но скажу тебе ее характеристику: для нее монастырь – дом, и дом – монастырь; монастырь для нее вселенная, вечность, а все прочее дело временное, преходящее. Одно скажу, что Кавелин ее очень любит. Мы расстались как нельзя лучше. Мне кажется, я один только могу его расшевеливать, возвращать в прошедшее время… Не только нам и нашим родным он непременно хочет быть полезен.

11[февраля]

Утро, т.е. 12 час[ов]

Гриша здоров и хорошо провел ночь; я видел его на минутку, а завтра проведу с ним целый час. Покупки карт, инструментов весьма расстроились у нас.

[1171] Речь идет о племяннице С.Т. Аксакова Карташевской Марии Григорьевне (1818–1906).

Не знаю, писал ли я тебе, что получил письмо твое от 6-го февраля. Слава Богу, что ты мой дражайший друг, моя Оллина, со всеми своими крошками здорова! Братьев обнимаю. Завтра надеюсь написать последнее письмо из Питера. Впрочем, если как-нибудь письма не получите и меня не будет, то не извольте беспокоиться, ибо нездоровье Надины может легко задержать меня. Как Гриша рад был письму Олиньки! Прощай, мой дражайший друг! Сейчас Кавелин прислал письма и подарки сестрицам.

Целую всех моих милых дочерей. Что узнает ли меня Соничка? Целую тебя, милая Оллина тысячу раз. До гроба твой, С. Аксаков.

Приписка: «Скажите Ан[не] Сев[астьяновне], что ничего не ответили в конторе. Письменное доказательство привезу ей, а С[офье] Ф[едоровне] скажите, что увожу из Питера (по ее милости) 250 руб. Васькова дети были у нас в воскресенье. Письмо от них привезу с собою: было бы, с чем явиться к их маменьке».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Письма князя П.Д. Козловского С.Т. Аксакову

№1[1172]

Милостивый Государь Сергей Тимофеевич!

Вчера утром был у нас доктор, нашел Смирнова довольно порядочным, прописал ему лекарство и – уехал. В $7^{\text{мь}}$ часов пополудни – один из воспитанников, играя на дворе, упал и так несчастливо, что переломил левую руку выше кисти; сделав ему нужную перевязку, я отправил его с надзирателем Боголюбовым в Москву в Голицынскую больницу для излечения; мне нельзя было сделать иначе: если б я послал за доктором, то потерял бы много времени, можно полагать, наверное, что доктор, при всей возможной со стороны его поспешности, приехал бы не ранее утра, а боль от излома руки должна привлечь лихорадку, по этой причине я решился отослать его прямо в Голицынскую больницу, где костоправ известный Нечаев.

Смею Вас заверить, почтеннейший Сергей Тимофеевич, что этот несчастный случай нельзя было ни предвидеть, ни отвратить: многие из Воспитанников падают и больнее, но Васильев 2, довольно тихой мальчик, упал, бегая за товарищами на дворе, в виду у меня. Я так радовался, что больных мало, игры у детей весьма скромные, шалостей особенных нет, словом, жизнь на даче текла стройнее и лучше, нежели в Москве, и вот случай, – решительно не отвратимый, новую скорбь посылает и без того на скорбную душу мою. –

Впрочем у нас теперь хорошо; вероятно, искусство Нечаева поможет руке Васильева, – до Москвы довезли его хорошо, окутав тулупом и двумя одеялами, под зонтиком, что можно было сделать, то сделали, уверяю Вас.

Как Ваше здоровье? Что с глазами Константина Сергеевича?

Вчера раздавали жалованье, повара немного позашалились, но, Слава Богу, унялись и теперь работают; это чудной народ: нет денег – хорошо, попали деньги в руки – и пошла потеха. Впрочем, теперь все поправляется.

[1172] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75. Л. 3–4 об.

С искренним моим почтением и глубокою преданностию имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, покорнейшим слугою

Кн[язь] П[авел] Козловский

Жена моя свидетельствует свое почтение Ольге Семеновне; она не здорова, потому сама не может писать.

9 июля.

Приписка на л. 3: <…> оче[нь] скользкий.

№2[1173]

Милостивый Государь Сергей Тимофеевич!

С юношеским жаром предан я Вам, бескорыстно и с самозабвением приводил в исполнение мысль мою – успокоить Вас, имея одно в виду – Ваше благородное сознание, что я умел понять доброту Вашу, умел оценить расположение Ваше; почти три года нечеловеческих усилий были подарены Вам, мало сказать подарены, нет, я уж был доволен, что Вы принимали их. Люди изменили отношения между нами, но они не могли иметь ни малейшего влияния на чувства мои, не должны иметь влияния на благородство Ваших чувств, так думал я, ослепленный моею бешеною привязанностию, и был вполне успокоен мыслию, что Вы знаете меня, цените и если ничего не сделали для меня, то это сколько происходило и от затруднений бесчисленных по должности, столько и потому, что я сам ничего не хотел и ничего не искал. Признаюсь – цель моих надежд была – получить возмездие от Вашей – дружбы (это слово употребляю, повторяя Ваши слова;), да, только личная Ваша оценка была дорога мне, я говорил Вам это более ста раз, сказал, видя Вас в последний раз 6го декабря в день св. Николая, когда Вы в последний раз зашли ко мне в пустую комнату. Много, очень много печатается на душе моей, но не хочу говорить, кроме того, что необходимо высказать Вам; мне надобно поберечь себя, у полуоткрытого гроба моей матери, убитый и судьбою, и людьми, я еще имею обязанности и должен жить, а чтоб жить – мне надобно поберечь себя; скажу одно: Вы обещали

[1173] НИОР РГБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–2 об.

содействие Ваше в переводе, или лучше сказать, в определении меня в корпус Жандармов, я, обольщенный твердостию Вашего честного слова, обнадеженный Вашею добротою, а более всего уверенный в Вашей признательности – с благодарностию принял Ваш вызов, между тем добрый человек, человек, которого я совершенно почти не знал, для него я не мог ничего сделать – вошел в мое убийственное положение, подал мне руку и почти привел к концу мое единственное желание; от Вас я надеялся добра – получил зло, которого не пожелал бы самому злющему моему врагу: Вы обещали мне просить генерала Перфильева, обещали писать сами и действовать чрез Г[осподина] Княжевича, понимаю, очень ясно теперь, что прежде было для моих понятий не постижимо – Вам угодно было обещать и исполнить в обратном смысле, благодарю Вас за рекомендацию Вашу, за ту обставку, с которою Вы выставили мой характер; много пережил я, много выстрадал, вытерпел, во многом потерял, но Вы, добрый и чувствительный Сергей Тимофеевич, Вы потрясли душу мою до основания, Вы совершенно ниспровергли веру мою в человечество, веру в благородство, честность, истину – руку на сердце и прямо и смело гляжу на Вас, – грустно мне читать (большое число) Ваши записки – они говорят очень ясно, но вместе и утешительно для моей гордости чувствовать мою правоту, отрадно думать – я любил и ценил, и дорожил этим человеком несравненно более, нежели он стоит и стоил этих чувств. – Я боец жизни, видал и бури, и опасности, близ себя не раз чувствовал присутствие костлявой гостьи, погибал и восставал, мне и теперь должно жить и доживать участок моих дней, – в отношении к Вам моя привязанность была до женского утончения – Вы заплатили мне хорошо, очень хорошо; к суду Вашей совести, прямо к Вашей душе теперь я обращаюсь и – знаю, что рано или поздно, а укоризны за меня пробудятся – в душе Вашей; Вы знали мои связи с Н. Полевым, много, очень много раскрывался он предо мною, но так как это касалось до Вас – я был Фома неверующий; теперь я сказал – все; повторю мою благодарность за Ваши старания сделать мне зло, за Ваши усилия разрушить мою веру (надломленную и без Вас) в правду людскую. Прощайте! дай Бог, чтоб Вы не испытали угрызений совести за поступок со мною – тогда –

прощай Ваш покой. Извините, что не соблюдаю [далее – по левому полю приписка. – *В.Д.*] условленных правил вежливости в письме, я говорю для Вас собственно, а не для других. Прощайте, повторю еще, будьте счастливы. Ваш покорнейший слуга Кн[язь] Пав[ел] Козловский.

Приписка на л. 1: ?! Сумасшедший! Кн[язь] Козловский

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Отчет/отношение ревизующего сенатора Межевого департамента Правительствующего Сената И.У. Пейкера министру юстиции Д.В. Дашкову от 24 октября 1833 г.[1174]

Получено 1 ноября 1833 года

Милостивый государь Дмитрий Васильевич!

В отношении от 14–го минувшего Мая за № 5677–м, Ваше Превосходительство изволили сообщить мне, чтобы при обозрении моем Межевой канцелярии, я вошел также в рассмотрение и настоящего положения Константиновского землемерного училища.

Вследствие сего сделаны были мною нужные распоряжения, как об испытании воспитанников в учебных предметах, так и о собрании достоверных, по возможности, сведений насчет нравственных их качеств.

Ученики IV, III и II классов были экзаменованы самим мною, или в моем присутствии без исключения; в I-м же классе, равняющемся начальному классу в приходских училищах только те из учеников, которые по своим способностям, были замечены учителями с хорошей стороны. Главными предметами при испытании, на коих и впредь, кроме познаний собственно по Землемерной части, должно основываться ученье в Межевых учебных заведениях, были: математика и русский язык в пространном значении сего слова. Для выражения успехов в учении и поведения воспитанников, я счел нудным употребить следующее число баллов: для арифметики и геометрии, для каждой по 20, для русского языка 4, и по поведению также 4 балла. Назначение сих последних основано было на отзывах исправляющего ныне должность инспектора училища, и на розысканиях, сделанных вновь и частным, и полицейским образом.

Из прилагаемого у сего списка ученикам IV, III, II классов, составленного по старшинству баллов, Ваше Превосходительство, изволите усмотреть, в каком слабом состоянии находится ученье в сем заведении, совершенно несоответствующем общеполезной цели учреждения онаго. В I–м классе из 107–

[1174] РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. Л. 64–65 об.

ми замечено мною только 20 учеников, которые, несмотря на малые познания их, подают надежду к успеху в науках, по способностям и прилежанию своему.

Произведенное мною упомянутое испытание, показав степень знаний учащихся, открыло с тем вместе способность учить и усердие самих преподавателей. Для улучшения, по возможности, учебной части Константиновского землемерного училища, я нашелся вынужденным удалить из онаго двух учителей: Вахромеева, преподавашего в III и IV классах математику и Неретина, обучавшего рисованью, заменив первого старшим землемером Ешевским, а последнего землемером Чудаковским. Сверх того вновь определено: отличный учитель черченья и рисованья пером, старший землемер Ямпольский, и преподаватель межевых законов, кандидат Московского университета Маевский, служащий секретарем в Межевой канцелярии. Учитель русской словесности во II, III и IV классах, должен быть также заменен другим, коль скоро откроется к сему возможность. Ограниченность окладов жалованья, определенных учителям Константиновского училища по нынешнему штату онаго, представляет немалые затруднения к приисканию на места их людей достойных.

По приведению в ближайшую известность настоящего положения Константиновского землемерного училища, я еще более убедился в совершенной необходимости скорейшего преобразования онаго в Межевой институт, на основаниях, изложенных в проекте Устава, который я имел честь препроводить к Вашему Превосходительству, при отношении от 4–го минувшаго июня за № 117–м, вместе с запискою, заключающей мнение мое о преобразовании вообще Межевого корпуса.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть милостивый государь Вашего Превосходительства покорнейшим слугою Иван Пейкер.

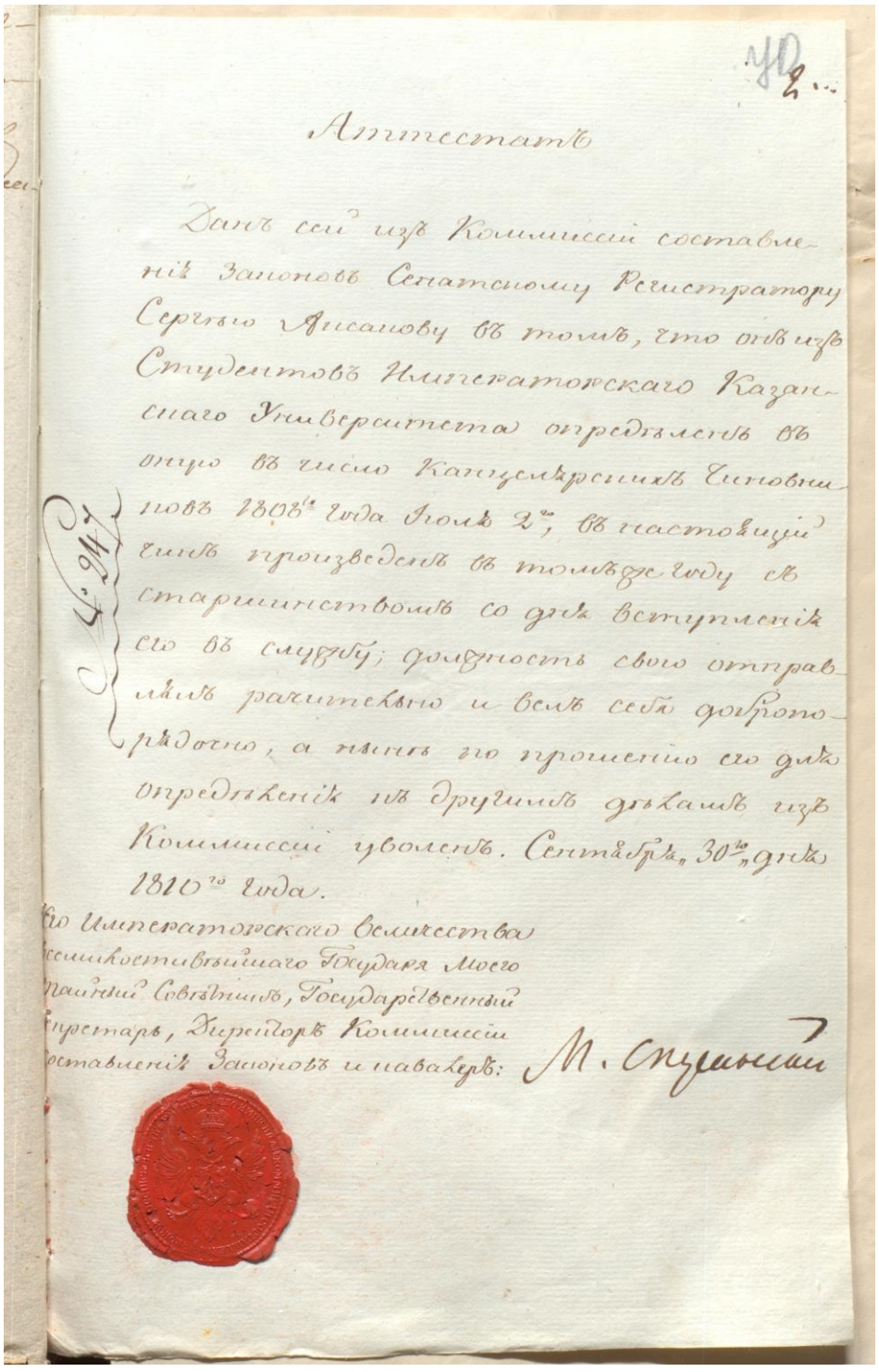
Москва.

№ 175–й.

Октября 24 дня 1833 года.

Его Прев[осходительст]ву Д.В. Дашкову.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Аттестат о службе С.Т. Аксакова в Комиссии составления законов с автографом М.М. Сперанского[1175]



Аттестатъ

Данъ сей изъ Комиссіи составленія Законовъ Сенатскому Регистратору Сергѣю Аксакову въ томъ, что онъ изъ Студентовъ Императорскаго Казанскаго Университета опредѣленъ въ оную въ числѣ Канцелярскихъ Служителей 1808го года Іюля 2го; въ настоящій чинъ произведенъ въ томъ же году съ старшинствомъ со дня вступленія его въ службу; должность свою отправлялъ рачительно и велъ себя добропорядочно, а нынѣ по прошенію его для опредѣленія въ другихъ дѣлахъ изъ Комиссіи уволенъ. Сентября 30го дня 1810го года.

По Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя Моего Тайный Совѣтникъ, Государственный Секретарь, Директоръ Комиссіи Составленія Законовъ и Кавалеръ: М. Сперанскій

[1175] РГИА. Ф. 557. Оп. 2. Д. 556. Л. 70.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Преподавательский состав Константиновского землемерного училища (1833 – 1835 гг.)

Фамилия преподавателя	**Место службы до поступления в Константиновский межевой институт**	**Годы преподавания в Константиновском межевом институте**	**Преподаваемый предмет в Константиновском межевом институте**
Коллежский асессор Петр Курочкин[1176]	Экспедиция Кремлевского служения по архитекторской части	1833 г., 1834 г., 1835 г.	Гражданская архитектура
Титулярный советник Терликов[1177]	Неизвестно	До 2 декабря 1833 г.	Российская словесность
Губернский секретарь Егор Афанасьевич Ярцов[1178]	Действительный студент Императорского Московского университета	С 4 декабря 1833 г., 1834 г., 1835 г.	Российская словесность
Коллежский советник Александр Максютин[1179]	Неизвестно	С 19 мая 1834 г.	Чистописание

[1176] РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 328 об. – 333.
[1177] Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 64. Л. 2, 2 об.
[1178] Там же.
[1179] Там же. Д. 42. Л.1, 1 об.

Коллежский советник Неретин[1180]	Неизвестно	До 21 сентября 1833 г.	Рисование
Вахрамеев[1181]	Неизвестно	До 21 сентября 1833 г.	Математика
Чудаковский[1182]	Старший землемер Чертежной Межевой канцелярии	С 8 января 1834 г. по 1 августа 1834 г.	Рисование
Титулярный советник Павел Петрович Цвилинев[1183]	Учитель рисовального искусства и чистописания Благородного пансиона и учитель рисовального искусства в Императорской Медико-хирургической академии до 20 декабря 1828 г.	С 1 сентября 1834 г., 1835 г.	Рисование
Николай Синявский[1184]	Учитель рисования в Московском университете и Университетском пансионе	С 24 февраля 1831 г. по 30 ноября 1835 г.	Рисование

[1180] Там же. Д. 66. Л. 1.
[1181] РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. Л. 65; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 32. Л. 2 об.
[1182] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2 об.; Там же. Д. 66. Л. 1 об.
[1183] Там же. Д. 66. Л. 1–7.
[1184] Там же. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 363 об.–367 об.; Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.

Титулярный советник Иван Редер[1185]	Учитель немецкого языка и арифметики в Университетском Благородном пансионе и Ярославском демидовском высшем наук училище	С 1817 г., 1833 г., 1834 г., 1835 г.	Немецкий язык
Надворный советник Ямпольский[1186]	Старший землемер Чертежной Межевой канцелярии	С 8 января 1834 г., 1835 г.	Черчение планов
Титулярный советник Ешевский[1187]	Старший землемер Чертежной Межевой канцелярии	С 8 января 1834 г., 1835 г.	Геометрия и тригонометрия
Ранцевич[1188]	Неизвестно	До 12 июня 1834 г.	Неизвестно
Маевский[1189]	Кандидат Московского университета, секретарь Межевой канцелярии	До 25 марта 1834 г.	Межевые законы и делопроизводство
Титулярный советник Степан Милюков[1190]	Правитель Канцелярии Главного директора Межевой	С 25 марта 1834 г. повторно определен в	Межевые законы и делопроизводство

[1185] Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 322. Л. 8; Там же. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 355 об.–362 об.
[1186] Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2 об.
[1187] Там же.
[1188] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп.1. Д. 1. Л. 21.
[1189] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–8; РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Д. 282. Л. 65.
[1190] Там же; РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 340 об.

	канцелярии и Константиновское землемерное училище	Константиновское землемерное училище по ходатайству С.Т. Аксакова	
Титулярный советник Петр Мерсан[1191]	Учитель французского языка в Императорском Благородном пансионе	С 1 декабря 1820 г., 1833 г., 1834 г., 1835 г.	Французский язык
Губернский секретарь Фридрих Дрозе[1192]	С 1811 по 1817 гг.– учитель французского языка в Санкт-Петербургском 1–м Кадетском корпусе; с 1817 по 1828 гг. – учитель французского языка и помощник надзирателя в Императорском Московском Воспитательном доме; с 30 марта 1829 г. надзиратель в Московском	С 10 октября 1834 г., 1835 г.	Французский язык

[1191] РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 352 об.–354 об.
[1192] Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–2.

	коммерческом училище		
Иван Федорович Готвальд[1193]	С 9 июня 1828 г. надзиратель в Московском коммерческом училище	С 7 января 1831 г., 1833 г., 1834 г., 1835 г.	Немецкий язык
Титулярный советник Иван Белов[1194]	Неизвестно	С 1809 г., 1834 г., 1835 г.	С 1809 г. – чистописание, с 1810 - Арифметика и начало алгебры; с 28 февраля 1838 г. – Алгебра в старших классах
Коллежский регистратор Михаил Яковлев[1195]	Младший землемер Чертежной Межевой канцелярии	С 23 декабря 1830 г., 1833 г., 1834 г., 1835 г.	Арифметика, русский язык, каллиграфия
Прапорщик Костырев	Корпус военных топографов	С 1 мая 1834 г., 1835 г.	Черчение
Василий Руднев[1196]	С 8 марта 1831 г. учитель статистики и географии в Московском кадетском корпусе и	С 3 апреля 1834 г. до 14 апреля 1835 г.	История и география

[1193] Там же. Д. 322. Л. 8.
[1194] Там же. Д. 118. Л. 1–2 об.; Там же. Д. 489. Л.1.; Там же. Д. 619. Л.1; РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 346 об.–351 об.
[1195] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 207. Л. 1.
[1196] РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 370 об.–374 об.; ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп.1. Д. 2. Л. 42–43.

	учитель российского языка с 26 октября 1831 г. по 3 апреля 1834 г. в Александринском Сиротском институте		
Священник Алексей Беляев[1197]		С 7 марта 1823 г., 1833 г., 1834 г., 1835 г.	Священная история и Закон Божий
Губернский секретарь Ардалион Гранников[1198]		С 14 апреля 1835 г. по 13 октября 1837 г.	История, география и статистика

[1197] РГАДА. Ф. 1295. Оп.1. Д. 131. Л. 1–3.
[1198] Там же. Д. 491. Л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Преподавательский состав Константиновского межевого института (1835 – 1839 гг.)

Фамилия преподавателя	**Место службы до поступления в Константиновский межевой институт**	**Годы преподавания в Константиновском межевом институте**	**Преподаваемый предмет в Константиновском межевом институте**
Священник Алексей Беляев[1199]		С 7 марта 1823 г., 1835 г., 1836 г., 1837 г., 1838 г., 1839 г.	Священная история и Закон Божий
Губернский секретарь Егор Афанасьевич Ярцов[1200]	Действительный студент Императорского Московского университета	С 4 декабря 1833 г. до 18 марта 1838 г.	Российская словесность. С 17 апреля 1836 г. по 9 июля 1836 г. исполнял обязанности инспектора Межевого института
Губернский секретарь князь Козловский[1201]		С 22 июня 1836 г. – 29 ноября 1838 г.	Русский язык. С 9 июля 1836 г. временно исполняющий обязанности инспектора

[1199] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–3.
[1200] Там же. Д. 630. Л. 1–2; Там же. Д. 191. Л.1–3 об.
[1201] Там же. Д. 182. Л. 1–4 об.; Там же. Д. 801. Л. 13.

			института. С 1837 г. – инспектор института, учитель истории и физической географии
Павел Дмитриевич Савельев[1202]	Студент Императорского Московского университета	С 10 декабря 1838 г., 1839 г.	Русский язык
Виссарион Григорьевич Белинский[1203]	Неслужащий дворянин	С 10 марта 1838 г. – 22 октября 1838 г.	Русский язык
Дмитрий Петрович Иванов[1204]	Московский Дворянский институт	С 14 ноября 1838 г., 1839 г.	Русская словесность
Коллежский регистратор Михаил Яковлев[1205]	Младший землемер Чертежной Межевой канцелярии	С 23 декабря 1830 г., 1835 г.	Арифметика, русский язык и каллиграфия
Титулярный советник Павел Петрович Цвилинев[1206]	Учитель рисовального искусства и чистописания Благородного пансиона и учитель	С 22 сентября 1834 г., 1835 г., 1836 г., 1837 г., 1838 г., 1839 г.	Рисование

[1202] Там же. Д. 912. Л. 1–6.
[1203] Там же. Д. 689. Л. 1–7.
[1204] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 789. Л. 1–2 об.
[1205] Там же. Д. 207. Л. 1.
[1206] Там же. Д. 66. Л. 1–7; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–2 об.

	рисовального искусства в Императорской Медико-хирургической академии до 20 декабря 1828 г.		
Николай Синявский[1207]	Учитель рисования в Московском университете и Университетском пансионе	С 24 февраля 1831 г. по 30 ноября 1835 г.	Рисование
Коллежский секретарь Дурнов		С 10 марта 1838 г., 1839 г.	Рисование
Алексей Васильев[1208]	Младший землемер, помощник Межевой канцелярии	С 8 сентября 1838 г., 1839 г.	Рисование
Коллежский асессор Петр Максютин[1209]	Неизвестно	1837г., 1838 г., 1839 г.	Математика, геодезия и математическая география
Надворный советник Ямпольский[1210]	Старший землемер Чертежной Межевой канцелярии	С 8 января 1834 г., 1835 г.	Черчение планов

[1207] РГАДА. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 363 об.–367 об.; Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.
[1208] Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 745. Л. 1–3; ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп. 1. Д. 23. Л. 11–14.
[1209] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп. 1. Д. 23. Л. 11; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1 Д. 489. Л. 1 об.; Там же. Д. 619. Л. 1.
[1210] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2 об.; Там же. Д. 131. Л. 3.

Титулярный советник Степан Милюков[1211]	Правитель Канцелярии Главного директора Межевой канцелярии и Константиновское землемерное училище	С 25 марта 1834 г. Повторно определен в Константиновское землемерное училище по ходатайству С.Т. Аксакова, 1839 г.	Межевые законы и делопроизводство
Коллежский асессор Иван Белов[1212]	Неизвестно	С 1809 г. , 1835 г., 1836 г., 1837 г., 1838 г., 1839 г.	С 1809 г. – чистописание, с 1810 – Арифметика и начало алгебры; с 28 февраля 1838 г. – Алгебра
Прапорщик Костырев[1213]	Корпус военных топографов	1834 г., 1835 г.	Черчение
Губернский секретарь Ардалион Гранников[1214]		С 14 апреля 1835 г. по 13 октября 1837 г.	История, география и статистика
Статский советник Павел Степанович Щепкин[1215]	Профессор Императорского Московского университета	С 24 октября 1835 г. по 1836 г.	Математика

[1211] Там же; Там же. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 340 об.; Там же. Ф. 1295. Оп.1. Д. 131. Л. 1–3.
[1212] Там же. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–2 об.; Там же. Д. 489. Л.1; Там же. Д. 619. Л.1; Там же. Ф. 1294. Оп. 6. Д. 369. Л. 346 об.–351 об.
[1213] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 291. Л. 4 об.
[1214] Там же. Д. 491. Л. 1.
[1215] Там же. Д. 107. Л. 2–4 об.

Андрей Иванович Петровский[1216]	Императорский Александринский Сиротский институт	С 20 ноября 1835 г. по апрель 1836 г.	Каллиграфия
Соколов[1217]	Младший землемер Межевой канцелярии	7 декабря 1835 г. – 13 октября 1837 г.	Математическая и физическая география
Титулярный советник Леопольд Клейн[1218]		С 28 мая 1836 г. – 12 марта 1837 г.	Каллиграфия
Магистр физико-математических наук, коллежский асессор Флор Антонович Жодейко[1219]	Императорский Московский университет	С 23 сентября 1835 г. по 18 апреля 1838 г.	Физика и земледельческая химия
Штабс-капитан Мамонтов[1220]	Корпус военных топографов	С 12 декабря 1835 г., 1836 г., 1837 г., 1838 г., 1839 г.	Геодезия, математическая география, черчение. С 10 декабря 1838 г. занимал должность инспектора Межевого

[1216] Там же. Д. 130. Л. 1–4 об.
[1217] Там же. Д. 149. Л.1, 1 об.; Там же. Д. 484. Л.1–2.
[1218] Там же. Д. 173. Л. 1, 1 об.
[1219] Там же. Д. 326. Л. 3; Там же. Д. 605. Л. 1–2; Там же. Д. 655. Л. 1.
[1220] Там же. Д. 326. Л. 3; Там же. Д. 489. Л. 1 об.; ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

			института
Коллежский секретарь Кожин[1221]	Учитель Первой Губернской Московской гимназии	С 2 ноября 1837 г., 1838 г., 1839 г.	Политическая география и статистика
Коллежский асессор Кефалов[1222]		С 1837 г. по 18 апреля 1839 г.	География
Павел Измайлов[1223]	Канцелярист Межевой канцелярии	С 12 марта 1837 г. по 10 декабря 1838 г.	Каллиграфия
Капитан Милютин[1224]	Младший землемер Межевой канцелярии	С 15 декабря 1838 г.	Каллиграфия
Николай Астраков[1225]	Магистр физико-математических наук Императорского Московского университета	С 18 апреля 1838 г., 1839 г.	Основание физики, земледельческая химия и агрономия
Коллежский секретарь Иван Федорович Куцыба[1226]	Учитель Московского кадетского корпуса	С 1839 г.	История
Орфелов[1227]	Канцелярист Межевой канцелярии	1839 г.	Грамматика и арифметика

[1221] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 506. Л. 1; Там же. Д. 620. Л. 1; Там же. Д. 944. Л. 1, 1 об.
[1222] Там же. Д. 506. Л. 1; РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 938. Л. 1–3.
[1223] РГАДА. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 606. Л. 1–2 об.; Там же. Д. 819. Л. 1–2 об.
[1224] Там же. Д. 829. Л. 1–2 об.
[1225] Там же. Д. 655. Л. 1.
[1226] Там же. Л. 867. Л. 1–3.
[1227] ЦГА Москвы. Ф. 1905. Оп. 1. Д. 23. Л. 11–14.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9. Список воспитанников Константиновского межевого института с показанием прибыли оных в течение 1837 г. и с означением их лет, происхождения и нравственных качеств[1228]

[1228] РГАДА. Ф. 1295. Оп.1. Д. 717. Л. 17–25.

№	Имена и фамилии воспитанников	Возраст	Происхождение	Год поступления	Поведение	Прилежание	Способности	Успехи	Характеристика	Особые замечания
I й класс										
1.	Николай Ананьев	15	Сын чиновника 8 класса	1831	4	4	4	4	Превосходный	Светлая и незаносчивая голова, отличный
2.	Павел Карпенкин	16	Сын титулярного советника	1828	4	4	4	4	Весьма скромный	Точный, исправный
3.	Петр Голубков	17	Сын титулярного советника	1829	3	4	4	4	Веселый	Неровен в труде
4.	Петр Галкин	15	Сын коллежского регистратора	1835	3	4	4	4	Хитрый раздражительный	Очень умный и самолюбив

										ый
5.	Федор Папков	17	Сын титулярного советника	1831	4	4	3	4	Веселый, откровенный	В работе точен
6.	Николай Руднев	16	Сын флотского мичмана	1830	3	4	4	4	Сварлив, беспокоен	Довольно хитер, способности хорошие
7.	Константин Окулов	16	Сын надворного советника	1835	4	4	4	4	Весьма скромен	Не способен к должности землемерской, слаб
8.	Александр Смирнов	17	Сын титулярного советника	1832	3	4	4	4	Упрямый	Исправен в деле
9.	Николай Смирнов	16	Сын коллежского асессора	1829	4	4	4	4	Скромен	Исполнителен

10.	Михаил Бронницкий	17	Сын титулярного советника	1832	4	4	4	4	Веселый	Исправен
11.	Михаил Папков	17	Сын канцеляриста	1832	4	4	4	4	Скромен	Трудолюбив
12.	Егор Байков	16	Сын воспитанника Константиновского училища	1831	4	4	4	4	Тихий, кроткий	Исполнительный, особенные способности к искусству
13.	Дмитрий Своехотов	18	Сын коллежского регистратора	1832	4	4	4	4	Веселый	Добродушен
14.	Иван Мясников	16	Сын титулярного советника	1836	4	4	4	4	Живой, веселый	Самолюбив и точен
15.	Егор Кудрявцев	17	Сын титулярного советника	1832	4	4	4	4	Тихий	Простодушный
16.	Иван Лебедев	17	Сын титулярного	1835	3	4	4	4	Осторожен	Хитр

			советника							
17.	Михаил Андреев	17	Сын титулярного советника	1830	4	4	3	4	Тихий, скромный	Не любит труда
18.	Иван Борденау	16	Сын майора	1834	4	4	4	4	Веселый	Непостоянный
19.	Аполлон Роте	19	Сын губернского секретаря	1826	4	4	3	4	Скромен	Ум ограниченный, но весьма исправен в деле
20.	Николай Перешивкин	18	Сын губернского секретаря	1835	3	4	3	3	Рассеянный	Неопрятный, ст-ранен, но способности довольно хорошие
21.	Николай Мартынов	14	Сын титулярного советника	1834	4	3	3	3	Скромен и весел	Отличные способност

										и к искусству
22.	Дмитрий Папков	14	Сын канцеляриста	1832	4	4	4	4	Открыт, послушен	Отлично исполнителен
23.	Василий Померанцев	14	Сын титулярного советника	1829	3	4	3	3	Скромен	Исправен в работе
24.	Николай Крузе	19	Сын прапорщика	1835	3	3	4	3	Упрямый	Не всегда исправен
25.	Дмитрий Иванов	15	Сын титулярного советника	1831	3	3	3	3	Скрытен	Не всегда исправен
26.	Василий Ягодин	15	Сын дьякона	1832	3	4	2	3	Раздражительный	Способности и довольно ограниченные
27.	Александр Смирнов	16	Сын коллежского секретаря	1831	3	3	3	3	Скромен	Хитр
28.	Александр Чаплыгин	17	Сын дворянина	1832	4	3	4	3	Веселый	Трудолюбив

29.	Алексей Григорьев	16	Сын титулярного советника	1832	3	3	4	3	Живой, веселый	Не всегда исправен
30.	Павел Дмитриев	16	Сын титулярного советника	1835	4	4	3	3	Тихий	Способности ограничены
31.	Николай Чернов	16	Сын титулярного советника	1835	4	4	4	4	Веселый	Исполнителен
32.	Дмитрий Чичагов	19	Сын титулярного советника	1831	4	4	3	3	Веселый	Исправен в деле
33.	Алексей Васильев	19	Сын чиновника 9 класса	1829	4	4	2	2	Весьма скромный и тихий	За неспособности к наукам занимается одними искусствами, к которым

										имеет отличные способности
II й класс										
1.	Александр Сипачев	16	Сын чиновника 10 класса	1831	4	4	4	4	Веселый	Весьма исправен
2.	Николай Лукин	17	Сын губернского секретаря	1835	3	3	3	3	Веселый	Непостоянен
3.	Василий Редер	16	Сын титулярного советника	1834	3	3	3	3	Живой	Весьма неосторожен, большая способность к искусству
4.	Афиноген Рутковский	18	Сын поручика	1832	3	3	3	2	Добродушно веселый	Ум ограниченн

										ый
5.	Иван Краснопольский	17	Сын сенатского курьера	1827	3	3	2	2	Непостоянный	Тупые способности
6.	Лев Жигачев	20	Сын титулярного советника	1832	4	4	4	4	Весьма скромен	Трудолюбив
7.	Михаил Дворецкий	15	Сын чиновника 9 класса	1834	4	4	4	4	Скромен	Старателен
8.	Михаил Михайлов	18	Сын обер-офицера	1833	3	4	3	4	Тихий	Усердный, трудолюбивый
9.	Сергей Тыртов	16	Сын надворного советника	1836	3	4	4	4	Скрытый	Заботлив, тщателен
10.	Василий Еропкин	18	Сын поручика	1836	4	4	3	4	Скромный	Старателен к делу
11.	Василий Мартынов	13	Сын титулярного советника	1834	3	3	4	3	Веселый, живой	Начал заниматься

										очень хорошо
12.	Алексей Строев	16	Сын канцеляриста	1834	3	3	4	3	Живой	Непостоянный
13.	Александр Баженков	18	Сын титулярного советника	1836	3	3	4	3	Веселый	Хитр
14.	Андрей Крамалей	17	Сын коллежского советника	1837	3	3	4	4	Довольно веселый	Настойчив
15.	Николай Юматов	18	Из дворян, сын губернского секретаря	1836	3	4	4	4	Веселый	Довольно исполнительный
16.	Иван Скорняков	17	Сын губернского секретаря	1830	3	4	3	3	Скромный	Трудолюбивый
17.	Александр Пупырников	17	Сын канцеляриста	1835	3	3	4	3	Веселый, ветреный	Неровен в труде
18.	Александр Тиль	17	Сын учителя музыки из обер-	1835	3	3	4	3	Веселый	Способности

			офицерских детей							небольшие
19.	Леонтий Шидловский	14	Сын поручика	1835	3	4	4	4	Веселый	Старателен, способен к математике
20.	Петр Воробьев	16	Сын канцеляриста	1829	3	3	3	3	Смирный	Способности ограниченные
21.	Сергей Рейнгольц	17	Сын титулярного советника	1831	3	4	3	3	Тихий	Трудолюбив, способности ограниченные
22.	Николай Папков	14	Сын титулярного советника	1832	3	3	4	3	Веселый, добрый	Не всегда исправен
23.	Николай Печенев	16	Сын титулярного советника	1833	3	3	3	3	Живой, беспечный	Способности

										ограниченные
24.	Яков Шишкин	14	Сын титулярного советника	1836	3	3	3	3	Веселый	Исполнителен в занятиях
25.	Егор Волков	16	Сын поручика	1833	4	4	3	3	Смирный	Исправный
26.	Василий Рогозин	18	Сын титулярного советника	1836	3	3	2	2	Грубый	Тупые способности
27.	Уар Овсянников	16	Сын прапорщика	1834	3	3	2	2	Живой, дерзок	способности недальние
28.	Василий Чичагов	18	Сын титулярного советника	1831	4	3	2	2	Смирный	Тупые способности
29.	Алексей Грузов	18	Сын коллежского регистратора	1832	3	3	2	2	Веселый	Ум ограничен
30.	Ефим Лик	14	Сын чиновника 8	1836	3	3	3	3	Живой	Ветрен,

			класса							резов
31.	Александр Пичугина	14	Сын титулярного советника	1835	3	3	4	3	Ветрен	Способности хорошие
32.	Михаил Перешивкин	18	Сын титулярного советника	1835	2	3	3	3	Непостоянный	Упрямый, способности ограниченные
33.	Платон Новосельский	17	Сын коллежского регистратора	1832	3	3	3	2	Грубый	Нестарательный
34.	Константин Аргимландер	17	Сын коллежского регистратора	1836	3	3	3	3	Настойчивый	Дерзок, способности ограниченные
III й класс										
1.	Николай	15	Сын титулярного	1832	3	4	4	4	Тихий	Исправный

	Григорьев		советника							в занятиях
2.	Михаил Бульвинский	14	Сын чиновника 9 класса	1831	3	4	4	4	Довольно скрытный	Исполнителен
3.	Василий Семенов	13	Сын чиновника 9 класса	1836	3	3	4	3	Живой	Неопрятен
4.	Александр Иванов	13	Сын титулярного советника	1836	4	4	3	3	Скромный	Послушен
5.	Михаил Безсонов	15	Сын поручика	1835	3	3	4	3	Веселый	Способности ограничены
6.	Алексей Новгородцов	13	Сын коллежского секретаря	1836	3	4	4	4	Веселый	Хорошие способности
7.	Павел Петров	14	Сын титулярного советника	1835	3	3	3	3	Раздражительный	Исправен в делах
8.	Лев Казанский	16	Сын статского советника	1835	4	4	3	3	Кроткий, тихий	Трудолюбив

9.	Алексей Кубасов	16	Сын коллежского секретаря	1831	4	4	3	3	Смирный	Старательный
10.	Андрей Ястребцов	15	Сын надворного советника	1835	4	4	3	3	Добрый, скромный	Отличные способности к искусству
11.	Александр Васильев	16	Сын титулярного советника	1831	3	3	3	3	Сварливый	Весьма упрям
12.	Николай Лебедев	15	Сын титулярного советника	1835	3	3	4	3	Веселый	Не всегда исправен, способности хорошие
13.	Константин Шелагин	14	Сын чиновника 10 класса	1832	3	3	3	3	Неискренний	Математические способности

14.	Николай Сурмин	15	Из дворян, сын титулярного советника	1830	3	3	3	3	Живой, веселый	Требует понуждения в занятиях
15.	Константин Ефремов	16	Сын полковника	1836	4	4	4	4	Откровенный	Очень исправен
16.	Александр Мараев	15	Сын коллежского регистратора	1837	4	4	4	4	Тихий, скромный	Всегда отлично исправен
17.	Павел Галнеман	16	Сын титулярного советника	1837	3	3	3	3	Живой	Не всегда исправен
18.	Иван Вишняков	16	Сын титулярного советника	1835	4	4	3	3	Скромный	Трудолюбивый
19.	Дмитрий Кванчехазев	14	Сын титулярного советника	1836	3	4	4	4	Веселый, вспыльчивый	Хорошие способности
20.	Михаил Чесноков	13	Сын поручика	1836	3	3	4	3	Живой, веселый	Исправен, очень

										ветрен
21.	Иосиф Карпович	14	Сын майора	1835	3	3	4	3	Живой	Хитр
22.	Николай Осовицкий	19	Сын титулярного советника	1830	3	4	2	3	Тихий	Способности довольно ограниченные
23.	Александр Александров	15	Сын коллежского секретаря	1836	3	4	3	3	Веселый	Старателен к делу
24.	Алексей Жигачев	15	Сын титулярного советника	1834	4	4	4	4	Добродушный	Исправен
25.	Григорий Кутуков	15	Сын коллежского регистратора	1835	4	4	4	4	Скромный	Всегда исправен
26.	Михаил Скрынников	15	Сын чиновника 8 класса	1835	3	3	3	3	Тихий, скромный	Способен к искусствам
27.	Андреян Калягин	16	Сын титулярного советника	1835	3	4	3	3	Смирный	Заботлив

28.	Андрей Мешков	14	Сын титулярного советника	1833	3	3	3	3	Веселый	Хорошие способности
29.	Иван Алексеев	17	Сын коллежского секретаря	1832	3	3	3	3	Живой	Резв, исполнителен
30.	Михаил Устинов	15	Сын чиновника 9 класса	1836	4	4	4	4	Смирный	Исправен
31.	Николай Семенов	14	Сын титулярного советника	1836	3	3	3	3	Скрытен, осторожен	Хитр
32.	Андрей Мясников	14	Сын титулярного советника	1837	3	4	3	2	Веселый	Резвый
33.	Иван Любатович	17	Из дворян, сын губернского регистратора	1836	3	3	2	3	Тихий	Недальних способностей
34.	Алексей Якиманский	14	Сын титулярного советника	1837	4	4	4	4	Тихий, скромный	Постоянно заботлив и всегда исправен

35.	Дмитрий Якиманский	12	Сын титулярного советника	1837	3	4	4	4	Тихий, скромный	Постоянно заботлив и всегда исправен
36.	Иван Саблуков	20	Сын титулярного советника	1837	3	4	3	3	Тихий	Старателен
37.	Василий Бабков	15	Сын чиновника 14 класса	1837	3	3	2	3	Смирный	Способности ограниченные
38.	Александр Лопухин	15	Сын подпоручика	1837	3	3	3	3	Смирный	Способности ограниченные
39.	Александр Поповцов	15	Сын титулярного советника	1837	4	4	3	3	Скромен	Старательный, исправен,

40.	Николай Протопопов	15	Сын титулярного советника	1837	2	3	3	2	Сварливый	Неисправен в делах
41.	Павел Галкин	13	Сын коллежского регистратора	1837	3	3	4	3	Тихий	Довольно хитр
42.	Александр Никонов	16	Сын титулярного советника	1837	3	3	2	2	Ветреный	Способности ограничены
43.	Сергей Серебряков	15	Сын надворного советника	1837	3	3	3	3	Вспыльчивый	Не всегда исправен
44.	Егор Тверитинов	13	Сын надворного советника	1837	3	3	3	3	Веселый	Исправен
45.	Петр Штратих	14	Сын коллежского секретаря	1837	3	3	3	3	Живой	Резвый
IV класс 1 отделение										
1.	Василий Машков	14	Сын чиновника 13 класса	1833	3	4	4	3	Смирный	Заботлив
2.	Александр	14	Сын титулярного	1832	3	4	3	3	Скромный	Трудолюби

	Сергеев		советника							в
3.	Спиридоний Любатович	14	Сын губернского регистратора, из дворян	1836	3	3	4	3	Веселый	Хорошие способности
4.	Василий Руднев	13	Сын мичмана флота	1836	3	3	3	3	Непостоянный	Резвый
5.	Александр Батраков	16	Сын титулярного советника	1835	3	3	3	3	Осторожный	Способен к искусствам
6.	Сергей Максимов	15	Сын поручика	1832	3	3	3	3	Живой	Хитрый, резвый
7.	Александр Титов	14	Сын титулярного советника	1835	2	3	3	3	Ветреный	Неисправен в занятиях
8.	Василий Ананьев	14	Сын чиновника 8 класса	1831	4	4	3	3	Тихий	Заботливый, исправный
9.	Никита Спиридонов	15	Сын прапорщика	1835	3	3	3	3	Смирный	Скрытый
10.	Дмитрий	15	Сын коллежского	1832	3	2	3	2	Непостоянн	Не всегда

	Лебедев		секретаря						ый	исправен
11.	Николай Шутов	15	Сын титулярного советника	1835	3	2	3	2	Скрытый	Резв
12.	Сергей Шишкин	15	Сын титулярного советника	1836	3	4	3	3	Скрытен	Старателен к делу
13.	Дмитрий Муравьев	13	Сын губернского секретаря	1836	4	3	2	3	Тихий	Заботлив
14.	Леонид Чеснок	13	Сын коллежского советника	1837	4	3	3	3	Живой	Ветрен
15.	Степан Рещиков	16	Сын титулярного советника	1829	4	3	4	3	Живой	Непостоянен в занятиях
16.	Александр Демедем	13	Сын поручика	1836	4	3	3	3	Тихий	Исправен
17.	Петр Афанасьев	17	Сын воспитателя Воспитательного дома	1829	4	3	3	3	Скромен	Старательный
18.	Николай	14	Сын титулярного	1835	2	3	3	3	Ветреный	Резвый,

	Титов		советника							шалун
19.	Семен Иванов	13	Сын коллежского регистратора	1833	3	3	3	3	Веселый	Резвый
20.	Владимир Азаров Храпов	14	Сын капитана	1835	3	3	3	3	Скромен	Хитр
21.	Александр Гамзин	17	Сын чиновника 9 класса	1835	3	4	3	3	Живой, веселый	Исправен
22.	Михаил Ключарев	14	Сын титулярного советника	1835	3	3	3	2	Неоткровенный	Резвый
23.	Александр Жигачев	15	Сын титулярного советника	1834	3	3	2	2	Тихий	Способности ограничены
24.	Николай Архангельский	14	Сын титулярного советника	1835	3	2	3	2	Веселый	Незаботливо деле
25.	Петр Горлов	13	Сын титулярного советника	1837	4	4	3	3	Скромен	Исполнителен
26.	Александр	12	Сын титулярного	1837	3	2	3	2	Жив, резов	Способност

	Юдин		советника							и ограничены
27.	Николай Крылов	12	Сын титулярного советника	1837	3	3	3	3	Скромен	Старателен
28.	Дмитрий Зайцов	13	Сын титулярного советника	1837	3	3	3	3	Тихий	Хорошие способности
29.	Александр Шахов	13	Сын чиновника 10 класса	1837	3	3	3	3	Веселый	Непостоянен в работе
30.	Николай Соколовский	12	Сын губернского секретаря	1837	3	2	3	2	Робкий, ветреный	Незаботлив
31.	Владимир Мишель	12	Сын титулярного советника	1837	3	3	3	2	Скрытен	Трудолюбив
32.	Лев Милютин	12	Сын чиновника 9 класса	1837	2	2	3	2	Живой, резов	Шалун
33.	Александр Богородский	12	Сын титулярного советника	1837	2	2	3	2	Живой	Резов, неисправен
34.	Николай	13	Сын штабс-	1837	2	2	3	2	Веселый	Хитр,

	Мишетичь (?)		капитана							скрытный
35.	Павел Калягин	13	Сын титулярного советника	1837	3	3	2	2	Живой	Хитр
36.	Александр Дюсосе	15	Сын титулярного советника	1835	3	3	3	3	Живой	Исправный
37.	Николай Сациперов	14	Сын капитана	1835	3	2	3	2	Веселый	Непостоянен в занятиях
IV класс 2 отделение										
1.	Петр Алексеев	14	Сын коллежского секретаря	1832	3	3	2	3	Скромен	Старателен
2.	Петр Бульвинский	15	Сын чиновника 9 класса	1831	3	3	3	3	Веселый	Исправен
3.	Матвей Кособоков	18	Сын поручика	1835	2	2	2	2	Упрямый	Тупой
4.	Алексей Рудин	14	Сын титулярного советника	1832	3	3	2	3	Ветреный	Резов, шалун
5.	Николай Уткин	14	Сын коллежского секретаря	1834	3	3	2	2	Смирный	Способности ограниченн

										ые
6.	Назар Гончаревский	16	Сын коллежского регистратора	1830	3	3	3	3	Веселый	Исправен в делах
7.	Николай Жуков	16	Сын титулярного советника	1829	3	3	3	3	Живой	Ветрен
8.	Андрей Соколов	14	Сын губернского секретаря	1835	3	3	3	3	Живой, веселый	Резов
9.	Николай Редриков	12	Сын прапорщика	1837	2	3	3	2	Веселый	Резов, неисправен
10.	Сергей Курнаков	13	Сын титулярного советника	1837	3	2	3	3	Вялый	Мало заботлив о деле
11.	Владимир Перминов	13	Сын лекаря 14 класса	1837	3	3	3	3	Тихий	Исправный
12.	Петр Пятунин	13	Сын штабс-капитана	1837	3	3	3	3	Скромный	Точен, старателен

13.	Александр Зарубин	11	Сын штабс-капитана	1837	3	4	3	3	Скрытный	Резов, но довольно исправен
14.	Илья Дмитриев	12	Сын титулярного советника	1837	3	3	3	3	Веселый	Резов
15.	Степан Бельский	11	Сын губернского секретаря	1837	3	4	3	3	Скромен	Старателен
16.	Алексей Кванчехазев	12	Сын титулярного советника	1837	2	3	3	2	Веселый	Непостоянен
17.	Нил Пичугин	12	Сын титулярного советника	1837	3	3	2	2	Тихий робкий	Упрям
18.	Александр Бражников	13	Сын титулярного советника	1837	2	3	3	3	Веселый	Не всегда исправен и неопрятен

ПРИЛОЖЕНИЕ 10. Список воспитанников Константиновского межевого института в 1838 г. с указанием года поступления, происхождения и нравственных качеств[1229]

[1229] РГАДА. Ф. 1295. Оп.1. Д. 1179. Л. 265–271 об.

№	Имена и фамилии воспитанников	Возраст	Происхождение	Год поступления	Поведение	Прилежание	Способности	Успехи	Характеристика	Особые замечания
I й класс										
1.	Михаил Папков	18	Сын канцеляриста	1832	4	4	4	4	Отлично скромный	Точный, трудолюбивый, отличный
2.	Павел Карпенкин	18	Сын титулярного советника	1828	4	4	4	4	Скромный, ровный	Всегда точный, исправный
3.	Дмитрий Папков	15	Сын канцеляриста	1832	4	4	4	4	Откровенный	Отлично исполнителен
4.	Иван Лебедев	18	Сын титулярного советника	1835	3 3/4	4	4 1/2	4	Осторожный и скрытный	Способности отличные
5.	Петр Галкин	16	Сын коллежского регистратора	1835	3	3 1/2	4 1/2	4	Хитрый, твердый, раздражительный	Способности отличные
6.	Александр Мараев	16	Сын коллежского регистратора	1837	4	4	4	4	Отлично скромный	Один из самых благонадежных
7.	Иван Борденау	17	Сын майора	1834	2	3 1/2	3	3 1/2	Непостоянный, дерзкий	Способности изрядные, под особым надзором

8.	Николай Чернов	17	Сын титулярного советника	1835	4	4	3 1/2	4	Веселый	Исполнителен
9.	Александр Чаплыгин	18	Сын дворянина	1832	4	4	3 1/2	4	Добрый	Трудолюбивый
10.	Николай Мартынов	15	Сын титулярного советника	1832	3	3	4	3	Непостоянный	Способности отличные к искусству
11.	Леонтий Шидловский	15	Сын поручика	1835	3 3/4	4	4 1/2	4	Скрытный, осторожный	Способности отличные к математике
12.	Лев Жигачев	21	Сын титулярного советника	1832	4	4	4	4	Очень скромный	Трудолюбивый
13.	Александр Смирнов	17	Сын коллежского секретаря	1831	4	4	3 1/2	3 1/2	Скромный	Исполнительный
14.	Николай Юматов	19	Из дворян, сын губернского секретаря	1836	4	4	4	4	Спокойный	Старательный
15.	Василий Мартынов	14	Сын титулярного советника	1834	2	3	3	3	Ветреный шалун	В ученье
16.	Василий Еропкин	19	Сын поручика	1836	4	4	3	3	Скромный	Старательный
17.	Андрей Крамалей	17	Сын коллежского	1837	1	3	3	3	Буйный	С дурными наклонностями

			советника							
18.	Сергей Тыртов	17	Сын надворного советника	1836	4	4	4 1/2	4	Благонравно-самолюбивый	Трудолюбив
19.	Михайла Михайлов	19	Сын обер-офицера	1833	4	4	4	4	Скромный	Заботливый
20.	Михаил Дворецкий	16	Сын чиновника 9го класса	1834	4	4	3 1/2	4	Скромный	Старательный
21.	Василий Редер	19	Сын титулярного советника	1834	2	2	3	3	Лживый, дерзкий	Ленив, но способен к искусству
22.	Павел Дмитриев	17	Сын титулярного советника	1835	4	4	3	3 1/2	Тихий	Трудолюбивый
23.	Александр Сипачев	17	Сын чиновника 10 класса	1831	4	4	3	3 1/2	Веселый	Весьма старательный
24.	Алексей Грузов	19	Сын коллежского регистратора	1832	4	4	3	3	Веселый	Способности обыкновенные
25.	Иван Краснопольский	18	Сын сенатского курьера	1827	3	3	2 1/2	2 3/4	Грубый	Тупые способности
26.	Егор Волков	17	Сын подпоручика	1833	3 1/2	4	3	3	Живой, но упрямый	Трудолюбивый
27.	Егор Байкалов	17	Сын воспитанника	1831	4 1/2	4	4	4	Самый благонрав	Исполнителен, отличные

			Коммерческого училища						ный	способности к искусствам
28.	Алексей Григорьев	17	Сын титулярного советника	1832	3	4	3 1/2	3 1/2	Живой, неуступчивый	Непостоянно трудолюбив
29.	Александр Пупырников	18	Сын канцеляриста	1835	4	4	3	3	Веселый	Непостоянен в трудах
30.	Федор Папков	18	Сын титулярного советника	1831	2 1/2	4	3	3	Упрямый, грубый	Старателен и постоянен
31.	Иван Скорняков	18	Сын губернского секретаря	1830	4	4	3	3	Живой	Трудолюбивый
32.	Александр Баженков	19	Сын титулярного советника	1836	4	3	3 1/2	3	Веселый	Хорошие способности
33.	Василий Ягодин	16	Сын диакона	1832	4	3	3	3	Вспыльчивый	Способности обыкновенные
34.	Алексей Строев	17	Сын канцеляриста	1834	4	2 1/2	3	2 3/4	Живой	Неприлежен к делу
35.	Николай Перешивкин	19	Сын губернского секретаря	1835	4	3	3	2 3/4	Рассеянный, странный	Беспорядочная голова, неопрятен
36.	Дмитрий Иванов	16	Сын титулярного	1831	2 1/2	3	3 1/2	3	Скрытный, лживый	Может учиться

			советника							
37.	Платон Новосельский	18	Сын коллежского регистратора	1832	3	3	3	3	Грубый, но смягчается	Сделался примернее
38.	Василий Рагозин	19	Сын титулярного советника	1836	2	3	2 1/2	3	Ленивый	Испорченной нравственности
II й класс										
1.	Григорий Кутуков	16	Сын коллежского регистратора	1835	4	4	4	4	Скромный	Весьма исправный и благонадежный
2.	Константин Ефремов	17	Сын полковника	1836	4	4	4	4	Откровенный	Точный, настойчивый
3.	Алексей Новгородцев	14	Сын коллежского секретаря	1836	3 1/2	4	4	3 1/4	Живой, веселый	Благонадежные способности
4.	Александр Александров	16	Сын коллежского секретаря	1836	4	4	3 1/2	3 1/2	Веселый	Старательный
5.	Николай Григорьев	16	Сын титулярного советника	1832	4	4	3 1/2	3 1/4	Веселый, радушный	Способен к делу
6.	Михаил Бульвинский	15	Сын чиновника 9 класса	1831	4	4	4	4	Скромный	Благонадежный
7.	Иван Вишняков	17	Сын титулярного советника	1835	4	4	3 3/4	3 3/4	Ровный	Трудолюбивый

8.	Виктор Афанасьев	14	Сын титулярного советника	1838	4	3	3	3	Скромный	Трудолюбивый
9.	Лев Казанский	17	Сын статского советника	1835	4	4	4	4	Кроткий	Благонадежный
10.	Михаил Устинов	16	Сын чиновника 9 класса	1836	4	4	3 1/2	3 1/2	Скромный	Исправный
11.	Алексей Якиманский	15	Сын титулярного советника	1837	4	3 1/2	3	3	Скромный	Благонадежный
12.	Дмитрий Якиманский	13	Сын титулярного советника	1837	4	3 1/2	3	3	Тихий	Также благонадежный
13.	Василий Лавров	16	Сын титулярного советника	1838	4	4	3	3 1/4	Скромный	Старательный, исправный
14.	Василий Ананьев	15	Сын чиновника 8 класса	1831	4	3 1/2	4	3 1/2	Благонравный	Отличные надежды
15.	Алексей Жигачев	16	Сын титулярного советника	1834	4	3	3	3	Добродушный	Исправный
16.	Иосиф Карпович	15	Сын майора	1835	3 3/4	3 1/2	4	3 1/2	Живой, но скрытный	Может трудиться более
17.	Андрей Ястребцов	16	Сын надворного советника	1835	4	3	3 1/2	3	Скромный	Особые способности к искусству
18.	Александр	15	Сын	1835	3	2 3/4	4	2	Становитс	Способности

	Пичугин		титулярного советника					3/4	я постоянне е	хорошие
19.	Михаил Чесноков	14	Сын поручика	1836	3 1/2	2 1/2	3	2 3/4	Резвый	Способности оказываются хорошие
20.	Николай Семенов	18	Сын титулярного советника	1836	3 3/4	3	3	3	Скрытен	Может работать
21.	Николай Протопопов	16	Сын подпоручика	1837	4	3 1/2	3 1/2	3 3/4	Добродуш ный	Сделался исправен
22.	Василий Семенов	14	Сын чиновника 9 класса	1836	3	2 3/4	3	2 3/4	Резвый	Невнимателен, неопрятен
23.	Дмитрий Кванчехазев	15	Сын титулярного советника	1835	4	3 1/2	4	3 1/2	Горячий, насмешлив ый	Способности благонадежные
24.	Иван Саблуков	21	Сын титулярного советника	1837	4	4	3 1/2	3 3/4	Скромный	Очень старательный
25.	Алексей Кубасов	17	Сын коллежского секретаря	1831	4 1/2	4	3 1/2	3 1/2	Тихий, кроткий	Благонадежен
26.	Ефим Лик	15	Сын чиновника 8 класса	1836	3 1/2	3	3	2 3/4	Резвый	Становится постояннее в

										работе
27.	Николай Папков	15	Сын титулярного советника	1832	4	4	3 1/2	3 1/2	Добродушный	Старательный
28.	Яков Шишкин	15	Сын титулярного советника	1836	4	2 1/2	3	2 1/2	Веселый	Непостоянен
29.	Александр Тиль	18	Сын учителя музыки из обер-офицерских детей	1835	1	3	2 1/2	2 1/2	Медленный	С дурными наклонностями, под особым надзором
30.	Николай Лебедев	16	Сын титулярного советника	1835	3 3/4	3 3/4	4	3 3/4	Живой	Способности хорошие
31.	Андреян Калягин	17	Сын титулярного советника	1835	4	4	3 1/4	3 1/2	Тихий	Заботливый
32	Василий Воронов	16	Сын капитана	1838	2	3	3	2 3/4	Склонен к ропоту против начальства	Под особым надзором
33.	Константин Шелагин	15	Сын чиновника 10 класса	1832	3 3/4	4	3 1/2	3 3/4	Неровен, а кажется точным	Отличные способности к математике
34.	Павел Петров	15	Сын	1835	4	3	3	3	Живой, но	Исправен в

			титулярного советника						раздражительный	делах
35.	Александр Поповцев	16	Сын титулярного советника	1837	4	3 1/2	2 1/2	2 1/2	Скромный	Исправен, способности ограниченные
36.	Сергей Серебряков	16	Сын надворного советника	1837	3	3	2 3/4	2 3/4	Вспыльчивый	Часто неисправен
37.	Иван Любатович	19	Сын губернского регистратора	1837	4	4	2 3/4	3	Живой	Старательный во всем
38.	Николай Сурмин	16	Сын титулярного советника	1830	3 1/2	3	4	3	Очень живой	Весьма исправляется
39.	Михайла Перешивкин	19	Сын титулярного советника	1835	3	2 3/4	2 1/2	2 1/2	Тих, но упрям	Способности недальние
III й класс										
1.	Леонид Чеснок	14	Сын коллежского советника	1837	3	3	3	3	Резвый	Способности довольно порядочные
2.	Петр Горлов	14	Сын титулярного советника	1837	4	3	3	3 1/4	Тихий	Исполнительный
3.	Александр Демедем	14	Сын поручика	1836	1	2 3/4	3	3	Скрытный, особый	Закоренелые дурные

									надзор	наклонности
4.	Андрей Мешков	15	Сын титулярного советника	1833	4	3	3	3 1/4	Живой	Хорошие способности
5.	Петр Штратих	15	Сын коллежского секретаря	1838	3	3	4	2 3/4	Резвый, становится тише	Способности отличные
6.	Егор Тверитинов	14	Сын надворного советника	1837	3 1/2	3	3	3	Веселый	Исправен
7.	Александр Иванов	14	Сын титулярного советника	1836	4	3 1/2	3	3 1/2	Скромный	Исполнителен и благонадежен
8.	Михаил Безсонов	16	Сын поручика	1835	3	3	3	3	Добродушный	Способности небольшие
9.	Николай Осовицкий	20	Сын титулярного советника	1830	3	3	3	3	Тихий	Способности недальние
10.	Иван Алексеев	18	Сын коллежского секретаря	1832	2 3/4	3	3 1/2	3 1/2	Резвый	В прилежании непостоянен
11.	Алексей Марисов	15	Сын надворного советника	1838	4	3	3	3	Тихий	Трудолюбивый
12.	Петр	18	Воспитатель	1829	4	4	3	3	Скромный	Старательный

	Афанасьев		Воспитательного дома					1/2		
13.	Александр Гамзин	18	Сын чиновника 9 класса	1835	4	4	4	4	Живой	Исправен, благонадежен
14.	Василий Машков	15	Сын чиновника 13 класса	1833	4	3	2 3/4	3	Тихий	Заботливый
15.	Николай Титов	15	Сын титулярного советника	1835	2 1/2	3	3	3	Шалун, дерзок	Неблагонадежен
16.	Павел Галкин	14	Сын коллежского регистратора	1837	3 1/4	2 1/2	4	2 3/4	Живой, хитрый	Способности очень хорошие
17.	Дммитрий Атавин	14	Сын коллежского регистратора	1838	3	3	2 1/4	2 1/2	Резвый	Мало старателен
18.	Александр Антюков	17	Сын титулярного советника	1838	4	3	3	3	Скромный	Способный и благонадежный
19.	Николай Шутов	16	Сын титулярного советника	1835	2	2 1/4	3	2 1/2	Резвый, шалун	Неблагонадежен
20.	Степан Рещиков	17	Сын титулярного советника	1829	4	4	4	4	Живой	Непостоянный в занятиях
21.	Александр Дюсосе	16	Сын титулярного	1835	2 1/2	2	4	2	Резвый	

			советника							
22.	Михаил Скрынников	16	Чиновник 8 класса	1835	4	3	3	3	Тихий	Отличные способности к искусству
23.	Андрей Мясников	15	Сын титулярного советника	1837	3	2 3/4	3	2 3/4	Замечен во лжи, живой	Способен к делу
24.	Василий Руднев	14	Сын флота мичмана	1836	2 3/4	2 1/2	3	2 3/4	Резвый шалун	Способности есть, прилежания мало
25.	Александр Сергеев	15	Сын титулярного советника	1832	3 1/2	3	3	3	Скромный	Трудолюбивый
26.	Александр Титов	15	Сын титулярного советника	1835	3	3	3	3	Много исправил от шалостей	Способен и начал заниматься
27.	Сергей Зыков	16	Сын капитана	1838	1	2	3 1/2	2	Шалун и ленив	Замечен в дурных наклонностях
28.	Дмитрий Муравьев	14	Сын губернского секретаря	1836	3	4	3	3 1/2	Тихий	Более прилежен, чем способен
29.	Спиридон Любатович	15	Из дворян, сын губернского регистратора	1836	3	3	4	3	Живой и бойкий	Больше способен, чем прилежен

30.	Владимир Сеженской	18	Сын поручика	1838	4	4	2	2	Живой	Назначается в учители каллиграфии
31.	Дмитрий Стоцкой	13	Сын коллежского секретаря	1838	4	2 3/4	4	2 3/4	Застенчивый	Благонадежен
32.	Евлампий Глаголев	13	Сын титулярного советника	1838	4	3	2 3/4	2 1/2	Довольно ровный	Во всем заметна посредственность
33.	Василий Борисов	16	Из дворян	1838	Все время болел сыпью					
34.	Николай Струков	13	Сын отставного поручика	1838	3	3	3	2 3/4	Живой и добродушный	Довольно способный
35.	Николай Гранкин	13	Сын коллежского советника	1838	3 1/2	3	2 3/4	3	Застенчивый	Немного заминается
36.	Александр Коровин	14	Сын титулярного советника	1838	2 1/2	2 1/2	3	3	Резов и груб	Способности изрядные
37.	Павел Сущевский Ракуза	13	Сын поручика	1838	3	2 1/2	3	2 3/4	Резвый	Способности есть
38.	Никанор Якимов	13	Сын титулярного советника	1838	3	3	3	3	Скромный	С хорошими надеждами
39.	Яков	14	Сын поручика	1838	4	4	4	4	Тихий	Очень

	Дембинский									благонадежный
40.	Петр Устимович	13	Сын чиновника 12 класса	1838	3	3	2 3/4	3	Кроткий	Способности обыкновенные
41.	Валерий Даль	11	Сын чиновника 9 класса	1838	2 3/4	3	3 3/4	2 3/4	Резвый	Способности благонадежны
42.	Петр Матвеев	16	Сын титулярного советника	1838	3	3 1/2	4	3 3/4	Веселый	Прилежен и весьма способен
43.	Князь Иван Кугушев	15	Сын коллежского секретаря	1838	4	4	4	3 3/4	Тихий	Весьма благонадежный
44.	Платон Неёлов	14	Сын майора	1838	4	2 3/4	2 3/4	2 1/2	Тихий	Больше прилежания, чем способностей
45.	Александр Устинов	11	Сын чиновника 9 класса	1838	2	2 1/2	2 3/4	2 1/4	Резвый	Ленивый
46.	Дмитрий Григорьев	13	Сын титулярного советника	1838	3	4	2	2 1/2	Кроткий	Очень прилежен, но покуда мало успеха
47.	Константин Дюбюк	14	Сын коллежского секретаря	1838	4	Болен			Кроткий	О способностях нельзя сказать ничего

48.	Василий Серебреницкий	12	Сын титулярного советника	1838	4	3	3	2 1/2	Тихий	Мало знает в иных предметах
49.	Павел Залетов	16	Сын титулярного советника	1838	2 3/4	3	4	3 1/2	Резвый	Хорошие надежды
50.	Сергей Подчиненнов	16	Сын аудитора	1838	4	3	3	3	Тихий	Прилежный
51.	Илья Шергин	15	Сын титулярного советника	1838	2	3	2 3/4	2 3/4	Шалун	Дурные наклонности
52.	Алексей Кочев	О летах и происхождении сих воспитанников по недоставлению документов из Иркутского канцелярского училища		1838	3	3	3	3	Тихий	Довольно благонадежен
53.	Дмитрий Худяков			1838	3	3	3	2 3/4	Скромный	Старательный
54.	Антон Веригин			1838	3	3	2 3/4	2 3/4	Тихий	Примерен
55.	Василий Папков			1838	3	4	4	4	Скромен	Очень благонадежен
1-ое отделение IV класса										
1.	Николай Архангельский	15	Сын титулярного советника	1837	4	4	3	4	Тихий	Благонадежен, хотя способности недальние
2.	Михаил Ключарев	15	Сын титулярного	1835	3	3	3	3	Добродушный	Благонадежный

			советника							
3.	Николай Крылов	13	Сын титулярного советника	1837	3	3	3 1/2	3	Скромный	С прекрасными надеждами
4.	Илья Дмитриев	13	Сын землемера, титулярного советника	1837	4	4	4	3 3/4	Тихий	Точный, верный исполнительный
5.	Степан Бельский	12	Сын губернского секретаря	1837	4	3	4	3 1/4	Веселый и живой	Способен и старателен
6.	Александр Лопухин	16	Сын подпоручика	1837	3	3 1/2	4	3 1/4	Тихий	Внимательный
7.	Семен Иванов	14	Сын коллежского регистратора	1833	2 3/4	3	4	3 1/2	Резвый	Способен заниматься
8.	Александр Жигачев	16	Сын титулярного советника	1834	2 3/4	3	4	3 1/2	Живой	Иногда весьма прилежен
9.	Сергей Шишкин	16	Сын титулярного советника	1836	3	3	3	3 1/4	Тихий	Трудолюбив
10.	Владимир Храпов	15	Сын капитана	1835	2	2	2 3/4	2 1/2	Шалун и скрытен	Во всем посредственен
11.	Александр Батраков	17	Сын титулярного советника	1835	4	4	4	4	Скромный	Исполнительный, особые способности к искусствам

12.	Сергей Максимов	16	Сын поручика	1832	3	3	4	3 1/4	Живой, мало исправлен	Способен, может заниматься с успехом
13.	Никита Спиридонов	16	Сын прапорщика	1835	3	3	3	3 1/4	Скрытный	Довольно благонадежен
14.	Алексей Краснопольский	13	Сын титулярного советника	1838	2	2 1/2	3	2	Жесткий, ленивый	Порядочные способности
15.	Александр Федоров	14	Сын титулярного советника	1838	3	2 3/4	3	2 3/4	Избалованный, шалун, становиться тише	Способности есть
16.	Дмитрий Лебедев	16	Сын коллежского секретаря	1832	3 1/2	3	3	3 1/4	Живой	Весьма способен и довольно старателен
17.	Петр Алексеев	15	Сын коллежского секретаря	1832	3	Болен			Скромный	Успехов мало из-за продлившейся болезни
18.	Андрей Соколов	15	Сын губернского секретаря	1835	3 1/2	4	4	3 1/2	Веселый, живой	Прекрасные надежды

19.	Николай Соколовский	13	Сын губернского секретаря	1837	3 1/2	3 1/2	4	4 3/4	Тихий	Способен и трудолюбив
20.	Александр Богородский	13	Сын титулярного советника	1837	2 3/4	3	3	3	Резвый	Способности есть, но не всегда исправен
21.	Владимир Перминов	14	Сын лекаря 14 класса	1837	3 1/2	3	3	3	Тихий	Довольно способен
22.	Назарий Гончаревский	17	Сын коллежского регистратора	1830	3 1/2	3	3	3	Веселый	Способен и довольно старателен
23.	Николай Жуков	17	Сын титулярного советника	1829	3	3	4	3 1/4	Ветреный	Очень способен и довольно исправен
24.	Петр Бульвинский	16	Сын чиновника 9 класса	1831	3 1/2	4	4	3 3/4	Веселый	Из самых благонадежней ших
25.	Дмитрий Зайцев	14	Сын титулярного советника	1837	3	3	3	3 1/4	Тихий	Довольно хороших способностей
26.	Лев Милютин	13	Сын чиновника 9 класса	1837	2 1/2	2 3/4	4	3	Резвый	Способности есть
27.	Николай Сациперов	15	Сын капитана	1835	3	3	4	3	Живой и веселый	Непостоянен в трудах,

										способности к искусствам
28.	Александр Юдин	13	Сын титулярного советника	1837	3	2 3/4	4	2 1/2	Резвый	Иногда ленится
29.	Павел Галнеман	17	Сын титулярного советника	1837	3	3	3 1/4	3	Бойкий, требует особого надзора	Довольно способен
30.	Владимир Мишель	13	Сын титулярного советника	1837	3	2 3/4	4	2 3/4	Справедливый	Способности есть, но еще не желает учиться
31.	Александр Шахов	14	Сын чиновника 10 класса	1837	3	3	3	3	Веселый	Довольно исправен
32.	Александр Никонов	17	Сын титулярного советника	1837	2	2 1/2	3	2 3/4	Ветреный шалун	Не без способностей, но ленив
33.	Николай Мишетичь	14	Сын штабс-капитана	1837	2 3/4	2 1/2	3	2 3/4	Живой и хитрый	Посредственные надежды
34.	Василий Бабков	16	Сын чиновника 14 класса	1837	3	3	2 3/4	2 3/4	Смирный	Немного заикается, посредствен
35.	Александр Зарубин	12	Сын штабс-капитана	1837	2 3/4	2 3/4	3	3	Резвый	Способен, но мало прилежен
36.	Александр Чудаковский	13	Сын коллежского	1838	3	2 3/4	2 1/2	2 1/2	Скромный	Кажется посредствен

			асессора							
37.	Иван Зарубин	13	Сын штабс-капитана	1838	2 3/4	2 1/2	3	2 3/4	Резвый, шалун	Способности есть, лениво учится
38.	Василий Титов	11	Сын губернского секретаря	1838	2	2	3	1 3/4	Шалун	Не без способностей, но ленив
39.	Иван Дмитриев	14	Сын надворного советника	1838	3	2 1/2	3	2 3/4	Смирный	Кажется во всем посредствен
40.	Григорий Наумов	15	Сын подпоручика	1838	2	2	2 1/2	2 1/2	Шалун	Посредствен во всем
2-ое отделение IV класса										
1.	Павел Калягин	14	Сын титулярного советника	1837	3	3	3	3	Живой	Довольно способен и исправен
2.	Алексей Рудин	15	Сын титулярного советника	1832	2 1/2	2 3/4	4	3	Шалун	Способности очень хорошие
3.	Николай Уткин	15	Сын коллежского секретаря	1834	3	3	3	3	Смирный	Довольно способен и точен, часто болен
4.	Николай Редриков	13	Сын прапорщика	1837	3	2 3/4	3 1/2	2 3/4	Веселый и резвый	Не всегда примерен

5.	Сергей Курнаков	14	Сын титулярного советника	1837	3 1/2	4	3 1/2	3 1/2	Живой	Исправный, очень успел
6.	Алексей Кванчехазев	13	Сын титулярного советника	1837	3	2 1/2	3 1/2	2 1/2	Живой	Больше способен, чем прилежен
7.	Петр Пятунин	14	Сын штабс-капитана	1837	3 3/4	4	4	3 3/4	Скромный	Способен и трудолюбив
8.	Нил Пичугин	13	Сын титулярного советника	1837	2 3/4	2	2 1/2	2 1/4	Упрямый шалун	Покуда не видно хороших способностей
9.	Александр Бражников	14	Сын титулярного советника	1837	2 3/4	2	3	2	Веселый, резвый	Мало занимается еще